ДРАМАТИЧЕСКІЙ

АЛЬБОМЪ

СЪ ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ АРТИСТОВЪ

и

СНИМКАМИ СЪ РУКОПИСЕЙ.

ИЗДАНІЕ

П. Н. Арапова и Августа Роппольта.

Die Schaubühne ist der gemeinschaftliche Canal, in welchem von dem denkenden, bessern Theile des Volks das Licht der Weisheit herunter stromt, und von da aus in mildern Strahlen durch den ganzen Staat sich verbreitet.

Schiller.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи и В. Готье.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 12-го Декабря 1850 года.

Цензоръ И. Снегиревъ.

Ѳедоръ Григорьевичь
Волковъ.

ОЧЕРКЪ

ПОСТЕПЕННАГО ХОДА И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ РУССКАГО ТЕАТРА.

Волшебный край! тамъ, въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Бисталъ фонъ-Визинъ, другъ свободы
И нерешимый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ.
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣчалася славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ
Младые дни мои неслись!

Пушкинъ.

Исторію нашего театра можно раздѣлить на три періода:

1. Отъ начала зрѣлищъ до времени Сумарокова.

2. Отъ Сумарокова, до содержателя театра въ Москвѣ, Медокса, включительно.

3. Отъ поступленія Московскаго театра (1806 года) въ вѣдѣніе Императорской Театральной Дирекціи, до настоящаго 1850 года.

Трудно опредѣлить съ точностію происхожденіе зрѣлищъ на Руси: отъ языческихъ ли обрядовъ, игрищъ, тризнъ, и т. д., воспріяли онѣ свое начало, или же, какъ думаетъ Елагинъ, сценическія у насъ представленія существовали со временъ Великаго Князя Владиміра. — Скажемъ съ большею достовѣрностію *, что начала ихъ надобно искать въ мистеріяхъ западныхъ, кои, какъ увидимъ далѣе, уже позднѣе перешли въ Россію съ измѣненіями соотвѣтственно вкусу и духу народному. Пилигримы или паломники, на западѣ Европы, въ чужеземной одеждѣ, съ посохомъ страннпческимъ въ рукахъ (palmer), обвѣшенные крестами и образками, возбуждали

* Словарь свѣтск. писателей Митрополита Евгенія, изд. дополненное Сопгиревымъ, 1838 г.

любопытство въ народѣ, который, слѣдуя за ними, внималъ имъ съ чувствами удивленія и нѣкоего подобострастія, когда на городскихъ площадяхъ, или на кладбищахъ, или въ притворахъ храма, они разсказывали ими видѣнное. Къ одному пилигриму присоединялся другой и третій — случалось, что они раздѣляли между собою разсказъ: тотъ декламировалъ, этотъ пѣлъ, такъ что изъ сего выходилъ родъ представленія, которое впослѣдствіи превратилось въ торжественное дѣйствіе и повторялось въ извѣстныя времена.

Уже въ 1457 году, Русскіе духовные съ удивленіемъ смотрѣли во Флоренціи, невиданное ими дотолѣ сценическое представленіе: Благовѣщеніе Богородицы *.

Мало по малу вкусъ къ такимъ представленіямъ распространился по Европѣ, гдѣ сценическія дѣйствія, мистеріи, священнаго содержанія драмы, положили начало театру. На югѣ и западѣ Россіи подобныя зрѣлища появились между простымъ народомъ подъ названіемъ *Польскихъ жартъ* (т. е. шутки).

Начально въ Малороссіи и Литвѣ, а потомъ и въ другихъ странахъ Россійскаго Государства, на Святкахъ и на Масляницѣ простой народъ любилъ наряжаться, надѣвать разныя личины, слагать оживленные разговоры и принимать видъ лицедѣевъ и шутовъ. Въ Великомъ Новгородѣ, который перенялъ подобныя увеселенія отъ чужихъ земель, во время его союза съ Ганзою, такое переодѣванье издревле извѣстно было подъ именемъ *окруты*, а рядившихся называли *окрутниками* **.

Собственно мысль о драматическихъ зрѣлищахъ въ Россіи осуществилась около половины XVII вѣка. Въ Кіевѣ студенты Академіи распѣвали Польскіе канты, разыгрывали на площадяхъ прологи, ходили о Святкахъ по домамъ, съ такъ называемыми вертепами (ящики, кукольные театры), и потѣшали любопытныхъ разными розсказнями. Долго не рѣшались Великороссіяне заводить у себя подобныя зрѣлища, хотя смотрѣли ихъ охотно. Въ 1659 году Русскій Посолъ, въ первый разъ, увидѣвъ во Флоренціи театральное представленіе, описывалъ его слѣдующимъ образомъ: »объявились палаты и бывъ палата и въ мигъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; а аргамачки подъ каретами, какъ быть живы, ногами подрягиваютъ« ***.

---

* См. Древней Вивліоѳики Росс. ч. XVII и VI.

** Этотъ обычай сохраняется и донынѣ во время святокъ въ Новгородѣ: окрутники цѣлыми компаніями разъѣжаютъ по улицамъ и желающіе ихъ принимать выставляютъ свѣчи на окна.

*** Древн. Росс. Вивліоѳики часть IV стр. 350, 2-е изд.

Первыя подражанія Кіевскимъ представленіямъ начались въ Москвѣ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, какъ полагаютъ, въ домѣ его тестя, Боярина Ильи Даниловича Милославскаго *. Въ послѣдствіи этотъ домъ былъ обращенъ въ потѣшный дворецъ (нынѣ домъ Коменданта въ Кремлѣ).

Такія представленія для потѣхи Царя были повторяемы на Масляницѣ, въ Заговѣнье и на Святой недѣлѣ и въ домѣ любимца Царскаго, Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, который устроилъ и у себя театральныя зрѣлища (въ Армянскомъ переулкѣ, между Покровкой и Мясницкой улицами, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Столпахъ) **. Онъ испросилъ у Государя дозволеніе представить нѣсколько театральныхъ пьесъ, пріѣхавшему въ Россію иностранному обществу актеровъ; въ числѣ ихъ была славившаяся въ Копенгагенѣ актриса Анна Паульсонъ. Съ этихъ поръ сдѣлалось извѣстнымъ названіе — комедія.

По описанію Рейтенфельса, въ 1672 году дано представленіе изъ исторіи Ассура и Есфири на Царскомъ театрѣ, гдѣ сдѣлана была ложа для Царицы Натальи Кириловны съ дѣтьми.

Послѣ кончины Марьи Ильиничны Милославской, первой супруги Царя, дворскія потѣхи были перенесены на время въ подмосковное село *Преображенское*. Въ разрядныхъ книгахъ 1676 года значится: »была комедія въ *Преображенскомъ*, тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна Царица Царю голову отсѣкла (т. е. Юдифъ Царю Олоферну) и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Того-жъ года, другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли и на фіоляхъ и въ струменты и танцовали; въ третіе тамъ же тѣшили Великаго Государя, на заговѣнье Нѣмцы и люди Артемона Сергѣевича, на органахъ и на фіоляхъ и на струментахъ и всякими потѣхами разными«. Представлялись и Аллегорическіе балеты; въ одномъ изъ нихъ появился Орфей, пропѣлъ похвальную пѣснь Царю и протанцовалъ между двумя двигавшимися пирамидами.

---

* Исторіографъ Миллеръ называлъ Кремлевскій потѣшный дворецъ за первый придворный театръ, а Словарь Россійской Академіи — за оперный домъ, учрежденный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. По свидѣтельству Голикова и Туманскаго, здѣсь Царевна Софія Алексѣевна забавлялась драматическими представленіями (Русская старина, Мартынова, текстъ соч. Снегирева. 1849 г. тетрадь 7.)

** Нынѣ на этомъ мѣстѣ Институтъ восточныхъ языковъ Лазаревыхъ.

Первыя Славянорусскія драмы показались въ Москвѣ, при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, любившемъ особенно поэзію и музыку. Учитель Царя Ѳеодора Алексѣевича, Іеромонахъ Симеонъ Полотскій, написалъ двѣ драмы, одну о *Блудномъ сынѣ*, другую *О Царѣ Новуходоносорѣ, о тѣлѣ златѣ и трехъ отроцѣхъ въ пещи.* Они были представлены въ новомъ потѣшномъ дворцѣ; позднѣе ихъ играли * студенты въ Академіи Заиконоспасскаго монастыря.

Св. Димитрій Ростовской (Туптало) писалъ на Славянскомъ церковномъ языкѣ. Его духовныя драмы: *Успенская, Дмитріевская, Рожественская, Воскресенская, Эсфирь и Агасферъ, Грѣшникъ кающійся*, отрывокъ »въ остальныхъ сочиненіяхъ:« *Суда изреченіе отъ невѣрныхъ Іудеевъ на Іисуса Назарея искупителя міра* ** написаны силлабическими стихами съ риѳмами; онѣ были представлены въ Кіевѣ, а двѣ изъ нихъ игрались въ послѣдствіи и на придворныхъ театрахъ Императрицы Елисаветы. Нѣкоторыя изъ сихъ драмъ сохранились въ рукописяхъ въ Патріаршей библіотекѣ и частью въ Ростовѣ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ сочинилъ трагедо-комедію на Русскомъ языкѣ: *Владиміръ всѣхъ Славено-Россійскихъ странъ Князь и повелитель;* — она была играна студентами Кіевской Академіи. Георгій Конисскій оставилъ нѣсколько духовныхъ драмъ въ рукописи ***. Ѳеофилъ, Архимандритъ Батуринскаго монастыря, написалъ нѣсколько комедій стихами ****. Въ вѣкъ Петра I драматическое искусство такъ цѣнилось, что даже въ Духовномъ Регламентѣ 1722 г., предписано Семинаріямъ: »заставлять въ »свободное время учениковъ разыгрывать нравственныя комедіи«, и по этому поводу сочинены были Заиконоспасскими учителями многія духовныя драмы, также и въ Новгородской Семинаріи и въ Ростовскомъ Архіерейскомъ домѣ и въ Троицко-Сергіевской Семинаріи. Онѣ приготовлялись на всякіе торжественные случаи. —

---

* Напечатаны въ VIII части Древ. Россійск. Вивліоѳики, изд. 2-е. Москва. 1789 года. Обряды пещнаго дѣйствія или представленіе трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила въ Вавилонской пещи. Этотъ обрядъ совершался въ Московскомъ Успенскомъ и Новгородскомъ Софійскомъ соборахъ. Уставъ сего дѣйствія сочиненъ въ началѣ XVII вѣка при Московскомъ Патріархѣ Филаретѣ. Въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ донынѣ сохраняется деревянная Халдейская пещь. Слов. Русск. свѣт. писат. Снегирева.

** Св. Димитрій Митрополитъ Ростовскій, стр. 106. Москва, 1849 года. Въ типогр. В. Готье.

*** Словарь Истор. о писателяхъ духовнаго чина Грекоросс. Церкви. С. П. Б. 1818 года.

**** См. ст. М. Н. Загоскина, о Русскомъ театрѣ, въ Труд. Общ. любит. россійск. словесн. част. 2 Моск. 1822.

Царевна Софія Алексѣевна любила театръ; она устроила у себя сцену во дворцѣ. Н. М. Карамзинъ, въ Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ, объясняетъ, что она сочинила одну драму и сама въ представленіи оной участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами. У нея же въ 1690 году, когда завелись представленія въ теремахъ — была играна первая появившаяся въ то время свѣтская піеса: *Врачъ противу воли* (Мольера), переведенная съ Французскаго; играли также пословицу въ лицахъ: *Шемякинъ судъ.*

Петръ Великій, признавая театръ въ нравственномъ отношеніи необходимымъ *, указомъ 1701 года, повелѣлъ послать въ Данцигъ Венгерскаго комедіянта, Іоганна Сплавскаго, бывшаго тогда въ Москвѣ, для вызова иностранныхъ актеровъ, — и въ слѣдующемъ году пріѣхала Нѣмецкая труппа, которая состояла изъ 9 человѣкъ, подъ управленіемъ Іоганна Куншта; ему были отданы въ обученіе 12 человѣкъ изъ дѣтей подъячихъ, купцовъ и мѣщанъ, и Русскія представленія давались въ то время приказно-служителями.

Куншъ обучалъ актерскому искусству и Корабельнаго училища Сухаревскихъ учениковъ (дворянъ и дѣтей чиновниковъ), которые представляли свѣтскія комедіи на Сухаревой башнѣ; не рѣдко бывалъ тамъ и самъ Царь зрителемъ дѣтскихъ опытовъ театральнаго искусства **.

Между тѣмъ повелѣно было построить въ Китаѣ городѣ, на Красной площади *комедіальную* деревянную *храмину*, длиною въ 20, шириною въ 12, вышиною въ 6 саженъ; а во время постройки этой храмины, представленія продолжались въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Лефорта (въ послѣдствіи Лефортовской Дворецъ, гдѣ нынѣ помѣщается 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ). Когда были представленія въ комедіальной храминѣ, на Красной площади, то въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ не запирали воротъ до 9-го часа вечера, и было обнародовано, что »съ про»ѣзжихъ всякаго чина и людей, съ Русскихъ и иноземцевъ, проѣзжая »указная пошлина брата не будетъ, чтобы смотрящіе того дѣйствія, ѣз»дили въ комедію охотно.«

---

* Государь Петръ видимо поощрялъ искусство драматическое. Во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ часто бывалъ въ театрѣ и подарилъ шпагу знаменитому актеру Барону.

** Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, Митрополита Евгенія, и Русс. стар. Снегирева, 1849 г. тетрадь 7-я. Старожилы также увѣряютъ, что во время Екатерины II, дѣти Московскихъ подъячихъ играли разныя комедіи на Сухаревой башнѣ въ рапирной залѣ.

Потомъ построили Нѣмцы у Красныхъ воротъ *деревянную комедію*; остатки ея послѣ пожара, по указу 1755 года, сломаны *. Театральныя зрѣлища давались обыкновенно два раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ. Директоръ и главный актеръ Куншть тоже сочинялъ пьесы для представленія. Ему однажды было приказано, послѣ побѣдъ Русскихъ надъ Шведами, сочинить комедію, въ которой бы, подъ чужими именами, выведены были побѣжденные Шведскіе Генералы. Эта пьеса была играна во время торжественнаго вшествія Петра въ Москву съ войсками.

Въ то время театръ посѣщало одно высшее сословіе; входъ былъ безденежный; мѣста занимали по чинамъ; женскія роли исполняли мужчины.

Впослѣдствіи Куншта замѣнилъ комедіантъ Отто Фирштъ съ своею труппою, которая представляла Нѣмецкія комедіи и оперы.

До 1709 года, въ Москвѣ представляли только тринадцать свѣтскихъ, большею частію переводныхъ пьесъ съ Нѣмецкаго, ибо послѣ Полтавской побѣды, Царь жилъ болѣе въ Петербургѣ. Нѣкоторыя изъ сихъ пьесъ написаны языкомъ, составленнымъ изъ разныхъ нарѣчій, и преисполнены оборотовъ Нѣмецкихъ, Польскихъ, Славянскихъ и простонародно-Русскихъ. Вотъ описаніе комедіямъ, какія хранились тогда въ Посольскомъ Приказѣ. 1. *О Франциллѣ, Королѣ Эпирскомъ и о Мирандонѣ, сынѣ его и о прочихъ.* 2. *О честномъ измѣнникѣ*, въ ней же первая персона *Арцухъ (Герцогъ) Фридерикъ фонъ Поплей.* 3. *Донъ Педро, почитанной шляхта, и Амариллисъ, дочь его.* 4. *Прельщенный любящій.* 5. *Тюремный заключникъ или Принцъ Пикель-Гярингъ* **. 6. *О крѣпости Грубстона*, въ ней же первая персона Александръ, Царь Македонскій. 7. *Сципій Африканскій, погубленіе Королевы Софонизбы.* 8. *О Графинѣ Тріерской Геновевѣ.* 9. *Два завоеванные города*, въ ней же первая персона Юлій Цесарь. 10. *Постоянный Папиньянусъ.* 11. *Порода Геркулесова*, въ ней же первая персона Юпитеръ. 12. *О Баязетѣ и Тамерланѣ.* 13. *Докторъ принужденный.*

Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ сихъ драмъ заключались въ 8 и даже 12 дѣйствіяхъ и представляемы были въ продолженіи трехъ вечеровъ кряду — и всякой разъ въ антрактахъ не только комическихъ, а даже и трагическихъ піесъ, выбѣгали на сцену шуты съ дурами и забавляли зрителей

---

* Полное Собраніе Законовъ VII учр. 10, 167.

** (Pikelhäring) значитъ по Голландски арлекинъ.

пляскою, подъ звуки рожка, съ припѣвами и площадными остротами, которыя иногда оканчивались дракою между актерами, къ большому удовольствію тогдашней публики.

Къ тому же времени должно отнести, дошедшее до насъ въ печатномъ экземплярѣ * драматическое представленіе, подъ слѣдующимъ названіемъ:

Божіе

Уничижителей гордыхъ, въ гордомъ Израиля
уничижителѣ, чрезъ смиренна Давида,
о уничиженномъ Голіаѳѣ.

Уничиженіе

вкупѣ же и

Праведное Его

въ отцеругателѣ Авесаломѣ.
Образъ всѣхъ ковниковъ и измѣнниковъ,
Отцу своему, Благочестивѣйшему Монархѣ
Россійскому противниковъ,
судьбами его Божіими.

Наказаніе

При триумфальномъ торжественномъ шествіи
Въ царствующій великій градъ Москву.
Преславнаго торжественника и побѣдителя,
свѣйскія прекрѣпкія силы разорителя,
Богопротивныхъ измѣнниковъ потребителя,
Россійскія своея державы
обновителя, разширителя
и защитника.

---

* Эта драма напечатана на Славянскомъ церковномъ языкѣ и весьма рѣдкій экземпляръ оной находится въ библіотекѣ Ѳ. В. Булгарина въ имѣніи его Карловѣ, возлѣ Дерпта. Карловская Библіотека весьма богата рѣдкими книгами на разныхъ языкахъ.

Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго,
Августѣйшаго, Великаго Государя нашего
Царя, и Великаго Князя,
Перваго тѣмъ именемъ и побѣдою

Петра Алексіевича

Всея великія и малыя и бѣлыя Россіи
Самодержца.

Дѣйствіемъ

Его же Государевой Академіи, Ученіемъ Греческимъ,
Славенскимъ и Латинскимъ благолѣпнѣ
процвѣтающія.

Изображенное

Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ.
Лѣта отъ воплощенія Господня 1710,
мѣсяца Февраля въ-день.

Это представленіе состоитъ изъ двухъ частей: *преди-дѣйствій*, *пролога и эпилога*. Въ немъ появляются между прочими лицами и »левъ храбрый »и слава на орлѣ съ трубою и лютая гидра и дѣвы съ тимпанами и »гусли срѣтаютъ Давида, поютъ торжественныя пѣсни и танцуется офи»церскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства — *интер»медіумъ.*« —

По перенесеніи Столицы въ Петербургъ, перемѣщенъ былъ туда и театръ. Пріѣзжій Нѣмецъ Маннъ, съ походными комедіантами, прежде чѣмъ началъ показывать свои фарсы, испросилъ у Государя позволеніе обмануть зрителей объявленіемъ, публиковалъ, что *на Мойкѣ въ такомъ-то домѣ, въ виду всѣхъ, онъ влѣзетъ въ столовую бутылку.* Народъ собрался, поднялась занавѣсъ — и увидѣли на столѣ пустую бутылку съ надписью: *1-е Апрѣля* *. »Это вольность комедіантовъ«, сказалъ Петръ I, бывшій въ числѣ зрителей.

---

* Это подало мысль Хемницеру написать басню *Хитрецъ*.

Ни Екатерина I, ни Петръ II, не обращали вниманія на театральныя зрѣлища; при послѣднемъ однако же было нѣсколько представленій въ деревянномъ театрѣ, устроенномъ у Мытнаго двора, по соизволенію Царицы Натальи Алексѣевны. Первая пьеса, игранная на немъ, была трагедія — въ нѣсколькихъ сценахъ, заимствованныхъ изъ мятежей, потушенныхъ Правительствомъ; актеровъ было 10, а музыкантовъ 16 человѣкъ, и всѣ они были Русскіе.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны Іоанновны въ 1730 году, увеличился вкусъ къ зрѣлищамъ въ Россіи; къ Ея коронованію Польскій Король Фридрихъ Августъ прислалъ въ С.-Петербургъ изъ Дрездена лучшихъ актеровъ, которые играли при Дворѣ Итальянскіе интермедіи *. Въ 1735 году солдатскіе дѣти Артиллерійской школы завели свой театръ; они представляли на немъ о святкахъ разные фарсы. Въ томъ же году выписана была полная Итальянская опера, которая давала представленія подъ дирекціею капельмейстера Араія. Театры были устроены въ Лѣтнемъ саду и въ Зимнемъ дворцѣ, во флигелѣ; мѣста раздавались безденежно по чинамъ. Русскія же духовныя и свѣтскія пьесы разыгрывались при Дворѣ знатными дамами и кавалерами (подъ названіемъ интермедій). Сочинена была сказка *Яга-Баба* въ лицахъ, въ которой главную роль игралъ Оберъ-Гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, и представляли *Феникcово ясное перышко.*

Въ 1736 году, по указу Императрицы, игралась переведенная съ Итальянскаго языка драма съ музыкою, въ 5-хъ дѣйствіяхъ: *Сила любви и ненависти*; но она не удалась, потому что еще не пришло время Русской Драмы.

Въ 1737 году была поставлена на придворномъ театрѣ первая лирическая драма *Abiasare*; вскорѣ послѣ этого, капельмейстеръ Араія поставилъ и вторую: *Semiramide ol finto Nino.*

Императрица не столько обращала вниманіе на Итальянскую оперу, сколько на театръ національный, на забавныя сцены и фарсы. — Балеты, маскарады и музыка назывались потѣхами. При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ была даже въ Петербургѣ потѣшная зала для шутовскихъ маскарадовъ **.

---

* Словарь древней и новой поэзіи, III, 273.

** Русск. старина, Мартынова, текстъ Снегирева, годъ 1849, тетрадь 7-я.

Съ 1738 до 1740 года играла въ С.-Петербургѣ труппа Нѣмецкихъ актеровъ, выписанная изъ Лейпцига, а въ 1740 году прибыла туда Французская труппа изъ Касселя, подъ дирекціею Серинъи, который, за 25 т. руб. въ годъ, обязался еженедѣльно представлять комедіи и трагедіи.

Первымъ уставщикомъ балетовъ въ Россіи былъ танцмейстеръ Ланде, обучавшій танцованію въ Кадетскомъ Корпусѣ, и первые балеты были даваемы тамъ Кадетами.

Ланде принятъ въ службу въ 1738 году и обязался составить балетъ изъ Русскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ, для чего было избрано 24 человѣка обоего пола, изъ бѣдныхъ сиротъ; ихъ называли въ то время по именамъ; танцовщицы: Аксинья Сергѣева и Авдотья Тимофѣева; изъ Русскихъ славился Тимошка (Бубликовъ); первые танцовщики были: Жозефъ и Томасъ, потомъ Тесси и Джузеппи, а танцовщицы: жена балетмейстера Фоссано, Джулія и Антонина Константини; музыканты въ оркестрѣ: на скрипкѣ Монтонисъ и на віолончели Далоліо.

Настало время царствованія Елисаветы. Дворъ ея блисталъ великолѣпіемъ; Императрица сама занималась учрежденіемъ празднествъ и зрѣлищъ съ пѣніемъ, которое она особенно любила; въ Ея коронацію была представлена въ Москвѣ, на новомъ театрѣ подлѣ Лузы, большая Метастазіева опера: *Титово милосердіе* (La clemenza di Tito) съ прологомъ: La Russia afflitta e riconsolata (Россія опечаленная и вновь утѣшенная) *. Послѣ этой оперы давали балетъ: *Радость народа о явленіи Астреи на Россійскомъ горизонтѣ и о возстановленіи златаго вѣка.*

Капельмейстеръ Араія привезъ изъ Италіи кастрата Салетти, живописца Валеріана, машиниста Жибелли и гобоиста Статси. Русскія представленія въ это время давались также съ роскошью при Дворѣ; Директоръ комическихъ оперъ, Локателли, поставилъ имъ сочиненное драматическое дѣйствіе: *Убѣжище боговъ*, въ 2-хъ частяхъ. Былъ данъ еще балетъ: *Золотое яблоко на пиръ боговъ, или судъ Париса*, и первыя актрисы въ операхъ отличались: Жоржъ, Массани и Горани. Актеры: Солетти, Жоржъ, Комиосси и Марко Партурацкій — Малороссіянинъ **.

На другой день празднованія восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, Итальянская труппа представила новую оперу:

---

* Штелина, краткое извѣст. о театрахъ въ Россіи, въ С.-Петербург. Вѣстникѣ 1779 г. Августъ.

** Отечеств. Зап. Свиньина, 1822 г. N. 32, гдѣ помѣщены отмѣтки Пав. Ив. Сумарокова, племянника Александра Петровича, заимствованныя изъ рукописи послѣдняго.

Беллерофонтъ, соч. Бонеки *. Въ главной роли баснословнаго героя, авторъ желалъ изобразить свойство Государыни; опера привела всѣхъ въ восхищеніе **.

Въ театры въ Петербургѣ обращены были и манежи, одинъ Герцога Курляндскаго, а другой деревянный у Казанской церкви. — Былъ также деревянный театръ у лѣтняго дворца огромный, и въ Петергофѣ придворный. Иностранные театры тогда, можно сказать, процвѣтали въ Россіи: Итальянская опера подъ управленіемъ капельмейстера Арайя, Нѣмецкая труппа подъ руководствомъ извѣстныхъ актеровъ Гильфердинга и Школарія, Французская труппа подъ дирекціей Серины.

По случаю брачнаго торжества ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Петра Ѳеодоровича и Государыни Екатерины Алексѣевны, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, была сочинена Докторомъ Бонеки на Итальянскомъ языкѣ опера *Сципіонъ*, и съ большимъ великолѣпіемъ играна на новомъ придворномъ театрѣ въ 1745 году, музыка соч. Арайя; балеты для нее сочинялъ Фоссано; украшенія и машины устроивали Валеріани и Бона. Въ програмѣ этой оперы, переведенной на Русскій языкъ, сказано, что она въ 3 дѣйствіяхъ, третьею частью короче той, которая была представлена въ предшествовавшемъ году; послѣ всякаго дѣйствія слѣдуетъ новый балетъ. Психею представляла жена балетмейстера Фоссано, Венеру дѣв. Аксинья Баскакова, купидона—Томасъ ле Брюнъ. Остальныя дѣйствующія лица были три Граціи, Гименей, Аполлонъ и Панъ. При празднованіи Новаго 1748 года, въ оперномъ домѣ давали Итальянцы комедію: *Новый свѣтъ*.

Объ отечественныхъ зрѣлищахъ помышляли мало и только изрѣдка повторялись нѣкоторыя Русскія пьесы, сложенныя безъ правилъ и безъ искусства. Замѣчательными изъ нихъ были все таки: *Яга-Баба* и *Польскія Жарты*.

Въ 1751 году, 25-го Апрѣля, поставлена была, въ день воспоминанія коронаціи, при Дворѣ, опера: *Евдокія вѣнчанная, или Ѳеодосій вторый*, соч. піиты Флорентинца Бонекія, переведенная Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ; сценическія украшенія, машины и проч. въ ней устроивалъ живо-

---

* С.-Петербургскія вѣдомости 1750 года.

** Опера, *Белерофонтъ*, напечатанная на Русскомъ языкѣ, СПБ. 1757 года, находится въ Румянцовскомъ музеѣ.

писецъ Валеріани; балеты балетмейстеръ Фоссано; потомъ была играна опера, тоже великолѣпной постановки, *Селевкъ*.

Давалъ въ это же время представленія въ Петербургѣ славный Аккерманъ съ своею труппою, въ Большой Морской, гдѣ для комическихъ пьесъ существовалъ Нѣмецкій комедіальный домъ *.

Но мало по малу языкъ Нѣмецкій сошелъ со сцены и мѣсто его заступилъ Французскій, котораго литература, въ то время уже обогащенная твореніями многихъ писателей, представила прекрасные образцы для подражанія. Геній Ломоносова, въ торжественныхъ одахъ и похвальныхъ рѣчахъ, славилъ царствованіе Елисаветы, и его же первыя трагедіи появились, написанныя правильными ямбическими шестистопными стихами на Русскомъ языкѣ; но по недостатку въ нихъ дѣйствія, на театрѣ онѣ не были играны; между тѣмъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ (нынѣ Первый Кадетскій Корпусъ) созрѣвалъ уже творецъ Русской Мельпомены: кадетъ Александръ Петровичъ Сумароковъ, любившій страстно иностранную литературу, восхищенный Расиномъ, Волтеромъ, Корнелемъ, обнаружилъ въ раннихъ лѣтахъ умъ, остроту и пылкое воображеніе. Въ 1740 году Сумароковъ былъ выпущенъ въ Офицеры того Корпуса и сдѣлался любимцемъ товарищей.

Здѣсь начинается новый, болѣе, можно сказать, радостный періодъ Русскаго театра, перехожденія его отъ печальной посредственности къ нѣкоторому усовершенствованію. Въ 1748 году Сумароковъ сочинилъ первую трагедію правильными александрійскими стихами — *Хоревъ*. Сначала она была напечатана, переходила въ чтеніи изъ рукъ въ руки и въ 1750 году разыграна воспитанниками Кадетскаго Корпуса такъ хорошо, что самъ авторъ, приглашенный на представленіе, приведенъ былъ въ восхищеніе; о таковомъ необыкновенномъ успѣхѣ пьесы доложили Императрицѣ, и она велѣла кадетамъ представить *Хорева* во дворцѣ. 3-го Января, 1750 года происходило это торжество Сумарокова: изъ царской кладовой были выданы одежды и украшенія; Императрица сама наряжала *Оснелду*, которую представляла кадетъ Свистуновъ. Меллисино игралъ Кія, а Бекетовъ Хорева; самъ Сумароковъ, будучи еще кадетомъ, Графъ Бутурлинъ и Князь Мещерскій тоже отличались игрою на сценѣ.

Можно себѣ представить, какой восторгъ произвела первая Русская

---

* Словарь древней и новой поэзіи, III, 275.

трагедія, оживленная и складомъ и чувствомъ; авторъ былъ осыпанъ всеобщими похвалами, введенъ въ ложу Императрицы и удостоился Ея благоволенія.

Долго не было другаго разговора въ Петербургѣ, какъ о *Хоревѣ*, и даже затверживали наизусть монологи изъ этой трагедіи; ободренный такимъ успѣхомъ, Сумароковъ вслѣдъ за этимъ сочинилъ *Синава и Трувора*, игранаго въ томъ же году 29-го Іюля въ Петергофѣ *, и *Артистону*, появившуюся въ Октябрѣ мѣсяцѣ; 1751 года. сочинена была *Семира*; она увѣнчала новою славою автора; онъ перевелъ *Гамлета*, который былъ представленъ въ 1750 году, потомъ появились *Ярополкъ*, *Демиза* и *Дмитрій Самозванецъ* въ 1771 г. и т. д. Въ послѣдствіи этотъ дѣятель драматургіи, сочинилъ 12 комедій, и всѣ онѣ были играны. Первая лирическая опера на Русскомъ языкѣ была его же Сумарокова: *Цефалъ и Прокрисъ* (1755 года); для нее капельмейстеръ Араія сочинилъ музыку, ее исполняли Русскіе пѣвцы; опера имѣла блестящій успѣхъ; Императрица пожаловала за нее композитору 500 р. и соболью шубу. Въ этой оперѣ первыя роли занимали: пѣвица, дочь лютниста Елисавета Бѣлоградская и пѣвчіе Графа Разумовскаго; въ числѣ ихъ: Гаврила Марценковичъ (отличный пѣвецъ, коего знали подъ именемъ Гавриплушки); Николай Клутаревъ, Степанъ Рожевскій и Степанъ Евстафьевъ. Въ то время не было ни соперниковъ, ни соревнователей въ драматической словесности у Сумарокова, кромѣ трудолюбиваго ученика Роллена, Третьяковскаго, написавшаго въ 1750 году трагедію *Дейдамія*, *наипродолжительнѣйшую* изъ всѣхъ Русскихъ пьесъ; въ ней заключалось 2313 стиховъ двоестрочныхъ (гекзаметровъ); эта трагедія была одинъ разъ сыграна, но на сценѣ не имѣла никакого успѣха **.

Первоначальнымъ разсадникомъ двигателей драматическаго искуства въ Россіи можно почесть Сухопутный Кадетскій Корпусъ; кромѣ Сумарокова, который тамъ получилъ свое образованіе, изъ него вышли многіе

---

* Лагарпъ въ своемъ отзывѣ объ этой трагедіи замѣчаетъ между прочимъ, что она есть явленіе новое, не только на Россійскомъ театрѣ, но и въ общемъ мірѣ драматическомъ. Она дышетъ простотою древнихъ Греческихъ трагедій. . . . Пользуясь красотами иностранныхъ писателей, Русскій поэтъ показъ новыя пальмы. См. журналъ Mercure de France 1755. Основаніе Русскаго театра Г. Коробанова.

** Стихи ея обращены при Императрицѣ Екатеринѣ въ наказаніе. См. *Русская Талія* 1825 года.

драматическіе Русскіе писатели, пріобрѣтшіе славу и извѣстность въ послѣдствіи *.

Около этого времени, въ Заиконоспасской Академіи въ Москвѣ, гдѣ образовался рыбачій сынъ Ломоносовъ, учился купеческій сынъ Волковъ (Оедоръ Григорьевичь) **, пасынокъ богатаго Костромскаго купца, кожевеннаго фабриканта Полушкина, имѣвшій отъ природы свѣтлый умъ и дарованіе необыкновенное и опередившій въ наукахъ всѣхъ своихъ товарищей; онъ отличался своею игрою въ ихъ сценическихъ представленіяхъ, нѣкоторыхъ духовныхъ драмъ и Мольеровыхъ комедій, которыя Заиконоспасскіе студенты представляли на полуславянскомъ языкѣ. Сверхъ большихъ свѣдѣній въ изящныхъ наукахъ и словесности, Волковъ успѣлъ въ музыкѣ, въ хоральномъ пѣніи и живописи, особенно ландшафтной. Рѣзьба также была любимымъ его занятіемъ. До сихъ поръ остались въ Ярославлѣ въ приходской церкви Николы Надѣина, *рѣзныя царскія врата и на нихъ Тайная Вечеря* работы Волкова; тамъ же въ холодной церкви устроенъ иконостасъ по его рисунку и много сохранилось въ Ярославлѣ картинъ, рисованныхъ Волковымъ. Кромѣ рѣзьбы, онъ еще упражнялся и въ лѣпной работѣ. По окончаніи ученія, въ 1746 году, фабрикантъ Полушкинъ отправилъ своего пасынка съ кожевеннымъ товаромъ въ Петербургъ; хозяинъ, къ коему Волковъ былъ посланъ, чрезвычайно полюбилъ его и взялъ его съ собою однажды въ Придворный театръ. Здѣсь юношѣ Волкову первый разъ представилась Итальянская опера во всемъ ея блескѣ; онъ почувствовалъ въ себѣ неодолимую страсть къ зрѣлищамъ, а когда нашелъ средство пробраться за кулисы, въ Кадетскомъ театрѣ, и увидѣлъ кадета Бекетова въ ролѣ Синава, то *пришолъ въ такое восхищеніе*, что не зналъ, гдѣ онъ былъ, на землѣ или въ небесахъ ***? потомъ сошелся коротко въ знакомствѣ съ содержателями иностранныхъ театровъ, въ особенности Нѣмецкаго; ибо зналъ хорошо и любилъ по преимуществу этотъ языкъ; сталъ обучаться Итальянскому языку, вникнулъ въ устройство театра, снялъ и начертилъ себѣ размѣры сцены и декорацій. Такимъ образомъ, постигнувъ хорошо сценическій механизмъ, Волковъ возвратился въ Ярославль и принялся обучать драматическому искусству, музыкѣ и живописи своихъ меньшихъ братьевъ Гри-

---

* Херасковъ, Озеровъ, Крюковской, Ефимьевъ, Сер. Глинка, воспитывались въ Сухопутномъ Корпусѣ; Княжнинъ былъ тамъ учителемъ.

** Родился въ Костромѣ 9-го Февраля 1729 года.

*** Это онъ самъ разсказывалъ И. А. Дмитревскому (см. Энциклопедич. Лексиконъ т. XI).

горія и Гаврила, также и сосѣднихъ дѣтей: Василья и Михайла Поповыхъ, Чулкова, Ванюшу Нарыкина (Ивана Аѳанасьевича, впослѣдствіи Дмитревскаго) *, родственника его Соколова и еще нѣсколькихъ посадскихъ мальчиковъ, которые, по ограниченности дарованій, не сдѣлались извѣстными.

Волковъ любимъ былъ Полушкинымъ, какъ родной сынъ, и всѣмъ семействомъ; однажды онъ разсудилъ потѣшить своего отчима въ день его имянинъ. Въ большомъ кожевенномъ его сараѣ устроилъ театръ, сцену съ кулисами, прибралъ ее какъ слѣдуетъ, зажогъ плошки, досталъ двухъ немудрыхъ скрипачей и гусли, и съ юными своими товарищами представили драму *Эсѳирь* (вѣроятно переводъ той Нѣмецкой пьесы, о коей сказано въ разрядныхъ книгахъ 1766 года) и пастораль: *Еелондъ* и *Берѳа*. Въ первой Артаксеркса представлялъ Ѳед. Волковъ, Амана Вас. Поповъ, Мардохея Григорій Волковъ, Эсѳирь Ив. Нарыкинъ; онъ же игралъ роль Берѳы во второй пьесѣ а меньшой Поповъ — Еѳмона.

Музыка была аранжирована и принаровлена къ стихамъ самимъ Ѳ. Г. Волковымъ **; мать Волкова и старикъ Полушкинъ пришли въ восхищеніе отъ

---

* Сынъ Протоіерея Дьяконова, родился въ Ярославлѣ 1734 года, Февраля 28.

** См. Репертуаръ Русскаго театра, 1840 г. томъ I-й, Лѣтопись Кн. Шаховскаго.

Драматургъ нашъ Князь Шаховской сочинилъ въ послѣдствіи прекрасную комедію-водевиль, въ коей олицетворилъ творца Русскаго театра Волкова съ товарищами, разъигрывающаго означенныя пьесы въ кожевенномъ сараѣ, и вотъ одинъ изъ монологовъ, который говоритъ Волковъ предъ тѣмъ, какъ ему явиться на сцену. Нашего времени даровитый артистъ Мочаловъ передавалъ его съ большимъ одушевленіемъ:

Скажи мнѣ, сердце, отъ чего
Въ тебѣ столь сильное біеніе?
Отъ страха-ль только одного,
Иль болѣе отъ восхищенья?
Жизнь новую мнѣ дастъ успѣхъ,
Убьетъ партера судъ ужасный:
Ахъ! мнѣ извѣстно, какъ для всѣхъ
Смѣшонъ актеръ несчастный.

Нѣтъ жалости къ нему ни въ комъ,
Не легче-ль быть дурнымъ поэтомъ:
И не успѣвъ ни въ томъ, ни въ сёмъ,
Придется мнѣ проститься съ свѣтомъ.
За то какая-жъ слава ждетъ
Актера и творца большова:
Одинъ въ сей жизни лавры жнетъ,
Безсмертье — ждетъ другова!

*

Но полной благостью небесъ
Они не насладятся оба:
Актеръ, какъ умеръ, такъ изчезъ,
Поэтъ не оцѣненъ до гроба.
Ахъ! часто зависти змѣѣтъ
Грызетъ обоихъ клеветою,
Но все актеръ или поэтъ
Великъ самимъ собою!

этого, никогда не виданнаго, зрѣлища. Особливо отъ облаковъ, которыя ходили вверхъ и внизъ, какъ настоящія. Ярославскій Воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ (отецъ стихотворца В. И. Майкова) такъ были очарованы этимъ представленіемъ, что сами употребили значительныя суммы и уговорили Ярославскихъ дворянъ и купечество, для чести ихъ города, способствовать къ построенію и обзаведенію деревяннаго театра. Волковъ былъ основателемъ, архитекторомъ, декораторомъ, машинистомъ, капельмейстеромъ, авторомъ, переводчикомъ и директоромъ этого театра.

Небольшой Ярославскій театръ, праотецъ нынѣшнихъ колоссальныхъ Русскихъ театровъ, скоро выстроился на берегу Волги и торжественно открытъ представленіемъ оперы: *Титово милосердіе*, которую Волковъ перевелъ съ Итальянскаго. Оркестръ былъ собранъ изъ домашнихъ помѣщичьихъ музыкантовъ, а хоръ пѣтъ Архіерейскими пѣвчими.

Возбудивъ такимъ образомъ любовь къ драматическому искусству, Волковъ думалъ и о нѣкоторомъ обезпеченіи театра, и бралъ съ зрителей за мѣста: на переднихъ скамейкахъ по пятаку, на среднихъ по алтыну, а на заднихъ по одной копѣйкѣ.

Въ 1752 году донеслись слухи о Ярославскомъ театрѣ въ С.-Петербургъ; Императрица повелѣла немедленно привезти труппу на почтовыхъ ко Двору. Какъ это было зимою, то и снабдили всѣхъ актеровъ на счетъ казны теплою одеждою и въ числѣ 14 человѣкъ отправились они съ Сенатскимъ Экзекуторомъ Дашковымъ въ Петербургъ. Императрица пожелала видѣть ихъ на своей комнатной сценѣ, въ Царскомъ Селѣ; для перваго представленія былъ назначенъ *Хоревъ*. Въ присутствіи Государыни кроили и шили платья; Она прикалывала сама къ головному убору Оснельды бриліанты, и узнавъ, что трагическая героиня есть семинаристъ Нарыкинъ и найдя въ немъ большое сходство съ Польскимъ Графомъ Дмитревскимъ, кавалеромъ посольства, приказала ему носить эту фамилію; прочія дѣйствующія лица были Кій — Оедоръ Волковъ, Хоревъ — Поповъ, Астрада — Григорій Волковъ. Совокупность ихъ дѣйствія очень понравилась, трагедія была повторена и вслѣдъ за этимъ даны были: *Синавъ* и *Труворъ*, *Артистона* и *Гамлетъ*; игра *Синава* болѣе всего восхитила Императрицу: Она подозвала къ себѣ автора и подарила ему съ своей руки перстень. Волковъ былъ принятъ очень милостиво и оставленъ при Дворѣ со всею труппою. — Двухъ меньшихъ его братьевъ, Дмитревскаго,

Шумскаго и Регистратора Попова помѣстили въ Кадетскій Корпусъ, какъ говорила Императрица, »для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастики« *, что не препятствовало имъ продолжать представленія во Дворцѣ; прочихъ отпустили съ награжденіями въ Ярославль **.

По опредѣленіи товарищей въ Кадетскій Корпусъ, Волковъ самъ упражнялся въ чтеніи, рисованіи и музыкѣ. Съ нравственными достоинствами онъ соединялъ разныя счастливыя природныя способности.

Въ числѣ обучавшихся драматическому искусству въ Корпусѣ находился пѣвчій Дмитрій Степановичъ Бортнянскій, впослѣдствіи знаменитый композиторъ духовной музыки ***.

На восьмомъ году, за отличный голосъ дисканта, Бортнянскій былъ принятъ въ Придворный хоръ. Императрица Елисавета, любившая пѣніе, поручила его придворному Капельмейстеру Галуппи, а въ 1768 году Государыня Екатерина повелѣла отправить Бортнянскаго въ Венецію, гдѣ онъ совершилъ свое образованіе и написалъ нѣсколько оперъ, сонатъ и симфоній; его духовныя сочиненія для придворнаго хора передаютъ превосходно духъ молитвы, и самый придворный пѣвческій хоръ приведенъ Бортнянскимъ впослѣдствіи въ необычайную стройность и согласіе.

Къ избраннымъ актерамъ присовокуплено было тогда же восемь спадшихъ съ голосу придворныхъ пѣвчихъ и каждому изъ нихъ положено по 50 руб. жалованья, да по парѣ суконнаго платья. Корпусные Офицеры: Мелиссино, Остервальдъ, Свистуновъ преподавали имъ правила декламаціи.

Годъ спустя, были приняты въ первыя Русскія актрисы изъ танцовщицъ: Зорина и извѣстная Авдотья Михайлова, которая сначала поступила на Московскую сцену, двѣ сестры: Марья и Ольга Ананьины, Офицерскія дочери, и Мусина-Пушкина. Марья Ананьина вышла замужъ за Григорья Волкова, а Ольга за Шумскаго.

Въ 1754 году Государыня праздновала рожденіе Великаго Князя Павла Петровича. По этому случаю дано при Дворѣ Русскою труппою нѣсколько представленій, коими Императрица была очень довольна, но въ нихъ еще не участвовали женщины.

---

* Князь Шаховской слышалъ всѣ эти подробности отъ И. А. Дмитревскаго. Смот. Репертуаръ 1840 года, Томъ I. кн. 4.

** Это были: Регистраторъ Пковниковъ, купеческій сынъ Скачковъ, два брата Егоровы и Михайловъ. Отеч. Зак. 1822 г. XII ст. 304 и 306.

*** Словарь свѣтск. писат., изд. Снегирева.

Наконецъ, въ 1756 году былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ Россійскій театръ. Сначала для него былъ отведенъ домъ Графа Головкина, гдѣ нынѣ Академія Художествъ; въ немъ положено было основаніе театру, а потомъ онъ находился у лѣтняго деревяннаго дворца, что былъ домъ Бецкаго; Директоромъ его *пожалованъ* Сумароковъ; Волковъ былъ первымъ актеромъ, а прочихъ его товарищей расположили по ролямъ, по ихъ способностямъ; въ это время Волковъ обнаружилъ свое дарованіе во всемъ блескѣ; иностранцы непначе отзывались о немъ, какъ о великомъ актерѣ. Кромѣ трагедій и комедій Сумарокова, были играны комедіи Мольера, Детуша и Реньяра, переведенныя на Русскій языкъ.

Украинецъ актеръ Яковъ Шумскій имѣлъ большой талантъ, мастерски представлялъ роли слугъ (grande livrée) и разные комическіе характеры.

Дмитревскій и Василій Поповъ, оказавшіе въ Корпусѣ большіе успѣхи въ наукахъ, какъ молодые люди съ отличными дарованіями, по волѣ Императрицы были посланы въ чужіе края, для усовершенствованія въ драматическомъ искусствѣ. Дмитревскій учился у Гаррика и Лекеня, и сдѣлался въ послѣдствіи знаменитымъ артистомъ и прославилъ Русскую сцену.

Василій Михайловичъ Поповъ, сначала исполнялъ роли молодыхъ любовниковъ и рѣзвыхъ повѣсъ; онъ игралъ также съ успѣхомъ роли злодѣевъ: Стукелія въ *Беверлеѣ*, главную роль въ этой трагедіи занималъ Дмитревскій, а роль Г-жи Беверлей Т. М. Троепольская; эта трагедія дана была въ первый разъ на придворномъ театрѣ, 11 Маія 1772 года. Въ *Безбожникѣ* Поповъ представлялъ Генлея; потомъ онъ перешелъ на благородныхъ отцовъ, и замѣнилъ его Лапинъ, воспитанникъ Академіи. Гаврила Григорьевичъ Волковъ игралъ степенныхъ стариковъ.

Въ 1759 году (когда уже существовалъ Московскій Университетъ) Волковъ былъ отправленъ въ Москву, съ Шумскимъ, чтобъ и тамъ основать публичный театръ.—Съ неимовѣрнымъ успѣхомъ исполнилъ онъ въ короткое время это повелѣніе Императрицы: театръ въ Москвѣ существовалъ уже въ 1756 году, въ маломъ видѣ, вмѣстѣ съ оперою въ Локателлієвомъ домѣ, у Краснаго пруда * подъ вѣдѣніемъ Московскаго Университета. По ближайшему сродству наукъ изящныхъ съ искусствами, судьба хо-

---

* Гдѣ нынѣ устроена станція желѣзной дороги; предмѣстье это называется Полевой Калинчевской дворъ.

тѣла, чтобъ въ ихъ средоточіи, Университетѣ, присоединилось къ нимъ и драматическое искусство; учрежденною тамъ оперою распоряжался Локателли; въ ней давались, безденежно, Итальянскія интермедіи; къ зрѣлищу ихъ Университетъ приглашалъ все дворянство *. Театръ этотъ находился подъ управленіемъ Директора Университета, Михайла Матвѣевича Хераскова, сочинявшаго для него пьесы въ одно время съ Сумароковымъ. Въ числѣ актеровъ были тогда Университетскіе студенты: Яковъ Ивановичъ Булгаковъ и Денисъ Ивановичъ фонъ Визинъ, который началъ здѣсь свое поприще актеромъ и потомъ уже явился сочинителемъ. Для поощренія талантовъ Государыня повелѣла награждать шпагами тѣхъ, которые окажатся хорошими актерами **. Въ этой труппѣ тогда играли и Троепольскіе. Троепольскій поступилъ изъ Сенатскихъ Регистраторовъ; жена его (Татьяна Михайловна) отличалась особенно въ трагическихъ роляхъ; прекрасная собою, величественная, она обладала выразительнымъ и пріятнымъ голосомъ. Знатоки полагали, что она не уступала въ искусствѣ ни одной изъ первѣйшихъ актрисъ того вѣка. Развитіемъ таланта своего она была обязана Сумарокову ***. Авдотья Михайловна Михайлова играла въ комедіяхъ роли служанокъ. Замѣчательные тогда актеры были: Базилевичь, Пушкинъ, Егоръ Булатницкій, извѣстный переводомъ Итальянской грамматики, и нѣкоторые другіе Университетскіе Студенты и Гимназическіе ученики.

Въ 1757 году, на Московскомъ Университетскомъ театрѣ была представлена комедія: *Гордость* и *бѣдность*, переведенная изъ Гольбергова театра Кропотовымъ. Въ 1759 году были играны: *Обращенный миръ*, увеселительная драма съ великолѣпнымъ спектаклемъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Сердечный магнитъ*, тоже увеселительная драма въ 3-хъ же дѣйствіяхъ, переведенная съ Итальянскаго бѣлыми стихами Студентомъ Егоромъ Булатницкимъ; драма комическая съ музыкою *Графъ Карамелли*, переве-

---

* Это значилось въ объявленіяхъ при Московскихъ газетахъ 1760 года.

** Ученыя Записки Московскаго Университета, 1834 года. Ст. Исторія просвѣщенія, соч. Снегирева.

*** Николай Ивановичъ Хмельницкій очень удачно воспользовался извѣстностью этой актрисы; онъ сочинилъ прекрасный водевиль: *Актеры между собою, или первый дебютъ актрисы Троепольской*, гдѣ она выведена съ мужемъ и забавляется (мистифируетъ) надъ современниками актерами Поповымъ и Шумскимъ. Пьеса игравая и особенно можетъ имѣть успѣхъ на домашнихъ сценахъ. Е. Я. Сосницкая играла прелестно Троепольскую въ Петербургѣ, Н. В. Рѣпина очень была граціозна въ этой ролѣ на Московской сценѣ и хорошо ее нынѣ исполняетъ Бороздина 1-я.

денная съ Итальянскаго, учившимся въ Московскомъ Университетѣ Александромъ Карнимъ.

Въ 1760 году данъ былъ спектакль, состоявшій изъ трехъ комедій: *Третейный судъ*, *Криспинъ*, *Драгунъ и Потаріусъ и Новопріѣзжіе*, причемъ были и два балета. Въ томъ же году представляли комедію: *Скапиновы обманы*, переводъ Вас. Теплова и почиталась она »*наипріятнѣйшею и забавнѣйшею*« *.

Въ 1761 году, предъ отбытіемъ труппы актеровъ въ Петербургъ, была играна героическая комедія въ стихахъ соч. Хераскова — *Безбожникъ*.

Театръ въ Москвѣ существовалъ не болѣе 4-хъ лѣтъ въ настоящемъ видѣ и хотя, по отдаленности отъ города, недостаточному содержанію и другимъ неудобствамъ, онъ тогда и уничтожился; но уже положилъ основное начало для будущаго своего возрожденія.

По предложенію Волкова, Государыня повелѣла вызвать изъ Московскаго Университета актеровъ и помѣстить ихъ въ Штатъ Придворной Петербургской труппы.

Знаменитая актриса Троепольская, перейдя на Петербургскую сцену, кончила жизнь въ раннихъ лѣтахъ. Она играла въ послѣдній разъ роль Ольги въ трагедіи Сумарокова: *Мстиславъ*, 15-го Маія, 1774 года **. Авторъ въ стихахъ, приложенныхъ къ сей пьесѣ, которая была напечатана въ 1781 году, скорбитъ о потерѣ великой Актрисы и обращается къ Дмитревскому:

А ты, мой вѣрный другъ, игравши намъ Мстислава,
Кѣмъ днесь умножилась моя въ Россіи слава,
Старайся, чтобы нашъ театръ не палъ на вѣкъ;
А такъ какъ жалостный и добрый человѣкъ,
Восплачь, восплачь о той со мной и воспечались,
Которой роли всѣ на свѣтѣ окончались.

Мѣсто Троепольской заступила тоже игравшая на Московскомъ театрѣ, первая Актриса Елизавета Оедоровна Иванова, а для молодыхъ любовницъ была принята прелестная собою и славившаяся талантомъ Катерина Оедоровна Баранова, которая въ тоже время восхищала Рускою

---

* См. Драматическ. Словарь 1787 года.

** Это свѣдѣніе заимствовано изъ Драматич. словаря, изданнаго въ 1787 году; имъ опровергается отмѣтка, напечатанная въ запискахъ П. Сапѣжина, что Троепольская играла только 5 лѣтъ и умерла въ 1767 году.

Яковъ Шукшинъ.

пляскою съ извѣстнымъ тогда танцовщикомъ Башиловымъ. Эту пляску на сценѣ въ первый разъ ввелъ танцовщикъ Итальянецъ де-Росси.

Императрица оказывала особое благоволеніе Сумарокову, и покровительствовала вообще актерамъ, имѣвшимъ талантъ; имъ было предоставлено отличіе, принадлежавшее одному дворянству: носить шпагу. Чтобъ возвысить и распространить въ народѣ еще новое для него искусство, Волковъ, съ соизволенія Императрицы, возобновилъ одну изъ древнихъ пьесъ: *Кающійся грѣшникъ*, она была дана на Придворномъ театрѣ съ великолѣпіемъ, которое напоминало Аонскую сцену.

Въ числѣ пьесъ, игранныхъ въ то время, значатся: *Альцеста*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Сумарокова, музыка Раупаха. *Амфитріонъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, Мольера съ прологомъ; въ ней великолѣпно были устроены машины; комики: Шумскій — въ Петербургѣ и Базилевичь — въ Москвѣ, составили себѣ славу въ ролѣ Созія.

Къ этому же времени должны быть отнесены двѣ комедіи Публія Теренція: *Андріянка*, переведенная съ Латинскаго Александромъ Хвостовымъ безъ отступленія отъ подлинника, и *Елетонъ Тиморуменосъ*, (Heautontimorumenos) или *человѣкъ самъ себя наказывающій*, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ Фридриха Рихмана; онѣ были напечатаны въ 1775 году.

Въ 1759 году, когда отстроенъ былъ лѣтній дворецъ, у Полицейскаго моста (гдѣ въ послѣдствіи былъ музыкальный клубъ), Русскіе спектакли переведены были туда и Императрица почти всякой разъ приходила въ театральную залу, имѣвшую сообщеніе съ ея апартаментами; тогда появились на сценѣ переводныя пьесы: *Полієвктъ*, *Андромаха*, *Мѣщанинъ во дворянствѣ*, *Тартюфъ*, *Ученыя женщины*, *Игрокъ* и проч. (1757 и 1758 года).

Въ послѣднемъ, Дмитревскій и Шумской были превосходны *. Въ это же время, при празднованіи побѣды, одержанной Россійскимъ войскомъ при Франкфуртѣ, представляли прологъ соч. Сумарокова: *Новые лавры*, музыка Раупаха и Старцера; этотъ спектакль былъ украшенъ балетами

* Къ комедіи *Игрокъ*, напечатанной въ Петербургѣ, приложенъ портретъ Шумскаго въ костюмѣ Созія, сцена 4-го акта, гдѣ онъ читаетъ Сенеку. Съ этого рѣдкаго нынѣ эстампа, отлитографированъ со всею точностію его новый портретъ. Князь Шаховской сочинилъ очень игривый водевиль: *Актеръ на родинѣ*; въ немъ выведенъ придворный артистъ Шумскій, воротившійся въ Украйну, гдѣ посредствомъ своего чуднаго таланта онъ прекращаетъ многіе семейные раздоры; С.-Петербургскаго театра актеръ Рамазановъ прекрасно игралъ Шумскаго; въ Москвѣ его пре-

(1-го Августа 1759 г.) На вновь устроенномъ театрѣ въ Ораніенбаумѣ давали въ первый разъ переведенную оперу изъ Метастазія *Александръ въ Индіи*, съ великолѣпнымъ спектаклемъ. Оркестромъ дирижировалъ сочинитель партитуры этой оперы, Араія, и Императрица осталась представленіемъ довольна.

При возшествіи своемъ на престолъ, Императрица Екатерина II благоволила жаловать Волкова дворянскимъ достоинствомъ и отчиною (700 душъ); но онъ со слезами благодарности просилъ Императрицу удостоить этою наградою женатаго брата его Гавріила, а ему позволить остаться въ томъ званіи и состояніи, которому онъ обязанъ своею извѣстностью и самыми Монаршими милостями, и Государыня, которая понимала высокое предназначеніе и чувства людей, посвятившихъ себя изящнымъ искусствамъ, уважила просьбу Волкова *; но ему однажды только удалось съиграть роль Оскольда въ *Семирѣ* вмѣстѣ съ И. А. Дмитревскимъ, его питомцемъ.

Въ началѣ 1763 года къ коронаціи, устроенъ былъ въ Москвѣ по начертанію Волкова великолѣпный всенародный праздникъ (подвижной маскарадъ) *Торжествующая Минерва*, продолжавшійся три дня; стихи для него сочинены М. М. Херасковымъ. По приготовленіи костюмовъ и машинъ, необычайный и блистательный маскарадъ открытъ былъ торжественнымъ шествіемъ на 200 колесницахъ по большимъ Московскимъ улицамъ; этотъ маскарадъ состоялъ изъ множества различныхъ группъ и кадрилей и дѣйствовавшихъ въ немъ было до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Тутъ Волковъ, разъѣзжая верхомъ, для наблюденія за порядкомъ зрѣлищъ, простудился, открылась горячка и 4-го Апрѣля того же года, смерть похитила у Россіи необыкновеннаго человѣка, упрочившаго ей новый источникъ народнаго образованія **. Онъ похороненъ въ Андрониковомъ монастырѣ. Волковъ былъ человѣкъ весьма даровитый, образованный, и писалъ стихи. Изъ скульптурныхъ его произведеній остался мраморный бюстъ Петра Великаго, которому онъ началъ писать похвальную оду въ 40 куплетовъ и остановился на 15-мъ ***. Остались извѣстными его пѣсни, для которыхъ онъ сочинилъ и музыку:

---

* Историч. извѣст. о Россійск. театрѣ Сѣверн. Архивъ част. IV. 179 стр. и Энциклоп. Лекс. часть XI, стр. 355.

** Онъ умеръ на 36 году.

*** Словарь свѣтск. писат., изд. Снегирева.

XXIII

»Ты проходишь мимо кельи, дорогая«

и

»Станемъ братцы пѣть старую пѣсню.«

И Епиграмма:

Всадники хвалятъ: хорошъ молодецъ
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ!
Полно, не спорьте: и конь и дѣтина
Оба красивы, да оба скотина.

Фонъ Визинъ говорилъ о Волковѣ, что »онъ былъ мужъ глубокаго ума, «исполненный достоинствъ, имѣлъ большое знаніе и могъ бы сдѣлаться »человѣкомъ государственнымъ.«

Оедоръ Григорьевичь былъ средняго роста, нѣсколько полонъ, осанки благородной, величавой; лице его было исполнено необыкновенной пріятности, а глаза выразительности; темнорусые волосы вились у него локонами вокругъ плечь.

Извѣстный въ свое время граверъ Чемесовъ, выгравировалъ портретъ Волкова, по удостовѣренію современниковъ, весьма похожій *.

Въ 1765 году Сумароковъ, согласно желанію, уволенъ отъ званія Директора театра, съ 2,000 руб., пансіона и театръ Петербургскій оставался въ вѣдѣніи Оберъ-Гофмаршала; потомъ наименованъ главнымъ его Директоромъ Кабинетъ-Секретарь Иванъ Перфильевичь Елагинъ; управленіе же Русскою труппою было поручено любителю, знатоку сцены, Василью Ильичу Бибикову, который оправдалъ выборъ Императрицы.

Въ самомъ началѣ царствованія Государыни Екатерины, отечественный театръ въ обѣихъ столицахъ вдругъ оживился. Это, можно сказать, была самая блестящая его эпоха. Государыня любила и чрезвычайно поощряла зрѣлища, въ особенности, какъ видно, Она желала создать театръ народный **; великолѣпіе соединялось со вкусомъ. Императрица въ часы своего досуга сама сочиняла драматическія пьесы: ими Она занималась болѣе, во время путешествія своего по Россіи:

---

* Подъ этимъ портретомъ значится слѣдующая надпись: »желая сохранить память сего мужа, вырѣзалъ я сіе лица его изображеніе со врученіемъ онаго Николаю Николаевичу Мотонису и Григорью Васильевичу Козицкому, позавѣщанію его самаго, любезнаго моего и ихъ друга.« Свидѣтельствую искреннюю мою къ нимъ дружбу. *Евграфъ Чемесовъ.*

** Она говаривала, что »народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ.«

Но мнѣ ли умолчать о той
Царицѣ Сѣверной Державы,
Которая, среди величія заботъ
Учила играми и дворъ свой и народъ
И въ шуткахъ исправляла нравы.

Начальное правленіе Олега, Рюрикъ, Иванъ Царевичъ, Февей, Храбрый и смѣлый витязь Ахридпичъ, Новгородской богатырь Боеславичъ, Горе-Богатырь Косометовичъ, Федулъ съ дѣтьми *, это были драмы и народныя оперы, сочиненныя Императрицею; комедіи: *О время! Недоразумѣнія, Именины Г-жи Ворчалкиной, Г-жи Вѣстникова съ семьею, Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями, Шаманъ Сибирскій, Спутникъ, Глупое пристрастіе къ пословицамъ, Льстецъ и обольщенные, Не можетъ быть зла безъ добра, Путешествія Промотаева,* весьма замѣчательна пьеса: »Вольное, но слабое (какъ сказано) ** переложеніе изъ Шекспира: *Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье (Виндзорскія проказницы)*; многія изъ сихъ пьесъ были играны на Эрмитажномъ театрѣ приближенными къ Императрицѣ особами.

Давались при Дворѣ и Французскіе спектакли, составленные и изъ высшаго придворнаго общества: разъигрывались небольшія Французскія пословицы; ихъ было сочинено до 17-ти. Въ нихъ участвовали Австрійскій Посланникъ Гр. Кобенцель, Французскій Министръ Сегюръ, Оберъ-Камерг. Ив. Ив. Шуваловъ, Гр. Алек. Сер. Строгановъ, дочь знаменитаго актера Офрена и др. ***.

Въ послѣдствіи, 1766 года, Октября 15-го дня, состоялся штатъ для содержанія всѣхъ трупъ Россійской, Французской и Итальянской, камеръ и бальной музыки, съ ассигнованіемъ суммы изъ Соляной Конторы 138,410 руб. ежегодно ****.

Всѣ драматическія зрѣлища начально были представляемы только при Дворѣ, на Эрмитажномъ театрѣ, а для народа въ это время существо-

---

* Эта небольшая опера очень долго держалась на сценѣ; ея пѣсни сдѣлались народными. Къ сей статьѣ приложенъ снимокъ съ куплетовъ, собственноручно написанныхъ Государынею; они заимствованы изъ Ея сохранившихся рукописей, которыя находятся у Н. В. Сушкова; рукописи эти ему достались послѣ его дяди, Мих. Вас. Храповицкаго.

** См. Сочиненія Императрицы Екатерины II, томъ 2-й издан. А. Смирдина. 1841.

*** Означенныя пьесы переведены съ Французскаго и изданы П. А. Пельскимъ, въ 1802 г., подъ названіемъ: *Эрмитажный театръ Великія Екатерины.*

**** Полное Собраніе Зак. томъ XVII N0 12759 и 12760.

валъ въ Петербургѣ театръ въ Греческомъ вкусѣ (на площади, близъ Мойки, на довольно пространномъ мѣстѣ): былъ построенъ подъ чистымъ небомъ, изъ досокъ, обширный амфитеатръ, который вмѣщалъ множество зрителей, и въ немъ исключительно представлялись комедіи, каждый день въ 4 часа пополудни; платили за входъ по 50 коп. съ человѣка; труппа, дававшая представленія, была составлена изъ подъячихъ, фабричныхъ и разныхъ мастеровыхъ. Актеры получали за каждое представленіе по полтинѣ на человѣка отъ Полиціи. Ненастная погода не рѣдко разгоняла и зрителей и актеровъ. Піесы они сочиняли сами и импровизировали ихъ часто безъ приготовленія. Имъ разсудилось однажды разыграть комедію, по печатной книжкѣ; разъучивъ роли, не знали они, что̀ дѣлать съ рѣчами, означенными въ скобкахъ, и придумали ихъ пѣть отдѣльно отъ разговора, почему и выходили на примѣръ такіе монологи:

Не подходи ко мнѣ съ отвагою,
Заколю тебя этою шпагою.

Потомъ соло: *»въ скобкахъ, показывая на оную«.*

Въ 1765 году Дмитревскій былъ посланъ за границу для сценическаго усовершенствованія, а въ 1767, для приглашенія Французскихъ актеровъ. Этотъ, можно сказать, природный геній драматическаго искусства сдѣлался преемникомъ Волкова, первымъ придворнымъ актеромъ и Инспекторомъ всей труппы театральной.

Государыня праздновала 25-лѣтнее Свое царствованіе въ Москвѣ, 28-го числа Іюня 1787 года, на возвратномъ пути изъ полуденнаго края; по сему случаю былъ представленъ прологъ съ хорами на Московскомъ театрѣ: *Счастливая Россія или 25-ти-лѣтній юбилей,* соч. М. М. Хераскова, музыка Булана. Спектакль былъ украшенъ великолѣпными декораціями.

Стараніями Дмитревскаго, театръ придворный въ Петербургѣ доведенъ до возможнаго совершенства; но какъ входъ въ оный имѣли только однѣ чиновныя особы, то онъ завелъ вмѣстѣ съ Книперомъ (Нѣмцемъ, чиновникомъ Воспитательнаго Дома) особый театръ публичный, на Царицынскомъ лугу и составилъ свою труппу, которой артисты въ послѣдствіи времени перешли въ придворную труппу и оказались тамъ самыми лучшими. У Книпера на театрѣ давались не только разнаго рода пьесы, но и балеты; труппа состояла изъ 12 человѣкъ актеровъ и 7 актрисъ; она

большою частью была набрана Ив. Ив. Калиграфомъ, извѣстнымъ актеромъ Московскаго театра, ученикомъ Волкова, изъ способныхъ воспитанниковъ Московскаго Воспитательнаго Дома, и очень удалась.

Дмитревскій не имѣлъ сильной груди; но самобытность его таланта столь была велика, что всякая роль, какую только онъ принималъ на себя, выполнялась имъ въ совершенствѣ. Лучшими его ролями почитались: *Самозванецъ*, *Ярбъ* и *Синавъ*. Въ Парижѣ, 1766 года, на театрѣ Герцогини Виллеруа, игралъ Дмитревскій въ *Альзирѣ* Замора, Лекенъ представлялъ Гусмана; потомъ Оросмана въ *Заирѣ*, Лекенъ занималъ роль Шатильона; здѣсь Дмитревскій привелъ въ восторгъ зрителей, и брошенъ былъ ему лавровый вѣнокъ на сцену. Въ бытность свою въ Лондонѣ, когда пріѣзжалъ туда и Лекень, онъ такъ сошелся съ Гаррикомъ, что пять мѣсяцевъ они всѣ трое были неразлучны. На одной дружеской вечеринкѣ, когда великіе артисты разсуждали о своемъ искусствѣ, Дмитревскій, желая показать опытъ своего сценическаго мастерства, вдругъ, посреди разговора, задрожалъ, совершенно измѣнился въ лицѣ и упалъ безъ чувствъ; присутствовавшіе въ испугѣ бросились подавать ему пособіе, но громкимъ смѣхомъ онъ скоро ихъ вывелъ изъ заблужденія. Нашъ Гаррикъ старался объ усовершенствованіи возникавшихъ талантовъ, и всѣ представленія, которыя были даны въ его время, оживлялись его совѣтами и участіемъ. Дмитревскій руководилъ самихъ авторовъ: какъ ни былъ самолюбивъ его начальникъ Сумароковъ, однако-жъ онъ часто дѣлалъ перемѣны въ своихъ трагедіяхъ, по замѣчаніямъ Дмитревскаго; также и славный комикъ Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ переправилъ нѣкоторыя мѣста въ *Недорослѣ*. Иванъ Аѳанасьевичъ поставилъ эту комедію на сцену превосходно, склонилъ Шумскаго играть роль Еремѣевны *, и довелъ публику до того, что, не смотря на предубѣжденія противъ этой пьесы, она восхищалась ею, и когда ее давали, собиралось въ театръ множество зрителей.

Участь Недоросля, можно сказать, была почти таже, что и комедіи

---

* Первое распредѣленіе ролей въ Недоросѣ было слѣдующее: Стародумъ — Дмитревскій, Правдинъ — Гамбуровъ, Милонъ — Марковъ, Митрофанушка — Черниковъ, Скотининъ — Соколовъ, Цыфирнинъ Крутицкій, Вральманъ Мих. Волковъ, Кутейкинъ — Петровъ, Простаковъ — Золинъ, Тришка-портной — Рахмановъ, Простакова — Авд. Мих. Михайлова, Маша — Милевская, Еремѣевна — Шумскій; послѣ его игралъ ее Макаровъ, и въ Москвѣ особенно хорошо исполнялъ Ожогинъ.

Иванъ Афонасьевичъ
Дмитревскій.

3

Бомарше: *Женитьба Фигаро* въ Парижѣ; фонъ-Визинъ сильно уязвилъ въ ней пороки и невѣжество, и долженъ былъ выдержать большія гоненія, прежде чѣмъ пьеса его явилась на сценѣ. Много было въ Москвѣ разныхъ толковъ въ пользу ея и противъ, когда еще она была читана авторомъ въ рукописи.

Здѣсь умѣстнымъ будетъ привести случай, разсказанный искреннимъ пріятелемъ фонъ-Визина, Бор. Вл. Пестелемъ *, касательно Недоросля: въ 1782 году, предъ тѣмъ, какъ онъ былъ назначенъ къ представленію въ бенефисъ Дмитревскаго, фонъ-Визинъ долженъ былъ читать Недоросля у Пестеля; большое общество литераторовъ и знатоковъ съѣхалось къ обѣду; любопытство гостей было такъ велико, что хозяинъ упросилъ автора, который былъ самъ прекрасный актеръ, прочитать хоть одну сцену безотлагательно; онъ исполнилъ общее желаніе, и когда остановился послѣ объясненія Простаковой съ портнымъ Тришкою, объ укороченномъ кафтанѣ Митрофана, — присутствовавшіе такъ были заинтересованы, что просили продолжать чтеніе; нѣсколько разъ приносили и уносили кушанье со стола, и не прежде сѣли за обѣдъ, какъ комедія была прочитана до конца, а послѣ обѣда Дмитревскій, по общему требованію, долженъ былъ опять читать ее съ начала.

Послѣ перваго представленія Недоросля, на придворномъ театрѣ, Князь Григорій Александровичь Потемкинъ-Таврическій, при выходѣ изъ театра, сказалъ сочинителю: »умри теперь, Денисъ, или хоть больше ничего не »пиши! имя твое безсмертно будетъ по этой одной пьесѣ.«

Бригадиръ фонъ-Визина былъ написанъ ранѣе, и имѣлъ также успѣхъ замѣчательный. Въ тоже время игрались съ успѣхомъ трагедіи, комедіи и комическія оперы Якова Борисовича Княжнина. Его *Рославъ* и *Дидона* особенно нравились публикѣ.

Рослава Дмитревскій тоже самъ ставилъ на сцену. Первое представленіе этой трагедіи замѣчательно тѣмъ, что публика потребовала автора; но какъ такого рода поощреніе было еще новостью, то и поставило Княжнина въ недоразумѣніе. Дмитревскій нашелся: появился на сцену, и объяснилъ: »что лестное благоволеніе публики восхитительно для автора; »но какъ его въ театрѣ нѣтъ, то онъ, въ качествѣ его почитателя и друга,

* Бывшій Почтъ-Директоръ въ Москвѣ, отецъ Ив. Бор. Пестеля; послѣдній самъ это разсказывалъ Редактору статьи.

»осмѣливается за него принести благодарность публикѣ«. Громкія рукоплесканія были отвѣтомъ Дмитревскому. Съ этого времени вошло въ обыкновеніе вызывать автора, когда пьеса понравилась.

Хвастунъ, Чудаки, Мужья женихи своихъ женъ, Притворно-сгумашедшая, *Утѣшенная вдова*, *Збитенщикъ, Несчастіе отъ кареты*, эти комедіи и оперы Княжнина долго держались на сценѣ; играны были также трагедіи Хераскова; болѣе замѣчательныя изъ нихъ: *Борисла*въ, *Идолопоклонники*, *Венеціанская монахиня* и *Освобожденная Москва*. Херасковъ сочинилъ также нѣсколько драмъ и оперъ; его: *Добрые солдаты* долго держались на сценѣ.

Послѣдователями въ удачныхъ попыткахъ Русской Таліи тогда были: обязанный развитіемъ своего драматическаго дара, службѣ при Сумароковѣ и перепискѣ его сочиненій, Аблесимовъ (Александръ Онисимовичъ); онъ сочинилъ оригинальную комическую оперу *Мельникъ* (національный водевиль), которая была многократно представлена при Дворѣ; въ Москвѣ 22 раза къ ряду; въ первый разъ 20-го Января, 1779 года, и 27 разъ сряду на вольномъ Книперовомъ театрѣ въ Петербургѣ *.

Была играна пятнадцать разъ сряду и принесла большіе сборы содержателю театра Книперу: *Гостиный дворъ*, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ **, соч. крѣпостнаго человѣка Графа Ягужинскаго, Михайлы Матинскаго и музыка его же; здѣсь представленъ подлѣческій бытъ и сватьба; актеръ Московскаго театра Золышкинъ въ ролѣ жениха былъ уморитель. Онъ же Матинскій сочинилъ комическую оперу: *Тунисскій Паша*, въ 2-хъ дѣйствіяхъ, и перевелъ съ Нѣмецкаго комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ: *Богомолка*.

Трудолюбивый авторъ того времени, Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, отдалъ на театръ три оперы, имѣвшія успѣхъ: *Калифъ на часъ*, *Баба-яга*, *Счастливая тоня*, и комедію: *Безпечный*, въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Извѣстный литераторъ, бывшій Главнымъ Директоромъ театра, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, тоже перевелъ нѣсколько пьесъ: трагедію въ 5 дѣйств. Браве: *Безбожный*; Мольеровъ: *Нелюдимъ (Мизантропъ)* былъ игранъ въ его первомъ переводѣ; играна была трагедія Ѳедора Петровича

---

* Умный и дѣятельный драматургъ П. А. Полевой воспользовался удачно сюжетомъ: онъ сочинилъ небольшую комедію: *Первое представленіе мельника*, въ коей вывелъ современныя лица.

** Она была напечатана тремя изданіями; второе было въ 1792 году, подъ названіемъ: *Какъ пожнешь, такъ и прослывешь*.

Ключарева въ 5 дѣйств.: *Владимірь Великій.* Василій Алексѣевичь Левшинъ поставилъ много пьесъ переводныхъ, трагедію: *Миссъ-Сара Самсонъ;* главную, жестокосердую въ ней ролю занимала актриса Надежда Калиграфъ на Московскомъ театрѣ, и была принята съ большимъ одобреніемъ публикою; онъ же сочинилъ комедіи: *Торжество любви; Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ; Островъ дураковъ,* комическая опера переведена имъ (изъ Голдоніева театра). Сочинена опера: *Своя ноша не тянетъ;* лирическая комедія: *Лоретта;* опера: *Санхо-Панса губернаторомъ въ островѣ Бараторіи,* и небольшая комедія: *Сильванъ,* переведены съ Французскаго. Левшинъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ переводчиковъ: изъ послѣднихъ переводовъ его, очень извѣстна опера: *Водовозъ,* игранная уже въ восьми-сотыхъ годахъ. Василья Петровича Колычова трагед. въ 5 дѣйств.: *Бѣдство, произведенное страстью,* и комедія: *Дворянующійся купецъ,* въ 3-хъ дѣйств., давались часто. Андрей Андревичь Нартовъ перевелъ то же нѣсколько пьесъ: *Лондонскій купецъ,* комед. въ 5 дѣйств.; *Превращенный мужикъ, Генрихъ и Пернилла,* обѣ изъ Голбергова театра; *Граціи,* ком.; *Притворная Агнесса* (Детуша); *Молодой ученый; Привидѣніе съ барабаномъ;* онъ же издалъ: Театральный собесѣдникъ. Мих. В. Храповицкій памятенъ многими переводами; его комедіи: *Благодѣтельный грубіянъ, Любовникъ сочинитель и слуга* и проч.

Сотоварищъ Ѳ. Г. Волкова, Михайла Васильевичь Поповъ, оставивъ сцену *, не переставалъ для нее трудиться; онъ сочинилъ комедію въ одномъ дѣйствіи: *Отгадай, не скажу;* комическую оперу въ одномъ дѣйствіи стихами: *Анюта,* которая въ первый разъ была играна на придворномъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ, въ 1772 году; потомъ перевелъ комедіи въ 5 дѣйств.: *Итьмой* (Абата Брюеля); *Девкальонъ и Пирра; Недовѣрчивый; Придворный комедіантъ* (L'impromtu de campagne), и *Севильскій цырюльникъ.* Въ Москвѣ въ этой комедіи актриса Соколовская имѣла огромный успѣхъ: она владѣла пріятнымъ и звучнымъ голосомъ. Померанцевъ—Бартоло, Шушеринъ—Графъ Альмавива были замѣчательны. Въ тоже время давалась на Московскомъ театрѣ комедія въ одномъ дѣйствіи: *Какъ хочешь назови,* Михайла Чулкова, автора Пересмѣшкина, тоже сотоварища Волкова; въ ней выведены два противуположные характера — молчаливаго и болтуна.

---

* Въ послѣдствіи служилъ Секретаремъ въ Коммиссіи Составленія Законовъ и издалъ много полезныхъ сочиненій.

Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ сочинилъ оперы: *Кузнецъ* и *Новое семейство;* онѣ очень долго держались на сценѣ. Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ написалъ драму въ стихахъ: *Торжество дружбы*, въ трехъ дѣйствіяхъ; Василій Ивановичъ Майковъ (извѣстный писатель) сочинилъ трагедію: *Агріопа*, въ 5 дѣйств. и перевелъ трагедію: *Меропа* стихами; написалъ нѣсколько пьесъ на разныя торжественныя событія и сочинилъ трагедію въ стихахъ: *Фемистъ* и *Еронима*, которая была принята на придворный театръ и готовилась быть игранной; но по случаю кончины актрисы Троепольской, осталась безъ представленія. Извѣстна драма Майкова: *Горислава* и другія.

Дѣятельные авторы того времени были также Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ: онъ сочинилъ комедіи: *Награжденное постоянство* и *Мотъ любовью исправленный*, обѣ въ пяти дѣйствіяхъ; перевелъ изъ Реньяра: *Задумчивый* комедію, и *Тесть и зять;* потомъ: *Щепетильникъ*, подражаніе Англійскому, и *Пустомеля*, и еще оставилъ нѣсколько переведенныхъ комедій. Василій Вороблевскій перевелъ тоже нѣсколько пьесъ; его комедіи: *Важный* (соч. Брюиса), въ 5 дѣйств. *Опытъ дружбы*, въ 2 дѣйст. *Бѣглый солдатъ*, въ 3 дѣйст. *Колонія или новое селеніе*, въ 2 дѣйств. *Пателенъ Стряпчій*, *Баиньки мордоре*, *Двѣ сестры* и *Хорошая пріятельница*, и комическая опера *Живописецъ, влюбленный въ свою модель.* Дмитрій Васильевичъ Волковъ сочинилъ комедію: *Воспитаніе*, въ 5 дѣйствіяхъ. Князь Хилковъ перевелъ оперы: *Говорящая картина*, *Минутное заблужденіе.* Студентъ Московскаго Университета Оедоръ Веніаминовичъ Геншъ * переводилъ много; его оперы: *Двое скупыхъ*, въ двухъ дѣйствіяхъ, *Нетрусовъ*, *Богаръ* въ одномъ дѣйствіи, и комедія: *Дѣвка слугою.* Прокудинъ написалъ комедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ: *Самохвалъ*, *Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью* и *Судьба деревенская.* Андрей Фроловичъ Кропотовъ переложилъ Мольеровы комедіи: *Тартюфъ*, *Скупой;* въ ролѣ Гарпагона превосходенъ былъ Ѳ. Г. Волковъ, *Школа мужей* тоже была играна съ успѣхомъ. Обѣ въ 1-й разъ въ Октябрѣ 1757 года **. Писалъ Николай Петровичъ Николевъ, авторъ трагедіи: *Сорена и Замиръ;* комедіи его: *Сорока*, которая имѣла большой успѣхъ; *Попытка не шутка*

---

* Геншъ, Нартовъ и Малиновскій съ Жлановскимъ были самые дѣятельные переводчики у Мелокса.

** Послѣдній переволъ *Скупаю*, который нынѣ играется на нашихъ театрахъ и въ которомъ такъ превосходенъ М. С. Щепкинъ, заслуженаго любителя театра Сер. Тим. Аксакова.

и *Самолюбивый стихотворецъ*, въ стихахъ, игрались долго; также и опера *Розана и Любимъ*: въ ней актеръ Ожогинъ, олицетворяя лѣсника Семена, снискалъ себѣ извѣстность отличнаго комика. Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, который уже въ 1785 году познакомилъ публику съ своими переводами *, продолжалъ ими заниматься. Его *Зоа*, драма, имѣла большой успѣхъ; въ ней на Московской сценѣ блистала актриса Марья Синявская: его же; *Сельскій мудрецъ* комедія въ 5 дѣйствіяхъ, *Совѣтскіе друзья*, переведенная съ Французскаго. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ перевелъ комед.: *Судья* и *Фигарову женитьбу* (Бомарше) 1786 г. Ипол. Ѳедоровичъ Богдановичъ осуществилъ: *Радость Душеньки*, послѣдуемую балетомъ въ 1 дѣйств., и сочинилъ комедію: *Славяне*. Осипъ Петровичъ Козодавлевъ подарилъ сцену двумя комедіями своего сочиненія: *Нашла коса на камень* и *Перстень*, въ 1 дѣйствіи. Была играна трагедія Гавріила Романовича Державина: *Иродъ и Маріамна*, въ 5 дѣйс. въ стихахъ; драма, соч. Александра Семеновича Шишкова: *Невольничество* и его перевода: *Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца*.

Сверхъ того игрались въ это же время замѣчательныя пьесы: *Жизнь и смерть Ричарда III*, трагедія Шекспира; комедіи: *Жоржъ Дандинъ*; перев. Ивана Чаодаева: *Тимонъ Нелюдимъ*, комедія (Аленваля), *Государственный откупщикъ*, комедія перев. Якова Дашкова.

Трудились для сцены даже дамы высшаго общества, какъ наприм. Княжна Катерина Александровна Меншикова перевела драмы: *Олендъ* и *Софронія*, и комедію: *Развратное семейство*. Марья Васильевна Сушкова, родная сестра А. В. Храповицкаго, перевела двѣ оперы: *Роза и Колласъ* и *Земира и Азоръ*, которыя держались на сценѣ до 1808 года, и драму Мерсье: *Бѣглецъ*, а въ *Гваделупскомъ жителѣ*, комедіи ея же перевода, стихи: *Ахъ! новый мой кафтанъ!* помѣщенные въ Собр. Россійскихъ стихотвореній, издан. В. А. Жуковскаго, переведены А. В. Храповицкимъ. Пелагея Ивановна Вельяшева-Волынцева перевела комедіи: *Французы въ Лондонѣ* и *Англинская сирота*; трагедіи и комедіи Французскихъ классиковъ перелагались, по большой части, прозою.

Къ числу означенныхъ авторовъ слѣдуетъ присовокупить драматическія произведенія самихъ артистовъ: Дмитревскаго: *Армида* **, лирическая

---

* Въ нихъ принималъ большое участіе товарищъ его по Университету Н. И. Жадовскій, знатокъ Нѣмецкаго языка.

** Соч. на Итальянскомъ языкѣ Марка Коттеллини, піиты, находившагося при Дворѣ Россійскомъ; нѣсколько такихъ авторовъ либрето находилось тогда на службѣ.

драма, музыка Сальери (переведенная съ Итальянскаго), была играна много разъ на Эрмитажномъ театрѣ, (спектакль великолѣпный); *Антигона*, трагедія; драмы: *Честный преступникъ*, и *Беверлей*, перев. съ Французскаго; комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунатикъ*; оперы (съ Итальянскаго), въ коихъ восхищала своею игрою Лизанька Уранова, въ послѣдствіи знаменитая Сандунова: *Діанино древо* и *Рѣдкая вещь*. Давно извѣстенъ анекдотъ, какъ Сандунова подшутила надъ однимъ Графомъ. Много разъ разсказанъ былъ этотъ анекдотъ всякимъ по своему. Мы же заимствуемъ его изъ записокъ Александра Васильевича Храповицкаго, который управлялъ въ то время театромъ съ П. А. Сойомановымъ *. Храповицкій и Сойомановъ, чтобы услужить Графу-обожателю, предположили удалить мѣшавшаго ему соперника Сандунова въ Москву. Сандуновъ пустился на хитрость: въ послѣдній спектакль въ комедіи: *Смѣхъ и горе*, онъ на прощаньѣ съ публикою, высказалъ ей причину невольнаго своего удаленія. Это было доведено до свѣдѣнія Императрицы, и на другой же день Высочайше повелѣно обвѣнчать Сандунова съ воспитанницей театральной школы Лизанькой Урановой, которой Императрица пожаловала бриліантовыя серги, а Храповицкаго и Сойманова отъ управленія театромъ уволила.

Вскорѣ послѣ сватьбы Сандуновой, давали оперу: *Рѣдкая вещь*. Въ ролѣ *Гиты*, Сандунова вынула кошелекъ съ золотомъ, вышла на авансцену и обратясь къ вельможѣ, ея обожателю, сидѣвшему въ крайней ложѣ, бросила на него лукавый взглядъ и запѣла:

Перестаньте льстится ложно
И думать такъ безбожно,
Что деньгами возможно
Въ любовь къ себѣ склонить.

Молодая чета Сандуновыхъ переѣхала въ Москву.

Актера Ив. Яковлевича Соколова, отличавшагося въ роляхъ: *Бригадира*, *Тараса Скотинина* и подобныхъ; пьесы оригинальныя: *Сибирякъ*; комедіи: *Влюбленный слѣпецъ*, *Выдуманный кладъ*, *Судейскія имянины* и проч. Крутицкаго: *Медимнъ* и *Лука* подражаніе Французскому и *Об-*

---

* Записки эти находятся у его родного племянника Н. В. Сушкова, который сообщилъ этотъ разсказъ, достовѣрно опровергающій несообразное замѣчаніе Г. Грибовскаго, перепечатанное изъ его записокъ во 2-мъ No Москвитянина, 1847 года: »когда извѣстная Сандунова отъ него от»стала (т. е. отъ Графа Безбородко) и вышла замужъ, то онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу »Левушку.« Вотъ до чего увлекались современники въ своихъ разсказахъ.

лина двухъ шляпъ, подражаніе Нѣмецкому. Плавильщикова трагедіи: *Ермакъ*, *Дружество*, *Тахмасъ Кулы-Ханъ*; драмы: *Графъ Вальтронъ и Ленса*, *или дикіе въ Америкѣ*; комедіи: *Бобыль*, *Сидѣлецъ*, *Сговоръ Кутейкина*, *Мельникъ* и *Сбитенщикъ соперники*, и проч.

При представленіи на публичныхъ театрахъ пьесъ многосложныхъ, какъ напр. комедіи: *Мѣщанинъ во дворянствѣ* (она игралась уже въ 1758 году въ Петербургѣ), гдѣ требовалось и много принадлежностей и людей на сценѣ, за входъ была взимаема двойная противъ обыкновенныхъ спектаклей плата.

Въ 1774 году состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Россійскаго публичнаго театра *. Въ 1779 году, по плану Директора Бибикова, учреждено театральное училище; въ 1783, 12 Іюля, составленъ особый комитетъ для управленія театральными зрѣлищами и музыкою **.

Большой каменный театръ въ Коломнѣ оконченъ постройкою 1785 года, и публикѣ открылась возможность пользоваться за умѣренную плату благоустроенными зрѣлищами. Съ этого времени учащались великолѣпные спектакли и оперы съ блестящею постановкой, и балеты; главными надзирателями и режиссёрами были Дмитревскій и Плавильщиковъ.

Русская труппа въ Петербургѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, состояла изъ 21 актера и 22 актрисъ; въ числѣ ихъ находились слѣдующіе замѣчательные артисты:

Антонъ Михайловичъ Крутицкій, талантъ комическій, чрезвычайно разнообразный; послѣ перваго представленія *Мельника*, ему было приказано явиться въ костюмѣ въ Царскую ложу. Императрица осыпала его похвалами и прислала ему часы; въ 1797 году онъ получилъ такой же подарокъ отъ Императора Павла I, который, видя его Гарпагономъ, не вѣрилъ, чтобъ Крутицкій не зараженъ былъ скупостью.

Василій Ѳедотовичъ Рыкаловъ, актеръ съ большимъ талантомъ, игравшій превосходно роли комическихъ стариковъ въ Мольеровыхъ

---

* Полное Собраніе Законовъ Т. XIV. № 13,993.

** Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ Адама Васильевича Олсуфьева; членами были: П. П. Мелессино, Князь Н. А. Голицынъ, А. И. Дивовъ, П. В. Мятлевъ и П. А. Соймановъ. Части для управленія были раздѣлены между ими; Русскимъ театромъ управлялъ П. А. Соймоновъ. Короткое время по упраздненіи Комитета завѣдывалъ театромъ Ст. Ѳед. Стрекаловъ, а въ послѣдствіи П. В. Мятлевъ назначенъ былъ общимъ Директоромъ всѣхъ труппъ, потомъ А. В. Храповицкій и Кн. Ник. Бор. Юсуповъ; послѣ него управлялъ театромъ въ царствованіе Императора Павла I, самое короткое время, Гр. Николай Петровичъ Шереметевъ и потомъ Ал. Льв. Нарышкинъ.

комедіяхъ, прославился въ *Мѣщанинѣ во дворянствѣ* и въ *Скапиновыхъ обманахъ* *.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ, сынъ Московскаго купца, родился въ 1760 году; получилъ образованіе въ Московскомъ Университетѣ; былъ Членомъ Общества Любителей Россійской Словесности; писалъ много для сцены и возобновилъ при Московскомъ Университетѣ театръ. Вмѣстѣ съ Плавильщиковымъ отличался на этомъ театрѣ игрою Петръ Ивановичъ Страховъ, знаменитый въ свое время Профессоръ. Въ 1779 году, Плавильщиковъ на 20 году, изъ Студентовъ вступилъ на Петербургскую придворную сцену. Онъ былъ роста большаго, строенъ, физіономіи пріятной; голосъ его былъ звучный и гибкій; голубые глаза были исполнены выразительности. Онъ съ успѣхомъ занималъ сперва роли героевъ и любовниковъ, потомъ благородныхъ отцовъ. Какъ Плавильщиковъ зналъ хорошо иностранные языки и имѣлъ близкіе образцы для подражанія въ славныхъ артистахъ Французской и Нѣмецкихъ труппъ, то и приготовилъ себя хорошо для первыхъ ролей. Изъ ролей любовниковъ блистательныя были у него: Хоревъ и Секстъ въ *Титовомъ милосердіи;* игралъ съ успѣхомъ, даже послѣ Дмитревскаго, Клердона *въ Безбожникѣ.* Оскольдъ (*въ Семирѣ*), несчастный Владисанъ, нѣжный и пламенный Синавъ и милосердый Титъ, во всѣхъ этихъ роляхъ Плавильщиковъ былъ превосходенъ. Роли Эдипа, Мейнау и Графа Добросердова въ *Отцѣ семейства* были тоже его торжествомъ. Плавильщикову ставили одно въ упрекъ, что онъ не могъ владѣть собою: имѣя твердую грудь, при каждомъ волненіи чувства, слишкомъ усиливалъ голосъ. Въ Москвѣ, Плавильщиковъ, играя съ актеромъ Яковлевымъ, *въ Магометѣ,* Зопира, изумилъ пріѣзжаго гостя превосходствомъ своего таланта и памятью, сыгравъ со всею обдуманностію эту роль, данную ему наканунѣ. Онъ скончался, во время бѣгства отъ непріятеля, Октября 13-го, 1812 года, на 53 году.

Яковъ Степановичъ Воробьевъ, ученикъ Дмитревскаго, отличный буфъ **.

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, артистъ по призванію, то же школы Дмитревскаго; онъ былъ щедро одаренъ природою, чтобы сдѣлаться превосходнымъ драматическимъ актеромъ, и до конца жизни былъ любимцемъ Петербургской публики. Создалъ много ролей и неподражаемъ былъ

---

* Нашъ неподражаемый Щепкинъ одинъ можетъ быть сравненъ съ Рыкаловымъ.

** Отецъ талантливой и прелестной актрисы Елены Яковлевны Сосницкой.

во многихъ; въ особенности въ ролѣ *Карла XII при Бендерахъ*, выражалъ всю характеристику этого героя. Князь Шаховской говорилъ, что Яковлеву недоставало классическаго и гимнастическаго образованія, чтобы сдѣлаться первымъ актеромъ всѣхъ Европейскихъ театровъ. Яковлевъ былъ и поэтъ: онъ написалъ нѣсколько одъ на разные торжественные случаи, и трагическое происшествіе въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ: *Отчаянный любовникъ* *. Между многими стихами, извѣстны его мрачныя мысли:

Стой! помедли, солнце красное,
На часокъ не меркни, свѣтлое!

Василій Михайловичъ Черниковъ (отецъ Соф. Вас. Самойловой), прекрасной наружности, хорошій пѣвецъ, исполнялъ мастерски роли слугъ.

Въ этомъ же амплуа, но только въ комедіяхъ, превосходенъ былъ умный, многосторонній по таланту, актеръ Сила Николаевичъ Сандуновъ, который замѣчателенъ былъ и въ роляхъ подъячихъ. Сандуновъ происходилъ отъ благородной Грузинской фамиліи; ихъ было нѣсколько братьевъ; отецъ имѣлъ достаточное состояніе и помѣстье, но, по обстоятельствамъ жизни, пришелъ въ разстройство. Сыновья получили хорошее воспитаніе по тогдашнему вѣку. Сила Николаевичъ въ раннихъ лѣтахъ былъ опредѣленъ на службу въ Мануфактуръ-Коллегію. Отъ природы онъ былъ одаренъ свѣтлымъ умомъ, быстрымъ соображеніемъ и необыкновеннымъ даромъ слова; при этомъ имѣлъ самый живой характеръ, любилъ чтеніе и литературу. Въ первый разъ, когда повелъ его въ театръ одинъ изъ его знакомыхъ, Юдинъ, представляли комедію: *Наслѣдство*. При выходкахъ проворнаго слуги, Сандуновъ воскликнулъ: »Да я и самъ не хуже этого сыграю.« Знакомство его съ актеромъ Яковомъ Емельяновичемъ Шушеринымъ и безпрестанное чтеніе пьесъ возродили въ немъ страсть къ театру. Сандуновъ сталъ разучивать разныя роли украдкою отъ матери (тогда отца его не было уже на свѣтѣ), ходилъ къ Шушерину, прочитывалъ эти роли съ нимъ и пользовался его замѣчаніями. Жалованья на службѣ онъ получалъ въ то время по званію канцеляриста въ Коллегіи (впослѣдствіи Сандуновъ былъ произведенъ и въ Офицеры) 60 рублей, а сценическое призваніе сулило ему до 1,200, и потому онъ бросился

* Яковлевъ былъ женатъ на актрисѣ Катеринѣ Ивановнѣ Ширяевой. Прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе, онъ совѣтовался о своемъ намѣреніи съ Степаномъ Петровичемъ Жихаревымъ, къ коему имѣлъ особую довѣренность. См. въ приложеніяхъ письмо Яковлева къ Жихареву.

къ Медоксу и послѣ краткихъ переговоровъ и продекламированныхъ въ его присутствіи сценъ, Сандуновъ поступилъ въ его труппу на 20 году отъ рожденія, и съ огромнымъ успѣхомъ дебютировалъ въ ком. *Чудаки*, въ ролѣ слуги Пролаза. Мать Сандунова чрезвычайно встревожилась этимъ случаемъ; но была успокоена его славою и примирилась скоро съ новымъ званіемъ сына. Сила Николаевичь имѣлъ все, чтобы сдѣлаться первоклассенымъ артистомъ. Бывшій въ то время въ Москвѣ Предсѣдатель театральнаго Комитета, Адамъ Васильевичь Олсуфьевъ, сдѣлалъ выгодное предложеніе славному комику и перемѣстилъ его на Петербургскую сцену. Выше было сказано, почему онъ ее оставилъ. Въ Москвѣ этотъ актеръ былъ постоянно любимцемъ публики. Ловкость и умѣнье Сандунова держать себя въ обществѣ, и его остроуміе снискали ему много друзей и входъ въ лучшіе дома. Сандуновъ, проявлявшій столько же характера, какъ и таланта, оставилъ совсѣмъ театръ по довольно странной причинѣ.

Въ одинъ изъ его бенефисовъ (въ восьмисотыхъ уже годахъ, въ Москвѣ) была назначена съ забавною оперою: *Гостиный дворъ, Клорида и Милонъ*, пастушеская оперетта, въ которой долженъ былъ выдти быкъ съ золотыми рогами; многіе видѣли этого быка, приготовленнаго къ дѣйствію. Внезапно занемогаетъ одинъ изъ актеровъ; *Клорида* отмѣняется и назначается вмѣсто её: *Семейство Старичковыхъ*, драма, любимая публикою. Едва появился въ ней Сандуновъ, какъ партеръ выражаетъ ему свое негодованіе; находчивый Сила Николаевичь, игравшій подъячаго Грабилина, быстро кладетъ свой картузъ и палку на столъ, выходитъ на аванъ-сцену и не теряя приличія, весьма хладнокровно напоминаетъ о своихъ трудахъ и вниманіи, которымъ онъ со стороны публики много лѣтъ пользовался; приноситъ резонное оправданіе въ перемѣнѣ пьесы, и коротко доказываетъ, что оскорбительный пріемъ его долженъ обратиться къ стыду тѣхъ, кто его себѣ позволилъ; послѣ этого Сандуновъ беретъ свой картузъ и играетъ свою роль, какъ ни въ чемъ не бывало, съигралъ ее превосходно; общія громкія рукоплесканія и вызовы раздаются въ театрѣ, но Сандуновъ больше на сцену не возвращался.

Въ 1812 году, во время всеобщаго удаленія жителей изъ Москвы, Сандуновъ долго не хотѣлъ съ нею разстаться; наконецъ онъ увидѣлъ въ этомъ необходимость. Какъ онъ мастерски принималъ всѣ виды, то, переодѣвшись Русскимъ крестьяниномъ, скрылся изъ рукъ непріятелей и такимъ образомъ пробрался въ помѣстье своего друга, А. А. Палицына

(переводчика Новой Элоизы) въ Харьковскую губернію; Палицынъ сначала никакъ не узналъ Сандунова въ длинной бородѣ и сермяжномъ кафтанѣ, и очень ему обрадовался.

Послѣднее время знаменитый актеръ жилъ въ Москвѣ, въ кругу своихъ родныхъ, отъ которыхъ мы имѣемъ эти вѣрныя объ немъ воспоминанія и портретъ: онъ изображенъ въ первой своей молодости, въ ролѣ слуги Семена (комедія Ефимьева: *Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра*). Сандуновъ создалъ много другихъ ролей и былъ въ нихъ разнообразенъ, какъ хамелеонъ; мы какъ теперь на него смотримъ: небольшаго роста, сложенъ прекрасно, живой какъ ртуть, быстрые глаза и всегда оживленное лицо придавали ему достоинство. Какъ, большою частію, интересъ прежнихъ комедій былъ основанъ на роляхъ бойкихъ слугъ и хитрыхъ служанокъ, то живая и ловкая горничная Полянская, принадлежавшая тоже къ труппѣ Медокса, раздѣляла славу Сандунова. Сила Николаевичъ кончилъ жизнь на 57 году и похороненъ въ Москвѣ на Лазаревомъ кладбищѣ. Чугунный крестъ на такомъ же памятникѣ осѣняетъ его могилу, къ нему прислоненъ свитокъ съ слѣдующею надписью, которую сочинилъ братъ его, Николай Николаевичъ Сандуновъ:

Я былъ актеръ, жрецъ Таліи смѣшливой,
И кто меня въ семъ жречествѣ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ.
Но я не зналъ надменности кичливой!
Въ смыслъ надписи, прохожій, проникай,
Тщеславься жизнію — но знай,
Что міра этого актеры и актрисы,
Окончивъ роль — какъ я, уйдутъ всѣ за кулисы.
Кто ролю выдержать умѣетъ до конца,
Тотъ воздаяніе получитъ отъ Творца!

Козьма Ивановичъ Гамбуровъ, актеръ съ достоинствомъ, игралъ роли благородныхъ отцовъ; перевелъ одну комедію: *Зимняя квартира.*

Иванъ Петровичъ Петровъ, ученикъ Академіи, представлялъ молодыхъ любовниковъ и прославился ролью Кутейкина; въ послѣдствіи былъ Инспекторомъ въ школѣ. Сусловъ былъ вторымъ комикомъ.

Изъ Русскихъ актрисъ замѣчательны: Христина Ѳедоровна Рахманова очень была оригинальна въ характерахъ старыхъ барынь и сварливыхъ женщинъ. Прасковья Петровна Черникова (мать Соф. Васильевны Самой-

ловой). Елизавета Семеновна Сандунова, славная пѣвица (самый пріятный и звучный Mezza Soprano); грудныя ея ноты доходили до верхняго mi и брала она нижнее *sol*; діапазонъ ея голоса простирался почти до трехъ октавъ; была въ то же время превосходная актриса, страстно любившая свое искусство, имѣла даръ создать всякую роль; въ этомъ отношеніи она была достойная ученица Дмитревскаго; отличалась ловкостію: выраженіе глазъ, пріятность лица и прекрасный органъ содѣйствовали ея славѣ. Послѣ 1812 года, явясь опять на Петербургской сценѣ, Сандунова восхищала долго публику, въ новѣйшихъ операхъ и водевиляхъ, перейдя, какъ умная актриса, на другія амплуа, соотвѣтствовавшія ея лѣтамъ. Когда Сандунова перешла на Московскую сцену, то въ Петербургѣ замѣнила ее пѣвица, актриса домашняго театра Дм. Ем. Столыпина, Вар. Бор. Новикова, сдѣлавшая себѣ извѣстность подъ именемъ Вариньки Столыпинской, въ Москвѣ.

При учрежденіи театральной школы, Дмитревскій, будучи ея основателемъ, особенное прилагалъ попеченіе, чтобы въ ней образовались таланты, въ чемъ и успѣлъ; изъ нее вышли: Воробьевы, мужъ и жена, урожденная Янковская, Рябчикова, пѣвецъ Шарановъ, танцовщикъ Лисогоровъ, названный Валбергомъ, въ послѣдствіи усовершенствовавшійся въ Парижѣ; онъ былъ балетмейстеромъ и переводчикомъ многихъ игравшихся пьесъ. Двѣ сестры Айвазовы, игравшія роли: молодыхъ любовницъ; Кротова—роли служанокъ, и Вагнерова; представлявшій комическихъ стариковъ Вагнеръ и небольшія роли слугъ Прокофьевъ, были тоже приготовлены для сцены въ театральномъ училищѣ. Сторожевъ (въ амплуа первыхъ слугъ) и Камушковъ пѣвецъ, прежде выпущенные, помѣщены были на первыя роли *.

Кромѣ обычныхъ занятій по театру, Дмитревскій находилъ время преподавать правила Россійской Словесности и Исторіи въ Смольномъ монастырѣ и въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, пользовался расположеніемъ всего высшаго общества, былъ Членомъ Россійской Академіи, отъ которой ему поручено было написать исторію Россійскаго театра, сю онъ и занимался **.

---

* Репертуаръ Русскаго театра томъ 2, Лѣтопись Кн. Шаховскаго эпоха 2.

** Весьма желательно, чтобъ эта любопытная рукопись вышла когда нибудь въ свѣтъ; Академія предложила Театральной Дирекціи испросить Высочайшее соизволеніе дать спектакль на сооруженіе памятника ея сочлену, знаменитому актеру; Государь Императоръ Александръ соизволилъ Самъ пожаловать значительную сумму, и 10 іюля 1812 года происходило это торжество Музъ: была представлена одна изъ пьесъ Дмитревскаго и прологъ, нарочно для сего случая сочиненный на-

Послѣ 38 лѣтъ торжества, Дмитревскій оставилъ театръ съ 2,000 руб. пансіона въ 1787 году; въ это время онъ игралъ только въ Эрмитажѣ въ пьесахъ, которыя сочиняла или Сама Императрица, или Ея приближенные по Ея плану. Въ 1797 году, по волѣ Государя Павла I, представлялъ онъ на придворномъ театрѣ: *Димитрія Самозванца*, и, въ знакъ Монаршаго благоволенія, получилъ дорогую, осыпанную бриллiантами табакерку; въ послѣдній разъ онъ вышелъ на сцену 30-го Августа, 1812 года, одушевленный чувствомъ патріотизма, уже въ глубокой старости (80 лѣтъ), въ драмѣ: *Всеобщее ополченіе*, Степана Ивановича Висковатаго, въ ролѣ отставнаго унтеръ-офицера, за три года до смерти своей; онъ хотѣлъ еще показаться на сценѣ въ бенефисѣ своего ученика Яковлева, въ оперѣ-водевилѣ Князя Шаховскаго: *Встрѣча незваныхъ*, гдѣ роль стараго дядьки нарочно была для него написана; но въ самый день представленія Дмитревскій занемогъ такъ тяжко, что уже не оставлялъ постели и кончилъ жизнь 27-го Октября, 1821 года. Замѣчательно, что этотъ знаменитый актеръ, во всё продолженіе своего дѣятельнаго и блестящаго сценическаго поприща, имѣлъ только одинъ бенефисъ, 24-го Сентября, 1772 года; давали въ первый разъ: *Недоросля*; театръ былъ полонъ и публика *апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ*.

Дмитревскій былъ женатъ на Аграфенѣ Михайловнѣ Мусиной-Пушкиной *, которая, по страсти къ театру, прежде своего замужества сдѣлалась актрисою. Она была отличаема Екатериною, представляла героинь въ трагедіяхъ и въ комедіяхъ характерныя роли и первыхъ служанокъ. Извѣстно, что когда Пушкина, играя на Придворномъ театрѣ въ комедіи: *Привидѣніе съ барабаномъ*, упала на колѣна и повредила себѣ ногу, то Императрица прислала къ ней своихъ медиковъ, навѣдывалась о ея здоровьѣ, подъѣзжая Сама къ ея квартирѣ **, а когда, по выздоровленіи

шимъ драматургомъ Кн. Шаховскимъ: *Новости на Парнасѣ, или торжество Музъ*. Всѣ отличные Петербургскіе артисты въ немъ участвовали и выходили при концѣ попарно на сцену и, предъ открывшимся колоссальнымъ бюстомъ, каждый поклономъ отдалъ заслуженную честь великому актеру. Въ это представленіе большой театръ былъ полонъ и публика совершенно восторжена.

Въ Россійскій Академіи поставленъ бюстъ Дмитревскаго, увѣнчанный лаврами.

* Въ лѣтописи Князя Шаховскаго, напечатанной въ первомъ томѣ Репертуара, 1840 года, сказано: на одной изъ сестръ Михайловыхъ, вѣроятно ошибкою. См. Энциклопедическій Словарь.

** Отечеств. Зап. П. Свиньина, 1822 г. N. 32, стран. 310.

Пушкина явилась на сцену, Императрица, въ изъявленіе удовольствія, аплодировала ей.

У Дмитревскаго было шесть сыновей: всѣ они состояли на службѣ, и четыре дочери въ замужствѣ.

Послѣ П. А. Соймонова (въ 1790 году) былъ опредѣленъ Директоромъ Князь Николай Борисовичь Юсуповъ, при которомъ послѣдовало большое преобразованіе. Императрица повелѣла заплатить долги Дирекціи и ко 120 тыс. рублямъ, отпускавшимся ежегодно на содержаніе театра, прибавить еще 60 т. Князь Юсуповъ учредилъ Контору, привелъ въ порядокъ дѣла хозяйственныя и устроилъ отчетность относительно сборовъ; — каменный театръ совершенно былъ при немъ передѣланъ внутри, и иностранныя труппы процвѣтали: Французскій театръ былъ превосходный; Итальянскія оперы и балеты поставлялись съ великолѣпіемъ и имѣли отличныхъ танцовщиковъ и танцовщицъ.

Г-жи Питро, Росси, Сантини, Меркуръ и Канціани; Гг. Розетти, Парадисъ, Никъ, Лефевръ, Фабіани и Питро, были первоклассные танцовщики.

Во Французской труппѣ славные трагическіе сюжеты были: Г-жи Лесажъ и Гюсъ; актеры: Лемери, Флоридоръ и Офренъ. Для комедіи актрисы: Добкуръ, Мишле, Молланъ, Дюфуа; актеры: Дорсевиль, Пуанъ, Лонвиль, Бурде, Брошаръ, Дельпи и Фастье.

Пѣвцы Итальянской оперы: Пунціати, Манфредини, Тейберп, Габріель, Бонафини, Давія, Торди, Манжорлетти, Мара (для концертовъ).

Пѣвцы были: Карестини, Солети, Маркетти, Пратти, Маркези, Мандини и Паско.

Нѣмецкая труппа тоже состояла изъ славныхъ артистовъ: Опицъ, Картнеръ, Кронштейнъ, Фіала, впослѣдствіи Аресто и Линденштейнъ; актрисы: знаменитая Теллеръ, дѣв. Миллеръ и Леве.

Въ числѣ капельмейстеровъ, композиторовъ и виртуозовъ находились: Паезелло *, Сарти и Чимарозо, Віотти, Жарновикъ, Дицъ, Мотонисъ **, Далоліо, Араія, Бокарелли, Мартини, Скіати, Цанъ, Канціани, Старцеръ, Раупахъ, Лолли, Пезибль.

Декораторомъ былъ славный Гонзаго, котораго перспектива и колоритъ отличались отъ прочихъ художниковъ; декораціи его въ самой Италіи

---

* Государыня, замѣтивъ однажды, что Паезелло озябъ, повелѣла послать ему въ оркестръ свою шубу. См. Отеч. Зап. Спвн. 1823 г. N. 35, стр. 396.

** Одинъ изъ друзей Ѳ. Г. Волкова.

выставлялись, какъ образцы сценической живописи. Въ Павловскомъ саду извѣстная его оранжерейка Загородка съ видимыми чрезъ стекла растеніями, такъ обманывала зрѣніе, что въ нѣсколькихъ шагахъ хотѣлось отворить дверь. Машинистъ былъ славный механикъ Бриганцій, устроившій сцену эрмитажнаго театра.

Русскіе виртуозы были: Зоринъ и Хандошкинъ скрыпачь; танцовщики въ балетахъ: Бубликовъ и Балашовъ. Въ 1763 году вся Петербургская труппа во время коронаціи Государыни Екатерины играла въ Москвѣ.

Князь Николай Борисовичь Юсуповъ преимущественно любилъ Итальянскую оперу и ею занимался. Въ бытность свою Директоромъ, онъ особенно обращалъ вниманіе на порядокъ. Одна изъ знаменитостей Итальянской оперы, по капризу, какъ-то вздумала сказаться больною. Князь Юсуповъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы не обезпокоить больную, кромѣ доктора, никого къ ней не впускать, и съ большимъ соучастіемъ предъувѣдомилъ её, что не возможно ей выѣзжать до выздоровленія; пѣвица на другой же день выздоровѣла *.

Въ 1797 году на мѣсто Князя Юсупова назначенъ былъ Директоромъ Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, и скоро, по просьбѣ, былъ уволенъ. Потомъ сдѣланъ Главнымъ Директоромъ Императорскихъ зрѣлищъ Александръ Львовичь Нарышкинъ. Помощниками его по управленію Русскими труппами былъ Василій Васильевичь Капнистъ, извѣстный драматическій и лирическій писатель, а иностранными спектаклями завѣдывалъ Графъ Григорій Ивановичь Чернышевъ; музыкою управлялъ славный композиторъ Осипъ Антоновичь Козловскій, сочинившій музыку хоровъ трагедіи Фингалъ и торжественный польскій:

Громъ побѣды раздавайся!

Тогда иностранные спектакли особенно привлекали публику. Французская труппа часто играла при Дворѣ, и приводила въ восторгъ прелестная пѣвица—актриса Шевалье. В. В. Капнистъ употреблялъ все стараніе, чтобы возстановить ослабѣвшій Русскій театръ въ то время.

Въ Москвѣ же возрожденіе Русскаго театра въ 1776 году принялъ на себя Николай Сергѣевичь Титовъ, и представленія тамъ собранной имъ

* Покойный Князь Ник. Бор. самъ это разсказывалъ. Въ Москвѣ, въ позднѣйшее время, у него былъ свой театръ (въ его домѣ, на Никитской, бывшемъ Позднякова), и были свои пѣвицы и танцовщицы. Въ подмосковномъ селѣ его Архангельскомъ, въ саду то же былъ театръ, въ которомъ сохранились декораціи, писанныя знаменитымъ Гонзаго.

труппы давались на Головинскомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ бытность Императрицы Елизаветы, а содержаніе маскарадовъ, представленій иностранныхъ и балетовъ, по пяти-лѣтней привилегіи предоставлено было Итальянцамъ: Бельмонти и Чути; Директоръ Титовъ принялъ въ труппу: Померанцова, Ожогина, Каллиграфа и Базилевича; остальное число актеровъ и актрисъ дополнялось изъ разнаго званія людей.

Василій Петровичъ Померанцевъ и жена его были артисты съ большимъ достоинствомъ; игра его отличалась натуральностію: природа у Померанцева всегда брала верхъ надъ искусствомъ; всякая его роль согрѣвалась чувствомъ и теплотою; нѣсколько дрожащій голосъ придавалъ особое выраженіе его дикціи — не произнося ни слова, однимъ возведеніемъ глазъ къ небу, онъ сильно объяснялъ глубокую печаль; въ роляхъ несчастныхъ отцевъ и другихъ характерахъ, онъ былъ великій актеръ. Жена его имѣла разнообразный талантъ: была въ молодости въ драмахъ и комедіяхъ актриса привлекательная. Анна Аѳанасьевна (такъ, по большей части, ее называли), впослѣдствіи занимала съ успѣхомъ роли комическихъ старухъ.

Русскій театръ оставался въ распоряженіи Титова до 1769 года, а какъ Высочайшимъ указомъ, при учрежденіи Воспитательнаго Дома 1763 года Сентября 1-го, повелѣно отъ комедій, оперъ и всякихъ игрищъ за деньги, брать четвертую часть дохода, то Титовъ заключилъ условіе съ Воспитательнымъ Домомъ, вмѣсто четвертой части, вносить въ оный ежегодно 1,500 руб.

Въ это время представлялась на Русскомъ театрѣ трагедія: *Артаксерксъ*, съ хорами, переведенная изъ Гольбергова театра; была играна она 10 разъ сряду; партеръ и ложи верхнія и нижнія, когда ее давали, были такъ наполнены, *что уже отказывали желающимъ войдти*. Играна была комедія соч. самого содержателя театра, Титова: *Обманутый опекунъ*, съ успѣхомъ; *Евгенія*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ соч. Бамарше — въ ней привлекала вниманіе актриса Иванова; *О время!* комедія, принятая публикою (какъ о ней сказано въ драматическомъ Словарѣ, напеч. въ 1787 году) съ отмѣннымъ удовольствіемъ, и игрались всѣ пьесы, представлявшіяся въ Петербургѣ.

Въ 1769 году Русскій театръ перешелъ отъ Титова въ распоряженіе Итальянцевъ Бельмонти и Чути, тоже съ привилегіею на 5 лѣтъ; для постройки театра отведено было имъ мѣсто между Покровскими и Мясницкими воротами, гдѣ находилась стѣна Бѣлаго города и лѣсной рядъ; но какъ оно оказалось низко и сыро, то до постройки театра, чтобы актеры

безъ платы, а общество безъ удовольствія не оставались, было разрѣшено содержателямъ — открыть представленіе въ наемномъ домѣ Графа Романа Илларіоновича Воронцова, на Знаменкѣ *, гдѣ и давались представленія во всѣ пять лѣтъ, а своего театра содержатели не построили. Спустя годъ принялъ театръ въ содержаніе иностранецъ Гроти, къ которому вступилъ въ товарищи, въ 1776 году, Князь Петръ Васильевичъ Урусовъ. Публика, по странному предубѣжденію, тогда почитала совершенно невозможнымъ, чтобъ на сценѣ игрались Русскія оперы; однако же въ 1777 году, Января 3-го, содержатели рѣшились дать первую оригинальную оперу, составленную изъ Русскихъ пѣсенъ: *Перерожденіе;* но опасаясь крайне за ея исполненіе, Дирекція въ предшествовавшемъ этой оперѣ, нарочно сочиненномъ разговорѣ, испрашивала у публики позволеніе съиграть её, и не смотря на опасеніе, Русская опера произвела большой эфектъ.

Въ ту пору еще въ Москвѣ существовала какая-то недовѣрчивость и предубѣжденіе къ зрѣлищамъ въ простомъ народѣ: многіе почитали за грѣхъ ходить въ театръ.

Послѣ краткаго времени товарищества, Гроти уступилъ Князю Урусову свои права и обязанности, который въ уваженіе того, что на постройку каменнаго публичнаго театра въ Москвѣ надобно было употребить значительный капиталъ, испросилъ себѣ привилегію содержанія театра на десять лѣтъ, считая съ половины 1776 года, и въ теченіи пяти лѣтъ обязался непремѣнно построить каменный театръ, и принялъ къ себѣ въ товарищи Англичанина, механика Михайла Егоровича Медокса **; они нашли удобное для новаго театра мѣсто: домъ съ землею Князя Лобанова-Ростовскаго, состоявшій во 2-й части, на Петровской улицѣ въ приходѣ древней церкви Спаса что въ Копьѣ ***.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1780 года, сгорѣлъ домъ Графа Воронцова, гдѣ помѣщался Русскій театръ; несчастіе случилось во время самаго представленія трагедіи: *Димитрій Самозванецъ*, котораго превосходно игралъ одинъ изъ отличныхъ актеровъ Московскихъ, Иванъ Калиграфъ; послѣ чего вскорѣ онъ занемогъ и умеръ.

---

* Нынѣ домъ Князя Гагарина.

** Онъ обыкновенно носилъ красный плащъ на улицѣ и по этому его называли Кардиналомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ происходилъ изъ Грековъ (Медокса).

*** Эта небольшая церковь до перестройки Петровскаго театра послѣ пожара, находилась позади его, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лѣстница, ведущая въ переулокъ на большую Дмитровку.

Труппа близь года оставалась безъ занятій. Убытки, понесенные Княземъ Урусовымъ, были очень велики; онъ уступилъ Медоксу свою привилегію, со всѣми принадлежностями, и Медоксъ сдѣлался уже одинъ содержателемъ и строителемъ театра.

Вступленіе этого ловкаго и смѣтливаго учредителя зрѣлищъ въ управленіе Московскимъ театромъ, его прямая любовь къ дѣлу и терпѣніе, коимъ онъ вооружился для преодолѣнія всѣхъ препятствій, чтобы поставить сцену на степень совершенства, могутъ быть признаны блестящею эпохою для Московскаго театра.

Петровскій театръ, неусыпнымъ попеченіемъ Медокса, былъ построенъ въ 5-ть мѣсяцевъ *; планъ и работы производилъ Архитекторъ Розбергъ. Для возведенія театра Медоксъ занялъ у Опекунскаго Совѣта значительную сумму денегъ, подъ залогъ самаго строенія и приготовленныхъ матеріаловъ и особаго его строенія деревяннаго, находившагося въ Рогожской Части, въ приходѣ Мартына Исповѣдника, что въ Алексѣевской, гдѣ у него существовалъ Воксалъ съ садомъ; по счету Медокса, театръ ему обошелся въ 150 т. руб. Князь Василій Михайловичь Долгорукой-Крымскій, бывшій въ то время Начальникомъ Столицы, изъявилъ за постройку этого великолѣпнаго зданія благодарность и особенное вниманіе Медоксу и продолжилъ ему привилегію содержанія театра, съ окончанія срока, еще на десять лѣтъ, т. е. до 1796 года; но послѣ этой славы, послѣ двухъ лѣтъ Директорства Медокса, начались для него испытанія: Иванъ Ивановичь Бецкій нашелъ для казны выгоднымъ учредить свой публичный театръ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, коимъ управлялъ Баронъ Ванжура; это неожиданное предпріятіе поставило въ крайнее затрудненіе предпріимчиваго Медокса. Долгое время боролся онъ съ неудачами, которыя были послѣдствіемъ и его протестовъ и всеподданнѣйшихъ жалобъ Императрицѣ. Наконецъ произошла перемѣна: Иванъ Ивановичь Бецкій положилъ упразднить театръ, состоявшій нѣкоторое время въ вѣдѣніи Воспитательнаго Дома, найдя неприличнымъ, чтобы дѣвицы онаго танцовали и представляли на публичной сценѣ, и впослѣдствіи заключено было съ Медоксомъ такое условіе, чтобы сто человѣкъ питомцевъ обоего пола, предназначенныхъ для сценическихъ занятій, принять ему на жалованье, содержать на свой счетъ учителей для обученія

* Эти свѣдѣнія заимствованы изъ подлинныхъ дѣлъ, сохранившихся въ Москов. Губерн. Архивѣ. Смот. матеріялы для исторіи Москвы, изд. Гастева, 1841 г. Москва.

ихъ, сверхъ драматическаго искусства, всѣмъ другимъ предметамъ, и тѣхъ, которые не пожелаютъ оставаться при театрѣ, устроить положеніе; принять отъ Воспитательнаго Дома за опредѣленную цѣну весь театральный гардеробъ, строеніе и т. д., и вмѣсто четвертой части со сборовъ двухъ театровъ, платить Воспитательному Дому только десятую часть, и за тѣмъ содержаніе публичнаго театра въ Москвѣ, кромѣ Медокса, никому уже не дозволять. Такимъ образомъ Медоксъ сдѣлался владѣльцемъ, распорядителемъ вдругъ двухъ театровъ; онъ началъ съ того, что уволилъ всю иностранную труппу, состоявшую изъ Нѣмцевъ и Французовъ, принятую отъ Воспитательнаго Дома, а строеніе театра со всѣми принадлежностями положилъ продать и вырученныя деньги обратить на уплату долговъ своихъ; но въ этомъ онъ не успѣлъ и въ послѣдствіи его финансы отъ всѣхъ предпріятій до того разстроились, что еслибъ даже ему была уступлена Опекунскимъ Совѣтомъ десятая часть доходовъ съ театра, которой Медоксъ никогда не платилъ, 188,150 руб., то и за тѣмъ, онъ остался бы Совѣту должнымъ слишкомъ 100,000 рублей. У Медокса осталась одна Русская труппа.

Отстроенный большой театръ представлялъ большое удобство для спектаклей и маскарадовъ, которые посѣщало тогда все высшее общество; они давались въ особой великолѣпной круглой залѣ (ротондѣ), украшенной зеркалами, гдѣ при собраніи многочисленной публики, освѣщеніе производило эфектъ изумительный; планъ внутренняго устройства этой залы и идею далъ самъ Медоксъ; это было нѣчто изящное въ своемъ родѣ: зала освѣщалась сверху огнемъ, горѣвшимъ въ 42 хрустальныхъ люстрахъ; къ ней примыкали еще нѣсколько большихъ гостиныхъ. Иностранцы, которые пріѣзжали въ Москву, всегда восхищались великолѣпіемъ и красотою маскарадной залы Петровскаго театра; входъ въ маскарадъ тогда стóилъ рубль мѣди, и условіе костюмированія соблюдалось во всей силѣ; близъ театра были построены особые каменные флигеля, гдѣ жили артисты.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, труппа въ Москвѣ была очень ограничена: она состояла изъ 13 человѣкъ актеровъ: Василій Петровичъ Померанцевъ; Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, актеръ замѣчательный во многихъ роляхъ, снискалъ себѣ извѣстность; еще въ 1812 году мы его видѣли неподражаемымъ въ драмѣ Коцебу: *Попугай;* Ксури арапъ (Шушеринъ) исторгалъ у зрителей слезы, когда повторялъ слова Попугая: »Молись, Георгъ! Молись за отца твоего!«

Шушеринъ такъ былъ увлекателенъ въ ролѣ Ксури, въ Позугаѣ, что одинъ изъ зрителей, по окончаніи представленія этой пьесы, написалъ ему стихи:

Взирая на тебя, совсѣмъ я позабылъ,
Что ты не чорный Негръ, но Шушеринъ нашъ былъ,
И самъ бы Коцебу твоей игрой плѣнился,
Увидя какъ партеръ отъ Ксури прослезился,
Въ восторгѣ бы своемъ, онъ самъ себѣ сказалъ:
Вотъ мнѣ за трудъ вѣнокъ, котораго я ждалъ.

Иванъ Ѳедоровичъ Лапинъ, актеръ съ большимъ талантомъ и съ свѣдѣніями. Ролью Тита * онъ особенно прославился. Залышкинъ, актеръ, извѣстный по дарованію; Николай Даниловичъ Сахаровъ; Алексѣй Евстратовичъ Волковъ съ большимъ успѣхомъ представлялъ слугъ; Андрей Гавриловичъ Ожогинъ, славный комикъ, дававшій лицу своему въ одно время и смѣшное и трогательное выраженіе, т. е. одною стороной лица онъ плакалъ, а другою смѣялся, что разсказывали и объ извѣстномъ актерѣ Гаррикѣ. Дворяне зимой изъ дальнихъ губерній пріѣзжали нарочно, чтобъ видѣть Ожогина. Онъ такъ искусно представлялъ Еремѣевну, что многіе, принимая его за старуху, проигрывали заклады. Украсовъ, Колесниковъ, Ѳедотовъ, Поповъ, Максимовъ, Попченковъ и суфлеръ Буловъ.

Марья Степановна Синявская, впослѣдствіи Сахарова, знаменитая трагическая актриса, имѣла звучный органъ, мягкій пріятный голосъ; на лицѣ ея, выразительномъ и характеристическомъ, рисовались вѣрно всѣ порывы страсти; декламація и игра Синявской всегда были оживлены глубокимъ чувствомъ; ея станъ и фигура были величественны. Всякую драматическую, даже слабую роль, Марья Степановна умѣла скрасить и придать ей значеніе; торжествомъ ея почиталась роль *Дидоны* и многія другія, гдѣ особенно господствовали страсти сильныя и возвышенныя.

Надежда Калиграфъ почиталась тоже одною изъ первоклассныхъ актрисъ драматическаго амплуа, но въ другомъ родѣ: она изображала характеры нелестные, злонравные и коварные. Это, можно сказать, была Медея или Фурія на сценѣ: она часто заставляла зрителя содрогаться; тогда какъ актриса Калиграфъ въ обыкновенномъ своемъ быту была самая кроткая и благонравная женщина.

---

* Въ концѣ альбома приложена афиша 1786 г.

Двѣ другія сестры Синявскія: Александра Степановна (старшая изъ Синявскихъ) представляла старыхъ барынь въ комедіяхъ, а Ульяна Степановна (меньшая сестра) играла роли молодыхъ любовницъ въ трагедіяхъ и драмахъ съ успѣхомъ.

Только одна Марья Степановна Синявская получала 1,000 руб. въ годъ жалованья. Калиграфъ имѣла 600 руб. Двѣ другія Синявскія по 360 руб.

Прочія актрисы были: Сумна Виноградова, Мароа Полянская, Сумна Украсова, Анна Болдеванова и Анна Воробьева — всего девять актрисъ.

Танцовщики: Францъ Морелли въ качествѣ балетмейстера, Алексѣй Сиверсовъ, Христіанъ Шеглавъ.

Танцовщицы: Марья Залышкина, Прасковья Попова, Василиса Шилина и Катерина Олсуфьева. Вся драматическая труппа получала жалованья 12,159 руб. 50 коп. Старшій окладъ 2,000 руб. получалъ одинъ Померанцевъ.

Музыкантовъ въ оркестрѣ было 12 человѣкъ; изъ нихъ первый и вмѣстѣ Капельмейстеръ Сарторій получалъ въ годъ 600 руб.

Прочіе члены театра были: докторъ, балетчики, лакеи, зажигатели плошекъ, портной, парикмахеръ, садовникъ и трубочистъ; по временамъ въ предшествовавшихъ годахъ, труппа увеличивалась однимъ актеромъ и одною актрисою; но на всѣхъ жалованья никогда не выходило болѣе 22,870 руб., а на всё содержаніе театра 28,500 руб. Сцена оживлялась въ то время и большимъ участіемъ публики въ зрѣлищахъ и пріѣзжавшими въ Москву первоклассными артистами Петербургскаго Придворнаго театра; въ числѣ ихъ былъ славившійся тогда въ Европѣ балетмейстеръ и учитель бальныхъ танцевъ при Высочайшемъ Дворѣ, Пикъ, и первая танцовщица и пантомистка, г-жа Росси (мать извѣстнаго архитектора).

Ревность и добросовѣстность въ драматическомъ искусствѣ были очень понятны въ эту драматическую пору: отъ успѣха зависѣло счастіе театра; онъ существовалъ одними только сборами съ зрителей. Въ артистическомъ отношеніи ничего не было упущено, чтобы спектакли давались въ блестящемъ видѣ, т. е. всѣ пьесы были поставлены со всѣмъ тщаніемъ и всегда превосходно исполнялись; впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, то число спектаклей въ годъ не превышало восьмидесяти; но роли не иначе распредѣлялись при представленіи авторомъ или переводчикомъ новой пьесы, какъ въ совѣщательномъ Комитетѣ, который составлялся каждый разъ изъ главныхъ актеровъ и извѣстныхъ антрепренеру любителей искусства; пьеса не иначе могла быть объявлена къ представленію, какъ по удостовѣреніи, пригла-

шенными къ послѣднимъ репетиціямъ, что въ ходѣ ея соблюдена вся совокупность, но и это все не предохранило Медокса отъ разстройства: онъ вошелъ въ большую несостоятельность и неоплатные долги. Главною тому причиною было, что въ 1796 году въ Москвѣ существовало до двадцати домовыхъ театровъ, при коихъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы; лучшіе артисты по всѣмъ частямъ ими руководствовали и приглашались знакомые каждаго театрала въ эти спектакли безденежно; послѣ этого, обыкновенно бывалъ балъ. Такое даровое угощеніе зрѣлищами, натурально отвлекало публику отъ вольнаго театра. Извѣстные увеселители Москвы въ семъ отношеніи были: Графъ Петръ Борисовичь Шереметевъ *, Князь Владиміръ Ивановичь Щербатовъ, Дмитрій Емельяновичь Столыпинъ, Николай Ефимовичь Мясоѣдовъ, Князь Борисъ Григорьевичь Шаховской, Князь Михайла Петровичь Волконской, Василій Петровичь Салтыковъ, Иванъ Яковлевичь Блудовъ, Александръ Николаевичь Зиновьевъ и т. д.

Въ позднѣйшее время, въ восьмисотыхъ годахъ были домашніе театры: у Степана Степановича Апраксина **, гдѣ играли часто и благородные любители; у Николая Алексѣевича Дурасова была своя труппа, и славилась труппа Петра Александровича Познякова; распоряжалъ ею долго Сандуновъ; въ составѣ труппы Познякова отличалась актриса, хорошая пѣвица Любочинская. Въ первой половинѣ 1814 года, когда, по возстановленіи Москвы, Императорскій театръ не былъ еще открытъ, давались спектакли на театрѣ Познякова (на Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка), гдѣ, какъ говоритъ Чацкій: »былъ спрятанъ человѣкъ и щолкалъ соловьемъ«; тутъ Любочинская занимала роль жены президента въ *Водовозѣ* и играла Рапсію въ *Оборотняхъ*, и пѣла она во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ.

Въ 1780 году приказано было Медоксу: всѣ вновь сочиняемыя и переводныя пьесы представлять въ Университетъ на разсмотрѣніе; цензура

---

* У Графа Шереметева былъ свой театръ, не только въ городѣ, но и въ двухъ подмосковныхъ имѣніяхъ: въ Кусковѣ и Останкинѣ, устроены были сцены съ изящнымъ вкусомъ; въ Кусковѣ даже въ саду была сцена воздушная изъ липовыхъ шпалеръ съ обширнымъ амфитеатромъ. Въ 1778 и 1779 годахъ, собственными его пѣвцами и пѣвицами, такъ назывались тогда актеры частныхъ труппъ, представлялись разныя пьесы; домашнимъ переводчикомъ Графскаго театра былъ Вороблевскій; — на спектакли въ Кусково и въ с. Останкино съѣзжалось все высшее общество, а народъ ликовалъ въ саду, или передъ домомъ боярскимъ, гдѣ сжигались блестящіе фейерверки.

** Къ его труппѣ принадлежали два извѣстные артиста: буфъ Малаховъ и замѣчательный пѣвецъ (теноръ) Булаховъ, который въ послѣдствіи перешелъ на сцену Императорскаго театра.

оныхъ, сначала была поручена Профессору Чеботареву, потомъ обязанность эта перешла въ 1790 году къ Профессору Барсову, а въ 1797 году въ Февралѣ, опредѣлены, по Высочайшему повелѣнію, Ценсорами въ Москвѣ: Профессоръ А. А. Прокоповичь-Антонскій и Коллежскій Ассессоръ Стратиновичь. Театральныя пьесы поступали уже на разсмотрѣніи въ общую Ценсуру.

Пансіоны за выслугу 20 лѣтъ актерамъ, танцовщикамъ и музыкантамъ придворныхъ театровъ, назначены указомъ Императрицы Екатерины въ 1785 году.

Петровскій театръ былъ открытъ въ 1780 году; для этого случая, по желанію Государыни, Аблесимовъ сочинилъ прологъ-діалогъ въ стихахъ: *Странники;* въ немъ выведены: Аполлонъ, Меркурій, Момусъ, Муза Талія и Сатиръ; открылся вдали Парнассъ и у подножія горы представилась Москва, съ возвышающимся новымъ великолѣпнымъ зданіемъ; къ нему Аполлонъ, предшествуемый Меркуріемъ, подъѣхалъ въ великолѣпной колесницѣ. — Потомъ появилась другая Аблесимова опера: *Счастіе по жребью,* и третья: *Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ.* »Спѣши, братъ, писать медленно«, говорилъ почтенный Николай Петровичь Архаровъ, Начальникъ Аблесимова, когда онъ представилъ ему на судъ первый свой трудъ. »Публика дѣло великое! боюсь я за тебя.« — Нѣтъ, мой Мельникъ не умретъ! — *, отвѣчалъ Аблесимовъ. Его предсказаніе сбылось; но самъ авторъ умеръ въ крайней бѣдности, оставя послѣ себя одинъ ветхій письменный столъ. Все, что онъ ни пріобрѣталъ трудами и по наслѣдству, употребилъ на воспитаніе своей единственной дочери и на жемчугъ, который онъ любилъ употреблять въ уксусѣ, подобно Клеопатрѣ.

Устройство тогдашняго театра различалось съ нынѣшнимъ тѣмъ, что ложи не были открыты; но каждая составляла какъ бы отдѣльную комнату; подлѣ оркестра были особыя мѣста, занимаемыя постоянными посѣтителями; дамы садились въ креслахъ, которыя стоили 2 р., потомъ уже 2 руб. 50 коп., а партеръ внизу за креслами 1 руб. мѣдью; сверхъ Петровскаго театра, въ воксалѣ Медокса устроенъ былъ небольшой лѣтній театръ, гдѣ игрались однѣ маленькія пьесы. Для открытія воксала В. И. Майковъ сочинилъ небольшую оперу: *Аркасъ* и *Ириса*, музыка Керцелли. Потомъ представляли другія опереты: *Богарь*, *Два охотника*, гдѣ медвѣдь тоже

---

* Первое распредѣленіе ролей въ Мельникѣ было: въ Москвѣ, Анкудинъ — Залышкинъ, Филимонъ — Шушеринъ, Фалдѣй мельникъ — Ожогинъ. Послѣ его эту роль игралъ Макаровъ, и Зловъ, вышедшій въ ней на сцену въ Университетскомъ театрѣ. Прекрасный разборъ Мельника, сдѣланный Ал. Ѳед. Мерзляковымъ, напечатанъ въ 6 No Вѣстника Европы, 1817 года.

игралъ ролю, *Кузнецъ, Новое семейство, Роза и Коллась, Несчастіе отъ кареты* и т. д. Для гуляющихъ въ саду были раскинуты палатки съ кофейнями, поставлены качели; балансёры волтижировали на канатахъ; играла музыка и пѣли пѣсельники; за представленіями слѣдовалъ балъ или маскарадъ съ ужиномъ; садъ иллюминовался и бывали фейерверки. Вокальный театръ былъ пріуготовленнымъ для молодыхъ артистовъ: здѣсь они учились и испытывали свои способности предъ публикою; за входъ въ спектакль и воксалъ платили 1 руб. мѣди, а съ ужиномъ 3 рублей. Сюда обыкновенно стекалось до 5,000 человѣкъ и болѣе, и здѣсь-то вскружилъ нѣкогда голову Московскимъ дамамъ молодой Шведскій Адмиралъ Резенштейнъ, бывшій въ плѣну, и сложена была пѣсня, что матушки и дочки бросились за нарядами на Кузнецкій мостъ »какъ сказали, что въ воксалъ будетъ Шведскій Адмиралъ.«

Когда перенесены были представленія на Петровскій театръ, гдѣ уже цѣлый рядъ отличныхъ талантовъ блисталъ на сценѣ, сверхъ прежнихъ актеровъ, остававшихся въ труппѣ, перешли изъ Петербурга первоклассные артисты: Плавильщиковъ, Сандуновы: мужъ и жена; но вскорѣ, по увеличенію труппы и несостоятельности Медокса, театръ отошелъ изъ его вѣдѣнія. Въ 1799 году актеры просили отдать имъ его на откупъ и хотѣли представить за себя поручителей; но Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало; былъ учрежденъ особый Комитетъ, который испросилъ у Опекунскаго Совѣта ссуду 300,000 руб.; изъ нихъ Совѣтъ удержалъ ему слѣдовавшую часть, а остальное обратилъ на удовлетвореніе кредиторовъ Медокса и на надобности театра; его привилегія оканчивалась. Опекунскій Совѣтъ поступилъ въ вѣдѣніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Которая изволила оказать благодѣяніе Медоксу, повелѣвъ выдавать ему 3,000 р. пансіонъ въ годъ съ семействомъ по смерть. Съ 1-го Апрѣля, 1806 года, театръ Московскій сдѣлался Императорскимъ, поступилъ въ вѣдѣніе Главнаго Директора театральныхъ зрѣлищъ, повелѣно зачесть всѣмъ артистамъ годы службы у Медокса за дѣйствительную къ выслугѣ пансіоновъ, и былъ назначенъ особымъ Директоромъ въ Москвѣ Князь Михайло Петровичъ Волконскій, отъ котораго впослѣдствіи пріобрѣтена въ казну и его труппа *.

---

* Послѣ Князя Волконскаго былъ Директоромъ М. Н. Приклонскій. Въ это время управлялъ репертуарною частью Н. И. Ильинъ драматической писатель; потомъ были Директоры Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій и Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

Тутъ явились новые таланты: Зловъ (Петръ Васильевичь), образовавшійся въ Московскомъ Университетѣ, актеръ даровитый, соединявшій благородство съ величіемъ въ осанкѣ; голосъ Злова (у него былъ прекрасный басъ) и его способности сдѣлали его артистомъ, необходимымъ для оперы; но сначала онъ игралъ и въ трагедіяхъ и въ драмахъ: выходилъ Тезеемъ (въ Эдипѣ) и Димитріемъ Донскимъ. Перемѣстившись на Петербургскую сцену, послѣ 1812 года, онъ блисталъ въ роляхъ Іакова (въ *Іосифѣ*), Водовоза, въ музыкальныхъ партіяхъ благородныхъ отцовъ, разныхъ композиторовъ, для которыхъ требовался и пѣвецъ и актеръ съ достоинствомъ; онъ въ тоже время игралъ противуположныя роли: Мельника, Ивана Сусанина (опера Князя Шаховскаго), старосты въ водевилѣ *Встрѣча незваныхъ*; когда онъ пѣвалъ:

Не указъ намъ чужеземный край!
Намъ не то отцы заповѣдали!

или Русскимъ воиномъ славилъ *Защитника Петрова града!* Зловъ былъ незамѣнимъ.

Степанъ Ѳедоровичь Мочаловъ, отецъ превосходнаго трагика Павла Степановича Мочалова, въ трагедіи и драмѣ играя героевъ, отличался физическими свойствами и сильнымъ выраженіемъ чувства.

Петръ Родіоновичь Колпаковъ имѣлъ пріятный, патетическій органъ; имъ онъ много выражалъ благородства въ драмахъ, особенно былъ хорошъ въ *Генералѣ Шлейнгейнѣ*, Досажаевымъ въ комедіи *Школа злословія*. Его настоящее амплуа была роль благородныхъ отцовъ; игралъ съ успѣхомъ въ трагедіи *Магометѣ* Зопира; онъ сталъ наслѣдникомъ многихъ ролей Плавильщикова.

Андрей Артамоновичь Украсовъ, въ послѣдствіи Инспекторъ театральной школы, зналъ хорошо сцену, занималъ роли вертопраховъ, франтовъ, обладалъ искусствомъ щегольски одѣваться по законамъ тогдашней моды: костюмъ его всегда былъ изысканъ. Фонъ Мильдомъ въ драмѣ *Сынъ любви*, и Вѣтропомъ *въ Школѣ злословія*, въ сценѣ продажи портретовъ, онъ возбуждалъ сильныя аплодисменты.

Кураевъ (Іовъ Прокофьевичь), послѣ Ожогина, слылъ первостепеннымъ буфомъ, комикомъ. Въ одно время съ нимъ явился Касаткинъ (Алексѣй Ивановичь), пѣвецъ и актеръ съ дарованіемъ; они оба играли часто и почти въ одинаковомъ амплуа.

Въ этой же эпохѣ принадлежалъ комикъ: Александръ Ефимовичь Пономаревъ, имѣвшій свой особенный типъ на сценѣ: онъ морилъ со смѣха въ роляхъ деревенскихъ слугъ, какъ напр. Антропка (въ комедіи *Модная лавка*), каррикатурныхъ стариковъ (Pères Ganaches), *Портной Фингъ*, Подслухинъ (въ *Подложномъ кладѣ*), Сутягинъ (въ *Ссорѣ или два сосѣда*); особенно хорошъ былъ въ роляхъ приказныхъ: въ *Ябедѣ* являлся онъ Секретаремъ Кохтинымъ, съ засучеными рукавами, съ перомъ за ухомъ, докладывающимъ дѣло:

Я предварительный журналецъ начернилъ,
Съ законами его и съ дѣломъ согласилъ.

Въ *Князѣ Невидимкѣ* Цымбалдою, въ *Илѣ Богатырѣ* Сѣдыремъ, объясняющимъ Асмодѣю множество манеровъ кланяться. Пономаревъ всюду былъ юмористически оригиналенъ; но верхъ его комисма составляла жалобная пѣсенка, которую онъ пѣвалъ въ интермедіяхъ, являясь во фризовомъ сюртукѣ и въ картузикѣ:

Ахъ, что нынче за время!
Взятокъ брать не велятъ *.

Еще до 1812 года онъ перешелъ на Петербургскій театръ, гдѣ и кончилъ свое поприще.

Зубова (Михайла Николаевича), Воеводина (Василья Ивановича), оперныхъ актеровъ, съ ихъ знаніемъ музыки, можно было считать сценическою необходимостію; послѣдній умѣлъ самой безцвѣтной ролѣ придать характеръ; а Зубовъ отличался и комисмомъ въ роляхъ стариковъ и особенною аккуратностію; въ день, когда ему должно было играть, онъ являлся въ театръ прежде всѣхъ, и въ 5 часовъ всегда уже костюмированный сидѣлъ и дожидался начала спектакля.

Соколовъ (Яковъ Яковлевичь), по преимуществу пѣвецъ, замѣчателенъ былъ въ оперѣ; имъ держался Іосифъ, Графъ Армандъ (въ *Водовозѣ*) и много другихъ ролей, основанныхъ на теноровыхъ партіяхъ.

Кавалеровы мужъ и жена были артисты тоже замѣчательные; мужъ (Константинъ Прохоровичь), какъ оригинальный комикъ, игравшій въ одно время съ Сандуновымъ; ихъ сцена въ *Чудакахъ* производила восторгъ, а жена Кавалерова (Елена Матвѣевна) пріобрѣла извѣстность уже впо-

---

* Изъ оперы *Гостиный дворъ*.

слѣдствіи въ роляхъ деревенскихъ барынь, комическихъ старухъ, и до сихъ поръ продолжаетъ сценическое поприще.

Прусаковъ (Артамонъ Никитичъ), неимѣвшій большаго таланта, и актеръ Кондаковъ (Михайла Кондратьевичъ), стояли въ театральной сферѣ почти на одной линіи, съ тою только разницею, что первый участвовалъ и въ операхъ, а послѣдній, посвятившій себя преимущественно Мельпоменѣ, кончилъ жизнь на помостахъ театра, склонясь предъ царицею Вавилона *.

Муромцовъ (Фролъ Ивановичъ) былъ комикъ, и занималъ небольшія роли.

Алексѣй Васильевичъ Лисицынъ, одаренный врожденною ему веселостью, забавлялъ партеръ; одна его мимика заставляла смѣяться; онъ игралъ и Митрофанушку и Филатокъ.

Занималъ въ комедіяхъ небольшія роли ** Медвѣдевъ Иванъ Степановичъ, и Коняевъ; послѣдній былъ и актеръ и машинистъ.

Московскій театръ имѣлъ въ то время свою знаменитость для драмы, Матрену Семеновну Воробьеву, которой способности раскрылись начально въ Рязани, на заводимомъ тамъ театрѣ П. И. Приклонскимъ; съ помощію Дмитревскаго, коего наставленіями она воспользовалась, Воробьева достигла большой славы въ Москвѣ и заступила мѣсто Синявской; литераторы и знатоки отдавали ей справедливость, и сама знаменитая Жоржъ отозвалась объ ней, что она »создана для Коцебу.«

Оперы, съ большимъ спектаклемъ, давались часто; въ нихъ, въ одно время съ Сандуновой, играла: Буденброкъ (Марья Ивановна), артистка умная, обладавшая и искусствомъ и музыкальнымъ голосомъ; она и сестра ея, Лисицына (Анна Ивановна), преемница Померанцевой, талантливая, можно сказать, оригинально прекрасная въ своемъ родѣ, отслужили съ честію свое время Русской Таліи, оставили театръ съ пансіономъ и теперь живутъ въ Москвѣ; недавно еще Анна Ивановна Лисицына разсказывала намъ о первомъ своемъ неожиданномъ дебютѣ на прежней сценѣ Петровскаго театра: Померанцева, играя роль Ратимы, въ 1 части Русалки, внезапно была поражена ударомъ на сценѣ ***; между тѣмъ готовился бенифисъ режиссера Сандунова, 2-я часть Русалки; онъ прихо-

---

* Въ бытность знаменитой Семеновой въ Москвѣ, Кондаковъ, играя Царя въ Семирамидѣ, упалъ на колѣна и кончилъ жизнь.

** Этотъ единственный теперь представитель прежней труппы Медокса, живетъ въ Москвѣ, получаетъ пенсію; онъ считаетъ себѣ слишкомъ 70 лѣтъ.

*** Хотя послѣ того она и оправилась, но на театръ болѣе не возвращалась.

дилъ въ отчаяніе, что не было Ратимы; случайно намекнули ему о Лисицыной, которая казалась неопытною актрисою и была очень молода; расторопный Сандуновъ убѣдилъ её выучить ролю, прочиталъ ее съ нею нѣсколько разъ и въ день спектакля разрисовалъ дебютанткѣ лице сухими красками такъ, что она долго плакала отъ боли, и когда надѣла костюмъ, то ея сестра и другіе товарищи приняли ее за Померанцеву, и съ участіемъ распрашивали о состояніи ея здоровья. Лисицына ролю свою выдержала мастерски и стала съ тѣхъ поръ любимицею публики.

Борисова (Анна Матвѣевна), родная сестра Кавалеровой, и Панова были замѣчательныя артистки въ трагедіи; первая много заимствовала отъ Семеновой.

Никифорова (Марья Ивановна), въ роляхъ: чиновницъ и деревенскихъ барынь, была превосходна, и въ особенности *въ Ябедѣ*, гдѣ она представляла жену Предсѣдателя. *Въ Бригадирѣ* играла Бригадиршу, и г-жу Сумбурову *въ Модной лавкѣ*.

Не можемъ умолчать также о весьма умной актрисѣ этого времени — Петровой (Пелагеи Ивановы), которая играла въ драмѣ многія роли съ чувствомъ и главныхъ наперстницъ съ Семеновой.

Двѣ интересныя сестры Лобановы (Ольга и Прасковья Карповны) — блондинка и брюнетка, — меньшая начала свое поприще Лидою; партеръ ее привѣтствовалъ рукоплеканіями и кликами, когда, грозясь на него съ лукавою улыбкою, пѣла:

Мужчины на свѣтѣ
Какъ мухи къ намъ льнутъ.

Караневичева, Баранчѣева, Кураева, Шепелева (Аграфена Ивановна) — игравшая служанокъ, и Пасова (Елена Александровна) пѣвица, — вотъ главный составъ труппы эпохи стараго Петровскаго театра и нѣсколько позднѣйшаго времени! Большая часть изъ сихъ артистовъ поступила изъ частныхъ труппъ: Князя Волконскаго, Салтыкова и въ особенности Столыпина; эти актеры были уже приготовлены и временемъ и опытностью. Балетмейстеромъ сначала былъ Саламони, и двѣ его дочери танцовали въ балетахъ; одна изъ нихъ хорошо играла на скрипкѣ; потомъ распоряжалъ балетами Ламиралъ; первою танцовщицею была его жена, и участвовали ихъ дѣти. Минарети сочинялъ балеты-гротескъ, которые исполнялись имъ и его женою, а Русскими плясками и постановкою характер-

ныхъ танцевъ занимался Аблецъ; его сочиненія комическій балетъ: ***Школа Пьеро***, былъ очень забавенъ.

Репертуаръ, съ усиленіемъ труппы, сдѣлался обиленъ — оперы и драмы занимали главное въ немъ мѣсто: Русалка, три части, переведенныя съ Нѣмецкаго И. С. Краснопольскимъ *, дѣятельнымъ переводчикомъ многихъ Нѣмецкихъ драмъ, была самымъ восхитительнымъ представленіемъ въ восьмисотыхъ годахъ: эта опера не сходила съ афиши; Лесту (главную роль) занимала Сандунова; въ тоже время Буденброкъ и Пасова; послѣдняя играла ее во 2-й только части. Когда парусинный Днѣпръ бушевалъ на помостахъ Петровскаго театра, только всѣ и твердили о ***Русалкѣ;*** она была поставлена прекрасно: декораціи, костюмы — все было роскошно: настоящій шелковой бархатъ, золотой галунъ, Сибирскій соболь, и т. д. Сандунова приводила въ восторгъ: ея пѣсня »***По метлы!***« (которую она пѣвала, превратясь въ крестьянскаго мальчика) и арія »***Вы къ намъ вѣрность никогда***«, повторялись во всѣхъ Московскихъ гостиныхъ.

Видостана игралъ Померанцевъ, потомъ Степанъ Оедоровичь Мочаловъ, Остана Ловчаго Зубовъ, Кифара Пономаревъ, Тарабара сначала Ожогинъ, потомъ Волковъ **, Курасвъ и Касаткинъ; Милославу представляла Ольга Лобанова, Ратиму Померанцева и потомъ Лисицына: обѣ онѣ были превосходны.

Преимущественно драмы плодовитаго Коцебу сильно владѣли сердцами зрителей: ***Дѣва солнца, Испанцы въ Перу или смерть Роллы, Бѣдность и благородство души, Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Гусситы подъ Наумбургомъ, Сынъ любви, Примиреніе двухъ братьевъ, Потугай*** и ***Нѣмецкіе мѣщане*** повторялись всего чаще; относительно трагедій, въ восьмисотыхъ годахъ, Сумароковъ выходилъ уже изъ моды; его ***Самозванца*** замѣнилъ ***Дмитрій Самозванецъ*** Василья Трофимовича Нарѣжнаго, написанный въ прозѣ; съ успѣхомъ давались: ***Разбойники,*** трагедія, переведенная съ Французской передѣлки, О. О. Иванова; одна изъ самыхъ замѣчательныхъ трагедій появилась въ то время: ***Юлій Цесарь***, переводъ, близкій къ подлиннику, Николая Михайловича Карамзина; она была напечатана въ 1737 году съ весьма любопытнымъ предисловіемъ; потомъ игралась: ***Эмилія Галотти***

---

* Впослѣдствіи Князь Шаховской сочинилъ и четвертую часть Русалки.

** (Никифоръ Васильевичь) Волковъ 2 изъ труппы Кн. М. П. Волконскаго, игравшій роли буфовъ.

(Лесинга), переведенная имъ же Карамзинымъ, въ ранней его молодости; это была первая, можно сказать, драма, въ хорошей разговорной прозѣ; она подвигла многихъ къ переводамъ сценическимъ; появились на Русскомъ языкѣ: *Коварство и любовь, Отелло*, и цѣлый рядъ драмъ и комедій; между ими занимали почетное мѣсто: *Отецъ семейства* *, *Графъ Вальтронъ, Желѣзная маска, Генералъ Шлеингсгеймъ* — одна изъ весьма замѣчательныхъ драмъ по прекрасной экспозиціи и возвышенному характеру главнаго дѣйствующаго лица; *Ботъ, или Англинской купецъ*, переводъ Кн. Петра Долгорукаго; въ этой ролѣ весьма былъ хорошъ Плавильщиковъ: можно сказать, что онъ первый ее создалъ въ Москвѣ. *Школа злословія* и *Скапиновы обманы*, перев. Ив. Смирнова, гдѣ превосходенъ былъ Сандуновъ.

Хотя и были въ то время раздѣлены амплуа между актерами; но для хорошей обстановки пьесы, не только въ драмахъ, незначительныя роли должны были исполнять актеры перваго разряда, но и оперные играли въ комедіяхъ, какъ наприм.: Ел. Сем. Сандунова пѣвица представляла прекрасно Лизу въ драмѣ Ильина и жену Досажаева въ *Школѣ злословія*. Скоро сценическій успѣхъ незванныхъ переводовъ, возбудилъ соревнованіе и въ нашихъ отечественныхъ авторахъ; стали писать для театра: Василій Михайловичъ Ѳедоровъ воспользовался сюжетомъ бѣдной Лизы Карамзина, сочинилъ драму *Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія* **; потомъ *Клевета и невинность, Русской солдатъ, или хорошо быть добрымъ господиномъ, Не бывать фатъ;* комедіи: *Удачный обманъ, Благодѣтельный расточитель* и другія; Николай Ивановичъ Ильинъ поставилъ драмы: *Рекрутскій наборъ, Лиза, или торжество добродѣтели;* комедіи: *Влюбленный нелюдимъ*, передѣланную на Русскіе нравы, *Недовѣрчивость и хитрость, Физіономистъ и Хиромантикъ*, и *Подложный кладъ*, при представленіи коего стоялъ стонъ отъ рукоплесканій, когда слугою являлись на сцену Сандуновъ и Пономаревъ, со скрыпкою; Сандуновъ же отлично игралъ слугу Семена, въ комедіи въ стихахъ: *Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра*, Дмитрія Владиміровича Ефимьева; эта

---

* Первое распредѣленіе ролей въ немъ было: Графъ Чадолюбовъ (отецъ) Лапинъ, живописецъ Померанцевъ, Графъ Любимъ, пламенный и ловкой Шушеринъ, Гр. Добросердовъ Плавильщиковъ, Елиза — Мар. Ст. Сахарова, Гр. Разумова Каллиграфъ, Маріана — Померанцова, Гр. Калистратъ Украсовъ, Баронъ Скучьевинъ — Сахаровъ. При этой обстановкѣ пьеса не сходила съ репертуара.

** Карамзинъ, смотря ее представленіе, сказалъ: я узнаю мою Лизу.

пьеса имѣла въ то время успѣхъ блестящій: также и ком.: *Неслыханное диво, или честный секретарь*, Николая Родіоновича Судовщикова.

Представляли комедіи: *Знатоки*, Николая Ѳедоровича Эмина *, *Не знаешь, не ревнуй, а знаешь, такъ молчи;* много комедій переводныхъ: *Интрига чрезъ письма, Явная война или хитрость противъ хитрости* (переводъ А. О. Малиновскаго). Въ ней превосходенъ былъ проныр ливый слуга — Сандуновъ, Лизетту прелестно играла Полянская, живая, ловкая служанка своего времени. Давали часто: *Хвастуна*, и *Чудаки*, Княжнина; Сандуновъ — Полистомъ былъ такъ ловокъ, такъ интересенъ, что его манеры и пріемы старались перенимать въ обществахъ молодые люди; съ успѣхомъ повторялись на Арбатскомъ театрѣ комедіи: *Военная тюрьма, или три арестанта*, Арис. Владим. Лукницкаго; оригинальная ком.: *Модная семья, или пора ѣхать въ деревню;* наконецъ явилась: *Ябеда*, Василья Васильевича Капниста, игранная множество разъ къ ряду, дожившая и до настоящаго времени. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ивановъ тоже былъ одинъ изъ дѣятельныхъ и, можно сказать, отличныхъ участниковъ сцены; его сочиненія игрались, трагедія: *Марѳа Посадница* въ 5 дѣйств., въ стихахъ; драмы: *Семейство Старичковыхъ* — сюжетъ ея заимствованъ изъ извѣстнаго военнаго происшествія. Въ ней замѣчательны были: С. Ѳ. Мочаловъ (Алексѣй скульпторъ) и С. Н. Сандуновъ (Грабилинъ); *Награжденная добродѣтель, или женщина какихъ мало*, въ 5 дѣйств.; комедіи: *Не все то золото, что блеститъ, Козачій офицеръ, Женихи, или вѣкъ живи и вѣкъ учись;* Ивана Матвѣевича Муравьева - Апостола: *Ошибки, или утро вечера мудренѣе*, и переведенная имъ комедія изъ Шеридана: *Школа злословія*, и Аристофанова комедія: *Облака*. Алексѣя Даниловича Копьева: *Лебедянская ярмарка*, гдѣ Ожогинъ, свахою, морилъ со смѣху, и *Что не наше, того намъ и не надо;* Александра Ивановича Клушина: *Стихъ и горе, Услужливый, Худо быть близорукимъ*, и опера: *Американцы;* потомъ двѣ комедіи Михайла Ивановича Веревкина: *Такъ и должно* и *Точь въ точь;* нѣсколько патріотическихъ трагедій и драмъ Сергѣя Николаевича Глинки: *Князь Михаилъ Черниговскій, Мининъ, Осада города Полтавы, Наталья Боярская дочь, Сумбека, или покореніе Казанскаго Царства, Антоніо Гамбо, сопутникъ Суворова на горахъ Альпійскихъ*,

---

* Эта комедія въ стихахъ съ большимъ числомъ лицъ, игралась съ успѣхомъ до 1812 года и студентами на Университетскомъ театрѣ и въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.

съ хорами и балетами; игрались и оперы его перевода, также и тогдашняго театрала Михайла Николаевича Макарова: *А для чего же и не такъ*, и *Лиза, или истинный братъ*. Князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго опера: *Олинька, или первоначальная любовь;* Князя Алексѣя Ивановича Голицына: *Эдипъ*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ, изъ театра Волтера, *Англійской сирота*, драма въ 3 дѣйст.; комедіи: *Отецъ невидимка, или сватался на матери — женился на дочери*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Новые гудаки, или прожектеръ*, ком. въ 5 дѣйствіяхъ, обѣ въ стихахъ. Кн. Ивана Михайловича Долгорукаго: *Любовное волшебство*, опера въ 3 дѣйствіяхъ. Павла Ивановича Голенищева-Кутузова опера перев. съ Франц.: *Притворная любовница;* Николая Селявина игралась: *Добро не впопадъ и зло не во вредъ*, комедія въ 3 дѣйств., также въ стихахъ; Аполлонъ Александровичь Майковъ, который былъ впослѣдствіи Директоромъ театра, отдалъ свою комедію въ одномъ актѣ: *Неудачный сговоръ, или помолвилъ, да не женился*, и поставилъ большое число пьесъ Дмитрія Ивановича Вельяшева-Волынцова, издававшаго журналъ *Талію*; постоянно игрались переводы Ал. Ѳед. Малиновскаго, забавная комедія: *Сѣятскіе друзья*, и оригинальная его опера: *Старинныя святки;* Льва Неваховича драма: *Сулиоты, или Спартанцы XVIII столѣтія*, въ 3 дѣйствіяхъ. Князя Петра Андреевича Вяземскаго: *Пустынникъ*, драма въ 3 актахъ *; Андрея Ивановича Бухарскаго, комедіи: *Неумышленныя ошибки, Плата тою же монетою, Недоконченная картина*, и долго не сходила со сцены его забавная комедія въ стихахъ: *Любовная ссора;* шли съ успѣхомъ пьесы Липанова, передѣлавшаго позднѣе оперу: *Князь Невидимка*, для которой сочинилъ Кавосъ музыку (возобновлялась нѣсколько разъ); онъ же перевелъ часто игравшуюся комедію: *Слуга двухъ господъ*. Играли пьесы Павла Ивановича Сумарокова: *Марѳа Посадница*, драма въ 3 дѣйствіяхъ.; комедіи: *Модникъ*, въ 3 дѣйствіяхъ, и *Зеленый корсетъ*, въ 3 дѣйст. Нѣсколько пьесъ Николая Степановича Краснопольскаго, переводившаго въ одно время съ Алекс. Ѳед. Малиновскимъ Коцебу, пьесы трудолюбиваго переводчика Ѳедора Андреевича Эттингера, нѣкоторыхъ другихъ любителей театра, и повторялась съ успѣхомъ небольшая комедія: *Влюбленный Шекспиръ*, перевода Дм. Ив. Языкова (1807 года). Пьесы

---

* Въ послѣдствіи Князь Петръ Андреевичь написалъ нѣсколько пьесъ для театра: маленькая игривая опера: *Пѣвецъ и портной*. Водевиль: *Бальдонскія воды*, *Кто братъ, кто сестра*, и проч.

Пав. Ник. Титова, служившаго при театральной Дирекціи, и Николая Николаевича Сандунова *, переводчика драмы: *Отецъ семейства*, издавшаго собраніе пьесъ для театра Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона **; впослѣдствіи появились комическія оперы Александра Яковлевича Княжнина: *Ямъ*, *Дѣвишникъ*, *Филаткина свадьба*; позднѣе Алек. Яков. Княжнинъ отдалъ еще нѣсколько пьесъ на сцену, драму: *Андромеда и Персей*, съ хорами и балетами; ком.: *Женихъ трехъ невѣстъ*, съ балетомъ; оперету: *Интрига въ корзинѣ*; музыку для всѣхъ его пьесъ сочинялъ Алексѣй Ник. Титовъ.

Въ 1805 году зимою, Петровскій театръ сгорѣлъ совершенно, отъ неосторожности гардеробмейстера; сбирались играть *Русалку*; но какъ пожаръ произошелъ до начатія спектакля и публика только-что стала съѣзжаться, то никакого несчастія не послѣдовало.

Въ то время существовало обыкновеніе извѣщенія послѣ первой играемой пьесы о слѣдующемъ спектаклѣ; этотъ обычай велся издавна съ тѣхъ поръ, какъ еще не установлено было печатаніе афишъ и наблюдался долго, какъ уваженіе артистовъ къ публикѣ; обыкновенно первые артисты выходили съ извѣщеніемъ и оно начиналось такъ: »Почтеннѣйшая публика! въ слѣдующій (такой-то день) Императорскими Россійскими актерами представлена будетъ ***; а если возвѣщался бенифисъ, то объявленіе оканчивалось: »такой-то артистъ ласкаетъ себя надеждою, что почтеннѣйшая публика удостоитъ его своимъ посѣщеніемъ.«

Представленія возобновились въ домѣ Пашкова, на Моховой (нынѣ въ этомъ домѣ помѣщается отдѣленіе Университета). Въ 1807 году учреждена театральная школа и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе о по-

---

* Бывшаго Профессора Россійскаго Законоискусства при Московскомъ Университетѣ.

** Воспитанники Университетскаго Благороднаго Пансіона, подъ руководствомъ обоихъ братьевъ Сандуновыхъ, давали прекрасные спектакли на своемъ театрѣ; женскія роли исполняли мужчины. Н. Н. Сандуновъ сочинялъ для нихъ нарочно игривую, нравственную комедію безъ женскихъ лицъ: *Друзья нынѣшняго вѣка*; она имѣла большой успѣхъ и повторялась часто. Практическое законопроизводство было облегчено тоже въ драматическую форму. Въ немъ упражнялъ воспитанниковъ извѣстный законовѣдѣцъ Зах. Іоаник. Горюшкинъ. Во время публичныхъ актовъ въ Пансіонѣ представляемы были суды, опеки: воспитанники являлись тутъ предъ публикою судьями, секретарями, истцами и отвѣтчиками и производились тяжебныя дѣла. *См. Воспомин. объ Университ. Благ. Пансіонѣ Н. В. Сушкова.*

*** Во время управленія Князя Петра Ивановича Тюфякина театромъ въ Петербургѣ, было заведено, что артистъ, извѣщавшій о спектаклѣ, выходилъ одѣтый съ строгимъ приличіемъ, не иначе какъ въ башмакахъ и съ треуголной шляпой; впослѣдствіи это отмѣнено.

стройкѣ новаго деревяннаго театра у Арбатскихъ воротъ, гдѣ оканчивается Пречистенскій бульваръ (на этой площади нынѣ устроенъ бассейнъ); этотъ театръ выстроенъ былъ, по плану Архитектора Росси, окончательно въ 1808 году и открытъ 13-го Апрѣля прологомъ соч. Сергѣя Николаевича Глинки: *Боянъ, Русской пѣснопѣвецъ древнихъ временъ*, съ хорами и балетами. Площадь, на коей театръ стоялъ на пространствѣ 1556 квадратныхъ саженъ, была вновь нивелирована и вымощена, потому, что въ дождливую погоду по ней ни пройдти, ни проѣхать было не возможно отъ грязи. Арбатскій театръ былъ очень красивъ, весь окруженъ колоннами, подъѣзды къ нему были со всѣхъ сторонъ; большое пространство между коллонъ въ видѣ длинныхъ галлерей, соединявшихся вмѣстѣ, представляло возможность прогулки. Внутреннее акустическое устройство весьма было хорошо, слышно и видно отвсюда; декораціи для него написаны художникомъ Скотти; балетмейстеромъ принятъ Лефевръ; были переведены изъ Петербурга танцовщики: Леонъ на первое амплуа, комическій танцовщикъ Фалле, танцовщицы Делиль, Лампраль и Констансъ Плетенъ; но Московскій балетъ получилъ настоящее свое развитіе съ 1809 года: въ это время пріѣзжалъ въ Москву знаменитый Дюпоръ, который, порхая по сценѣ, удивлялъ своею силою, граціей и легкостію *; съ нимъ танцовали Петербургскія танцовщицы: Сенклеръ, Новицкая и Иконина. Дюпоръ поставилъ балеты: *Зефиръ, или вѣтренникъ, сдѣлавшійся постояннымъ* (Le volage fixé), *Любовь Венеры и Адониса, или мщеніе Марса*, и *Севильскій цырюльникъ*.

Въ 1811 году восхищала Московскую публику первоклассная пантомимная танцовщица Евгенія Ивановна Колосова; особенно она была хороша въ ролѣ *Медеи* и *Изоры* (Рауль синяя борода). Русская пляска Колосовой съ Огюстомъ очень нравилась Москвѣ. Даже иностранцы не могли налюбоваться ею, а знаменитая Жоржъ просила Огюста выучить этой пляскѣ ея меньшую сестру, которая и плясала въ бенефисѣ актрисы Жоржъ съ Огюстомъ; А. Ев. Ив. Колосова для своего бенефиса

* Его прекрасно изобразилъ поэтъ Бершу, въ слѣдующихъ стихахъ:

Jamais Zephir humain ne parut si leger:
Dans tous les autres vents rampant dans la carriere
On avait reconnu le poids de la matiere;
Mais lui seul dégagé des terrestres liens
Parait en tout semblable, au dieux aeriens.
Du parterre charmé, l'oeil peut le suivre à peine
Parmi les jeunes fleurs qu'agite son haleine.

въ Москвѣ, въ 1811 году, предъ балетомъ (*Раулъ синяя борода*, котораго представлялъ Лефебръ), участвовала въ двухъ пьесахъ: въ комедіи Иванова: *Женихи*, она играла съ большимъ оживленіемъ офицера Быстряя, а въ маленькой оперѣ (перевода И. И. Вальберха): *Два слова, или ночь въ лѣсу*, роль Розы, прислуживающей въ трактирѣ.

Самойловъ (Василій Михайловичь) и его жена (Софья Васильевна) въ томъ же году играли на Арбатскомъ театрѣ; онъ являлся Президентомъ въ оперѣ *Водовозъ* и въ *Деревенскихъ пѣвицахъ* (Фіеронти).

Въ этой оперѣ участвовала также въ то время знаменитая Фодоръ Менвьель *, получившая первое образованіе на Петербургской сценѣ; въ Римѣ, какъ новая Корина, она была увѣнчана и въ честь ея была выбита медаль; всѣ Европейскіе театры отдавали ей справедливость; щедрый Лондонъ особенно дорожилъ ею.

Софья Васильевна Самойлова, незабвенная во многихъ роляхъ и Русскими пѣснями, которыя она пѣвала; оба Самойловы были превосходны въ оперѣ: *Павелъ* и *Виргинія;* Василій Михайловичь въ ролѣ офицера любовника въ оперѣ: *Глупость, или тщетная предосторожность* (Une folie); въ *Монтенерскомъ замкѣ*, въ *Оборотняхъ* и мужъ и жена играли прелестно.

Впослѣдствіи репертуаръ Самойлова былъ очень великъ; самыя блестящія его роли почитались: *Убертъ* (въ оперѣ *Отецъ и дочь*), *Калифъ Багдадскій*, *Изступленный*, *Симеонъ*, Горацій (*Чимарозо*), Ромео, Принцъ Рамиръ въ *Сандрильонѣ*, Лициній (въ *Весталкѣ*), *Жанъ Парижскій*, *Жокондъ* и проч. Онъ былъ пѣвецъ и превосходный актеръ въ то же время, что было особенно удивительно для тѣхъ, кто зналъ Самойлова молодымъ человѣкомъ: вначалѣ онъ смѣшилъ своею застѣнчивостію.

Въ обѣ столицы прибыли отличныя Французскія труппы; въ Москвѣ была и комедія и комическая опера, не уступавшая Петербургской; извѣстная Жоржъ Веймаръ посѣтила два раза Москву: 4-го Ноября, 1809 года, она дебютировала въ ролѣ Федры, потомъ Дидоны (Лефранъ — Поньяна). Въ это же время на Русской сценѣ играла Дидону (Княжнина) Вальберхова и Антигону въ *Эдипѣ* — Озерова, съ блестящимъ успѣхомъ **.

---

* Жена Французскаго трагическаго актера Менвьель, бывшаго въ Петербургской труппѣ.

** Марья Ивановна Вальберхова, артистка С.-Петербургскаго театра, прекрасно образованная, создавшая впослѣдствіи многія роли въ комедіяхъ. На счетъ игры ея сложены были стихи въ Москвѣ:

Вальберхова *Дидона*
Достойна трона! —

Во второй разъ Жоржъ была въ Москвѣ въ 1812 году; въ то же время явилась на сценѣ Арбатскаго театра и Семенова (Катерина Семеновна), въ цвѣтѣ лѣтъ, прекрасная собою. Могущественному, врожденному таланту Семеновой достаточно было видѣть Жоржъ, чтобъ усвоить себѣ ея искусство, тѣмъ болѣе, что она имѣла опытныхъ руководителей: А. Н. Оленина, Н. И. Гнѣдича, И. А. Крылова, Ю. А. Нелединскаго.

Николай Ивановичъ Гнѣдичь въ особенности руководилъ Кат. Сем. Семенову въ изученіи драматическаго искусства. Онъ по нѣскольку разъ проходилъ съ ней каждую ролю. Удивительнымъ покажется, что знаменитая артистка не твердо знала Русскую грамоту: ей должно было начитывать роли, объяснять каждый монологъ съ удареніемъ всякаго стиха, что и дѣлала жившая у нее актриса Лобанова (Пелагея Акинфовна), которая играла ея наперсницъ.

Гнѣдичь строго повѣрялъ мимику Семеновой: передъ тѣмъ, какъ она готовилась къ представленію, онъ самъ читалъ ея монологи и заставлялъ ее, молча, выражать лицомъ чувства, которыя должны были одушевлять ситуацію проходимыхъ сценъ. Такимъ образомъ артистка достигала совершенства и партеръ безпрестанно рукоплескалъ ей; въ Федрѣ, напримѣръ, онъ съ нетерпѣніемъ каждый разъ выжидалъ, чудно произносимаго слова Семеновой: »ты назвала его!« когда наперсница Энона называетъ Ипполита. Это была минута аплодисментовъ и восторговъ цѣлаго театра.

Какъ двѣ великія артистки съѣхались въ одно время, то тѣ роли, которыя представляла Жоржъ, вскорѣ играла и Семенова; это состязаніе талантовъ произвело много толковъ; публика раздѣлилась на партіи, литераторы, знатоки произнесли объ обѣихъ актрисахъ свои сужденія. *Аріана, Меропа, Танкредъ*, по Французски и по Русски, слѣдовали одна за другою.

В. А. Жуковскій сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ разборовъ всѣхъ игранныхъ ролей Жоржъ; эти разборы очень замѣчательны: они были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы *.

Жоржъ, отдавая справедливость Семеновой, говорила, что она имѣетъ предъ нею преимущество, играть трагедію и въ прозѣ, которая на сценѣ у нее нейдетъ съ языка.

---

* См. Ноябрь и Декабрь 1809 года №№ 22 и 23; потомъ замѣчаніе на игру Семеновой въ Вѣст. Евр. 1812, Февраль № 4-й.

Съ Семеновой играли тогда Шушеринъ, Плавильщиковъ и Мочаловъ роли первыхъ героевъ.

Талантъ Семеновой торжествовалъ въ ролѣ Аменаиды. Въ ней и въ *Меропѣ* она была преимущественно хороша. Дивная минута у великой артистки была въ послѣднемъ актѣ, минута ужаса, когда она подбѣгаетъ къ умершему Танкреду: эта сцена такое возбудила участіе въ зрителяхъ, что весь партеръ вдругъ поднялся. Его движеніе напомнило намъ появленіе славнаго Тальмы въ Корнелевомъ Коріоланѣ, коего величіемъ такъ былъ пораженъ Наполеонъ, что всталъ и поклонился ему. Въ представленіе 7-го Февраля, 1812 года, Юр. Алекс. Нелединскій, восхитясь ея игрою, написалъ въ ложѣ экспромтъ; онъ взялъ за эпиграфъ стихъ Волтера:

Il s'en presentera, gardée vous d'en douter!

Рѣчь о защитникахъ:

Они предстанутъ здѣсь — страшись въ томъ сомнѣваться.

Вотъ какъ поэтъ обратилъ этотъ стихъ въ мадригалъ:

Не сомнѣвайся въ томъ — предстали бы толпою,
Семенова! Защитники твои,
Когда бы критикой, завистною и злою,
Твои мрачилися талантомъ славны дни... .
Аменаиду намъ явя собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой,
И чувствомъ движима лица ты красотой,
О Музъ питомица! Любезна Мельпоменѣ,
Всѣхъ привела въ восторгъ! — Твоихъ страшася бѣгъ,
Всякъ чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ!

Богатая брилліантовая діадима отъ истинныхъ цѣнителей искусства была данью благодарности за минуты высокаго наслажденія, артисткѣ.

Впослѣдствіи, Семенова была превосходна: въ *Медеѣ*, *Клитемнестрѣ*, *Семирамидѣ* и *Федрѣ*, въ *Ксеніи* (*Димитрій Донской*), вообще, гдѣ требовалось изображеніе сильныхъ страстей. Въ Петербургѣ одно время она покинула сцену и съ нею погасала трагедія. Внезапно оживилось въ ней желаніе сыграть въ *Ифигеніи въ Авлидѣ*, для бенефиса Мар. Ив. Валберховой, роль Клитемнестры; билеты на этотъ спектакль были разхвачены въ нѣсколько часовъ, театръ сотрясался отъ аплодисментовъ и восклицаній: съ этой минуты Семенова снова возвратилась къ своему призванію. Оставя совсѣмъ театръ, она долго жила въ Москвѣ и участво-

вала въ благотворительныхъ спектакляхъ любителей искусства: играла Эйлалію съ О. О. Кокошкинымъ (представлявшимъ Мейнау); театръ былъ устроенъ въ большой залѣ Благороднаго Собранія и недоставало мѣстъ для любопытныхъ; потомъ въ 1831 году являлась *Медеей* и *Семирамидой*, тоже на сценѣ благородныхъ любителей въ театрѣ Апраксина *.

О. О. Кокошкинъ въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ*, сталъ объяснять знаменитой жрицѣ Мельпомены экспозицію послѣдней сцены и оспоривать ее мнѣніе; она, отступивъ назадъ, возразила: »Позвольте, Оедоръ Оедоровичъ, я уважаю ваше знаніе театра; но примите вы то въ соображеніе, что вы учите, на этихъ доскахъ, не Княгиню Гагарину — а Семенову« **.

Въ эпоху торжества Семеновой на Петербургской сценѣ, сочинялись и переводились для нее трагедіи: Грузинцова въ стихахъ: *Эдипъ Царь, Электра и Орестъ*, *Иракліды, или спасенныя Аѳины*, въ 5 дѣйствіяхъ, подражаніе Эврипиду, *Покоренная Казань, или милосердіе Царя Іоанна Васильевича Грознаго*, тоже въ 5 дѣйст., представлена въ 1-й разъ (8 Окт. 1814 г.) въ бенефисѣ С. О. Мочалова; игрались: *Антигона*, Капниста, *Гамлетъ*, въ 5 дѣйств., подражаніе Шекспиру; главную роль съ успѣхомъ занималъ въ Петербургѣ Яковлевъ и С. О. Мочаловъ въ Москвѣ; *Ипермнестра*, въ 5 дѣйст., подражаніе Лемьеру. Степ. Ив. Висковатова: *Родомистъ* и *Зенобія*, *Ксенія* и *Темиръ*; перевода Шапошникова и Гр. Сер. Пав. Потемкина: *Гофолія*; С. П. Марина: *Меропа*; *Британикъ*, Графа Потемкина; трагедіи В. А. Озерова: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, *Фингалъ*, *Димитрій Донской* и *Поликсена*, и *Пожарской*, Михайла Васильевича Крюковскаго не сходили съ афиши. Была также играна и другая его трагедія: *Елисавета*, *дочь Ярополка*. Комедія обогатилась пьесами, Ивана Андреевича Крылова; оперы: *Илья Богатырь* и *Бѣшеная семья*; комедіи: *Урокъ дочкамъ* и *Модная лавка* повторялись на всѣхъ возможныхъ сценахъ; появились комедіи Князя Александра Александровича Шаховскаго: *Полубарскія затѣи* и *Новый Стернъ* были изъ первыхъ; игрался *Мизантропъ*, перевода О. О. Кокошкина, и въ 1808 году: *Вѣсти*, *или убитый - живой*, Графа Оедора Васильевича Ростопчина, которыя привлекали всю Москву и повторялись безпрестанно.

* Въ Петербургѣ Катерина Семеновна содѣйствовала тоже нѣсколько разъ благотворительной цѣли: она участвовала въ кругу любителей театра, въ спектакляхъ, бывшихъ въ залѣ Энгельгарда и на дачѣ Г. Галлера.

** Талантъ Катерины Семеновны имѣлъ особое электричество; пишущій эту статью, играя съ нею, удостовѣрился въ томъ сочувствіи, которое даетъ актеру талантъ великой артистки.

1809 годъ памятенъ также Московскому театру Высочайшимъ посѣщеніемъ Императора Александра I: 6-го Декабря, въ 6 часовъ вечера, Государь изволилъ прибыть въ Арбатскій театръ, который былъ полонъ; давали оперу: *Старинныя святки*, и когда Сандунова (Настасья боярышня), съ кубкомъ въ рукѣ, вышла на авансцену и запѣла: »Слава нашему Царю, Слава!« всѣ присутствовавшіе встали, обратились къ Царской ложѣ и тысячи голосовъ воскликнули: »Слава Царю Александру!« тутъ уже музыки не было слышно: все слилось въ одно чувство, въ одинъ восторгъ *. Сандунова и Буденброкъ (подруга Настасьи), участвовавшія въ пѣніи, имѣли счастіе получить богатые подарки.

Извѣстія объ успѣхахъ побѣдоноснаго нашего оружія въ Отечественную войну, доходили въ Москву скоро; при полученіи свѣдѣнія о Клястицкомъ и Кобринскомъ сраженіи, давали опять: *Старинныя святки;* тутъ Сандунова съ живымъ патріотизмомъ величала героевъ: *Слава! храброму Витгенштейну, поражавшему силы вражескія; Слава! храброму Генералу Тормасову, поборавшему супостата нашего, Слава!* Театръ содрогался отъ радостныхъ кликовъ; потомъ пѣвица остановясь, съ горестію пропѣла:

»*Слава храброму Генералу Кутузову, положившему животъ свой за Отечество!*«

30-го Августа, того же года, по случаю приближенія военныхъ дѣйствій, былъ послѣдній спектакль съ маскарадомъ; давали: *Семейство Старикоববыхъ;* публика состояла большею частію изъ военныхъ, и 1-го Сентября труппа разбрелась по разнымъ губерніямъ.

При вступленіи непріятеля, въ 1812 году, въ Москву, Арбатскій театръ сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ пожара.

Въ Петербургѣ въ это время, по проложенному пути Дидло, когда онъ находился въ Лондонѣ, Валберхъ и Огюстъ занимались постановкою балетовъ. Балеты сочиненія Валберха: *Амазонка, или разрушеніе волшебнаго замка*, въ 3 дѣйств., *Генрихъ IV, или награда добродѣтели*, въ 1 дѣйств., *Камилла, или подземелье*, въ 3 дѣйств., *Почитаемая благость*, въ 2 дѣйств., сочиненные Валберхомъ вмѣстѣ съ Огюстомъ, балеты: *Геній благости, или распря Аполлона съ Марсомъ*, въ 1 дѣйств., *Марсъ и Венера*, въ 2 дѣйств., потомъ балеты, поставленные ими въ 1813 и 1814 годахъ, въ слѣдствіе

* Вѣстникъ Европы 1809 года Декабрь NO 24, Московскія записки на стран. 344.

торжества успѣховъ Русскаго оружія. — Въ Петербургѣ были отличные танцовщики: извѣстный Баптистъ въ послѣднихъ семнеотыхъ годахъ, балетмейстеръ Шевалье, мужъ славной Французской актрисы, и прославившаяся въ пантомимѣ Настасья Парфентьевна Берилова, которой мѣсто заступила Евгенія Ивановна Колосова. Въ числѣ музыкальныхъ знаменитостей были въ Петербургѣ: Босльдье и Лафонъ; Августъ Коцебу одно время управлялъ Нѣмецкимъ театромъ (въ 1800 году).

Дидло въ первый разъ былъ ангажированъ въ 1801 году, потомъ вторично пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1816: онъ положилъ основаніе нашей превосходной балетной школѣ и былъ истинный поэтъ и живописецъ въ своемъ родѣ; довольно назвать два балета: *Зефиръ и Флора*, *Амуръ и Психея*, имъ сочиненныхъ, чтобы признать его первымъ балетмейстеромъ въ Европѣ. Группы и полеты его Сильфовъ и Амуровъ были очаровательны (эти полеты первымъ имъ изобрѣтены въ Парижѣ): изъ ученицъ, приносившихъ честь геніальному искусству Дидло, были: знаменитая Терпсихора Данилова, олицетворявшая *Флору* и *Психею;* она рано погасла для сцены *; Новицкая 1-я, Сенъ - Клеръ, Иконина, Истомина (Авдотья Ильинична), воспѣтая Пушкинымъ, въ свое время плѣнительная, пылкая и увлекательная, исполняла превосходно свои роли не только въ балетахъ, но и въ комедіи: роль танцовщицы Зефиреты, въ комедіи - водевилѣ Кн. Шаховскаго: *Фениксъ, или утро журналиста*, Истомина играла прелестно, какъ умная и опытная актриса. Зубова (Вѣра Андреевна) съ большимъ талантомъ, Азаревичева (Надежда Аполлоновна), прелестная собою, Лихутина, Телешова (Катерина Александровна) интересная и граціозная, Люстихъ, Линдеръ, Натье, Селезнева, Овощникова, и пантомистки: Шемаева и Азлова.

Танцовщики, коихъ образовалъ Дидло: Гольцъ, Шемаевъ 1-й, Люстихъ, Стригановъ, Шелеховъ, Артемьевъ, Трифоновъ, Дидье. Дидло приготовилъ много для будущаго; первые Корифеи Московскаго балета то-же или учились, или заимствовали у него свои начала.

Глушковскій (Адамъ Павловичъ), даровитый воспитанникъ Петербургской школы, одинъ изъ любимыхъ учениковъ Дидло, поставляя въ Москвѣ балеты своего учителя, старался передать въ нихъ болѣе всего вкусъ и характеръ Дидло: *Калифъ Багдадскій*, *Венгерская хижина* (въ Петербургѣ и Москвѣ выдержалъ множество представленій), *Рауль де Креки*,

---

Альцеста, или сошествіе Геркулеса въ адъ, *Тѣнь Либаса*, *Генрихъ на охотѣ*, *Роландъ и Моргана*, *Кавказскій плѣнникъ*, *Молодая островитянка*, гдѣ отражалась она въ зеркалѣ, одинъ изъ прелестныхъ балетовъ. *Возстаніе въ Сералѣ*, балетъ съ эволюціями войска, составленнаго изъ первыхъ танцовщицъ; въ немъ, въ Петербургѣ, замѣчательна была въ особенности танцовщица Круазетъ, и многіе другіе. Всѣ означенные балеты были поэмы.

Въ Петербургѣ давались еще два великолѣпные балета Дидло: *Кора и Алонзо*, и *Хензи и Тио* (красавица и чудовище). Красавицей во всей силѣ слова была Азаревичева (Надежда Аполлоновна). Во всѣхъ прочихъ балетахъ главныя роли занимали: славная пантомистка Е. И. Колосова и танцовщица Ав. Ил. Истомина.

Дивертисементъ: *Вечеръ въ саду*, гдѣ помнятъ еще Дюра (впослѣдствіи самобытнаго драматическаго артиста), танцовавшаго съ малюткою Расовой, съ птичкой въ клѣткѣ, былъ просто — наслажденіе.

Послѣ балетовъ Дидло, когда онъ оставилъ Петербургъ, нѣкоторое время давались балеты съ эфектомъ декорацій или спектаклемъ: *Сумбека*, гдѣ представлялось возстаніе тѣней изъ могилъ, съ эфектнымъ освѣщеніемъ. *Кесарь въ Египтѣ:* въ этомъ балетѣ была устроена движущаяся декорація различныхъ живописныхъ видовъ, кои какъ бы бѣжали предъ глазами публики и мореплавателей, стоявшихъ на одномъ мѣстѣ. *Возвращеніе Кн. Пожарскаго въ свое помѣстье* (программы этихъ балетовъ были сочинены Графомъ Кутайсовымъ); декораціи писали славные декораторы: Канони и Кореини; машины устроивалъ Тибо.

Нигдѣ, конечно, воздушная Сильфида Тальони и олицетворенная качуча Фанни Эльслеръ не встрѣтили такихъ стройныхъ хороводовъ Нимфъ, такого кордебалета, какъ въ Петербургѣ! При томъ, сколько у насъ своихъ отличныхъ фей - танцовщицъ, въ настоящее время: Елена Ивановна Андреянова, Смирнова — въ Петербургѣ; въ Москвѣ Катерина Александровна Санковская *; путешествуя за границею, онѣ блистали и на театрахъ иностранныхъ.

Замѣчательныя танцовщицы иностранки, въ Петербургѣ были въ то время: Бертранъ, Круазетъ и Пейсаръ, а танцовщики: сначала Дютакъ, потомъ Эбергардъ, Антонинъ, сынъ Дидло Карлъ, и Фредерикъ.

---

* При всемъ ревностномъ желаніи имѣть ея портретъ для укомплектованія галлереи Московскихъ замѣчательныхъ артистовъ, наши старанія остались напрасными.

Участь отстроенныхъ каменныхъ театровъ, въ двухъ столицахъ, была одинакая; театръ въ Петербургѣ, возобновленный архитекторомъ Томономъ, сгорѣлъ въ ночь на 1-е Января, 1811 года; въ 1818 году онъ вновь построенъ Архитекторомъ Модюи и впослѣдствіи возобновленъ Архитекторомъ Кавосомъ. Въ 1801 году, содержатель Итальянской труппы, Казасси, построилъ для оперы Аничковскій малый театръ; послѣ того онъ купленъ въ казну, и на мѣстѣ его выстроенъ нынѣшній Александрынскій, по проэкту Архитектора Росси; сверхъ того, возведены въ Петербургѣ театры: Михайловскій и Каменноостровскій Брюловымъ, для Французскаго спектакля.

Кромѣ тѣхъ Петербургскихъ артистовъ, коихъ мы видѣли гостьми въ Москвѣ, до 1812 года, слѣдуетъ упомянуть здѣсь о составлявшихъ, въ восьмисотъ десятыхъ годахъ, труппу въ Петербургѣ: Бобровъ (Елисей Петровичъ) комикъ: онъ заступилъ мѣсто Рыкалова, актеръ первостепенный, чрезвычайно былъ натураленъ и имѣлъ прекрасную мимику; Кривосудовымъ въ *Ябедѣ* и Транжиринымъ онъ былъ превосходенъ.

Каратыгина, мать нынѣшняго трагика (Александра Дмитріевна), прекрасной была наружности (теперь на пенсіонѣ, живетъ въ Петербургѣ), актриса съ дарованіемъ, отличалась въ драмахъ въ одно время съ Яковлевымъ; Эйлалія (*Ненависть къ людямъ*), и жена бургомистра Берфа (въ *Гусситахъ*) были играны ею отлично.

Каратыгинъ (Андрей Васильевичъ), ея мужъ, игралъ свѣтскихъ людей, франтовъ и т. п. роли. Рожественской (Спиридонъ Антиповичъ) простаковъ, и небольшія комическія роли; Глухаревъ — Вѣстниковъ и Мамаева Посла; Ежова (Катерина Ивановна) — деревенскихъ барынь и бранчивыхъ старухъ; наслѣдовала роли Рахмановой: ея сестра Глухарева — комическихъ старухъ простаго сословія; Баллина, прекрасная актриса-пѣвица, очень короткое время радовала сцену, Бельё; Спиридонова играла обыкновенно: Русалку, и Марусю въ *Козакѣ стихотворцѣ*; дѣв.: Віо, Ласси, Прево, Лобанова; Каменогорскій (резонеръ); Жебелевы: мужъ игралъ злодѣевъ и коварныхъ, а жена служанокъ; Гуляевъ — буфъ, памятный по двумъ операмъ: *Деревенскія пѣвицы* и *Любовная почта*; Орловъ, игравшій слугъ; Щениковъ, Биркинъ — роли вторыхъ любовниковъ; Толченовъ — жестокосердыхъ; Борецкій Иванъ Петровичъ, изъ дворянъ, воспитанникъ Горнаго Корпуса, котораго постоянно руководствовалъ Кн. Шаховской и вывелъ *въ Эдипѣ* на сцену: онъ одинъ могъ читать нераз-

борчивую руку Князя Шаховскаго и переписывалъ всѣ его сочиненія *. Лебедевъ (опытный режиссеръ); Калининъ, Радинъ, Хотяинцовъ, Долбиловъ, Шуваловъ, Сибиряковъ, Петровъ и проч.

Меньшой Каратыгинъ (Петръ Андреевичъ), который прежде игралъ наперсниковъ въ трагедіяхъ и теперь достигъ настоящаго своего призванія въ комедіи; онъ не перестаетъ дарить сцену остроумными водевилями.

Григорьевъ (Петръ Ивановичъ), авторъ многихъ пьесъ; изъ нихъ нѣкоторыя играются часто; комедія его въ стихахъ: *Житейская школа*, имѣла блестящій успѣхъ. Какъ актеръ, Г. Григорьевъ занимаетъ разныя амплуа; въ особенности онъ хорошъ въ изображеніи характеровъ солдатъ-ветерановъ и находится въ числѣ необходимостей.

Русская Петербургская труппа вообще совершила большіе успѣхи, благодаря опытности, званію дѣла и необыкновенной способности творить сценическіе таланты, бывшаго члена репертуарной части, Князя Александра Александровича Шаховскаго: онъ не только сочинилъ и перевелъ большое число пьесъ во всѣхъ родахъ, имѣлъ даръ мастерски ихъ обставлять, первый ввелъ въ моду водевиль на Русской сценѣ **, но и вывелъ на неё артистовъ замѣчательныхъ, вѣнчавшихъ славою его произведенія; вотъ они: Яковъ Григорьевичъ Брянскій (играетъ первыя роли драматическаго амплуа), занимался Словесностью, написалъ нѣсколько драмъ для театра и преимущественно стихами; былъ любимцемъ Кн. Шаховскаго. Иванъ Ивановичъ Сосницкій (первыя роли въ комедіяхъ и характерныя): Сосницкому указывали совсѣмъ другое назначеніе ***; Александръ Николаевичъ Рамазановъ **** и талантливый комикъ Михайла Васильевичъ Величкинъ; Григорій Оедоровичъ Климовскій, Александръ Григорьевичъ Еѳремовъ и Василій Антоновичъ Шемаевъ, пѣвцы; вторые комики: Боченковъ, Пальчиковъ, Пикановскій, игравшій слугъ; изъ числа актрисъ: Марья Ивановна Валберхова первая обязана усовершенствованіемъ своего таланта Князю Шаховскому; Елена Яковлевна Воробьева (въ послѣдствіи Сосницкая); Асенкова (Александра Егоровна), типъ умныхъ и ловкихъ служанокъ; Брянская (Анна Матвѣевна),

---

* Въ числѣ приложеній къ сему изданію значится снимокъ съ рукописи Кн. Шаховскаго: вѣтъ на приглашеніе Степана Петровича Жихарева.

** Это былъ *Казакъ стихотворецъ*; онъ переведенъ на Нѣмецкій языкъ. Въ ролѣ Козака Климовскаго актеръ Рамазановъ былъ превосходенъ.

*** Сначала онъ готовился быть машинистомъ.

**** Отецъ Николая Александровича Рамазанова, извѣстнаго скульптора.

актриса въ свое время очень полезная; Дюрова (Любовь Осиповна), артистка съ необыкновеннымъ талантомъ, въ высшей степени граціозная и рано похищенная у Таліи; двѣ сестры Валберховы, Софья Ивановна и Александра Ивановна — послѣдняя была въ замужствѣ за Рамазановымъ; Азаревичева, меньшая; Величкина, которая играла молодыхъ героинь въ трагедіяхъ; Монруа, Рыкалова, Строганова — всѣ три пѣвицы, и нѣсколько другихъ, подмѣчены были Шаховскимъ еще въ первой ихъ молодости: Князь Шаховской образовалъ изъ нихъ артистовъ; изъ болѣе ста пьесъ Князя Шаховскаго, болѣе третей части имѣютъ неотъемлемое достоинство, и если нынѣ, по измѣненію настоящаго вкуса и отсутствію любви къ искусству, пришли въ забвеніе, то придетъ еще пора, когда онѣ востребуются на сцену. Лучшими произведеніями Князя Шаховскаго можно почесть драмы: *Финъ*, *Керимъ-Гирей*, *Иваной*, *Соколъ Князя Ярослава*; комедіи: *Аристофанъ*, *Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды*, *Какаду*, *Пустодомы*, *Полубарскія затѣи*, *Ссора, или два сосѣда*, *Не любо не слушай, а лгать не мѣшай* и *Своя семья*, въ которой есть двѣ сцены Грибоѣдова и Хмельницкаго *; оперы: *Любовная почта*, *Новая суматоха, или женихи чужихъ невѣстъ*; водевили: *Казакъ стихотворецъ*, *Встрѣча незваныхъ*, игранная въ 1815 году молодою, образованною Кн. Шаховскимъ труппою; *Ломоносовъ*, *Фениксъ*, *Король и пастухъ*, *Ѳ. Г. Волковъ*, *Ворожея*, *Двумужница*, *Три дѣла, или Евфратскій великанъ*, *Езопъ у Ксанѳа*, *Посѣщеніе Принца*, *Два учителя*, и т. д.

Не проходило бенефиса, для котораго бы многосторонній талантъ Шаховскаго не обдумалъ и не приготовилъ пьесы: онъ создавалъ особые характеры ролей для прекрасно читавшаго стихи Брянскаго, написалъ роли Просперо въ *Бурѣ*, Езопа, Ломоносова; для Ежовой Ксантипу, нѣсколько ролей бранчивыхъ старухъ и подобныя; вывелъ Сосницкаго, актера, амплуа свѣтскихъ людей, въ ролѣ восьмидесяти-лѣтняго Волтера (*Ты и вы, Волтерово посланіе*): здѣсь Сосницкій былъ просто неподражаемъ.

Оставя службу при театрѣ, Кн. Шаховской продолжалъ заниматься образованіемъ сценическихъ талантовъ: домъ его былъ сборищемъ литераторовъ, людей просвѣщенныхъ, изъ общества коихъ молодые артисты, постоянно собиравшіеся у Шаховскаго, выносили много для себя полезнаго.

---

* Въ этой 3-хъ-актной комедіи мастерски ведена интрига; она написана стихами; женскіе характеры оттѣнены бойко; М. И. Валберхова создала роль Наташи.

Пьеса, очень приличная для представленія на домашнихъ театрахъ.

Наконецъ, появились: Каратыгинъ (Василій Андреевичъ) — талантъ драматическій Европейскій, превосходный пластикъ и представитель нашей трагедіи, обязанный своему уму, врожденному дарованію и въ началѣ совѣтамъ извѣстныхъ литераторовъ: Н. И. Гнѣдича и П. А. Катенина; онъ довершилъ свое сценическое образованіе за границею, декламировалъ Кина и другія роли въ присутствіи Дюма, и снискалъ расположеніе всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ и артистовъ въ Парижѣ; вышелъ въ первый разъ въ Петербургѣ на сцену въ *Фингалѣ*, въ 1820 году.

Каратыгина (Александра Михайловна), бывшая Колосова, получила воспитаніе отличное, училась впослѣдствіи декламаціи у дѣв. Марсъ, усвоила превосходный свой талантъ комедіи, и торжественно была прекрасна въ роляхъ свѣтскихъ дамъ-кокетокъ. Въ 1824 и 1826 годахъ она производила фуроръ въ Москвѣ: Прелестиной (*Мизантропъ*) и въ главныхъ роляхъ: въ *Завѣщаніи*, въ *Валеріи*, и *Спальнѣ*, которыя держались ея игрою, и проч. Послѣ ея заключительнаго спектакля въ то время, публика непремѣнно требовала, чтобы она еще съиграла *Валерію* и *Завѣщаніе*; театръ сотрясался отъ восклицаній и аплодисментовъ. Участвуя во многихъ домашнихъ спектакляхъ Французскихъ, Александра Михайловна такъ объяснялась на этомъ языкѣ и такою дикціею, что можно было ее принять за первоклассную Французскую актрису.

Семенова 2-я (Нимфодора Семеновна), необыкновенной красоты, соединяла съ прелестною пластикою пріятный голосъ и прекрасную манеру; она долго восхищала публику въ операхъ: *Весталка*, *Юлія*, *Жанъ-д'Аркъ*, *Агнеса*, *Сандрильона*, *Алина Королева Голкондская*, *Красная шапочка* *, *Невѣста-лунатикъ* и въ другихъ.

Съ 1815 года началась вполнѣ сценическая дѣятельность, продолжающаяся болѣе или менѣе и донынѣ. Тогда никакой трудъ не оставался не замѣченнымъ. Комедія въ стихахъ: *Урокъ кокеткамъ*, Князя Шаховскаго, съ которой публика познакомилась начально въ рукописи, имѣла огромный успѣхъ на сценѣ (1815 года), была предметомъ и разговоровъ въ одно время и критикъ. Эта пьеса была превосходно поставлена и разыграна:

---

* При этой напечатанной оперѣ, перев. Р. М. Зотовымъ, приложенъ прекрасный портретъ Н. С. Семеновой, рисованный художникомъ Кипренскимъ.

М. И. Валберхова создала въ ней роль Графини Лелевой; талантъ Сосницкаго искусно передалъ характеръ пустаго свѣтскаго любезника, Графа Ольгина; Брянскій — пламенный воинъ-патріотъ; знаменитый А. С. Яковлевъ — въ ролѣ Кн. Холмскаго, резонера-дяди, и бойкая, ловкая горничная Графини — Асенкова, своею игрою соотвѣтствовали достоинству пьесы, и всѣ прочія персонажи были отчетливо хороши.

Михайла Николаевичь Загоскинъ сталъ подъ знамена Князя Шаховскаго; онъ написалъ: *Комедію противъ комедіи, или урокъ волокитамъ*, и вмѣстѣ съ нею отдалъ на театръ: *Богатонова*, красовавшагося сначала въ игрѣ Боброва, потомъ: *Вечеринку Чёньихъ*, *Добраго малаго* и т. д.

Извѣстные литераторы трудились для театра съ любовію къ искуеству, сочиняли и переводили драматическія пьесы.

Николай Ивановичь Гнѣдичь трагедіи: *Абуфаръ*, *Леаръ* и *Танкредъ*; Михайло Евстафьевичь Лобановъ: *Федра* и *Ифигенія въ Авлидѣ*; прежде появленія Федры, перевода Лобанова, игралась эта трагедія перевода Ивана Богдан. Чеславскаго; Иванъ Ивановичь Мартыновъ перевелъ съ Греческаго изъ соч Софокла трагедіи стихами: *Антигона*, *Электра* и *Эдипъ въ Колонѣ*; Петръ Александровичь Корсаковъ: *Гамлетъ*, *Силла* и *Маккавеи*, перевелъ оперу: *Жокондъ* и другія; Андрей Андреевичь Жандръ: *Баязетъ*, *Семела*, *или мщеніе Юноны*, и *Венцеславъ*; Павелъ Александровичь Катенинъ, знатокъ искуства и умный критикъ, переложилъ стихами: *Эсѳирь*, *Аріадну* и *Сида*, передѣлалъ комедію въ стихахъ изъ Грессета (Le mechant): *Сплетни* и нѣсколько другихъ пьесъ; въ числѣ ихъ замѣчательныя: *Обманъ въ пользу любви*, *Нечаянный закладъ*, *или безъ ключа дверь не отопрешь*; въ послѣдней отличилась: Брянскій и хорошенькая Степанова, впослѣдствіи его жена.

Ѳедоръ Ѳедоровичь Кокошкинъ поставилъ въ Москвѣ нѣсколько драмъ и комедій въ стихахъ; между прочимъ: *День паденія Миссолонги*, *Воспитаніе*, *Вотъ приданое*; перевелъ: *Урокъ старикамъ*, стихами; *Жизнь игрока*; маленькую комедію: *Романъ на одинъ часъ*, и проч. Кокошкинъ ободрялъ молодыхъ писателей, давалъ имъ совѣты и старался отъискивать артистовъ съ настоящимъ призваніемъ къ драматическому искуеству; онъ усовершенствовалъ и развилъ многіе таланты для Московской сцены.

Рафаилъ Михайловичь Зотовъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ писателей для театра, сочинилъ драмы: *Юность Іоанна III*, *Карлъ XII подъ Полтавой*, въ стихахъ, *Александръ и Софія, или Русскіе въ Ливоніи*, *Сардамскій корабельный мастеръ* *, комедію: *Новая школа мужей*, въ стихахъ и т. д. Всѣхъ пьесъ Г. Зотова до 103-ми: изъ нихъ 23 оригинальныя, прочія переводныя. Онъ одинъ въ этомъ отношеніи можетъ сравниться съ Княземъ Шаховскимъ, коего числительность пьесъ доходитъ до 120-ти. Большая часть произведеній Р. М. Зотова играны были безпрестанно и приносили сборы Дирекціи, особенно драмы и оперы съ большимъ спектаклемъ; его перевода: *Стрѣлокъ*, часто и теперь повторяется; будучи знатокомъ Нѣмецкаго языка, и управляя Нѣмецкою труппою въ Петербургѣ, онъ перевелъ для Нѣмецкой сцены нѣсколько замѣчательныхъ Русскихъ пьесъ; ихъ играли съ успѣхомъ. Состоя долгое время на службѣ при Дирекціи театровъ и зная хорошо сцену, Зотовъ, болѣе чѣмъ кто-либо, ознакомилъ насъ съ современною ея хроникою и біографіями артистовъ **.

Николай Васильевичь Сушковъ написалъ для сцены лирическую трагедію: *Сафо*; комедіи: *Метроманія*, *Дуэлисты*, *Ненавистникъ женщинъ*, всѣ въ 5 дѣйствіяхъ и въ стихахъ. Анекдоты въ лицахъ: *Теньеръ* и *Раканы*; *Сюрпризы* водевиль; драматическую поэму: *Москва*; драму: *Бѣдность и благотворительность*; пословицу въ лицахъ: *Комедія безъ свадьбы*.

---

* Эта пьеса была принята съ восторгомъ Петербургскою публикою, въ бенефисъ Ив. Ив. Сосницкаго, 18-го Декабря 1840 г.

Нѣтъ имени Ему!

Вотъ одинъ изъ ея куплетовъ:

Нѣтъ имени Ему! Отецъ-благотворитель —
Онъ нашъ кумиръ. Онъ все для насъ:
Хранитель, Геній нашъ, и просвѣтитель,
Полъ-міра Онъ несетъ на плечахъ какъ Атласъ.
Онъ все, строитель и работникъ:
Механикъ, врачь, токарь, артиллеристъ,
Онъ лоцманъ, слесарь, инженеръ и плотникъ;
Россіи Онъ сказалъ: да будетъ свѣтъ — и бысть!
Младенцемъ взявъ Россію изъ пеленокъ,
Побѣдой окрестилъ, училъ ее ходить,
И смотритъ, какъ растетъ теперь ребенокъ —
Самъ учится, чтобы его всему учить.
Объ немъ вездѣ несутся славы клики:
И доблестямъ и сердцу и уму. . .
Другіе пусть зовутъ и Первый и Великій,
У насъ же Русскихъ Онъ . . . нѣтъ имени Ему!

** См. Репертуаръ 1842 г. Біографіи: Яковлева, Сандуновой, Каноса и другія. Въ Репертуарѣ 1846 помѣщена Біографія Кн. Шаховскаго.

Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ сочинилъ драмы въ стихахъ: *Русскіе витязи при Князѣ Владимірѣ;* въ прозѣ: *Крестьянинъ офицеръ, или извѣстіе о прогнаніи Французовъ изъ Москвы.* Комедіи стихами: *Наказанная ханжа, Суматоха, или чудныя встрѣчи въ маскарадѣ,* игравшаяся 20 разъ къ ряду въ Москвѣ, и: *Ротмистръ Громиловъ.*

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ начально перевелъ: *Молодые супруги,* стихами, потомъ вмѣстѣ съ Г-мъ Жандромъ *Притворную невѣрность* — обѣ эти комедіи, написанныя въ тонѣ лучшаго общества, разыгрывались прекрасно; молодыхъ супруговъ представляли Сосницкіе: Аристъ (Иванъ Ивановичъ) отчетливо хорошо исполнялъ свою ролю. Эльмира (Елена Яковлевна) была обворожительна. Въ *Притворной невѣрности* два женскія лица: Эледина, тонкая, умная кокетка, Мар. Ив. Валберхова; Лиза, наивная и добродушная, Алек. Мих. Колосова; мужскія роли играли: вѣтренника Сосницкій, ревнивца Брянскій и пожилаго волокиту Рамазановъ — превосходно. Это что называется былъ ensemble. Наконецъ А. С. Грибоѣдовъ сочинилъ: *Горе отъ ума* — и теперешнюю нашу радость. Съ нею ознакомилась публика начально въ рукописи, и эта комедія, какъ бы сказать, сама выпросилась на сцену.

Въ послѣдствіи появился: Николай Ивановичъ Хмѣльницкій съ большимъ числомъ переведенныхъ комедій и водевилей *, разъигранныхъ молодою, Кн. Шаховскимъ сформированною труппою въ Петербургѣ. Л. О. Дюрова прославила пьесы Хмѣльницкаго: она была обворожительна Агнесою (въ *Школѣ женщинъ*), Евгеніей (въ ком. *Сѣтскій случай*), Розою въ водевилѣ: *Суженаго конемъ не объѣдешь;* потомъ, Пашной въ трилогіи: *Финъ* — Князя Шаховскаго, и его небольшихъ комедіяхъ въ стихахъ: *Тетушка, или она не такъ глупа*, и *Урокъ женатымъ*, гдѣ приложенъ ея портретъ. Изъ современницъ Дюровой, по таланту и граціознымъ водевилямъ того времени, были: Монруа (Марья Ѳедоровна) играла въ операхъ и водевиляхъ — ея голосъ былъ обработанъ и очень пріятенъ; Рыкалова (Елизавета Васильевна), дочь славнаго комика, талантливая актриса, занимала много ролей въ разныхъ пьесахъ, и Азаревичева (Марья Аполлоновна) играла роль *Ифигеніи въ Авлидѣ* съ Семеновой, и въ комедіяхъ роли служанокъ.

Въ исполненіи опернаго репертуара въ одно время съ И. С. Семеновой блестѣла Иванова (Александра Ивановна), пѣвица съ обширнымъ, музыкаль-

* Театръ этого даровитаго писателя съ его портретомъ былъ изданъ Е. Аладьинымъ въ 2-хъ частяхъ; изданіе все раскуплено.

нымъ голосомъ; репертуаръ ея былъ очень великъ и кончина преждевременна.

Переводили въ Петербургѣ оперы и комедіи: Арис. Влад. Лукашицкій, Пет. Ник. Кобяковъ, Алекс. Иван. Шеллеръ, Александръ Гавриловичъ Волковъ, Дм. Ник. Барковъ, Никита Всев. Всеволожскій, Пет. Ник. Семеновъ, авторъ оперы: *Жидовская корчма*, въ которой знаменитая Сандунова превосходно играла жидовку, жену содержателя корчмы — для доведенія этой роли до совершенства, геніальная актриса нарочно отъискала умную, пожилую жидовку и долго брала у нея уроки.

Михайла Александровича Офросимова игрались съ особымъ успѣхомъ двѣ комедіи въ стихахъ: *Мальтійскій кавалеръ* (Simple Histoire), которая повторялась потомъ на многихъ домашнихъ сценахъ, и *Плащь, или мужъ какъ и всякой.*

Старѣйшими композиторами музыки изъ Русскихъ могутъ быть признаны: Данила Ивановичъ Кашинъ и Степанъ Ивановичъ Давыдовъ, ученикъ Сарти, потомъ капельмейстеръ и репетиторъ Кавосъ, совершенный знатокъ своего дѣла: онъ образовалъ много голосовъ для оперы и сочинилъ превосходную музыку для либретто Князя Шаховскаго: *Иванъ Сусанинъ* *; извѣстные капельмейстеры: Антонолини и Мауреръ сочиняли оперы. Послѣдній долгое время дирижировалъ прекраснымъ оркестромъ Всеволода Андреевича Всеволожскаго, сочинялъ музыку для многихъ съ большимъ успѣхомъ игравшихся пьесъ П. И. Хмѣльницкаго. Штейбельтъ поставилъ на Петербургской сценѣ свою прекрасную оперу: *Ромео и Юлія* **, которая исполнялась превосходно при музыкальныхъ талантахъ: В. М. Самойлова (Ромео), Н. С. Семеновой (Юліи), Е. С. Сандуновой (Сециліи, подруги), П. В. Зловъ игралъ Капулетта и Климовскій Донъ Фернанда — зритель былъ въ затрудненіи, чему отдать преимущество: вокальной ли части пьесы, или игрѣ актеровъ? — Солисты-виртуозы въ оркестрѣ были: Бемъ (на скрипкѣ), Марку (на віолончелѣ), Ферлендисъ (на Англійскомъ рожкѣ), Червенка (на гобоѣ), братья Гугели (играли на волторнахъ).

Александръ Александровичъ Алябьевъ, особенно замѣчательный своими произведеніями въ національномъ вкусѣ, составилъ нѣсколько партитуръ и для сцены, которыя отличаются прекрасною оркестровкою.

---

* Въ ней музыкально превосходенъ первый хоръ работающихъ поселянъ:

Не шумите вѣтры, буйные!

** Переведена на Нѣмецкій языкъ Р. М. Зотовымъ, и многократно была играна Нѣмецкою труппою.

Алексѣй Николаевичъ Верстовскій хорошо постигъ характеръ національной музыки; его оперы: *Аскольдова могила*, *Вадимъ*, *Сонъ на яву*, *Тоска по родинѣ*, *Панъ Тсердовскій*, и опера-водевиль: *Домъ сумасшедшихъ*, повторяются всегда съ успѣхомъ.

М. И. Глинка занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ какъ композиторъ оперы: *Жизнь за Царя*, совершенно отдѣлившейся ритмомъ музыки отъ прочихъ подобныхъ сочиненій. Это дивная родная поэзія, проникающая прямо въ душу. Онъ же написалъ музыку оперы: *Русланъ и Людмила*.

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, композиторъ народнаго гимна, приготовилъ для сцены новую Русскую оперу: *Староста*, для коей либретто сочинилъ И. И. Куликовъ. ГГ. Яковлевъ, Рупинцы, Варламовъ, создавшій народный романсъ, Кажинскій — авторъ музыкальныхъ полекъ; Дорогомыжскій, написавшій партитуру оперы: *Эсмеральда*. Всѣ они пріобрѣли извѣстность своими музыкальными сочиненіями.

Въ тридцатыхъ годахъ появилось въ особенности много новыхъ авторовъ и переводчиковъ; стали заниматься для сцены: Несторъ Васильевичъ Кукольникъ сочинилъ трагедію въ народномъ духѣ: *Рука Всевышняго отечество спасла*, *Князь Скопинъ-Шуйскій*, *Роксолана*, *Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ* и *Импровизаторъ*. Въ то же время Николай Алексѣевичъ Полевой обогатилъ репертуаръ множествомъ пьесъ: *Елена Глинская*, *Гамлетъ*, *Уголино*; патріотическія его драмы: *Дѣдушка Русскаго флота*, *Параша Сибирячка*; въ ней и другихъ роляхъ памятна прелестная актриса Асенкова (Варвара Николаевна, дочь заслуженной артистки), рано похищенная смертью. Полевой былъ неутомимъ въ отношеніи сцены; его произведенія имѣли успѣхъ замѣчательный. *Иголкинъ*, *Смерть или честь*, *Ломоносовъ* и т. д.

Платонъ Григорьевичъ Ободовскій продолжаетъ дарить сцену своими произведеніями: *Донъ Карлосъ*, *Прародительница*, *Іоаннъ Герцогъ Финляндскій*, *Велисарій* и *Заколдованный домъ*; въ послѣдней трагедіи особенно превосходенъ В. А. Каратыгинъ, представляющій причудливаго старика, ханжу, Короля Лудовика XI. Это одна изъ блестящихъ ролей Каратыгина. Барона Егора Ѳедоровича Розена играна трагедія: *Домъ Іоанна III*; онъ же написалъ либретто оперы: *Жизнь за Царя*. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ сочинилъ трагедію: *Персей*, въ 5 дѣйст., въ стихахъ. Литераторъ Николай Филипповичъ Павловъ перевелъ трагедію: *Марія Стуартъ*; она была въ свое время прекрасно поставлена въ Москвѣ.

Знаменитый нашъ драматическій артистъ В. А. Каратыгинъ то же занимался для сцены; онъ передѣлалъ нѣсколько трагедій и драмъ въ стихахъ: *Бланка и Еовскардъ, Кинъ, Король Лиръ, Графъ Эссексъ*, въ стихахъ, *Антоній, 16 лѣтъ, или поджигатели, Ричардъ д'Арлингтонъ, Мономанъ, Марія, Предокъ и потомки* (*Бургравы*), въ стихахъ, *Итальянка*; комедіи, переведенныя В. А. Каратыгинымъ: *Мирандолина, Женатый философъ* (Детуша), въ 3 дѣйствіяхъ, и *Двое за четверыхъ, или ревность и шутка*, въ 1 дѣйств., въ стихахъ. Въ этомъ же періодѣ появился Николай Васильевичъ Гоголь съ своими юмористическими комедіями; его: *Ревизоръ*, *Женитьба* и *Игроки* играются съ постояннымъ успѣхомъ, на всѣхъ возможныхъ театрахъ. Степанъ Михайловичъ Гедеоновъ сочинилъ замѣчательную трагедію въ прозѣ: *Смерть Лятунова*, а Иванъ Никитичъ Скобелевъ поставилъ на сцену патріотическую драму: *Кремневъ*. Перелагалъ оригинальныя повѣсти въ драмы стихами К. А. Бахтуринъ: *Пятнадцать лѣтъ разлуки, Кузьма Рощинъ, Красное покрывало* и друг. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ сочинилъ въ стихахъ трагедіи: *Ермакъ* и *Димитрій Самозванецъ*.

Изъ водевильныхъ авторовъ слѣдуетъ назвать по преимуществу остроумнаго Писарева (Александра Ивановича), отличавшагося силою и ловкостію куплета: его можно считать Русскимъ Скрибомъ; онъ оставилъ много мастерски передѣланныхъ комедій стихами: *Лукавинъ*, *Поѣздка въ Кронштадтъ* и *Наслѣдница*; водевили: *Учитель и ученикъ*, *Хлопотунъ, Забавы Калифа, Пять лѣтъ въ два часа*, представленіе въ 5-хъ частяхъ, *Пастушка, Старушка волшебница, или вотъ что любятъ женщины, Три десятки*, *Волшебный носъ, Двѣ записки*, *Дядя на прокатъ, Тридцать тысячъ человѣкъ, Средство выдавать дочерей замужъ*, и сочиненный водевиль въ компаніи: *Встрѣча дилижансовъ*; послѣдняя неоконченная комедія въ стихахъ Писарева была: *Христофоръ Колумбъ*.

Для пьесъ Писарева, имѣвшихъ по забавнымъ сценамъ и куплетамъ, по большей части, замѣчательный успѣхъ, сочиняли музыку: А. Н. Верстовскій, А. А. Алябьевъ и Ѳед. Ѳ. Шольцъ.

Во время Московской драматической дѣятельности была поставлена также комедія, въ 5 дѣйств., въ стихахъ, Василья Михайловича Головина: *Писатели между собою*.

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ написалъ нѣсколько пьесъ для сцены, въ стихахъ, драм. хроники: *Святославъ, Король Энціо, Новгородцы, Дочь Карла Смѣлаго*, *Наполеоновскій гвардеецъ, Чума въ Миланѣ*; комедіи: *Наука*

и женщина, *Діогенъ*, *Цикута*; драмы-біографіи: *Расинъ*, *Молеръ*; трагедію: *Клитемнестра*, и много другихъ драматическихъ представленій и водевилей.

Петръ Андр. Каратыгинъ, Дм. Тим. Ленскій, Графъ Владим. Алек. Сологубъ, авторъ драматическаго представленія: *Мѣстничество* и многихъ водевилей, Ник. Арсен. Коровинъ, Павелъ Степ. Федоровъ, Фед. Алекс. Конд, Пет. Ив. Григорьевъ — вотъ, можно сказать, лучшіе дѣятели нынѣшней водевильной эпохи. Пьесы П. Каратыгина, по большей части, носятъ отпечатокъ оригинальности; его куплеты остроумны: *Знакомые незнакомцы*, *Сентябрская ночь*, *Горе безъ ума*, *Ложа 1-го яруса*, *Чиновникъ по особымъ порученіямъ*, *Пикникъ въ Токсовѣ*, *Булочная*, *Вице-мундиръ*, *Гераклитъ и Демокритъ*, *Отелло на пескахъ*, *Петербургскія дачи*, *Свадебный столъ безъ молодыхъ* и многіе другіе водевили, удачно передѣланные, весьма игривы и удобны для представленія на домашнихъ театрахъ.

При этомъ нельзя еще разъ не вздохнуть о двухъ превосходныхъ потеряхъ въ Петербургѣ: юной актрисѣ Асенковой и разнообразномъ артистѣ Николаѣ Осиповичѣ Дюрѣ; это были водевильные перлы, любимцы публики. На Петербургской сценѣ въ небольшихъ роляхъ, въ восемьсотъ тридцатыхъ годахъ блестѣла красавица Степанова, которой портретъ былъ срисованъ въ ролѣ Пекки (опера: *Бронзовый конь*). Къ этому же времени принадлежитъ пѣвица С. В. Каратыгина (урожденная Биркина); талантливая Мар. Дмит. Дюръ, будучи еще Новицкой, восхищала въ ролѣ Фенеллы и перешла изъ балета въ драму на роли героинь. Артистка Гринева то же съ дарованіемъ. Петербургская сцена имѣла нѣкогда удивительнаго комика Воротникова, мастерски представлявшаго роли Нѣмцевъ и Филатокъ.

Лѣтопись театра должна упомянуть о прекрасныхъ музыкальныхъ талантахъ Осипа Аѳанасьевича Петрова и Г. Артемовскаго, которые поддерживаютъ Русскую оперу; нынѣшняя пѣвица Степанова принадлежитъ то же къ числу весьма талантливыхъ сюжетовъ. Въ молодой пѣвицѣ Петровой (Воробьевой), воспитанницѣ Петербургской школы, театръ лишился превосходной пѣвицы контръ-альто: она давно оставила сцену.

Внутреннее устройство Петербургскихъ театровъ въ настоящее время очень изящно и декораціонная часть доведена знаменитымъ Роллеромъ до степени высокаго совершенства.

Теперь возвратимся къ Московскому театру, который, разсѣявшись по губерніямъ, во время тяжкаго испытанія Москвы, находился въ бездѣйствіи ровно два года.

Большая часть артистовъ и составъ театральной школы пріютились сначала въ Плесскѣ, въ заштатномъ городѣ Костромской губерніи, и потомъ переселились въ Кострому, гдѣ въ домѣ тогдашняго Губернатора, Н. О. Насынкова, подъ руководствомъ режиссёра Фрыгина (Ивана Ивановича) и учителя пѣнія Скокова, давались спектакли. Здѣсь заронилась искра сценическаго призванія въ двухъ, въ то время, юныхъ талантахъ, впослѣдствіи извѣстныхъ актрисахъ: Окуневой (нынѣ заслуженная артистка Сабурова) и Медвѣдевой.

Коснувшись режиссёра Фрыгина, не можемъ не отдать справедливости его способности: онъ былъ очень смѣтливъ, зналъ хорошо сцену и впослѣдствіи былъ взятъ къ Петербургскому театру.

Въ 1814 году всѣ театральные элементы собрались въ Москву; театръ первоначально былъ устроенъ въ домѣ Степана Степановича Апраксина, на Знаменкѣ, и 30-го Августа спектакли открылись тамъ любимою оперою: *Старинныя святки*; въ то время, большею частію, представляли или національныя, или отечественныя пьесы, драмы: *Храбрые Кириловцы при нашествіи враговъ* (Г. Вронченко), *Освобожденіе Смоленска*, *Всеобщее ополченіе*. В. М. Оедоровъ сочинилъ комедію: *Прасковья Борисовна Правдухина*. Самые балеты примѣнены были къ обстоятельствамъ времени: *Любовь къ отечеству*, *Русскіе въ Германіи*, *Русскіе въ Парижѣ*, *Казакъ въ Лондонѣ*, *Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій*, съ куплетами и хорами; сочинялъ ихъ Валберхъ и Огюстъ въ Петербургѣ, а стихи для пѣнія П. А. Корсаковъ. Въ Москвѣ эти балеты были то же поставлены и производили большой эфектъ. Въ 1815 году, давали дивертисементъ: *Семикъ, или гуляньѣ въ Марьиной рощѣ* — его публика не могла насмотрѣться, и потому, сдѣлано было распоряженіе давать этотъ дивертисементъ не въ счетъ абонемента. Лучшіе пѣвцы и пѣвицы въ немъ участвовали; большое число красавицъ, на выборъ, рисовались въ Русской пляскѣ въ богатыхъ сарафанахъ; тутъ же знаменитый пѣсельникъ Лебедевъ восхищалъ своимъ хоромъ; первые пѣвцы-артисты и Русскіе солдаты славили подвиги оружія. Въ этомъ видѣ, Семикъ перенесенъ былъ Глушковскимъ на сцену въ Останкино, гдѣ онъ былъ представленъ въ присутствіи Короля Прусскаго. Музыкальною частію дирижировалъ извѣстный композиторъ Давыдовъ.

Въ 1817 году взошла новая звѣзда на горизонтѣ Московскаго театра: это былъ Мочаловъ (Павелъ Степановичъ); онъ дебютировалъ ролью Полиника, 4-го Сентября, въ трагедіи: *Эдипъ въ Аѳинахъ*; Тезея въ то время

представлялъ его отецъ, а Эдипа — Колпаковъ; успѣхъ былъ замѣчательный; превосходный талантъ Мочалова, большой частью, завиѣлъ отъ его вдохновенія: бывали минуты, въ которыя онъ безсознательно приводилъ въ восторгъ, и случалось, что въ тѣхъ же самыхъ роляхъ не удовлетворялъ ожиданіямъ. Лучшія его роли сначала были: *Фердинанда* (въ трагедіи: *Коварство и любовь*); позднѣе онъ игралъ *Миллера*. Въ нѣкоторыхъ сценахъ Гамлета онъ былъ превосходенъ, также Пожарскимъ, Ляпуновымъ (въ др. *Скопинъ - Шуйскій*), Романомъ Бобромъ (въ *Двоумужницѣ*), Волковымъ, и приводилъ театръ въ содроганіе, исполняя роль Жоржа Жермани (*Жизнь игрока*, въ послѣднемъ актѣ). Мочаловъ принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ своего вѣка.

Мочаловъ, по любви къ искусству, старался образовать для сцены и свою дочь; она хотя имѣла нѣкоторый талантъ, но при небольшихъ физическихъ средствахъ, не смотря на интересную наружность, не могла сдѣлаться драматическою актрисою *. Онъ былъ въ тоже время поэтъ: написалъ нѣсколько стихотвореній и пьесъ для сцены; между послѣдними извѣстна: *Черкешенка*. Можно сказать — ни одинъ артистъ не имѣлъ у насъ такой толпы почитателей и поклонниковъ, какъ Мочаловъ въ Москвѣ.

Его сестра Марья Степановна Мочалова, появившаяся почти въ одно время съ нимъ, въ роляхъ драматическихъ любовницъ, принята была публикою какъ нельзя лучше.

Послѣ появленія ея въ *Димитріѣ Донскомъ*, въ ролѣ Ксеніи, написаны были стихи:

Довольно ты, Донской, защитниковъ имѣешь:
Отъ жала критики, они тебѣ покровъ,
Ты сердцемъ Ксеніи владѣешь,
А каждый зритель ей свое отдать готовъ.

Въ восемьсотъ двадцатыхъ годахъ игралъ еще даровитый Колпаковъ; онъ, можно сказать, первый изъ артистовъ вывелъ свою дочь на сцену Пашковскаго театра въ роляхъ молодыхъ любовницъ **.

Въ балетѣ были замѣчательны танцовщицы: Глушковская (Татьяна Ивановна), Лобанова и Новикова: первая стройная, большаго роста, соединяла искусство танцевъ съ выраженіемъ физіогноміи; двѣ другія были очень граціозны; Лобановъ (Иванъ Карповичъ) и Ивановъ (ученикъ Лефевра)

---

* Смот. въ приложеніяхъ къ альбому, снимокъ съ руки Мочалова.

** Дѣв. Колпакова съ успѣхомъ участвовала во многихъ трагедіяхъ и драмахъ.

слыли хорошими танцовщиками. Лобановъ въ особенности отличался удальствомъ въ Русской и цыганской пляскѣ.

Театромъ, который былъ уже въ это время на Моховой въ домѣ Пашкова, управлялъ Ан. Ал. Майковъ. Впослѣдствіи онъ былъ Директоромъ Петербургскаго театра.

Одна изъ блестящихъ эпохъ театра въ Москвѣ была та пора, когда онъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, просвѣщеннаго покровителя, памятнаго Московской столицѣ пользою общественною и благодѣяніями:

Кто все прекрасное постигъ,
Умомъ разборчивымъ и чувствомъ *.

При немъ храмъ искусствъ закипѣлъ новою жизнію. Директоромъ театра назначился любитель — драматургъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ; Князь Дмитрій Владиміровичъ неподатайствовалъ, отъ щедротъ Государя, новыя средства въ пособіе театру; сдѣланы значительныя улучшенія, нанятъ нарочно отстроенный домъ купца Варгина и устроенъ въ немъ малый театръ **. Для обновленія его (14-го Октября, 1824 года), представляли драматическое зрѣлище, балетъ: *Лилія Парбонская, или обѣтъ рыцаря*, и анакреонтическій балетъ: *Зефиръ* (Le volage fixé); потомъ открытъ и нынѣшній большой Петровскій театръ (6-го Января, 1825 года), одинъ изъ огромнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ возведенъ отъ самаго основанія вновь, значительно увеличенъ противъ прежняго, архитекторомъ Бове; два дня къ ряду представляли въ немъ, для открытія, прологъ въ стихахъ: *Торжество музъ* (М. А. Дмитріева) и великолѣпный балетъ: *Сандрильона*, и оба раза театръ съ верха до низа былъ полонъ; въ это уже время балетъ Московскій стоялъ на степени совершенства; въ немъ участвовали выписанные изъ Парижа превосходные танцовщики: два брата Ришарда; 1-й (Іосифъ), ученикъ Вестриса, отличался легкостію, большою силою, притомъ граціозностію и элеваціею въ танцахъ (Demie caractère); онъ поставилъ

* Въ 1824 году въ Петербургѣ былъ учрежденъ особый комитетъ для театральныхъ дѣлъ, въ коемъ присутствовали: Князь Д. В. Голицынъ, Гр. Мих. Ан. Милорадовичь, Штаймейстеръ Кн. В. В. Долгоруковъ, Тайный Совѣтникъ Гр. Кутайсовъ и Дѣйст. Стат. Совѣт. Князь Шаховской. По упраздненіи Комитета, былъ назначенъ общимъ Директоромъ театровъ въ Петербургѣ: Гофмейстеръ Кн. С. С. Гагаринъ и послѣ его нынѣ занимающій эту должность по управленію театрами обѣихъ Столицъ: Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Александръ Михайловичь Гедеоновъ.

** Впослѣдствіи онъ купленъ театральною дирекціею.

прекрасные балеты: *Пажи Герцога Вандомскаго*, и *Дина, сумашедшая отъ любви.*

Нынѣ Г. Ришардъ 1-й занимаетъ мѣсто старшаго режиссёра балетной труппы. Ришардъ 2-й (Антенорь) былъ то же очень хорошъ въ серьёзныхъ танцахъ. Съ ними вмѣстѣ появилась прекрасная танцовщица своего времени, Г-жа Гюлень; она училась начально у своего отца, потомъ у Кулона, образователя хореграфическихъ знаменитостей въ Парижѣ. Будучи семи лѣтъ, Г-жа Гюлень представляла амуровъ, первая создала это амплуа въ Парижѣ въ балетѣ Дидло: *Зефиръ и Флора*, была впослѣдствіи ангажирована къ Королевскому Лондонскому театру, возвратилась потомъ въ Парижъ и съ блестящимъ успѣхомъ дебютировала на оперной сценѣ. Эта заслуженая артистка, принятая съ большимъ одобреніемъ въ Берлинѣ и Варшавѣ, прослужившая двѣнадцать лѣтъ въ Москвѣ, долго восхищала публику въ *Сандрильонѣ*, и въ другихъ балетахъ своего сочиненія; она образовала нашу превосходную Санковскую * и поставила нѣсколько прекрасныхъ балетовъ; балеты ея сочиненія: *Розальба*, *Геркулесъ и Омфала*, *Забавы Султана*, *Ринальдо Ринальдини*, и *Альфонсъ и Элеонора*, и нѣкоторые другіе. Особой способности Г-жи Гюлень — развивать таланты для сцены, мы обязаны за тѣ прелестныя группы танцовщицъ и корифеевъ, которыя украшаютъ теперешніе балеты; заслуги Г-жи Гюленъ театру, въ хореграфическомъ отношеніи, не оцѣнимы; родъ ея танцевъ былъ полухарактерный; она была равно стройна какъ въ Греческомъ туникѣ, такъ и во Французскомъ пейзанскомъ костюмѣ. Ея позы въ серьёзныхъ танцахъ были привлекательны, пируеты чисты, антраша имѣли достаточную элевацію; пантомима Г-жи Гюленъ отличалась особымъ выраженіемъ. Сверхъ названныхъ, въ эту пору балетныхъ артистовъ, были: Лопухина 1-я (Дарья Сергѣевна), впослѣдствіи жена Ришарда, Лопухина 2-я (Вар-

---

* Свѣдѣнія относительно образованія Русскихъ танцовщицъ, Московскаго театра, заимствуемъ изъ собственныхъ записокъ г-жи Гюленъ: »Trois ans après mon séjour à Moscou, je fis un voyage à Paris, emmenant avec moi une jeune élève M-lle Karpakova. A notre retour, le public me témoigna sa reconnaissance, en accueillant avec bonté ma jeune élève.

»Huit ans après, j'obtins encore un congé; c'est alors que M-lle Sankovsky, était déjà un joli talent; voulant achever mon ouvrage, en lui faisant voir tous nos beaux talents, je l'emmenai à Paris et à Londres, où elle eut le bonheur d'admirer Taglioni, Fanny Elsler, et même Charlotte Grisi, qui toute jeune encore promettait déjà d'être ce qu'elle est aujourd'hui, un talent exceptionnel. A notre retour, M-lle Sankovsky reparut un talent totalement formé, et tint tout de suite la première place. Je pensai alors que ma tâche était remplie, et je me retirai du théâtre.«

А. П. Глушковой

Балетъ Раулъ де Креки
или
возвращ: изъ крестовыхъ походовъ.

4

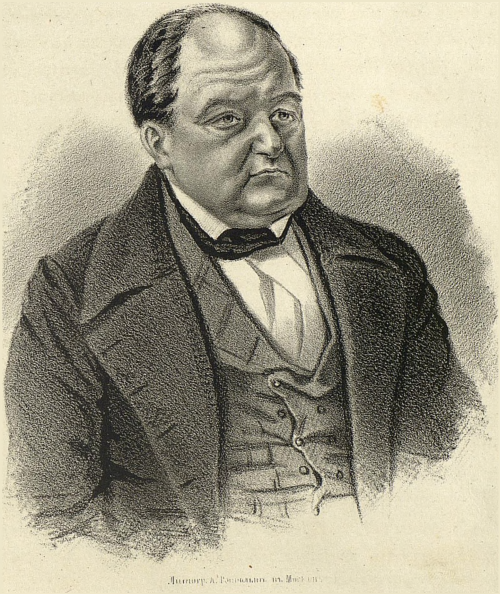
вара Сергѣевна); обѣ онѣ усовершенствовались за границею: талантливая, рано сошедшая со сцены Карпакова, впослѣдствіи Богданова, тоже привлекала вниманіе публики. Александра Ивановна Воронина — ея черты лица дышали Востокомъ: она прелестно исполняла роль Черкешенки въ балетѣ: *Кавказскій плѣнникъ*, и блестѣла во многихъ другихъ роляхъ. Елена Николаевна Иванова была хорошая танцовщица и заглядѣнье собою. То же танцовали съ искусствомъ: Миняева, Марья Ивановна, Харламова-Карасева — послѣдняя удивляла своею силою; Карасева 2-я, двѣ Михайловы, Анисья Заборовская, Анна Иванова; корифеи: Баранова, Радецкая, Зарѣцкая, Литавкина, Цилибѣева; послѣднія три плясали по Русски и по цыгански; кордебалетъ восхищалъ пріѣзжавшихъ изъ Петербурга. Танцовщики, сверхъ упомянутыхъ, были сначала: Бодри, онъ же и учитель школы, потомъ въ пантомимѣ Глушковскій, Бернаделли вмѣстѣ и сочинитель комическихъ балетовъ: *Волшебная флейта* и *Механическія фигуры* — они долго держались на сценѣ. Урбани (комикъ), Пѣшковъ, Лобановъ, Оттаво, Богдановъ, Ивановъ и Карасевъ. Сверхъ балетовъ, дававшихся на большомъ театрѣ (Шевалье, Дидло, Валберха и Отюста), имѣли успѣхъ балеты Глушковскаго; первый изъ нихъ, данный для его дебюта, былъ: *Даѳнисъ и Хлоя* (въ 1812 году, еще на сценѣ Арбатскаго театра); потомъ онъ поставилъ: *Островъ любви*, *Донъ-Жуанъ*, *Русланъ и Людмила*, *Роза и Коленъ*, *Черная шаль*, *Благодѣтельный Алжирецъ*, *Рожеръ*, *атаманъ разбойниковъ*, *Три пояса*, гдѣ группы были прелестны, *Александръ Македонскій*, *Очарованный замокъ*, *Наказанный Циклопъ*, *Персей и Андромеда* и другіе. Глушковскій былъ единственный нашъ Русскій балетмейстеръ: онъ обращалъ на себя вниманіе публики во всѣ тридцать лѣтъ своей службы; его балеты нравились и привлекали всегда множество посѣтителей, не смотря на то, что въ бенефисы его давались обыкновенно ихъ повторенія, театръ всегда былъ полонъ. Сценическимъ устройствомъ и приготовленіемъ машинъ занимались: Шрейдеръ, Портновъ и Грифъ; костюмеръ былъ Локуесъ *.

Но при всемъ усовершенствованіи хореграфической части, драматизмъ составлялъ главную силу театра, всю заботливость О. О. Кокошкина; у него были помощники по репертуарной части: Каммергеръ, остроумный Алекс.

* Въ настоящее время въ Москвѣ рисуетъ превосходныя декораціи Г. Браунъ, также Шеньянъ и Павловъ, и отличаются вкусомъ и живостію колорита декораціи молодаго художника Сѣркова: его постановка живыхъ картинъ изящна; въ тоже время костюмеръ Вуатов машинистъ Пиро обращаютъ на себя вниманіе.

Вас. Арсеньевъ и славный водевилистъ А. И. Писаревъ, по хозяйственной Мих. Ник. Загоскинъ, который послѣ того самъ былъ Директоромъ театра. Должность Инспектора музыки занималъ тогда Ал. Ник. Верстовскій. Вкусъ публики былъ въ то время положителенъ и требователенъ: отъ комедіи не отворачивались и потому возраждались таланты; въ ту пору явился Михайла Семеновичъ Щепкинъ. Этотъ самобытный артистъ родился въ 1788 году, въ Курской губерніи въ Оболенскомъ уѣздѣ, въ селѣ, находящемся на рѣчкѣ Пенкѣ. Какъ прошла ранняя молодость у Щепкина? Это намъ неизвѣстно, но изъ собственныхъ его разсказовъ мы знаемъ, что врожденныя способности возбуждали въ немъ съ первыхъ юношескихъ лѣтъ желаніе постигнуть естественность драматическаго искусства, которая тогда вовсе не была извѣстна нашимъ актерамъ. Въ первый разъ онъ показался на провинціальной сценѣ Курскаго театра въ 1805 году—въ драмѣ: *Зоа*, игралъ роль почтаря Андрея. Успѣхъ ободрилъ зародившееся призваніе: онъ сталъ продолжать, сдѣлалъ нѣсколько сценическихъ попытокъ въ сосѣдственныхъ губерніяхъ на театрахъ антрепренеровъ въ разныхъ роляхъ и въ 1822 году пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь его дебюты: въ *Богатоновѣ* и въ *Лакейской войнѣ* (*Марѳа и Угаръ*) столько были удачны, что театральная дирекція тотчасъ заключила съ нимъ контрактъ, и М. С. Щепкинъ поступилъ на амплуа первыхъ комиковъ (Financiers). Съ 1823 года онъ уже принадлежалъ къ Императорской Московской труппѣ и блестѣлъ своимъ разнообразнымъ талантомъ: *въ Водовозѣ* и *Добромъ малымъ*. Нѣтъ надобности оттѣнять красоты изящества игры М. С. Щепкина: онѣ извѣстны обѣимъ столицамъ и, можно сказать, всей Россіи; это артистъ высокаго стиля и въ нашемъ времени мы не имѣемъ въ виду другаго, который бы могъ создавать такъ вѣрно оригинальные типы Гоголевыхъ комедій, представлять съ такимъ совершенствомъ Фамусова въ *Горе отъ ума*, роль чрезвычайно трудную, и играть въ то же время Мольера съ настоящимъ достоинствомъ.

Николай Владиміровичъ Лавровъ (отецъ нынѣшней талантливой артистки Васильевой), отличный артистъ, пѣвецъ; его голосомъ льнялись Итальянцы (звучный баритонъ въ двѣ октавы, отъ верхняго до нижняго соль). Ростъ, органъ, благородство, теплота души и истинный драматическій талантъ, все было соединено въ немъ для его славы; въ партіяхъ: Іакова (Меюля), Цамны (Герольда), Вампира (Маршнера), Велизарія (Беллини), Лавровъ былъ превосходенъ.



М. Погодинъ

5

Петръ Александровичь Булаховъ * (пріятный и грудной теноръ), какъ пѣвецъ, имѣлъ большое достоинство; былъ женатъ на дочери актера Колпакова; репертуаръ Булахова былъ очень великъ, тѣмъ болѣе, что опера полухарактерная и комическая привлекала тогда преимущественно, не смотря на то, что въ это время, въ Москвѣ, существовала отдѣльная Итальянская труппа; оперы: *Стрѣлокъ*, *Робертъ*, *Швейцарское семейство*, *Красная шапочка*, *Жанъ Парижскій*, *Баядерка*, *Жокондъ*, *Бѣлая волшебница*, *Цамна*, *Преоклеркъ*, *Снѣгъ*, *Невѣста*, *Фрадіаволо*, *Черное домино*, доставляли большое удовольствіе. Чтобъ играть оперы этого рода, кромѣ голосовъ и знанія музыки, нужны были актеры. Всѣ эти условія сосредоточивались въ превосходной артисткѣ Надеждѣ Васильевнѣ Рѣпиной. Какое высокое изученіе натуры! и что за прелесть каждая ею созданная роль? Рѣпина точно могла назваться Протеемъ сцены: не знаешь, въ чемъ отдать ей преимущество: она до глубины души трогала зрителя въ *Швейцарскомъ семействѣ* (переводъ Н. И. Греча), Эмелиной въ дуетѣ съ Рихардомъ отцомъ (его представлялъ Лавровъ), музыка этой оперы, исполненная чувства и мелодіи, соч. Вейгеля; Рѣпина была плѣнительна въ ролѣ *Невѣсты* и Церлины (въ *Фрадіаволо*), также и въ *Кетли* Швейцаркой, и во множествѣ другихъ. Для нее переводили оперы, сочиняли водевили и музыку.

Для высокихъ и блестящихъ музыкальныхъ партій были пѣвицы: Филлисъ (Евгенія Петровна), дочь славной Французской пѣвицы Филлисъ-Андріё, родившаяся въ Россіи: въ ея игрѣ отсвѣчивалась ловкость и искусство; потомъ Петрова и Вятроцинская (Марья Игнатьевна), какъ вторая пѣвица, безъ особыхъ драматическихъ способностей, Вятроцинская болѣе играла въ волшебныхъ операхъ: Русалку, Пріяту и подобныя роли.

Въ 1823 году пріѣзжала въ Москву Сандунова; въ бенефисъ Булахова должна была идти опера: *Рѣдкая вещь;* затруднялись, кому играть Тита; знаменитая артистка поѣхала въ школу, проницательный ея взглядъ обрѣлъ тамъ точно рѣдкую вещь: Рязанцева — онъ былъ вольноопредѣлившійся, въ школѣ учился музыкѣ, и первая, мастерски имъ сыгранная роля Тита, упрочила его сценическую славу. Василій Ивановичь Рязанцевъ впослѣдствіи сдѣлался комикомъ оригинальнымъ, незамѣнимымъ, по-

---

* Выше на страницѣ XLVIII было сказано ошибкой, что онъ принадлежалъ прежде къ труппѣ С. С. Апраксина; Булаховъ былъ изъ числа пѣвцовъ Гр. Шереметева.

стоянно былъ любимцемъ публики — безъ него до сихъ поръ спротѣютъ многія роли.

Сабуровъ (Александръ Матвѣевичь) въ роляхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, повѣсъ, и роли, гдѣ требовалось достоинство высшаго круга, игралъ чрезвычайно хорошо. Получивъ достаточное образованіе, будучи отъ природы очень ловокъ и танцуя прекрасно, онъ давалъ уроки во многихъ домахъ и присмотрѣлся къ хорошему обращенію, блестѣлъ на Московской сценѣ — его входъ и пріемы располагали уже къ нему зрителя, потомъ прекрасная дикція, благородство и сочувствіе къ каждой роли; лучшими ролями Сабурова были: *Севильскій цыгрюльникъ*, чрезвычайно трудная, онъ её самъ создалъ; *Дюка Дельмара*, въ комедіи: *Урокъ Старикамъ*, *Вѣтрона* въ *Лукавинѣ*, *Стрѣльскаго* младшаго въ ком.: *Два брата*.

Въ ролѣ Грифьяка (водев. *Фениксъ, или утро журналиста*) кто видѣлъ Рамазанова въ Петербургѣ, и Сабурова въ Москвѣ, тотъ конечно затруднялся, которому изъ нихъ дать преимущество; Сабуровъ былъ необходимою потребностію всѣхъ водевилей. Писаревъ говаривалъ, »что ужь тотъ за водевиль, гдѣ нѣтъ Щепкина, Рязанцева, Сабурова и Рѣпиной!« Поступилъ въ тоже время и Бантышевъ (Александръ Олимпіевичь), плѣняющій насъ доселѣ въ Русскихъ мелодіяхъ.

Къ числу оперныхъ актеровъ принадлежалъ образованный любитель музыки, Кубишта (Николай Егоровичь), имѣвшій не большой, но пріятный голосъ; впослѣдствіи онъ заступилъ мѣсто втораго дирижёра оркестра. Главнымъ же капельмейстеромъ при театрѣ былъ Осдоръ Ефимовичь Шольцъ: онъ отлично зналъ музыку и сочинилъ нѣсколько оперныхъ партитуръ.

Дружининъ, пѣвецъ (пріятный теноръ), Сорокинъ, Сорокина, Виноградова — пѣвица замѣчательная, Лилѣева, Гришаевъ и Савицкая (Клѣцова) * принадлежали то же къ оперѣ. Послѣдняя, хорошая пѣвица, старалась дать образованіе дочери, которая готовится теперь на оперное амплуа. Пѣвицы: Надежда Иванова и Бажанова играли русалокъ. Сестра Сабурова (Дарья Матвѣевна, впослѣдствіи Лаврова), оперная артистка, съ наружностью выразительной (piquante), имѣла талантъ для ролей бойкихъ дѣвицъ и субретокъ; ея голосъ контр-альтъ, звучный, былъ очень пріятенъ; участвовала въ операхъ и водевиляхъ, особенно была прелестна въ ролѣ Вені-

* Она была вывезена особымъ расположеніемъ Ел. Сем. Сандуповой.

амина. Тріо (въ *Іосифѣ*), которое пѣли нѣкогда Іаковъ (Лавровъ), Іосифъ (Булаховъ) и Веніаминъ (Д. Сабурова) былъ просто наслажденье.

Кромѣ сюжетовъ прежняго времени, которые дослуживали сроки къ пенсіонамъ и пріобрѣтенною опытностію на сценѣ и стараніемъ были примѣромъ для вновь поступающихъ, появились: Марья Дмитріевна Львова-Синецкая, для первыхъ ролей, въ драмѣ и комедіи, артистка съ призваніемъ и глубокимъ изученіемъ искусства; Мочаловъ занималъ амплуа героевъ въ драмѣ; Иванъ Максинъ, артистъ съ дарованіемъ, усвоилъ себя характерамъ коварнымъ: онъ участвовалъ и въ операхъ, напр. Симеонъ (въ *Іосифѣ*), Каспаръ (въ *Стрѣлкѣ*). Актеръ Андрей Ширяевъ, съ большими средствами, исполнялъ амплуа резонеровъ, и былъ въ этихъ роляхъ отчетливо хорошъ; съ нимъ одинакія роли игралъ и Третьяковъ, который послѣ перешелъ на Петербургскую сцену; Павелъ Орловъ былъ хорошій драматическій актеръ, и былъ другой Орловъ (мужъ извѣстной актрисы); Козьма Барановъ, Василій Барановъ, вмѣстѣ съ тѣмъ декораторъ, Цыгановъ, сочинитель народныхъ пѣсенъ — они играли хорошо плутовъ, комическихъ стариковъ и слугъ; Аѳанасьевъ — приказныхъ, Волковъ, Усачевъ, Воронцовъ, Бажановъ, Волжскій резонеровъ, Потанчиковъ, Козловскій, Тихомировъ, Виноградскій, режиссёры Кротовъ и Малышевъ, всѣ они болѣе, или менѣе были полезны для театра *.

Въ тоже время возникли таланты: комикъ Василій Игнатьевичъ Живокини, сынъ иностранца, пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ съ извѣстнымъ зодчимъ Графомъ Растрелли, обучался въ театральной школѣ, готовился быть музыкантомъ, сначала участвовалъ даже въ корѣ де балетахъ. Кокошкинъ первый подмѣтилъ Живокини, и въ 1825 году, когда его выпустили изъ школы, перемѣстилъ его въ драматическую труппу; здѣсь

---

* Назвавъ актеровъ, сошедшихъ со сцены, нельзя не вспомнить оригинальнаго анекдота, случившагося во время репетиціи драмы: *Соколъ Князя Ярослава*—рослый, но малоталантливый актеръ, Козловскій, приготовлялся играть главную роль; авторъ, Князь Шаховской, видя его очень дурно декламирующаго интересную сцену, спрашиваетъ режиссёра о имени и отчествѣ Ярослава, и низко кланяясь олицетворенному Князю, восклицаетъ, въ смущеніи духа: »голубчикъ Дмитрій Ѳедосѣичъ, не погуби, откажись отъ роли.«

Другая забавная выходка сильнаго сочувствія Князя А. А. Шаховскаго къ драматическому искусству твердо сохранилась у насъ въ памяти. Присутствуя при репетиціи одной изъ своихъ пьесъ, онъ морщился, сердился, вскакивалъ со стула и жаловался режиссёру на неповятливость нѣкоторыхъ актеровъ, на неодушевленіе статистовъ, наконецъ при дальнѣйшемъ искаженіи сценъ, прошелъ въ такое отчаяніе, что ушелъ за задвижу запавѣсъ, и видя тамъ горящую лампу, началъ съ ней объясняться: »кому ты, голубушка, свѣтишь, ну, кого просвѣщаешь? Здѣсь все люди темные! не прозрятъ, оставь ужь ихъ въ этомъ затмѣніи.«

развился самобытный комическій талантъ Живокини и онъ снискалъ расположеніе публики. Никифоровъ (Николай Матвѣевичъ) тоже началъ съ пяти первыхъ позицій и достигъ до настоящей.

Оркестръ Московскаго театра, управлявшійся издавна искусными капельмейстерами, имѣлъ превосходныхъ солистовъ, каковы были: Поляковъ, концертистъ скрипачь, ученикъ извѣстнаго Бальё, и въ это же время, на неблагодарномъ инструментѣ фаготѣ, Костинъ услаждалъ публику прелестной гармоніей звуковъ, подобныхъ Англійскому рожку.

Талантъ Европейскаго артиста - скрипача Гаумана образовалъ намъ прекраснаго солиста Артемія Щепина — этотъ молодой человѣкъ, имѣя отъ природы склонность къ музыкѣ, обвороженный звуками смычка Гаумана, явясь къ нему, со слезами умолялъ, чтобъ онъ взялъ его съ собою за границу, гдѣ онъ пять лѣтъ неутомимо трудился, потомъ явился передъ Парижской публикой и принятъ съ большимъ одобреніемъ. Иностранныя газеты отзывались о немъ съ большой похвалою — Щепинъ можетъ быть признанъ первоклассным артистомъ.

Братъ его Павелъ Мардар. Щепинъ, поступившій изъ воспитанниковъ въ труппу Московскаго театра, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ актеровъ въ 1827, 1828, 1829 и 1830 годахъ, въ драмѣ, комедіи и преимущественно въ оперѣ, гдѣ онъ исполнялъ первыя партіи теноровъ, игралъ до 50-ти различныхъ ролей а теперь занимаетъ одно изъ значительныхъ амплуа въ театрѣ: оперпаго режиссёра; знаніе музыки, опытность, трудолюбіе и вкусъ сдѣлали Щепина для труппы и полезнымъ и необходимымъ; многія весьма сложныя музыкальныя произведенія поставлены имъ на Московской сценѣ превосходно.

Петербургская Русская труппа имѣетъ своего отличнаго режиссёра, П. И. Куликова, который, сверхъ многосложныхъ, всегда увѣнчанныхъ успѣхомъ занятій по обстановкѣ пьесъ, вдвойнѣ полезенъ для сцены: онъ даритъ ее не рѣдко и своими замысловатыми и игривыми пьесами.

Чувствительную потерю понесъ водевиль, въ незамѣненномъ амплуа, изчезнувшемъ на нашей сценѣ, съ актеромъ Рыкаловымъ (Василій Васильевичъ), сынъ прежняго славнаго комика и отецъ нынѣшней актрисы, игралъ роли: *Потье*; игралъ превосходно: молодаго человѣка въ 60 лѣтъ, Вертера, гастронома голоднаго и т. д. *(Roles de charge)*, сохраняя комическую серьёзность безъ фарсовъ — Рыкаловъ, молча, заставлялъ хохотать

А. Сенгуровъ

Петръ Степановъ, артистъ, начавшій свое поприще, въ тоже время обладаетъ особымъ искусствомъ грумированія и представленія пародій, составляетъ сценическую необходимость; въ этомъ же разрядѣ стоялъ, рано кончившій свою драму, актеръ Василій Степановъ, памятный по ролѣ Загорѣцкаго.

Относительно актрисъ: долго, потрясала чувства въ Москвѣ А. М. Борисова, которая играла трагедіи, по традиціямъ славной Семеновой.

Аграфена Тимофѣевна Сабурова, перейдя на роли благородныхъ матерей и другія характерныя, до сихъ поръ радуетъ нашу сцену. Эта актриса, можно сказать, высокаго достоинства; ея репертуаръ весьма многосложенъ: всякой ролѣ она умѣетъ придать свое значеніе; было время, что она восхищала насъ въ операхъ. Аграфена Тимофѣевна прекрасно пѣвала Русскія пѣсни; она же способствовала къ усовершенствованію превосходнаго таланта И. В. Рѣпиной, и продолжая болѣе тридцати пяти лѣтъ свое сценическое поприще, нисколько не ослабила энергіи въ искусствѣ.

Въ числѣ актрисъ 1826 года, сверхъ вышеназванныхъ оперныхъ, были: Рыкалова (Аграфена Гавриловна, рожденная Степанова), стройная, интересная собою, занимала въ драмахъ и комедіяхъ роли первыхъ любовницъ; равно красивой наружности Любовь Ивановна Заневская являлась въ небольшихъ роляхъ, и Златопольская, живая блондинка, играла служанокъ; онѣ не долго оставались на сценѣ. Бѣляева исполняла нѣкоторыя роли въ водевиляхъ, Малышева — наперсницъ въ трагедіяхъ; Потапчикова занимала много ролей молодыхъ Принцессъ въ драмахъ съ успѣхомъ, она играла и въ комедіяхъ; Пагаева, бойкая и быстрая, была замѣчательна въ амплуа горничныхъ; Ребристова (нынѣ Г-жа Кашина), съ талантомъ разнообразнымъ, являлась чаще въ комедіяхъ и водевилѣ. Наивная и интересная Оедорова (потомъ жена Ленскаго), имѣла чувство неподдѣльное, съ искусствомъ исполняла многія драматическія роли. Гольтерманъ, красивой наружности, была и актриса и участвовала въ Русскихъ пляскахъ.

Любовь, или лучше сказать, страсть къ театру, Директора Кокошкина, поглощавшая все его время, и кругъ литераторовъ, составлявшій его бесѣды, гдѣ обыкновенно прочитывались новыя пьесы и обсуживалось распредѣленіе ролей и игра артистовъ, въ ихъ личномъ присутствіи (они постоянно у него собирались), доставляли неимовѣрную пользу ихъ сценическимъ занятіямъ. На драматическій праздникъ къ Кокошкину въ Бедрино (подмосковное его имѣніе, близь Косина и Кускова)

съѣхалось однажды все высшее общество; тутъ присутствовалъ и самъ покровитель Музъ, радость Москвы, Князь Дмитрій Владиміровичь. Мѣсто представленія было устроено въ саду, у разлива свѣтлаго озера: около столѣтнихъ дубовъ былъ раскинутъ станъ, въ сторонѣ шатеръ и холмъ, на озерѣ стояли нѣсколько фрегатовъ съ разноцвѣтными флагами — это былъ флотъ Агамемноновъ; вдали пылало зарево, изображавшее разрушеніе Трои; полный мѣсяцъ освѣщалъ живую, натуральную декорацію, и тутъ разыграны были сцены изъ трагедіи: *Поликсена*, лучшими артистами; Гекубу представляла Заневская, а Поликсену М. Д. Львова-Синецкая; по окончаніи, хозяинъ повелъ гостей къ крытой аллеѣ; тамъ они встрѣтили новое зрѣлище: при звукѣ музыки, распались вѣтви деревъ и открыли театральный порталъ, взвилась занавѣсъ и малолѣтные артисты, воспитанники училища, представили на своей сценѣ водевиль: *Суженаго конемъ не объѣдешь* — здѣсь въ первый разъ отразился талантъ малютки Куликовой, въ ролѣ Г-жи Гримардо, впослѣдствіи Орлова (Прасковья Ивановна), первоклассная драматическая актриса.

Воздушный спектакль О. О. Кокошкина подалъ мысль къ учрежденію, 1829 года, въ саду Нескушномъ, лѣтняго воздушнаго театра, безъ крыши, подъ сводомъ неба; этотъ театръ (Колизей) былъ обнесенъ красивою загородкою; въ немъ устроены были ложи въ два яруса и галлереи съ потолками, также корридоры, въ коихъ большое число зрителей могло укрываться отъ дождя; въ партерѣ были кресла и скамейки; раздвижная сборка, на которой изображенъ былъ пейзажъ (сельскіе домики) служила занавѣсомъ; на сценѣ ставились однѣ пристановочныя декораціи (партикабли), кулисами же были натуральныя деревья и кустарникъ; когда требовалась комната, то она составлялась въ видѣ павильона. На этомъ воздушномъ театрѣ давали, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, по два спектакля въ недѣлю и преимущественно въ воскресные дни, небольшія національныя пьесы съ плясками и Русскими и цыганскими; публики всегда собиралось много; часто недоставало мѣстъ и въ особенности, когда объявлялся фейерверкъ; по заключеніи спектакля и въ антрактахъ зрители или слушали музыку, или любовались съ возвышеннаго мѣста величественною панорамою Москвы.

Въ 1826 году театры поступили въ вѣдѣніе Министерства Императорскаго Двора, и Московскій присоединенъ къ общей Дирекціи; такимъ образомъ, минули уже 25 лѣтъ, какъ они, находясь подъ непосредственнымъ начальст-

вомъ Его Свѣтлости, Министра Императорскаго Двора, Господина Генералъ-Фельдмаршала, Князя Петра Михайловича Волконскаго, при заботливомъ попеченіи Директора Александра Михайловича Гедеонова, совершенствуются болѣе и болѣе, и вспомоществуемые Всемилостивѣйше имъ назначеннымъ пособіемъ, театры наши достигли, въ отношеніи великолѣпія спектаклей и хореграфической части, вообще такого совершенства, что могутъ состязаться съ первыми Европейскими театрами.

Для поощренія искусства, въ 1839 году, 15-го Января состоялось Высочайше утвержденное Положеніе, коимъ предоставлены артистамъ особыя права по разрядамъ *: находящимся въ первомъ разрядѣ даровано право получать почетное гражданство во время ихъ службы при театрѣ и по увольненіи отъ онаго, по прослуженіи 10 лѣтъ, личное, а послѣ 15-ти лѣтъ службы, потомственное.

Сверхъ того, въ 1850 году, въ 15-й день Марта, Высочайше утверждено дополненіе къ Положенію 15-го Августа 1833 года, о пенсіяхъ артистовъ Императорскихъ Театровъ, коимъ пенсіи Русскихъ артистовъ за двадцати-лѣтнюю службу раздѣлены также на четыре разряда: для перваго разряда опредѣлено: 1,140 р., для втораго: 750 р., для третьяго: 500 р., а для четвертаго: 300 р. сер.; если же жалованье артиста менѣе котораго либо изъ сихъ разрядовъ, то въ пенсію обращать получаемый каждымъ окладъ жалованья.

Для иностранныхъ артистовъ на право выслуги полученія пенсіи установленъ срокъ пятнадцать лѣтъ и раздѣлены артисты по степени ихъ талантовъ на два разряда, сообразно съ распредѣленіемъ Русскихъ артистовъ: состоящимъ въ первомъ разрядѣ опредѣлены пенсіи въ 570 руб., а во второмъ разрядѣ 285 р. сереб.

Возобновленіе Французскаго театра въ Москвѣ относится къ 320 годамъ и къ особой заботливости Князя Дмитрія Владиміровича Голицына

---

* Къ первому разряду принадлежатъ: актеры, занимающіе первые амплуа, во всѣхъ родахъ драматическаго искусства, управляющіе труппами, режиссеры, капельмейстеры, балетмейстеры, главный костюмеръ, держжеры оркестровъ, декораторы, машинисты, музыканты-солисты и танцовщики-солисты.

Ко второму разряду относятся: актеры, играющіе вторыя и третьи роли, суфлеры, гардеробмейстеры, театрмейстеры, музыканты, живописцы, скульпторы, надзиратель нотной конторы и фехтмейстеры.

Въ третьемъ разрядѣ полагаются актеры — хористы, актеры, употребляющіеся для выходовъ, для вывода хористовъ и статистовъ, фигуранты, нотные писцы, цѣлчіе и парикмахеры.

доставить публикѣ удовольствіе. Въ началѣ выписанная частная труппа въ Москву состояла изъ осьмнадцати отличныхъ артистовъ; въ составѣ ея были: Далезъ, славившійся въ Парижѣ, игралъ первыя драматическія роли: въ ролѣ Данвиля (Школа стариковъ) онъ былъ превосходенъ, Филиберъ талантливый комикъ, Альфредъ занималъ роли любовниковъ, Г-жа Альфредъ была прекрасная служанка, Г-жа Констансъ талантливая драматическая актриса, актеръ Менье, артистъ тоже весьма замѣчательный, равно и его жена. Уморительный комикъ - каламбуристъ Сентъ - Альбенъ, Эрнестъ, имѣвшій пріятный голосъ, Г-жа Бельманъ и другіе.

Спектакль Французскій въ Москвѣ, будучи потребностью высшаго общества, впослѣдствіи присоединенъ къ Императорской дирекціи, и чрезъ ея посредство, труппа усиливалась постоянно новыми сюжетами и находится нынѣ въ положеніи, можно сказать, соотвѣтствующемъ даже взыскательному вкуку.

Въ числѣ артистовъ означенной труппы обращаетъ нынѣ на себя вниманіе весьма даровитый писатель-артистъ Г. Моро: онъ перевелъ на Французскій языкъ 11 лучшихъ Русскихъ пьесъ, между прочими и: *Горе отъ ума (Trop d'Esprit nuit)*, *Недоросль (L'Enfant gaté)*, *Ябеда (La Chicane)*, *Аристофанъ*, *Пустодомы (La maison en desordre)*, *Ревизоръ*, *Смерть Лятунова*, *Князь М. В. Скопинъ - Шуйскій*, *Игроки*, *Женидьба*, *Тяжба*. Это, можно сказать, небывалый подарокъ для сильно - ослабнувшей западной драматургіи *.

Обращаясь къ нынѣшнимъ нашимъ драматическимъ произведеніямъ, нельзя не замѣтить, что онѣ не рѣдко, выражая современный вкусъ, не удовлетворяютъ вовсѣ эстетическому чувству — малодаровитые переводчики и подражатели драматическимъ произведеніямъ Запада, по большой части, ссылаются на публику, будто бы она требуетъ отъ нихъ уродливыхъ драмъ и пустыхъ водевилей. Напротивъ: публика у насъ рада всякому новому въ хорошемъ вкусѣ явленію, всякой прежняго времени замѣчательной пьесѣ; ибо языкъ, какимъ за двадцать, за тридцать лѣтъ писали: Озеровъ, Крыловъ, Гнѣдичь, Князь Шаховской, Капнистъ, Грибоѣдовъ, Хмѣльницкій, Катенинъ, Жандръ, Сушковъ, Лобановъ, Загоскинъ, Писаревъ и многіе другіе авторы, трудившіеся для сцены, не состарѣлся ни сколько; онъ правиленъ, благороденъ и уже конечно

---

* Г. Моро намѣренъ скоро напечатать свои переводы и издаетъ ихъ въ Парижѣ.

понятнѣе и пріятнѣе нынѣшнихъ, большею частію, торопливыхъ и бездарныхъ, школьническихъ подражаній и переводовъ. Правда, разговорный языкъ вездѣ по временамъ болѣе или менѣе получаетъ нѣкоторые оттѣнки, новые обороты, поговорки и т. д.; но это не измѣняетъ основныхъ правилъ, свойства, духа народнаго языка. Въ прежнее время, не говоря уже, о сущности содержанія, завязкѣ, ходѣ, разговорѣ, какъ классическихъ, такъ и романтическихъ произведеній, вообще слогъ, обдуманность, отдѣлка всѣхъ частей, обнаруживали художническую совѣсть въ писателяхъ. Тогда не рѣшались слагать по пальцамъ пятистопный ямбъ безъ рифмы и цезуры; тогда знаніе сцены, свѣта, общества и сердца человѣческаго были ручательствомъ за успѣхъ автора; и малѣйшее искаженіе языка, не только наводненіе чуждыми словами и оборотами, уронило бы всякую пьесу.

Къ утѣшенію ревнителей театра и роднаго языка, можно однако же смѣло сказать, что сила драматической производительности у насъ не погасла; и что правительство наше съ безпримѣрною щедростію готово всегда покровительствовать талантамъ; доказательство тому нѣкоторыя изъ новыхъ послѣднихъ произведеній: *Царская невѣста* — Л. Мея, *Поѣздка за границу* — Г. Загоскина, *Странная ночь* — Н. С. Жемчужникова, *Комедія безъ сватьбы* — Г. Сушкова, *Холостякъ* — Г. Тургенева; рельефные, но не плоскіе водевили: *Три невидимки* — Г. Лепскаго *, *Бѣдовая дѣвушка* — перед. Н. Куликовымъ, *Бѣда отъ нѣжнаго сердца* — Графа Сологуба, и поставленныя въ недавнемъ времени въ Петербургѣ, комедіи въ стихахъ: *Жителская школа*, *Домашняя исторія* (П. Григорьева), *Случай изъ Петербургскаго быта* — П. Каратыгина, оцѣнены вполнѣ публикою. Въ исполнителяхъ-артистахъ также нѣтъ недостатка; въ Петербургѣ: изстари талантливое семейство Самойловыхъ, Марья Васильевна (уже оставила театръ), Надежда и Вѣра Васильевна, ихъ братъ Василій Васильевичъ, Жулева, Селезнева, Левкѣева, Читау, Розанова, Боченкова, артисты: Максимовъ, Смирновъ, вездѣ и всегда превосходный комикъ, создающій всѣ возможные типы Мартыновъ, его удачный послѣдователь Марковѣцкій, прелестная, танцовщица: дѣв. Зенеида Ришардъ, дочь извѣстнаго Московскаго балетмейстера, танцовщица Волкова и Яковлева,

* Водевиль, замѣчательный по интересному его ходу и соблюденному въ немъ высшему приличію.

замѣчательныя въ балетѣ и т. д. Въ Москвѣ—Рыкалова (Надежда Васильевна), Васильева (Лаврова, Катерина Николаевна), Косицкая (Любовь Павловна), талантливая оперная артистка съ звучнымъ пріятнымъ голосомъ Семенова (Катерина Алексѣевна), нѣкоторые другіе сюжеты и наконецъ прекрасныя надежды нашей сцены — Бороздины (Варвара и Евгенія), Кат. Сабурова, дочь извѣстной артистки, Соболева 2-я, Медвѣдева, Воронова, Григорьева, Сергѣй Шумскій очень оригинальный, любящій свое искусство и подающій надежду стать на ряду съ своимъ знаменитымъ однофамильцемъ, талантливый Васильевъ и т. д. Въ балетѣ видимо совершенствующіяся: Санковская 2, Мазанова, Баркова, Пановы 1 и 2, Иванова, Наумова, Гусева и, вѣроятно, сверхъ всѣхъ ихъ, еще таятся въ нашихъ труппахъ возникающіе таланты.

Окончивъ бѣглый очеркъ прежняго состоянія нашего театра и постепеннаго его развитія до настоящаго времени, которое отличается успѣхомъ во всѣхъ частяхъ, намъ остается желать и надѣяться, что артисты наши въ сознаніи своего истиннаго достоинства, въ отношеніи постояннаго изученія драматическаго искусства будутъ слѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ, и что чистота Русскаго богатаго, звучнаго, гибкаго и благороднаго языка восторжествуетъ надъ временнымъ искаженіемъ вкуса.

П. АРАПОВЪ.

Литогр. А. Гонгольцъ въ Москвѣ.

Е. Бороздина 2я. В. Бороздина 1я.

Снимокъ

съ отмѣтокъ

Императрицы Екатерины II

и подписей

П. Соймонова и А. Храповицкаго,

на

всеподданнѣйшемъ докладѣ

о постановкѣ піэсы:

Начальное Управленіе

Олега.

Поминникъ находится у Н. В. Сушко въ числѣ многихъ любопытныхъ бумагъ, оставшихся ему отъ родного дѣда его А. В. Храповицкаго.

Въ настоящемъ спискѣ соблюдены правописаніе и знаки препинанія поминника.

Ис Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелению несколько хоров для пьесы Начальное Управление Слога Капельмейстеру Чимарозе сочинить приказано, а для лучшаго ему разумѣнія переведены они будутъ на Италіанскій языкъ и хоръ сочиненный Сергѣемъ ему для свѣдѣнія отданъ

Всѣхъ Декораціи для сей пьесы потребно восемь: въ числѣ книгъ нашимъ готовыя: Княжеская палата въ Кіевѣ, Гетманскіе и великолѣпная палата Императорскаго дворца въ Царствѣ; а пять Декораціи должно сочинить вновь а именно: 1 Мѣсто гдѣ рѣки Москва, Уза и Неглинная соединяются. 2 Луга по берегу Днѣпра съ частию города Кіева и съ Княжескими шатрами 3 Площадь города Кіева 4 Константинопольскія стѣны, предъ коими отдается вооруженное Слесство и часть шатровъ его и 5 Интерьеръ Константинопольскій. Всѣ сіи по смѣтѣ обошлись будутъ отъ 4500 до 5000 рублей.

За исключеніемъ готоваго платья какъ для Актеровъ такъ для Танцовщиковъ, Хористовъ и Статистовъ, на сочиненіе недостающаго числа, и

Всѣмъ 3 Декораціи сочинены
Итого надо 2 Декораціи
Декораціи и платья сочинены

на другія декораціи потребно будетъ до 10.000 рублей.

И такъ вся сія піеса съ Декорацiями, платьемъ и прочими принадлежащими къ сему вещьми, сверхъ готоваго, стоить будетъ до 15.000 рублей, и поспѣетъ не прежде какъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Но ежели благоугодно будетъ употребить для сей піесы изъ стараго платья хранящагося въ Казенныхъ кладовыхъ, откуда и прежде отпускаемо было для таковаго-же употребленія Содѣ Гофмейстеру Елагину и Тайному Совѣтнику Бибикову, то на переправку его и переѣлку, такъ же и на другія мѣлочи не болѣе надобно будетъ 4000 рублей, а потому вся піеса станетъ въ 9000 рублей.

На отпускъ потребныхъ денегъ и стараго платья осмѣливаемся испросить Высочайшаго Повелѣнія.

Петръ Соймоновъ

Александръ Куроповъ

Ея Императорское Величество Императрица Екатерина

1790 года в тысяча рубли

Возвратить в Дворцовую Канцелярию

в Дворцовую Канцелярию

Катаринъ

Ея Императорское Величество 24 Іюля 1789 года

[illegible]

[illegible] / [illegible]

дитя
душа,

Ах, Ясенька.

~~[illegible]~~ дитя

~~[illegible]~~ в душе!

поетъ

Слушай радость одно слово,
Здравы сестрин мои Анюша,
Тамъ я, душа сестрица пока?
Спаситаль, мои сестрь, слышешь,
Ласьи батушку задуть,
Разлучи все не будь.
Что стаинишь теперь доньи,
Ах послушай, как поетъ,
Поетъ!

душе

Больно, тяжко тяжадуть,
Мнъ пора итти домой,
Мнъ загнать Гусеи и бурь,
Чтобъ не выть витеи сами
Тебъ слезки вытъ одни,
Не достанешь вить слезы,
Тади, тади пенуди,
Добра ночь тебъ, прости,
Прости!

~~Одной~~ Отъ дятина

#0

Ты не дуйся, дарагая,
что въ этотъ шутилъ,
для тебя, моя любая,
весь я духъ мой иструтилъ,
какъ ударилъ красу твою,
позабылъ я часть свою.
что стоишь теперь домой
Ахъ послушай! ахъ постой,
постой!

#1

Дуняша

#

Господинъ таможенъ гарадой,
лапъ ты можешь я оборвать
сонную дывичь недвадой,
я, не знать съ свой стыдобы
а сонную тебя
дывить радную сеи;
поди, поди не шуди
добраславнейи, прости,
прости

~~[illegible]~~ Отъ дятиле

Ах! сокрыта умилися,
передъ тебя въ тоску,
я тебе здрадися,
не хочу слышать грозу,
не притворну красоту,
лучше милу простоту,
что сталаешь теперь домой,
послушай ахъ постой,
постой!

Дуняше

отпусти меня Парилуй,
мне съ тобой не говорить,
мне досуг еще нежалой
мне хорошо горе доить,
масла жахтать, хлеба печь,
щи варить, кашу сечь.
поди, поди не шути,
добра ночь тебе, прости,
прости!

~~отроки~~ ~~Отъ~~ дѣтина

Ходи, ходи дарагая,
нать гостей хоть поцѣлуй,
будетъ радость, ихъ гнана.
если тамъ на наградишь;
нутерь я одолжень,
что тамъ щедро наградишь;
ходь радость здравости
дара пусть тебѣ, дрости,
дрости!

дѣвица

Ахъ! папы нашъ ваша видель,
что теперь ты учинилъ,
отъ тамъ вотъ тебя сбилъ,
что впередъ вы подавать
нашихъ дѣвовъ цѣловать,
идѣ ихъ вамъ вольтать.
упирися нашуть,
ходи вашенок дрости,
дрости!

~~отроки~~ дѣтина

(~~отроки~~ уходитъ)

ВѢСТИ,

или

УБИТЫЙ-ЖИВОЙ,

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа Ѳ. В. Ростопчина.

Вотъ Комедія, которая, въ свое время, надѣлала столько шуму, и нынче составляетъ уже рѣдкость библіографическую — такъ трудно достать ее. Отъ гостинаго двора до кабинета литератора, отъ прихожей и дѣвичьей до гостиной и Дворянскаго Собранія, только и толковъ было въ Москвѣ, что объ ней. И въ партерѣ и за кулисами и въ повременныхъ изданіяхъ, любители театра, актеры, писатели долго судили-рядили о достоинствѣ Комедіи »*Вѣсти*«, или »*убитый-живой*.«

Почтенная старушка Москва, какъ и большею частью, старушки, искони славится незлобивою говорливостью, любопытствомъ и довѣрчивостью, которую, пожалуй, иные назовутъ и легковѣріемъ. Это въ порядкѣ вещей и въ природѣ человѣческой. Тутъ нѣтъ ничего худаго. Почему не потѣшить иногда старушку невинными сплетнями, забавными разсказами, какъ потѣшаютъ старушки-бабушки, въ свой чередъ, пѣсенками и сказочками малютокъ-внучатъ. Но подъ часъ легкомысліе распускаетъ въ народѣ и слухи вредные, тревожные. Такъ было и въ то время, когда Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ задумалъ свою Комедію. Въ 1807 г., во вторую борьбу Россіи съ Наполеономъ, которую можно назвать *маневрами* передъ отечественною войною, увѣнчанной, подъ заревомъ Москвы, умиреніемъ измученной Европы и торжественнымъ вшествіемъ Русскихъ войскъ въ кичливый Парижъ: учрежденіе милиціи, война за границей, борьба на Руси мнѣній, вѣрованій, убѣжденій чисто-русскихъ людей съ заблужденіями, невѣжествомъ, упрямствомъ людей полу-русскихъ, по воспитанію; все это давало столько поводовъ и пищи изобрѣтателямъ и разглашателямъ всякихъ нелѣпыхъ новостей. Между тѣмъ пристрастіе значительной части дворянскаго сословія къ французскому языку, въ упадокъ языка роднаго, подражаніе самымъ безсмысленнымъ модамъ чужихъ земель, раболѣпство *гувернёрамъ* и *гувернанткамъ* — *мусьямъ* и *мадамамъ* волновали не одно благородное чисто-русское сердце досадой и грустью. Пе-

чальная година слѣпоты и безумія въ толпахъ воспитанниковъ и воспитанницъ чужеземныхъ выходцевъ-педагоговъ въ Россію — за золотомъ! (о Калифорніи еще тогда не знали). Въ эту годину, слава Богу! миновавшую, (авось навсегда?) Гр. Ростопчинъ посмѣялся въ своей Комедіи надъ вѣстовщиками и сплетницами, надъ уродливыми нарядами щеголихъ-модницъ, надъ Французами и Нѣмцами, какъ и въ своемъ *Путешествіи по Пруссіи*, помѣщенномъ въ »Москвитянинѣ« 1849 года; какъ и въ давней статейкѣ: *Охъ, Французы!* какъ, наконецъ, въ рѣдкой теперь, тетрадкѣ: *Мысли въ слухъ на Красномъ крылцѣ*, напечатанной въ 1807 г. въ типографіи Платона Петровича Бекетова, издателя *Душеньки* — поэмы Богдановича, и друга Ивану Ивановичу Дмитріеву. Эти *мысли* могли бы служить предисловіемъ къ предлагаемой читателямъ Комедіи. Какъ въ первомъ, такъ особенно во второмъ сочиненіи, Гр. Ростопчинъ, проникая замыслы Наполеона, какъ бы предсказывалъ грядущее Москвы: мысли и чувства *Силы Андреича Богатырева* повторились въ достопамятныхъ *афишахъ* Графа, который обнаруживъ въ Комикѣ и Сатирикѣ дипломата, государственнаго мужа, героя отечественной войны, по самоотверженію и пламенной къ отечеству любви.

Каждая строка такого человѣка, какъ Графъ Ростопчинъ, драгоцѣнна для потомства, *которое* — повторю слова И. М. Снегирева — *безъ сомнѣнія, оцѣнитъ безпристрастно его дѣла и дастъ ему почетное мѣсто въ Исторіи.* (»Русская Старина« 8 тетрадь).

Сверхъ названныхъ сочиненій, Графъ Ростопчинъ написалъ: 1) *Плугъ и Соха.* Это произведеніе вызвано, можно полагать, *Англоманами*, какъ называли въ 1814—1820 годахъ *Агрономовъ*, нововводителей, надъ которыми однакожъ теперь ужь не смѣются; опыты и наука оправдали ихъ въ основной мысли: улучшить земледѣліе и вообще сельское домоводство въ Россіи, съ разумнымъ примѣненіемъ иностранныхъ теорій къ нашему климату и быту.

2) Mes mémoires, ou Moi au naturel. Такъ Князь Иванъ Михайловичь Долгорукій написалъ, вмѣсто предисловія къ своимъ сочиненіямъ, презабавные стихи о самомъ себѣ: *Я... Я* Графа Ростопчина написано *въ 10 минутъ*, какъ сказано въ рукописи, переведенной на 7 или 8 иностранныхъ языковъ.

3) *О пожарѣ Москвы.* Не скажу ничего объ этой, *загадочной*, по мысли, и въ Парижѣ напечатанной тетрадкѣ. Пусть любопытные обратятся къ приведенной уже мною статьѣ И. М. Снегирева въ 8 тетради Русской Старины. Въ ней многое сказано и о пожарѣ Москвы, и лично о Графѣ, и о его статейкѣ.

Вотъ все, что, покуда, извѣстно изъ сочиненій Графа Ростопчина. Его *афиши* — принадлежатъ уже современной лѣтописи. Часть этихъ бесѣдъ и разговоровъ Градоначальника съ народомъ помѣщена въ первыхъ годахъ »Москвитянина«; а полнѣйшее собраніе присовокуплено къ »Очеркамъ жизни Московскаго Архіепископа Августина« соч. И. М. Снегирева.

Говорятъ, что Патріотъ, зажегшій свои палаты въ Вороновѣ, *чтобъ не доставались врагу*, велъ записки о событіяхъ 1812 г.

Возвращаюсь къ Комедіи: »Вѣсти, или убитый-живой.« Въ первый разъ она была представлена въ Москвѣ на Арбатскомъ театрѣ въ 1808 г. Тогда же она и напечатана. Въ ней играли извѣстнѣйшіе артисты: Сила Сандуновъ, въ роли поэта, и А. И. Лисицына, въ роли Маремьяны Бабровны Набатовой — развощицы вѣстей. Піэса вообще шла стройно и была повторена нѣсколько дней кряду. Лисицына игрою своей до того удовлетворила авторской взыскательности Сочинителя, что онъ, на другой день, послѣ перваго представленія своей Комедіи, прислалъ ей, въ знакъ признательности, сумму, равнявшуюся годовому окладу ея жалованья, надписавъ:

Ея Совершенству
Маремьянѣ Бабровнѣ
Набатовой.

Заслуженная артистка живетъ въ Москвѣ и сама разсказываетъ объ этомъ, при воспоминаніяхъ о быломъ на сценѣ и за кулисами.

Николай Сушковъ.

Москва
1850.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

СИЛА АНДРЕЙЧЪ БОГАТЫРЕВЪ		*Г. Кондаковъ.*
НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА, жена его.		*Г-жа Караневичева.*
ФОКА ФЕКЛИСТЫЧЪ ГОРЮНОВЪ, дальній родственникъ и кумъ Богатырева		*Г. Колпаковъ.*
МИХАЙЛО ѲЕДОРЫЧЪ РАЗВОЗОВЪ	знакомые	*Т. Украсовъ.*
НИКОЛАЙ ИВАНЫЧЪ ПУСТЯКОВЪ	въ домѣ	*Г. Поляковъ.*
МАРЕМЬЯНА БАБРОВНА НАБАТОВА	Богатырева.	*Г-жа Лисицына.*
ПЕТРЪ АЛЕКСѢИЧЪ ПОБѢДИНЪ		*Г. Мочаловъ.*
КАШПАРЪ БОГДАНЫЧЪ МОРЕНКОПФЪ		*Г. Зловъ.*
ЕВГРАФЪ ГАРДЕИЧЪ ПЕГАСОВСКІЙ, стихотворецъ		*Г. Сандуновъ.*

ГАНЦБЛУТЪ и слуги безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Богатырева.

Пис. съ Нат. Улановъ.
Литогр. А. Гонтмахеръ въ Москвѣ.
на Кам. Рис. Волкотовъ.

С. Гнѣдичъ.

Театръ представляетъ гостиную комнату, чисто прибранную. Напереди столъ и нѣсколько креселъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

БОГАТЫРЕВЪ и ГОРЮНОВЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

И! да полно, братецъ! ужъ ты на меня тоску нагналъ. Охъ! да охъ! всё крехтишь да стонешь. — Дай мнѣ и себѣ покой! Опомнись, другъ сердечной! Что тебѣ за вздоръ въ голову лезетъ? ты дворянинъ, мужикъ здоровый, а все охаешь, какъ будто у тебя колотье въ боку.

ГОРЮНОВЪ.

Нѣтъ-съ, я, благодаря Бога! здоровъ; а чтобъ спокойну быть, то воля ваша, Сила Андреичъ, это не натурально.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да вѣдь я не люблю съ тобою объ этомъ разговаривать. Тебѣ что ни говори, а ты свое несешь. Не хотя разсердишься, право такъ. Ну что за бѣда война? развѣ это первая? Для другихъ она страшна, а намъ дудки.

ГОРЮНОВЪ.

Да какъ по чужой-та дудкѣ запляшешь, да еще и въ присядку....

БОГАТЫРЕВЪ.

Пустое, кумъ! Вѣдь ты былъ въ Петербургѣ въ арсеналѣ? Ну, какой краской стѣны выкрашены, скажи?

ГОРЮНОВЪ.

Стѣны? (*задумавшись*) Дай Богъ память! да стѣнъ не видно; всѣ знаменами завѣшаны.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, вотъ тебѣ и лекарство отъ страха! Эти знамена чужія, взяты на войнѣ, и послѣ каждой государство и слава наша увеличивались. Зависть и злоба противъ Россіи всѣхъ вооружали; а Рускіе ихъ били, гнали и слѣдъ

ГОРЮНОВЪ.

Не ужъ ли, батюшка, знаменами?

БОГАТЫРЕВЪ *(въ сторону)*.

Фу, какой дуракъ! *(ему)* да — да, знаменами.

ГОРЮНОВЪ.

Конечно-съ! кто противъ этого споритъ? Россія — она всё Россія, откуда ни зайди. И заправду, Сила Андреичъ! намъ нечего бояться; скажите, по совѣсти, какъ-съ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну право, кумъ! ты меня осердишь. Развѣ я боюсь говорить правду? я другаго языка не знаю. Да посмотри ты, упрямое животное! что была Россія прежде и что она теперь? И Днестръ у насъ течетъ, и Черное море у насъ, и Балтійское, и Польша, и Крымъ, и Лифляндія, и Эстляндія, и Финляндія, и Курляндія, все въ нашей межѣ. О, матушка Россія! проволокли цѣпь дѣтушки твои богатырскими руками; отмежевались живымъ урочищемъ; поставили, вмѣсто столбовъ, памятники побѣдъ, вмѣсто межника, могилы враговъ твоихъ. Сто лѣтъ не была нога ихъ на твоей землѣ, а теперь и воронъ костей не занесетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Не ужъ ли, батюшка! отъ сосѣдей спору не выходило?

БОГАТЫРЕВЪ.

Былъ, да не приняли.

ГОРЮНОВЪ.

А! то есть, попросту, отводъ дѣлали силкою. Теперь понимаю. Ну коли аказія пропущена, такъ, — такъ этому дѣлу и быть. Ужъ это пойдетъ въ благопріобрѣтенное.

БОГАТЫРЕВЪ.

И въ наслѣдственное на вѣки вѣковъ.

ГОРЮНОВЪ.

Все это такъ, конечно такъ — и иначе быть не можетъ. Да вѣдь и непріятель-то не дюжинной — вѣдь что за армія! со всего свѣту собрана, сущія ерошки: чего хочешь, того просишь; небось милліоновъ десять, коли не болѣ; и всѣ, сказываютъ, въ кучкѣ, такъ и идутъ, куда глаза глядятъ. Хоть бы на нихъ куречья слѣпота нашла!

БОГАТЫРЕВЪ.

А ты откуда эту дрянь берешь? Французовъ осталось тысячъ съ восемдесять, да всякихъ другихъ съ пятдесятъ. Вотъ тебѣ и вся сказка тутъ!

ГОРЮНОВЪ.

Помилуйте, Сила Андреичь! да вѣдь это у нихъ поголовщина: старой да малой остался; а во Франціи народа несмѣтна сила. Ну, да чего лучше? Вѣдь мы далеко, кажется, отъ нихъ живемъ, ну далеко; а куда ни загляни, и въ домахъ-то, и въ лавкахъ, и на улицѣ: и учатъ, и говорятъ, и ходятъ и летаютъ, кто? — Мусьи да Мадамы. Ну, а вѣдь это еще одни благородные.

БОГАТЫРЕВЪ.

Какіе благородные! Вольно намъ принимать ихъ за равныхъ, отдавать дѣтей, деньги, душу, и радоваться, что къ намъ пожаловали. Ихъ, я думаю, на одномъ Кузнецкомъ мосту цѣлый департаментъ.

ГОРЮНОВЪ.

Ахъ, Матп Божія! вѣрно уголовный; чтобъ не пѣть кукареку.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ты ничего не понимаешь: у нихъ, по нашему, губернія называется департаментъ.

ГОРЮНОВЪ.

И знать не хочу; у нихъ на одномъ часу пять пятницъ; что ни день, то новое: а мнѣ хочется, чтобъ Башкиры и Калмыки поскорѣй подошли. Тутъ-то заварятъ кашу; все побѣжитъ и не остановится. Плохо Французамъ будетъ — то ужъ плохо.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да кудажъ ты думаешь ихъ загонять?

ГОРЮНОВЪ.

Какъ куда! въ море, точно въ море. — Что тутъ дѣлать? въ Америку развѣ плыть? Вотъ и концы въ воду. — А! забылъ вамъ сказать: я видѣлъ плѣнныхъ Офицеровъ; ну, нечего — люди, какъ люди.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да вѣдь они не трехъ пядей во лбу, такіежъ, какъ и въ магазейнахъ. Француза всегда узнаешь: сухъ, блѣденъ, малъ, говоритъ, спѣшитъ и назадъ оглядывается.

ГОРЮНОВЪ.

Охъ, ужъ мнѣ эти Французы! проворны, то ужъ проворны; какъ бѣсъ вертится. Каманъ ву портеву? Форъ бьень, деларжанъ, се шарманъ: вотъ и весь тутъ языкъ! Нечего грѣха таить: не люблю я ихъ, да и боюсь — точно боюсь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, братецъ! оставь меня въ покоѣ! что тебѣ за удовольствіе меня сер-

дить? Ну бойся ихъ: будь одинъ на Руси; тыжъ ни на кого и не походишь. — Радъ я, что у тебя нѣтъ дѣтей и что ты въ родѣ своемъ послѣдній.

ГОРЮНОВЪ.

Ну вотъ, Сила Андреичъ! вы тотчасъ и осердчаете. Я съ глупости сказалъ, то есть, по дружбѣ, а вы на меня и взвалили бѣду. Съ вами тотчасъ въ лабетъ: долго ли въ Публику выпустить.

БОГАТЫРЕВЪ.

Я сору изъ избы не выношу; а ты право слишкомъ гадокъ, и не могу понять, что ты за уродъ: стыдъ въ тебѣ есть, а Рускаго духу нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

БОГАТЫРЕВЪ, ГОРЮНОВЪ, БОГАТЫРЕВА.

БОГАТЫРЕВА *(Горюнову)*.

Здравствуйте, Фока Феклистычъ! (*Мужу, поцѣловавъ его въ щоку*). Каковъ ты, мой другъ? былъ ли у тебя Кашпаръ Богданычъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ еще; у меня голова совсѣмъ почти не болитъ и я былъ спокоенъ, да вотъ дражайшій кумъ посѣтилъ. Онъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не врать, а я ему не мѣшать.

БОГАТЫРЕВА

Охота вамъ обоимъ; ты хочешь, чтобъ всѣ думали, какъ ты, а онъ, чтобъ никто не думалъ.

ГОРЮНОВЪ.

Живой живое и думаетъ. Прежде я говаривалъ: много знай, да не плошай; а нынче говорю про себя: много знать, дурно спать.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да у тебя сонъ и пушкой не отобьешь. Это твое дѣло пить, ѣсть, спать и бояться. Взгляни, на кого хочешь: у инаго братъ, сынъ, родня на войнѣ, а всѣ радуются побѣдамъ; молятся Богу за здравіе Государя и за побѣдоносное воинство. Посмотри въ церкви, не по прежнему, ужъ точно всѣ въ храмѣ Божіемъ, а не въ собраніи; гдѣ всѣ веселятся, всѣ радуются; удовольствіе сильнѣе безпокойства, и если и ждутъ мира, то для чего? старики и

старухи, чтобъ обнимать отличившихся; дѣвушки, чтобъ итти за нихъ замужъ; а молодые, чтобъ брать ихъ въ примѣръ.

ГОРЮНОВЪ.

Ну, конечно, робѣть не отъ чего; чтожъ въ самомъ дѣлѣ? а я, признаюсь, люблю миръ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А всё лезешь на брань. Вѣдь это счастье, что тебя знаютъ за пустаго человѣка; а то бы ты иного сбилъ съ пути: разумѣется, съ такою же головою, какъ твой.

ГОРЮНОВЪ *(Богатыревой).*

Вотъ, Наталья Семеновна, каково мнѣ житье! кому отъ чужихъ, а мнѣ отъ своихъ. Тамъ Французы, тутъ сожитель вашъ, въ деревнѣ попалъ было въ милицію.

БОГАТЫРЕВА.

Да вамъ шестьдесятъ лѣтъ, не выбрали бы: напрасно вы боялись.

ГОРЮНОВЪ.

У страха глаза велики, а у балловъ нѣтъ. Упрячутъ въ избирательный, тутъ и сиди.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну вотъ, не правду ли я говорилъ, что онъ одинъ эдакой уродъ въ Россіи? Всѣ рвались и шли въ милицію. Всѣ стали одного чину, однихъ лѣтъ; здоровы, свободны и готовы исполнять волю Государеву и служить еще Отечеству; а онъ всё одинъ, да одинъ; слава Богу, что не два!

БОГАТЫРЕВА.

Какова, мой другъ! Сонюшка?

БОГАТЫРЕВЪ.

Я съ полчаса у ней былъ. Жару нѣтъ и она, покойно сидя, стала читать книжку; но ей выѣзжать еще дни три нельзя.

БОГАТЫРЕВА.

Да я и рада, чтобъ она дома сидѣла; а то услышитъ что нибудь о женихѣ, такъ опять будетъ исторія. Вранью нѣтъ конца. Дай Богъ, чтобъ отъ него поскорѣй было письмо!

ГОРЮНОВЪ *(Богатыревой).*

А вы, матушка! ничего не изволили слышать новинькаго?

БОГАТЫРЕВА.

Все тѣ же вѣсти, только съ прибавленіями.

БОГАТЫРЕВЪ.

Это обыкновенно: половина города за тѣмъ въ немъ и живетъ, чтобъ вѣстьми

питаться, и есть люди ненасытные. Вѣстямъ есть фабрики, конторы и, смотря по людямъ, курсъ вѣстовой бываетъ ниже и выше, а въ иныхъ домахъ, какъ на Кяхтѣ, дѣлаютъ вѣстямъ промѣнъ и спѣшатъ ихъ съ рукъ сжить съ барышкомъ. При всякомъ извѣстіи о сраженіи и пустятся по городу, какъ почталіоны въ почтовый день, и примутся, какъ имъ угодно, производить въ чины, въ кавалеры, въ герои, въ трусы; отправлять на тотъ свѣтъ живыхъ; возвращать оттуда мертвыхъ; и на другой день множество каретъ, нагруженныхъ вѣстьми, ложью и сплетнями, скачутъ радовать и печалить. Я это вижу, сидя подъ окномъ. И какъ сломается карета, то ужъ никто не остановится прибрать цеховаго вѣстовщика или вѣстовщицу, а всякой самъ спѣшитъ и боится, чтобъ его не обогнали, какъ курьера съ радостнымъ извѣстіемъ. Часто разсказы этихъ публичныхъ вѣстовыхъ на нѣсколько времени направляютъ мнѣніе и самой Публики, которая почтенна, да немножко легковѣрна. Но какова ни есть, а нѣсколько ея поколѣній составляютъ потомство.

БОГАТЫРЕВА.

Вотъ ты, мой другъ! принялся сердиться на людей. Какъ ихъ исправить насильно? иной такъ родился, иной привыкъ, другой любопытенъ. Ты знаешь. —

БОГАТЫРЕВЪ.

Знаю, матушка! охъ, знаю. — Ну, да если многіе любятъ дурное, я не люблю. Я чувствую, что я смѣшонъ; но, по крайней мѣрѣ, не вѣстовщикъ. Ну, чтожъ дѣлать? мнѣ хочется хорошаго; я люблю все Русское, и если бы не былъ Русскій, то желалъ бы быть Русскимъ; ибо я ничего лучше и славнѣе не знаю. Это бриліантъ между камнями, левъ между звѣрьми, орелъ между птицами.

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ это въ самомъ дѣлѣ правда; и мнѣ въ иную пору любо быть Русакомъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Какой ты Русакъ? ты прибылой зайчишка, не смѣешь изъ опушки показаться.

ГОРЮНОВЪ.

Пошла опять травля!

БОГАТЫРЕВА.

Полно, другъ мой! не сердись пожалуста; вонъ къ тебѣ кто-то пріѣхалъ! Я пойду къ дочери; не хочешь ли чаю?

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ, еще рано; мнѣ и безъ горячаго жарко.

ГОРЮНОВЪ.

А меня такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Коли да не будетъ миру, то для меня и Петровки будутъ Филиповки.

ЯВЛЕНІЕ 3.

БОГАТЫРЕВЪ, ГОРЮНОВЪ и ПУСТЯКОВЪ.

ПУСТЯКОВЪ.

Здравствуйте, Сила Андреичъ, что ваша голова? Вѣдь вы это простудились на молебнѣ? Я вамъ тутъ же говорилъ, чтобъ поберегались. Вы же такъ были растроганы.

БОГАТЫРЕВЪ.

Надо мною радость и печаль одно имѣютъ дѣйствіе. Я плачу и молюсь Богу. Да кто же тутъ и не благодарилъ Его отъ чистаго сердца? Я служилъ самъ и заслужилъ имя честное; люблю честныхъ людей и почтенныхъ. А кто же больше достоинъ почтенія, какъ не защитники славнаго Отечества нашего? Счастливы тѣ, кои ему служатъ! Какая жатва для героевъ! какое поле для мужества! а жнецы у насъ славные!

ПУСТЯКОВЪ.

Мы это видимъ по успѣхамъ; этого и ожидать надобно было; при томъ награжденія . . .

БОГАТЫРЕВЪ.

Они должны быть знакомъ достоинства и храбрости, а отнюдь не предметъ службы вѣрнаго сына Отечества. Лучшая награда для достойнаго есть мнѣніе общее. Памятники оглашаютъ подвиги на одномъ мѣстѣ, а гласъ народный вездѣ.

ПУСТЯКОВЪ.

Сказываютъ, есть у насъ и раненые.

БОГАТЫРЕВЪ.

Иначе быть не можетъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Вы не имѣли давно писемъ отъ Петра Алексѣевича ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Больше двухъ мѣсяцовъ. — Да не случилось ли чего съ нимъ? ради Бога, скажите, что, онъ раненъ? или убитъ ?

ПУСТЯКОВЪ.

Пожалуйста, Сила Андреичь! не пугайтесь. Онъ раненъ и легко въ ногу.

БОГАТЫРЕВЪ *(перекрестясь).*

Велика милость Господня! рана молодому Офицеру прикраса. Да точно ли такъ, скажите? почему вы знаете?

ПУСТЯКОВЪ.

Я сейчасъ читалъ письмо у дяди Князь Никанора Иваныча отъ сына его, и онъ именно пишетъ, что Петръ Алексѣичъ раненъ въ ногу, но легко.

БОГАТЫРЕВЪ.

Дай Богъ, чтобъ поскорѣй выздоровѣлъ и могъ служить опять. Ему хотѣлось быть ранену.

ГОРЮНОВЪ.

Хорошаго захотѣлъ! Поди спрашивай ума: мало одной раны; пойдетъ за другой, какъ въ лѣсъ по грибы. Теперь-то бы и въ отставку. Въ другой разъ въ тожъ мѣсто попадетъ пуля, такъ не залечишь.

БОГАТЫРЕВЪ.

И, полно, кумъ! Самъ не знаешь, про что говоришь, охота вѣдь тебѣ. Я былъ пять разъ раненъ, да вотъ видишь не умеръ. А жаль, если сведетъ ногу: молодецъ-то какой!

ГОРЮНОВЪ.

Ну а какъ кость перебита, что тутъ дѣлать? вотъ казусъ!

БОГАТЫРЕВЪ.

Да тамъ есть искусные лекари, станутъ лечить и долго можетъ быть. Ну, а если вылечить нельзя, чтожъ дѣлать? — Отпилятъ ногу.

ГОРЮНОВЪ *(садясь на креслы).*

Спаси, Господи, люди Твоя! Пилить у живаго человѣка ногу! что это, береза? аль осина, аль швырковыя дрова? *(Обтираясь платкомъ).* Фу, батюшки! холодный потъ прошибъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢЖЕ и РАЗВОЗОВЪ.

РАЗВОЗОВЪ *(входя скоро).*

Побѣда, побѣда! поздравляю, Сила Андреичь! позвольте себя обнять. *(Обнимаетъ Богатырева).*

БОГАТЫРЕВЪ.

Обнимай, братецъ! обнимай; жаль, что я старикъ, а не красная дѣвушка. (*Перекрестясь*). А! пошла потѣха! разъ за разомъ, духу не дадутъ перевести. Спасибо, сударь! спасибо (*обнимаетъ Пустякова*), что старика потѣшилъ. Разскажи же, мой другъ сердечный! какъ это дѣло было?

ГОРЮНОВЪ.

Хорошее дѣло. Нечего сказать, есть чему радоваться: людей бьютъ, какъ мухъ хлопушками. Бѣда, ей Богу бѣда! Охъ! охъ!

ПУСТЯКОВЪ (*Развозову*).

А позвольте спросить, откуда это извѣстіе? и когда получено?

РАЗВОЗОВЪ.

Не болѣе, какъ съ часъ, къ Военному Губернатору пріѣхалъ курьеръ отъ Военнаго Министра. А я слышалъ отъ Якова Дмитрича Вѣрнаго, который, встрѣтясь со мною на Мясницкой, остановилъ и прочиталъ записку, полученную имъ прямо изъ Канцеляріи Областнаго, черезъ полчаса и я получу съ нее списокъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Чего вѣрнѣй? Вотъ этимъ-то однимъ извѣстіямъ и вѣрить должно: это не съ нашихъ фабрикъ. Ну, разсказывай пожалуйста! у тебя рѣчь перебили.

РАЗВОЗОВЪ.

Нашъ корпусъ въ пяти тысячахъ напалъ на Французскій осьми-тысячный, который, окопавшись, стоялъ въ укрѣпленьи, и взялъ его штурмомъ. Половина непріятелей положена, другая въ плѣну, три Генерала, знамены и пушки....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ай наши! друзья сердечные! Вы одни молодцы. Грудью и въ штыки: вотъ и тактика! Кричи: *ура!* и пой: *Тебе Бога хвалимъ!*

ПУСТЯКОВЪ.

Завтра вѣрно еще молебенъ. Какъ я радъ, что побѣда! тутъ весь городъ будетъ; я чрезвычайно люблю большіе съѣзды.

ГОРЮНОВЪ (*въ сторону*).

Ну, ужъ тутъ вѣрно нашему жениху дали карачунъ. Лиха бѣда до начину: разъ подстрѣлили, а въ другой доканаютъ; такъ ужъ не отстанутъ. Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день!

БОГАТЫРЕВЪ (*Развозову*).

Скажите пожалуйста, что вы слышали про моего будущаго зятя?

РАЗВОЗОВЪ.

Про Петра Алексѣича Побѣдина? въ запискѣ о послѣднемъ дѣлѣ ни о комъ ничего не сказано, а подъ Прейсишъ-Эйлау, вы я думаю знаете....

ПУСТЯКОВЪ.

Что онъ раненъ въ ногу, я ужъ сказалъ Силѣ Андреичу.

РАЗВОЗОВЪ.

Вы меня извините, онъ раненъ въ правую руку. Я читалъ самъ письмо Генерала, у котораго онъ находился въ дивизіи, и, отдавая справедливость его храбрости и дарованіямъ, онъ жалѣетъ, что по случаю раны, служба лишится на нѣсколько времени такого отличнаго Штабъ-Офицера. Я васъ могу увѣрить, что это правда; я самъ читалъ, и онъ дѣйствительно раненъ въ руку, а не въ ногу.

ПУСТЯКОВЪ.

Не знаю, что вы читали, а я у дяди, Князь Никанора Иваныча, не далѣ, какъ нынче утромъ, держалъ въ своихъ рукахъ и читалъ письмо, гдѣ его сынъ увѣдомляетъ этими словами: „Петръ Алексѣевичь Побѣдинъ раненъ „въ ногу и легко“, и я точно, слово въ слово, такъ и Силѣ Андреичу пересказалъ, и всѣмъ, кого видѣлъ.

ГОРЮНОВЪ.

Вотъ-те на! изъ двухъ коробовъ разныя вѣсти. Ранка-то съ барышкомъ выходитъ. Хорошъ женишокъ безъ руки и безъ ноги. Софьѣ Силовнѣ не безъ хлопотъ-то будетъ. Вотъ-те и побѣда!

РАЗВОЗОВЪ.

Мнѣ кажется, лучше вѣрить Генералу, чѣмъ вашему братцу: одинъ писалъ видѣнное, а другой пересказанное, а можетъ быть и выдуманное.

ПУСТЯКОВЪ.

Если выдумано, что раненъ въ ногу, то для чегожъ не ранить его и въ руку? это всё будетъ равно. Обѣ раны ложь, и мы съ вами квитъ: членъ за членъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А я, милостивые государи! думаю, что онъ и совсѣмъ можетъ быть не раненъ, такъ какъ это съ другими случалось, то есть: милость городская. Трудно ждать конца безпокойству; но мы всю жизнь безпрестанно чего нибудь ждемъ и, по счастію, не знаемъ, что насъ ждетъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢЖЕ и МОРЕНКОПФЪ.

МОРЕНКОПФЪ.

Страфствуйде, Зилъ Антренпъ! Што, патушка? микстуръ мой стѣлалъ звой тѣла?

БОГАТЫРЕВЪ.

Да мнѣ, Кашпаръ Богданычь! стало лучше, я и не принималъ; вонъ вся стклянка цѣлая стоитъ на окнѣ. Вѣдь ты знаешь, что я до лекарствъ не охотникъ. Какова дочь?

МОРЕНКОПФЪ.

Снай, снай, я фсе снай: фи не лупить кюшать лекарствъ; а я фсе толженъ тафать, эта мой тѣла. Ну, а Зофь Зилавна гарастъ лутши. Теперь паясь не ната: и ясыкъ-та луше, и гласи карашо; немношка тіетъ ната. Я фелелъ пульонъ съ зыпленка стѣлеть, а зафтра мошна палавинъ катлетъ давай. Бакой и дерпень, фотъ двѣ слафни лекарствъ!

РАЗВОЗОВЪ.

А чѣмъ занемогла Софья Силовна?

МОРЕНКОПФЪ

Ну, эте пилъ принціпіумъ маленька каряшка, фотъ какъ гафарись, нервосной и гнилой-та, и пятнушкъ пилъ на губа. Но фсе теберь фъ парятка, фсе кодитъ звой маршъ, и фъ катансъ. Желафекъ паись палезнь, а палѣзнь паись Докторъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А смерть никово.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, эта тругой тѣло: змерть имѣитъ сфой практикъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Вольную.

ПУСТЯКОВЪ.

И обширную.

БОГАТЫРЕВЪ.

И никто ее кажется не приглашаетъ, а каждаго одолжитъ визитомъ разъ въ жизни.

ГОРЮНОВЪ.

А что всего лучше, даромъ. Трудится сердечная изъ человѣколюбія, и спа-

сибо ей никто не скажеть. Ни дня, ни ночи нѣтъ покою; косить да косить. Ужъ мастерица фуражъ заготовлять, то ужъ мастерица!

БОГАТЫРЕВЪ *(Горюнову).*

Поди-ка братъ, Фока Феклистычъ! скажи женѣ, пожалуйте ди-скать къ намъ: новая побѣда.

МОРЕНКОПФЪ.

Та я ей фсе сказалъ, ана снаетъ фсе акуратна. Фотъ апъ раначка Петре Алексѣишъ ей ешо скасать толшна. Кагта усиаитъ Зофи Зилавна, то не карашо. Ана ешо злаба; пакой тать ната. А тамъ палушитъ пизьмо, и фсе путитъ Ганцъ Алерлибстъ. Нихтъ варъ, Зиль Антреишъ, мой патушка? (*Смѣется*). Э! э! э!

БОГАТЫРЕВЪ.

Точно такъ, Кашпаръ Богданычъ! Скажи, отъ кого ты слышалъ, что Петръ Алексѣичъ раненъ?

МОРЕНКОПФЪ.

Какъ гафаритсъ, слухъ земля полнитсъ. Мой практикъ пальшой; пальны, злафа погъ! многа. Ну, атна гафари, другой гафари; я и снай, што такой фсе гафари. Бетръ Алексѣишъ злавна фектовалъ, и Франсусъ патарилъ ему ранка на голофа, но не ошень пальшой: атинъ шрамъ путитъ.

ГОРЮНОВЪ.

Что эта за рана часъ отъ часу вверхъ лезитъ.

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову).*

Это походитъ на вашу руку.

РАЗВОЗОВЪ *(Пустякову).*

А мнѣ кажется на вашу ногу.

БОГАТЫРЕВЪ.

А я всё при своемъ мнѣніи, что онъ не раненъ. Вотъ три разныя раны на одномъ часу!

МОРЕНКОПФЪ.

Ну канешна, тафолна и отной въ галава. А тошна онъ таки пылъ раненъ; я снай эта ганцъ позитифъ: мене гафарилъ мой трукъ, аптекарь Диссантеріусъ; онъ палушилъ пизьмо отъ госпотинъ Корнетъ Цауберфельдъ.

ГОРЮНОВЪ.

Да если эдакъ его разохотятъ, что по три раны на одномъ часу, такъ и на щотахъ не выложишь, не довольно что на аспидной доскѣ, сколько въ годъ разъ будетъ раненъ.—Куда, подумаешь, живущъ человѣкъ! сильное животное!

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову).*

А вы ничего не слыхали о послѣднемъ дѣлѣ? нѣтъ ли какихъ подробностей?

РАЗВОЗОВЪ.

И быть еще не можетъ. Первое извѣстіе получено лишь нынче утромъ. Даже и не сказано, кто командовалъ нашимъ корпусомъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ихъ бите умъ фергебунгъ. Нѣмецкихъ Енералъ пылъ три штукъ, и фсе мой семлякъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Да войска-та по крайней мѣрѣ были Русскія.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну та, мошна и эта скасать, а кагтапъ Енералъ тутъ не пылъ, такъ турна пы пыла. Пальшой манефръ стѣлалъ атинъ калонъ, тругой баталіонъ Гаре, а ешо атинъ ампискатъ, ну такъ и папилъ Французъ звой тактикъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да мы управляемся одни чуть ли не лучше, чѣмъ съ товарищами. Это видно и теперь, и прежде *непобѣдимый Суворовъ* это доказалъ; у него побѣда и слава на безсмѣнныхъ были ординарцахъ.

ПУСТЯКОВЪ.

И все бывали на посылкахъ.

ГОРЮНОВЪ.

А теперь вѣрно ужъ вышли въ чины. Гдѣ они, батюшка? не бось въ арміи? Дай Богъ имъ здоровья!

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ, Кашпаръ Богданычь! про лекарства съ тобой спорить не стану; я въ этомъ толку не знаю: пиши, что хочешь, а я принимать не буду; а за войско постою грудью. Чуть ли-та ваши Нѣмецкіе мастера не попали въ ученики.

РАЗВОЗОВЪ.

Браво, Сила Андреичь!

ПУСТЯКОВЪ.

Ужъ онъ не выдастъ своихъ: никому не спуститъ.

ГОРЮНОВЪ.

А за меня не бось не вступится, даромъ что свой.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну есть Руска пасловисъ: фѣкъ жифъ, фекъ ушись. Эта канешна, наши Енералъ, ана и зтаръ и толста; а тѣло звой снать ошень крѣпка. — Одинъ, тругой и праиграть паталь, ну васистасъ? Каки пѣда? тругой кампанъ путитъ. Фасметъ звой реваншъ, а песъ тактикъ Енералъ, злова злова, какъ Докторъ песъ Латинскій ясыкъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢЖЕ и НАБАТОВА.

БОГАТЫРЕВЪ.

Маремьяна Бабровна, добро пожаловать! гдѣ, мать моя, пропадала? али прихварнула?

НАБАТОВА.

Таки и нездорова была; да дѣла ужъ такъ много было, что замучилась: два приданыя дѣлала, племянника отпустила въ армію, сбирала ружья да пистолеты на милицію, дядю похоронила и, благодаря Бога, сестру съ мужемъ помирила, кой-какъ уладила — много ужъ на свою душу грѣха приняла. Ну мочи нѣтъ, съ ногъ сбили. Если бы не порошки Кашпара Богданыча, то бы схлебнуть горячку. Гдѣ Наталья Семеновна? а Софья Силовна, что ей, есть ли лучше? Бѣдняжка, я ее, какъ душу, люблю.

БОГАТЫРЕВЪ.

Жена тотчасъ придетъ, а дочь не много слаба. Разскажи же, что новинькаго? Ты, какъ почтовой чемоданъ, изо всѣхъ мѣстъ привозишь извѣстія, а отходишь и приходишь утромъ и вечеромъ всякой день.

НАБАТОВА.

Благодаря Бога, у меня знакомыхъ много; меня всѣ любятъ и никто отъ меня ничего не таитъ. Лестно заслужить такую довѣренность, да, правду сказать, трудно сохранить и репутацію; чужой секретъ не всякому ввѣрить можно, а я отъ добраго сердца рада со всякимъ душу раздѣлить. Представь же, каково мое положеніе?

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, что, Маремьяна Бабровна! вѣдь мы давно другъ друга знаемъ: душу-то не знаю дѣлишь ли ты; а секретъ, коли нечаянно попадетъ въ руки, то ужъ тотчасъ на волю отпустишь; ты все берешь отъ Публики изъ прокату.

НАБАТОВА.

Полно, полно проповѣди-то сказывать. Знаете, Кашпаръ Богданычъ! я сей часъ отъ бѣдной Припадковой; кажется, ей не вставать, моей милой! Дурна она мнѣ показалась; что вы думаете?

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, карошева тутъ мала, я пылъ въ конзултаціи. Фотъ у ней *primo*, пылъ интижестія, *secundo*, малинькій утаршикъ — апоплексія, а тамъ зла-

бость, шаръ да шаръ. Фчера пылъ калодной потъ; ну и языкъ не кочитъ гафарить, и гласа сматритъ, и онъ ничефо не слышитъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Чегожъ тутъ ожидать инаго, какъ смерти?

ПУСТЯКОВЪ.

И желать ее надобно. Какое жалкое состояніе!

БОГАТЫРЕВЪ.

А лучше бы натурѣ дать волю.

НАБАТОВА.

Возможно ли? она такихъ проказъ надѣлаетъ, что и жизни радъ не будешь.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну натуральна; ей грѣбка мужтукъ тершать ната. Ана фсе кочитъ и фсе прозитъ. У ней атно въ голофа: Фортъ! фортъ! (*Смѣется*) Э! э! э!

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой).*

А кто ее лечитъ?

НАБАТОВА.

Вильма Вильмычъ Либертотъ. Онъ конечно человѣкъ практикованной; но мнѣ чтой-то не нравится: отвѣту отъ него не добьешься, лекарства не перемѣняетъ и слишкомъ охотникъ, съ позволенія сказать, до рвотнаго, какъ будто ему въ душѣ нужда.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, фить ми рфотной таемъ не для свой забава, а штопъ ачистить натуръ. Палѣснь злова злова какъ форъ, прикотитъ всека всячинъ зебѣ фсять; а какъ я дамъ атъ темпо полутше рфотной, злабительной, и фазму фсю крофь у пальнова, ну што палѣснь тутъ фъ корпусъ найтетъ? такъ и пайтетъ въ тругой мѣста, какъ ей уготна, котъ въ пальшой фаротъ, котъ въ калитка.

НАБАТОВА.

Я въ вашей Медицинѣ толку не знаю, а могу рекомендовать ваши порошки отъ мигрены и капли отъ рюматисма — безподобныя! А право этой бѣдной Припадковой не вставать. Я оставила тамъ человѣка, чтобъ узнать, какъ скоро скончается; тотчасъ поскачу.

БОГАТЫРЕВЪ.

За чѣмъ не лёгкая несётъ? что, ты гробовой мастеръ; или дьячокъ, Псалтырь читать?

НАБАТОВА.

Нѣтъ, мнѣ жаль дѣтей. Меня мать просила ихъ не покинуть. А муженёкъ ее, между нами сказать, не умрётъ съ печали; ужъ я видѣла его маневры: лбомъ объ стѣну бьётся, а глазами заглядываетъ въ дѣвичью.

ГОРЮНОВЪ.

Да онъ и самъ, можетъ статься, не помнитъ, что дѣлаетъ: хочетъ въ горѣ душу отвесть. Тошно, горько, а кусъ проглотишь.

НАБАТОВА.

Ужъ онъ аппетита не потеряетъ, за это я побожусь: много кой-что я про него знаю. Да и она мудреная женщина; ни о чемъ не думала, и ничего не любила, дочерямъ дала волю и ....

БОГАТЫРЕВЪ.

Маремьяна Бабровна, опомнись, сударыня! Долго ли свѣтъ весь бранить? Вѣдь дѣвушка одна — невѣста, за что ее губить? Доброму туго вѣрятъ, а дурному съ радостію.

НАБАТОВА.

И, голубчикъ! не безпокойся. Вѣдь за ней полторы тысячи душъ, да и бриліанты матушка всѣ пожаловала: она вѣдь была фаворитка; про неё что хочешь говори, всё пойдетъ между ушей. Смотри, чтобъ еще въ плёрозахъ не обвѣнчалась, вѣдь онѣ нашивныя.

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой).*

Вы изволите знать о новой побѣдѣ, что мы разбили восемь тысячь Французовъ и взяли въ полонъ трёхъ Генераловъ?

НАБАТОВА.

Какъ не знать! Только ихъ было восьмнадцать тысячь, а нашихъ пять сотъ человѣкъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Да я записку читалъ.

НАБАТОВА.

А я реляцію.

РАЗВОЗОВЪ.

Да ей, кажется, быть еще некогда.

НАБАТОВА.

Однакожъ она здѣсь, ее прислали прямо изъ арміи со штафетой и держать подъ спудомъ. А еще вы ничего не знаете?

БОГАТЫРЕВЪ.

Развѣ есть другое какое извѣстіе?

НАБАТОВА.

Сей часъ получили, что нашъ корпусъ ночевалъ подлѣ лѣсу, а Французовъ тысячь съ двадцать заблудившись, прошли въ лѣсъ. Наши ихъ пропустили, поутру послали сказать, чтобъ сдались; они не хотѣли пардону, надѣялись, что ихъ много, и хотѣли-было итти на нашихъ штурмомъ. Но нашъ

Генералъ тотчасъ зажогъ лѣсъ и всѣхъ этихъ двадцать тысячь перевязали, и людей и лошадей, какъ воровъ, и отправили на фурахъ въ какое-то мѣсто.

БОГАТЫРЕВЪ.

Если это и было, такъ что-нибудь да не такъ, воля твоя, Маремьяна Бабровна!

РАЗВОЗОВЪ.

Лѣсъ сырой, такъ скоро зажечь!

ПУСТЯКОВЪ.

Да гдѣ столько фуръ взять? и чѣмъ вязать?

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка! а платки, а подвязки-то? Въ эдакой аказіи всё пригодится. Я первая крестъ съ шеи отдамъ. Вы не извольте вѣрить, а я читала реляцію. Тутъ и пушки взяты новыя, что присланы изъ Парижа: сказываютъ, такія длинныя, что за двадцать верстъ бьютъ, во что ни попало. Какъ бишъ Генерала-то Французскаго зовутъ? Мартира—Мартиръ—Мортиврь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да всё равно; они всѣ на одинъ покрой. Я только одного и помню Моро, отъ того, что на Кузнецкомъ мосту есть Мадамъ Моро.

НАБАТОВА *(Богатыреву)*.

А вы знаете, что вашъ Петръ Алексѣевичъ раненъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Знаю.

НАБАТОВА.

Удивительно, что вы такъ спокойны!

БОГАТЫРЕВЪ.

Чтожъ дѣлать, воля Божія! а я признаться, сомнѣваюсь, что онъ раненъ: иной говоритъ въ ногу, другой въ руку, третій въ голову....

НАБАТОВА.

А я четвертая скажу, что въ грудь.

ГОРЮНОВЪ.

Ну, поздравляю! живаго мѣста не осталось; точно битое мясо.

БОГАТЫРЕВЪ.

Станемъ молиться Богу и ждать извѣстія. Извините, что я васъ оставлю на полчаса время. Схожу къ дочери, да пошлю къ вамъ свою Наталью Семеновну; она вѣрно не знаетъ, что вы здѣсь, а мнѣ же отправить бурмистра изъ Саратовскихъ деревень: пріѣхалъ по милиціи.

ЯВЛЕНІЕ 7.

ПУСТЯКОВЪ, РАЗВОЗОВЪ, ГОРЮНОВЪ, МОРЕНКОПФЪ и НАБАТОВА.

НАБАТОВА *(Моренкопфу).*

Онъ совсѣмъ не догадывается; его ранами-то съ пути збили; да вы ему, Кашпаръ Богданычь! не давали чувствовать. . . .

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, какой туть шувства! я гафарилъ, онъ раненъ въ голофа и змотрѣлъ на нефо, и таки самъ шалку мину стѣлалъ: и онъ эта фитилъ, ну и не панимаетъ, чтошъ мене тѣлать? я сфой тѣла стѣлалъ.

НАБАТОВА.

Гдѣжъ лекарь? послали ли за нимъ? время терять нечего; мнѣжъ хочется заѣхать къ Робертсону, а оттуда въ собраніе. Лишь онъ придетъ, я ему и объявлю; тутъ я думаю лекарю много дѣла будетъ: всему дому пускать кровь. Велите пожалуста все приготовить.

МОРЕНКОПФЪ.

Тутъ ушъ фсе гатофъ: и чашка, и уксусъ, и шотка въ руки, фсе стоитъ въ пуфетъ, а лекарь эндитъ въ мой каретъ на тварѣ.

НАБАТОВА.

За чѣмъ же? его бы позвать сюда.

МОРЕНКОПФЪ.

И! не ната; теберь не ошень каладно, только 17 градъ на термометръ. Молоди луди палавать не ната. Эте мой регулъ. Онъ зынъ мой этаринни Кенигсбергски тругъ, злафни Штабъ-Лекарь господинъ Ганцъ Блутъ.

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой).*

Развѣ вы знаете? — позвольте — я въ такомъ безпокойствѣ! . . .

НАБАТОВА.

Вѣдь это не секретъ. Подождите немного, какъ Сила Андреичь придётъ; я скажу ему при васъ.

РАЗВОЗОВЪ *(думая).*

Что бы это такое могло быть? — и съ кѣмъ? . . .

ПУСТЯКОВЪ *(думая).*

Не могу отгадать — Сила Андреичь — Докторъ — кровь — кто нибудь умеръ — чтобы это такое? . . .

ГОРЮНОВЪ *(чешетъ голову).*

Экую задачу задала! — Ахъ, батюшки! въ милицію чтоль выбрали? аль

Французъ деревню выжегъ? — Нѣтъ-съ, не могу угадать; одинъ бы добрался, а при людяхъ я вѣдь дуракъ дуракомъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Да, да! эта за фсемъ нофой рапортъ. Ушъ штука злафнай!

НАБАТОВА.

Послушайте, дайте честное слово, что никто не выйдетъ изъ этой комнаты и не скажетъ прежде меня Силѣ Андреичу, такъ я вамъ скажу.

РАЗВОЗОВЪ
ПУСТЯКОВЪ *вмѣстѣ*
ГОРЮНОВЪ

Я могу васъ увѣрить.
Даю честное слово.
Хоть по щекамъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну фотъ и присяга на зекретъ.

НАБАТОВА.

Извольтежъ знать, что Петръ Алексѣевичъ Побѣдинъ, будущій зять Силы Андреича, храброй-то воинъ. . . .

РАЗВОЗОВЪ
ПУСТЯКОВЪ *вмѣстѣ*
ГОРЮНОВЪ

Нусъ?
Чтожъ?
Ушолъ?

НАБАТОВА.

Да, ушолъ, на тотъ свѣтъ—умеръ; убитъ точно.

РАЗВОЗОВЪ
ПУСТЯКОВЪ *вмѣстѣ*
ГОРЮНОВЪ

Ахъ, Боже мой!
Представьте!
(*свищетъ*) Фю! фю! фю!

НАБАТОВА.

Я получила сейчасъ письмо, гдѣ мнѣ покойниковъ братъ объявляя о кончинѣ, проситъ принять на себя эту непріятную коммисію, объявить роднѣ и Силѣ Андреичу. Какъ не грустно и не тяжело, а этотъ долгъ по дружбѣ и по любви исполню конечно; за тѣмъ и пріѣхала.

ПУСТЯКОВЪ.

Это вамъ, сударыня, дѣлаетъ честь.

РАЗВОЗОВЪ.

Ахъ, жаль Силы Андреича! Почтенный старикъ! тяжело ему будетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Вотъ-те разъ: не было печали, черти накачали.

ПУСТЯКОВЪ.

Стало, онъ, спустя нѣсколько времени, отъ ранъ умеръ.

РАЗВОЗОВЪ.

Не погодить ли, Маремьяна Бабровна? Дождаться приказа въ газетахъ, были примѣры. . . .

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка! да чего ждать? что тутъ за примѣры? у меня письмо въ карманѣ. Теперь вы, узнавъ отъ меня, по всему городу покойника повезёте. Я васъ имѣю честь знать; да я не совсѣмъ таки пошлая дура: не такъ скоро облабечусь. Теперь того и смотри, что завернетъ какой нибудь бѣсъ, скажетъ Силѣ Андреичу и лишитъ меня удовольствія исполнить коммисію покойнаго Петра Алексѣича.

ПУСТЯКОВЪ.

Стало, онъ въ памяти умеръ?

НАБАТОВА.

Въ совершенной; цѣлое утро писалъ и завѣщаніе сдѣлалъ. Братъ душеприкащикъ. Но этѣ всѣ бумаги у него; онъ ждетъ вѣрной аказіи ихъ переслать. А что онъ умеръ, такъ умеръ; это такъ вѣрно, какъ я жива.

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову)*.

Изволите видѣть, мое извѣстіе вѣрнѣй; онъ точно былъ раненъ въ ногу и умеръ отъ антонова огня.

РАЗВОЗОВЪ.

Да и отъ руки, я надѣюсь, умереть можно, особливо если сдѣлали операцію; тутъ всегда тотъ же вашъ антоновъ огонь придетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Фуй! не такъ эте насыфаете, атинъ злова са тругой. Аперацій и ампутацій зафсемъ иной. Аперацій мошна тѣлать ношикомъ и ношниць, а ампутацій билкай; эта бальшой роснись.

НАБАТОВА.

Онъ былъ и не въ руку, и не въ ногу раненъ, а вотъ какъ. Баталія ужъ совсѣмъ кончилась, а ему захотѣлось взять еще самую-то большую пушку; онъ и бросился и только что ея схватить, а она и выстрѣлила двумя ядрами: одно попало въ голову, а другое въ грудь, и оба на вылетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Кажется, обѣ раны смертельныя; тутъ и лечить нечего. Я видалъ ядры-то на литейномъ дворѣ: иной съ Астраханской арбузъ, какъ щолкнетъ, такъ не устоишь на ногахъ; тутъ нада ужъ голова, да и голова.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну фотъ а галавѣ-та и гафарить нечева: ушь эта атье; а грудь иногда мошно папропавать лешить.

ГОРЮНОВЪ.

А какъ бы это? Да вѣдь ядро-то не бось пронесло, какъ въ слуховое окно,

покорно прошу, что тутъ дѣлать? Впрочемъ вѣдь я это говорю такъ, къ рѣчи пришло. Вы это дѣло лучше насъ знаете; такія ль вы чудеса дѣлаете? а всё съ рукъ сходитъ. А я такъ знаете чему радъ? что ядро-то на вылетъ. Ну если бы въ груди остановилось, что дѣлать? Вотъ тутъ-та бы тяжко ему жить. Покорно прошу съ пудовой-та гирькой гулять. — Это точно счастіе, поздравить надо. Сердечушко! какъ голову-та оторвало, ужъ онъ другой-та раны не видалъ, развѣ издали посмотрѣлъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Фотъ у фасъ какой имагинація и фашъ галафа протитъ, какъ малатой пифа.

РАЗВОЗОВЪ.

Какъ ничего предвидѣть нельзя. Если бы можно было знать такой конецъ, то не было бы сговору и слезъ.

ПУСТЯКОВЪ.

А Софья Силовна и теперь уже больна, отъ одного безпокойства; чтожъ будетъ, когда она узнаетъ, что предметъ ея счастія убитъ? — Я боюсь, чтобъ эта смерть не произвела другихъ смертей.

МОРЕНКОПФЪ.

Эта пи не турна пыла. Матушка змерть — ана стара. Ей мошна и атставку тать зъ бенсіонъ, а фотъ тети пудутъ папрафорней.

НАБАТОВА.

Я давно живу на свѣтѣ, а еще не видала, чтобъ кто съ печали умеръ. Она какъ-то скорѣй черной фланели носится. А если что и случится, такъ отъ того, что меня не послушали; я ни-вѣсть какъ просила Силу Андреича и Наталью Семеновну, чтобъ повременили сговоромъ. Положить бы межъ собой на словѣ, или отложить до замиренья. Ну, да вѣдь Силу Андреича не переупрямишь; онъ на своемъ поставитъ. Наталья Семеновна-то изъ его воли не выходитъ: чего мужъ захочетъ, на всё согласна. А про дѣвочку я ни слова не говорю; въ ея лѣта только и на умѣ какъ нибудь да за-мужъ и въ дамы.

ГОРЮНОВЪ.

Словно какъ въ доведи — ходу-то прибавится.

РАЗВОЗОВЪ.

Въ лѣта Софьи Силовны и съ ея достоинствами не трудно, вмѣсто одного жениха, найти тысячу.

ПУСТЯКОВЪ.

Я тогожъ мнѣнія, добродѣтель и красота ея всѣмъ извѣстны.

НАБАТОВА.

Что до добродѣтели касается, то объ ней мало думаютъ. Какъ то до нее

мало охотниковъ! видно изъ моды вышла. И ужъ это дурной знакъ, когда станутъ говорить, что дѣвушка — невѣста имѣетъ доброе сердце, добрую душу. Я напередъ знаю, что это значитъ: либо дурочка, либо скверная лицемѣ.

ПУСТЯКОВЪ.

Про Софью Силовну никто этого не скажетъ, потому что она умна, прекрасна, и получила въ наслѣдство отъ почтенныхъ своихъ родителей всѣ тѣ качества, кои приобрѣтаютъ почтеніе, любовь и дружбу.

НАБАТОВА.

Это всё такъ, я съ вами согласна; но красота въ дѣвушкѣ первая рекомендація въ Публикѣ и *билетъ д'антре* въ сердцѣ. А наша Софья Силовна отъ печали, или ужъ такъ эпоха ея пришла, но какъ-то позавяла! а вотъ теперь еще и извѣстіе-то красоты, кажется, не прибавитъ. Она вѣрно зачахнетъ, и ей замужемъ не бывать, попомните мое слово.

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ конечно; этотъ товаръ продать лицомъ.

НАБАТОВА.

И поскорѣй: до мятова что-то охотниковъ мало. Тѣ дѣвушки, которыя были сговорены, и на волѣ, какъ-то, если не удастся въ первый разъ, то послѣ остаются при родителяхъ и при терпѣніи.

ПУСТЯКОВЪ.

И тѣмъ больше жаль, что покойный Петръ Алексѣичь былъ предостойный молодой человѣкъ, и жена его вѣрно бы съ нимъ была счастлива. Онъ былъ мнѣ хорошій пріятель, и я могу за него побожиться.

РАЗВОЗОВЪ.

Какая потеря и для Силы Андреича! Онъ былъ точно по его мысли и по сердцу: молодецъ, дворянинъ, отличной храбрости и почиталъ его, какъ роднаго отца.

ГОРЮНОВЪ.

Да и состояніе хоть куда. Епифанская-то деревня, батюшка, добрая кормилица! Что одной пеньки продавалъ! такъ стыдно сказать!

НАБАТОВА.

Вы его, можетъ быть, короче меня знали; а я, судя просто, ничего завиднаго въ этомъ женихѣ не находила. Немудрено, что Софья Силовна въ него влюбилась, этого отецъ и мать желали; натурально, что и она сама захотѣла. Для молодинькой и живой дѣвочки замужство: масленица, молодой человѣкъ: Нюренберская кукла, а женихъ: стклянночка съ духами.

ГОРЮНОВЪ *(смѣясь)*.

Точно такъ, ей Богу! понюхиваетъ, да попрыскиваетъ.

НАБАТОВА.

Что это до сихъ поръ нейдетъ Сила Андреичъ?.. А, да вотъ Пегасовскій! Какой несносный дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢЖЕ и ПЕГАСОВСКІЙ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Имѣю честь свидѣтельствовать мое нижайшее почитаніе всимъ чинамъ сего почтеннаго сословія.

НАБАТОВА.

Гдѣ былъ, Эвграфъ Гарденчь? Я и не примѣтила, какъ ты отъ меня ушелъ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Для нуждъ своихъ ходилъ, сударыня! поднесъ одному покровителю стихи на день его тезоименитства; потомъ вручилъ супругѣ надгробную Титулярнаго Совѣтника Тита Клементьевича Полугарова; да снялъ подрядомъ переводъ Французской книги.

НАБАТОВА.

Стало, Титъ Клементьевичъ умеръ? Какой былъ разбойникъ, удивительный!

ПЕГАСОВСКІЙ.

Прошу меня извинить, онъ еще дыханія не перевелъ; но хоть и живъ, а мертвецъ не погребенной. Супруга его, барыня предобродѣтельная, по хозяйственной части любитъ заранѣ и во время заготовлять все потребное для дома; и для сего и эпитафію еще третьяго дня заказать соблаговолила. Послѣ кончины, ей! не взялъ бы менѣе двадцати рублей, а теперь по условію и пятью доволенъ бить долженъ.

НАБАТОВА.

Ну, полно, Эвграфъ Гарденчь! тебѣ жить право не дурно: вездѣ принимаютъ, вездѣ подарки.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Да змилуйтесь, Маремьяна Бабровна! я же часто питаюсь грѣшниками и укрѣпляюсь горилкой; а это же постыдная амвросія и нектарь. Въ иномъ домѣ

и пригласять ко столу, но проклятія хлопцы вси меня обносять, и я блюдамъ дилаю инспекторскій смотръ, а обоняніемъ сытъ не будешь. Стихи мало заказываютъ и дурно платятъ; прежде бывало вирной доходъ отъ кондиторовъ: писалъ стишки для билетовъ; но и сіе изъ моды вышло.

НАБАТОВА.

Это жаль, а дарованія много. У насъ такихъ стихотворцевъ право мало, и въ одну минуту, что угодно? трагедію-ль, пѣсенку, или исторію? тотчасъ поспѣетъ. (*Пегасовскому*). Успѣлъ ли ты заняться? — Помнишь о чемъ говорили.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Я вси исполнилъ. — Готово, и вотъ (*показывая на свой карманъ*) тутъ....

РАЗВОЗОВЪ.

Что это такое?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Ода на смерть Высокоблагороднаго Петра Алексѣича Побѣдина.

ПУСТЯКОВЪ (*съ сердцемъ*).

Вотъ хорошо! да вы почему это знаете? отъ кого?

НАБАТОВА.

Я вамъ скажу: онъ зашелъ ко мнѣ передъ обѣдомъ; я сбиралась ѣхать сюда, и мнѣ пришло въ голову, что стихи жалкія на смерть Петра Алексѣича могутъ занять Силу Андреича, а притомъ и Евграфу Гардеичу кой-что перевалится.

(*Пегасовскій кланяется*).

РАЗВОЗОВЪ (*Набатовой*).

Какъ же вы насъ увѣряли, что никому не сказывали.

ПУСТЯКОВЪ.

А выходитъ, что эта смерть ходитъ по городу.

ГОРЮНОВЪ.

И за чѣмъ насъ заарестовали? ни дай, ни вынеси: тотчасъ попадешь въ бѣду, право такъ!

НАБАТОВА.

Да кому узнать, и съ кѣмъ онъ знакомъ? Сдѣлайте для меня удовольствіе, побудьте здѣсь — одолжите, я васъ прошу.

РАЗВОЗОВЪ.

Я остаюсь изъ уваженія къ Силѣ Андреичу.

ПУСТЯКОВЪ.

Теперь надобно ждать, чѣмъ это все кончится.

ГОРЮНОВЪ.

А для меня все равно; здѣсь тепленько, я радъ съ людьми; не люблю одинъ дома сидѣть. Вотъ ужъ мнѣ тяжело, мать!

НАБАТОВА *(Пегасовскому)*.

Не помнишь ли надгробной Тита Клементьича Полугарова?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Какъ же не помнить своихъ сочиненій? мои дѣти всегда при мнѣ. Извольте слушать.

(Вынимаетъ изъ кармана много бумагъ и отыскиваетъ одну).

Она будетъ написана золотыми буквами, на мавзолеѣ, которой также заказанъ весь изъ мрамора. Гробъ представлять будетъ куфу. На одномъ днѣ означено сорокъ, то есть, лѣта усопшаго. На немъ сидятъ Геній премудрости, держащій портретъ покойника въ видѣ стакана, и Фортуна, коя для утоленія печали играетъ на балалайкѣ, любимомъ инструментѣ господина Полугарова; а рука его изъ гроба тянетъ изъ-подъ Фортуны рогъ изобилія. Какая прекрасная аллегорія! самая деликатная и вся изъ Митологіи.

(Читаетъ).

Эпитафія, то есть, надгробная.

Фортуна, Бахусъ и Меркурій,
Здѣсь возлюбленный вашъ сынъ зарытъ.
Курится, какъ гора Везувій,
Какъ спиртъ, вино, пѣшится, шипитъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Очень, очень хорошо! особливо конецъ: эпитафія, и мавзолей, и человѣкъ все въ одномъ родѣ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Въ Поэзіи первой предметъ гармонія, и должно по Грамматикѣ согласить и родъ, и число, и падежъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Въ эпитафіи вся жизнь заключена; жаль только, что сорокъ лѣтъ продолжалась.

НАБАТОВА *(Пегасовскому)*.

А оду совсѣмъ кончилъ?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Строфъ съ двадцать готови, да еще бы надобно крохи пошлифовать.

НАБАТОВА.

Ну да ты поди въ другую комнату, да и поправь.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Позвольте прочитать симъ господамъ и узнать мнѣніе такихъ почтенныхъ слушателей; рукоплесканія суть пища и сытому и голодному таланту.

Эта пища шелутка не папортить.

НАБАТОВА.

Ну, читай поскорѣй, пока Сила Андреичь не пришолъ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Покорно прошу, внемлите. Тутъ есть много непротивнаго, новаго и приличнаго къ столь страшному концу сего младаго Ироя. (*Читаетъ*).

Престаньте дни, часы, о время! течь;
Громъ, океанъ, вѣтры не шумите.
Стой, злобна смерть! атласъ спусти свѣтъ съ плечь.
Вопль, плачь, тоска, вздохи, вы теките!
Гекла! Этна! закрой свою трубу;
Явись солнце и освѣщай судьбу
Великаго Героя Росскихъ силъ!
Съ мѣдной грудью, съ корпусомъ метальнымъ
Сражался онъ съ варваромъ коварнымъ.
Вопитъ ура! по—Буфъ! ударъ сразилъ.

ГОРЮНОВЪ.

Стишки хоть куда. Всяко дѣло мастера боится.—А ужъ пуще всего этотъ *буфъ*, ну точно пушка; аль-но я вздрогнулъ?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Это честь моей одѣ; и сей *буфъ* новое украшеніе Подражательной Поэзіи.

(*Продолжаетъ читать*).

Закрылъ уста, безжизненъ ты прилегъ,
И чуть, и чуть вздымается ребро.
Голодный Галлъ, обращенъ тобой въ бѣгъ.
Ктожъ далъ ударъ? — Чугунное ядро.
О фурія! пушка! дочерь ада!
Духъ тартара! ахъ! твои суть чада.
И атропосъ. . . .

НАБАТОВА.

Поди, поди вонъ; я слышу голосъ Силы Андреича. (*Пегасовскій выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

БОГАТЫРЕВЪ, НАБАТОВА, РАЗВОЗОВЪ, ПУСТЯКОВЪ, ГОРЮНОВЪ, МОРЕНКОПФЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Извините, что я къ вамъ долго не явился: заговорился съ бурмистромъ; а Наталья Семеновна моя заснула, сидя у дочери. Она бѣдняжка двѣ ночи не ложилась, насилу ходитъ.

НАБАТОВА.

Да, ей теперь здоровье нужно.

БОГАТЫРЕВЪ.

Послушай-ка, Маремьяна Бабровна, что ты дивилась тому, что я спокоенъ? Мнѣ показалось, будто ты поморщилась. Почудилось мнѣ это, или что есть въ самомъ дѣлѣ?

НАБАТОВА.

Вѣдь вы знаете, что Петръ Алексѣичъ раненъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Сказываютъ такъ, да все разное и увѣрительнаго ничего нѣтъ: должно ждать подтвержденія.

НАБАТОВА.

Охъ, Сила Андреичъ! дурныя вѣсти вѣдь скоро доходятъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Вы столько имѣете твердости.... вы на опытѣ это доказали....

ПУСТЯКОВЪ.

Вамъ же не въ первый разъ оплакивать потери....

НАБАТОВА.

Снесите съ терпѣніемъ этотъ ударъ. Богъ милостивъ! ну, чтожъ дѣлать?

БОГАТЫРЕВЪ.

Да что вы меня терзаете, я готовъ на все. (*Горюнову*). А ты о чемъ плачешь?

ГОРЮНОВЪ (*рыдая*).

Да мнѣ васъ жаль — и его жаль. Хорошо бы и вамъ тутъ же заплакать, авось либо легче будетъ.

НАБАТОВА.

Батюшка, Сила Андреичъ, какъ мнѣ вамъ сказать? Ей Богу! не знаю.

БОГАТЫРЕВЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Скорѣй и короче.

МОРЕНКОПФЪ.

О та што фи мушить этатъ добрій старикъ? ну гафарите, ахъ! Поже мой! — мейнъ Готъ! мейнъ Готъ!

НАБАТОВА *(Богатыреву)*.

Ну, знайте, ужъ если вамъ такъ хочется, что вашего Петра Алексѣича нѣтъ на свѣтѣ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ на свѣтѣ! — Его? — ахъ, бѣдная Сонюшка! что онъ умеръ? или убитъ?

НАБАТОВА.

Убитъ, въ послѣднемъ дѣлѣ; онъ хотѣлъ взять батарею....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну!...

НАБАТОВА.

Бросился на пушки одинъ....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну!...

НАБАТОВА.

И двумя ядрами убитъ.

БОГАТЫРЕВЪ *(перекрестясь)*.

Стало, и не страдалъ, и не успѣлъ подумать ни о сокровищѣ, коимъ Богъ хотѣлъ его наградить, ни обо мнѣ, вѣрномъ своемъ другѣ; но нѣтъ, онъ думалъ прежде и зналъ, что счастіе моего дома отъ его судьбы зависѣло.

РАЗНОЗОВЪ.

Какое несчастіе, что онъ не могъ укротить своей запальчивости!

БОГАТЫРЕВЪ.

Не можно: онъ былъ молодъ, и весь благородный; храбрость Русская разсудка не слушаетъ; она побѣждаетъ, или погибаетъ.

РАЗСУДКОВЪ.

Онъ довольно доказалъ прежде, что онъ храбръ и могъ бы не подвергать себя лишней опасности.

БОГАТЫРЕВЪ.

Если бы онъ не былъ храбръ, то бы я его не выбралъ въ свои зятья; не думалъ бы найти въ немъ сыновъ убитыхъ, замѣнить ихъ, осушить иногда горькія слезы счастіемъ дочери. Но напрасно я думалъ утолить скорбь мою. Надежда мелкнула въ глазахъ моихъ и изчезла навсегда. Несчастный старикъ! какой ждетъ тебя конецъ? Кто закроетъ глаза твои? Кого ты по себѣ слу-

жить Государю оставишь? Имѣлъ двухъ сыновъ, и нѣтъ ихъ; сыскалъ третьяго, погибъ и онъ. О Россія! дражайшее Отечество! вся кровь моя пролита за тебя.

РАЗВОЗОВЪ.

О почтенный мужъ!

ПУСТЯКОВЪ.

О примѣрный сынъ Отечества!

НАБАТОВА.

Истинно благородный человѣкъ!

МОРЕНКОПФЪ.

Злаѳный эксемпль, молоты люди!

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ патріотъ, нечего сказать, не бось не унываетъ.

НАБАТОВА.

Укротите вашу печаль, подумайте о себѣ; что вамъ себя морить безвременною смертію? у васъ еще есть Софья Силовна.

БОГАТЫРЕВЪ.

Охъ, матушка! сердце кровью обливается! Она одна теперь на свѣтѣ, и въ осьмнадцать лѣтъ смерть отравила ядомъ жизнь ея.

НАБАТОВА.

Надѣяться надобно, что время....

БОГАТЫРЕВЪ.

Время ослабѣваетъ печаль, а скорбь души часъ отъ часу глубже вырѣзываетъ, и эти слѣды одна лишь смерть заравниваетъ. Такъ и быть! доживать и доплакивать. Господи, да буди святая воля Твоя! Сила Андреичь, крѣпись и мужайся! ты человѣкъ и Христіянинъ.

РАЗВОЗОВЪ *(въ сторону).*

Онъ у меня раздираетъ душу.

ПУСТЯКОВЪ *(въ сторону).*

Теперь смерть объявлена, мнѣ здѣсь дѣлать нечего: поѣду домой, перемѣню лошадей и пущусь по городу объявлять это несчастіе. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 10.

БОГАТЫРЕВЪ, НАБАТОВА, РАЗВОЗОВЪ, МОРЕНКОПФЪ, ГОРЮНОВЪ и БОГАТЫРЕВА.

БОГАТЫРЕВА *(входя скоро, къ мужу).*

Что такое сдѣлалось! что съ тобой, Сила Андреичъ? ты плачешь! (*Всѣмъ*) Да что такое?

БОГАТЫРЕВЪ.

Поди ко мнѣ, другъ мой! плачь и рыдай со мной. Мы не всѣ еще съ тобой слёзы пролили. Послушай, плачь по Петрѣ Алексѣичѣ.

БОГАТЫРЕВА.

Ахъ! — Софьюшка — о другъ мой!...

(*Падаетъ въ кресла безъ чувства, всѣ бросаются къ ней*).

БОГАТЫРЕВЪ *(держа руки у жены).*

(*Моренкопфу*) Помогите, ради Бога! мои глаза, кромѣ смерти, ничего не видять.

МОРЕНКОПФЪ *(щупая пульсъ Богатыревой).*

Ну, эта малиньки опморокъ — фотъ и пульсъ та прикодитъ въ свой моціонъ. Эта перви обмарокъ, тругой-та палекше пудитъ. Ната натуръ дать фоли; ана звой тѣла знаетъ тѣлать: старинни Профессоръ.

РАЗВОЗОВЪ.

Я надорвусь отъ жалости; отъ роду эдакой картины не видалъ, Боже мой!

ГОРЮНОВЪ.

И мнѣ въ самомъ дѣлѣ жалко становится; чтожъ? вѣдь и я человѣкъ такой же.

НАБАТОВА *(Моренкопфу).*

Да ну, Кашпаръ Богданычъ, что тутъ пульсъ щупать? пускай кровь пожалуста поскорѣй.

МОРЕНКОПФЪ.

Ташасъ, ташасъ, прицципитандо бибимусъ сангвине фужибатъ. Эта Цицеронъ лубима пасловись.

(*Отворяетъ дверь и что-то приказываетъ*).

НАБАТОВА *(въ сторону).*

Я ни чему не рада. Жаль, что не отложила до завтра; вездѣ опоздаю: ужъ девять часовъ.

ГОРЮНОВЪ.

Экъ, какъ насъ всѣхъ перевернуло — и вдругъ еще — смотри пожалуй. — Ба! ба! да за чтожъ мы одни принялись плакать? а люди и въ усъ себѣ не

дують. Пойду-ка я имъ объявлю эту радость: авось и они заплачутъ. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ склещнёй. (*Уходитъ*).

НАБАТОВА.

Опомнитесь, Наталья Семеновна! Приди, матушка, въ себя; ну чтожъ дѣлать? такое опредѣленіе. — Что мы можемъ противъ воли Божіей? посѣтилъ еще домъ вашъ печалію. Чтожъ, его не подымете, а себя въ гробъ положите.

БОГАТЫРЕВА.

Ахъ, лучше бы мнѣ умереть! — ахъ, лучше...

БОГАТЫРЕВЪ.

Другой мой, съ кѣмъ же я останусь? — Намъ остается просить одной у Бога милости: чтобъ умереть вмѣстѣ.

БОГАТЫРЕВА.

Дай Богъ!

НАБАТОВА.

У васъ еще Софья Силовна, и ее утѣшить надобно. Мало ли чего въ свѣтѣ бываетъ? бѣда ходитъ не по лѣсу, а по людямъ. Ну, Богъ милость Свою надъ вами явитъ. Какъ быть! живи не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Вотъ вы, матушка, оправьтесь, поѣдемъ къ Троицѣ, въ Ростовъ, къ Пафнутію Боровскому; а лѣтомъ, если живы да здоровы будемъ, махнёмъ въ Кіевъ: я вездѣ съ вами, ни на минуту васъ однѣхъ не покину.

(*Входятъ четыре человѣка: одинъ съ чашками, другой съ салфеткой, третій съ половой щоткой, четвертой съ стклянкой, и Ганцблутъ*).

БОГАТЫРЕВЪ (*Моренкопфу*).

Вы хотите ей пускать кровь? но пожалуйста оставьте до завтра. Намъ еще много горя будетъ утѣшать бѣдную дочь, она ничего не знаетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, да завтре ешо мошна чашка тва пустить; а теперь папольшѣ — уфидимъ — уфидимъ. Зперва Натальи Земеновна, а тамъ и фасъ, патушка! клейнъ бисхенъ; фи не лупитъ, я снаю; но теперь попался фъ мой руки; я партонъ не снай: викторія, одеръ тодъ. Э! э! э!

БОГАТЫРЕВЪ.

Я и сыновья мои для того не пускали крови, что берегли ее, и думали, что дворянинъ долженъ ее проливать только за Отечество и за Государя. Но, (*вздохнувъ*) сыновей нѣтъ на свѣтѣ, а я тяжкое бремя на земли, и если вы находите нужнымъ, то дѣлайте, что вамъ угодно.

РАЗВОЗОВЪ.

Всякое его слово печатается на моемъ сердцѣ.

МОРЕНКОПФЪ.

А фотъ зперва ми напропуемъ Натали Земенофна; у ней злафна шилъ, какъ захарна верефка, и бинтъ полошить не ната.

БОГАТЫРЕВА *(мужу)*.

Чтожъ тебѣ на это смотрѣть? ты бы пошелъ къ Сонюшкѣ. Я боюсь, чтобъ ей кто не сказалъ — О Боже! укрѣпи ее!

(Пока Ганцблутъ и люди подходятъ и готовятъ все потребное для кровопусканія).

БОГАТЫРЕВЪ.

Какой несчастный день въ моей жизни! старость, печаль и горькія воспоминанія будутъ одни наши собесѣдники; ужъ я не буду ждать ни радостныхъ извѣстій, ни поздравленій, ни восхитительныхъ свиданій: сыновей и зятя нѣтъ въ арміи. Здѣсь я ихъ благословлялъ, отсюда отпускалъ на службу, на этомъ мѣстѣ вручилъ зятю шпагу, пожалованную Государемъ Петромъ Великимъ отцу моему за храбрость; съ ней служили я и сыновья мои, и она въ рукахъ Богатыревыхъ обагрялась кровію непріятельской. Я обнялъ жениха моей дочери, и не чувствовалъ, что въ послѣдній разъ онъ оросилъ грудь мою и руки слезами, и вышелъ въ эти двери, чтобъ никогда не возвращаться. . . .

(Въ сію самую минуту двери отворяются. Побѣдинъ вбѣгаетъ и бросается на шею къ Богатыреву).

Ахъ, что это? — Боже милосердый?

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢЖЕ и ПОБѢДИНЪ.

ПОБѢДИНЪ.

Батюшка, батюшка, какое благополучіе!

БОГАТЫРЕВА *(бросаясь къ нему на шею)*.

Это онъ! это онъ! и ты живъ!

ПОБѢДИНЪ *(цѣлуя у ней руки)*.

Да, матушка! это сынъ вашъ, это я. Но что такое сдѣлалось? на всѣхъ я вижу страхъ. Кому хотѣли кровь пускать? Боже мой! гдѣ Софья Силовна?

НАБАТОВА.

Что это за чудо? это мертвецъ, или — нѣтъ! не повѣрю — привидѣніе, точно привидѣніе.

РАЗВОЗОВЪ.

Я глазамъ своимъ не вѣрю: и убитъ и живъ!

МОРЕНКОПФЪ.

Ай! ай! ай! Ну! ну! ну! Дасъ истъ деръ тейфель!

БОГАТЫРЕВЪ *(Побѣдину)*.

Выслушай, дивись и радуйся: отъ тебя съ мѣсяцъ писемъ не было, дочь отъ безпокойства занемогла, но теперь ей лучше.

ПОБѢДИНЪ.

Ахъ, какое несчастіе!

БОГАТЫРЕВЪ.

Ничего, мой другъ! ничего; она совсѣмъ почти здорова, ну стану-ль я тебя обманывать? Мы измучились, смотря на нее и не зная, что съ тобою дѣлается. Сего дня послѣ обѣда — вотъ Михайла Ѳедорычь, Николай Иванычь Пустяковъ и Кашпаръ Богданычь сообщили мнѣ, что ты раненъ: иной говорилъ въ руку, другой въ ногу, третій въ голову, такъ что я сталъ и сомнѣваться въ ранѣ, но вотъ дорогая кумушка! (*показывая на Набатову.*) Подвижная эта смерть посѣтила и отправила было насъ на тотъ свѣтъ.

ПОБѢДИНЪ.

Какъ это?

БОГАТЫРЕВА *(мужу)*.

Другъ мой! теперь намъ радоваться надобно, а не сердиться; Богъ ей судья! прости ее.

БОГАТЫРЕВЪ.

Хорошо, матушка! это не уйдетъ; да позволь мнѣ досказать. Вотъ эта сударушка и одолжила меня извѣстіемъ, что ты убитъ, и чортъ знаетъ, какую сплела исторію! что ты бросился брать пушку, и ядромъ ударило въ голову. . . .

РАЗВОЗОВЪ.

А другимъ въ грудь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну вотъ, слышишь, одного мало; но я не понимаю теперь и самъ, какъ ей повѣрилъ, и какъ не умеръ на мѣстѣ. Наталья Семеновна упала въ обморокъ; ей было-хотѣли пустить кровь, и Богъ одинъ знаетъ, чтобъ изъ

ПОБѢДИНЪ.

Гдѣ же Софья Силовна? Позвольте, батюшка....

БОГАТЫРЕВЪ.

По счастію она не выходитъ и ничего не знаетъ, даже и того, что ты будто раненъ.

ПОБѢДИНЪ.

Да я и въ самомъ дѣлѣ раненъ (*показываетъ на руку*) подъ Прейсишъ-Эйлау; но я могъ въ третій день быть съ баталіономъ опять въ дѣлѣ. (*Богатыревъ цѣлуетъ у него руку*). Помилуйте, батюшка!

БОГАТЫРЕВЪ.

Позволь! — Всякая рана, полученная за Отечество, есть печать его.

БОГАТЫРЕВА (*Побѣдину*).

Да что ты, мой милый, до излеченія что-ль отпущенъ и на долго ли съ нами?

ПОБѢДИНЪ.

Матушка, я здоровъ; слѣдственно поспѣшу въ армію. Я былъ отправленъ къ Государю съ извѣстіемъ о послѣдней побѣдѣ; на другой день моего пріѣзда въ Петербургъ я испросилъ позволеніе ѣхать черезъ Москву и пробыть здѣсь три дни. Теперь поздравьте меня: Государь изволилъ меня пожаловать въ Подполковники и, что всего драгоцѣннѣй, изволилъ обо мнѣ разговаривать, съ похвалою.

РАЗВОЗОВЪ.

Имѣю честь поздравить: пріятно видѣть достоинство съ наградой!

МОРЕНКОПФЪ.

Гратилуръ. Фотъ теберь и зъ палкомъ скоро будитъ, а тамъ малинкій корпусъ — ну и маршъ маршъ! эте злафна.

НАБАТОВА.

А я ужъ ни за что на свѣтѣ не поздравлю ... во время пріѣхалъ! Вотъ говорятъ, что Французы мастера стрѣлять — пустое: не попали.

БОГАТЫРЕВЪ.

Велика милость Государева! дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать; а зять пусть служитъ. Такъ ли, другъ сердечный? Ступай до бѣлаго знамя. Лишь бы смерть не вручила косы Маремьянѣ Бабровнѣ, а то она тотчасъ тебя подкоситъ. Берегись!

НАБАТОВА.

Вотъ хороша отъ васъ признательность. Я отъ добраго сердца хотѣла, васъ любя, сберечь, успокоить и объявить поделикатнѣй, а на повѣрку я же виновата. Покорно благодарю! впередъ наука. Попала въ бѣду отъ того, что ко мнѣ написали, я повѣрила, а Петръ Алексѣичъ изволилъ вдругъ явиться,

БОГАТЫРЕВЪ.

И, что всего мудренѣй, живой.

НАБАТОВА.

Можетъ быть; а я не могу этому вѣрить, какъ хотите.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да взгляни, матушка! вонъ онъ и говоритъ, и ходитъ, и насъ обнимаетъ, и вотъ и я его обнимаю. (*Обнимаетъ Побѣдина*). Ну ужъ одолжила; благодаренъ за милость!

НАБАТОВА (*въ сторону*).

Пренесносный старикъ! (*Богатыреву*) Я вамъ все тоже, да тоже говорить буду: мнѣ написали, и я свой долгъ въ этомъ случаѣ выполнила; а вы извольте это принимать, какъ вамъ угодно — и гнѣваться — мнѣ все равно: вы меня ничѣмъ попрекнуть не можете

БОГАТЫРЕВЪ.

Фу, сумасбродная! Да кто тебя просилъ спѣшить? Кто къ тебѣ писалъ? ну, скажи!

РАЗВОЗОВЪ.

Маремьяна Бабровна получила изъ арміи письмо отъ братца Петра Алексѣича.

НАБАТОВА (*съ сердцемъ*).

Конечно отъ него, и изъ арміи; что за секретъ?

ПОБѢДИНЪ.

Вотъ теперь, сударыня, позвольте и мнѣ увѣриться, что я ни гдѣ убитъ не былъ. Во первыхъ, братъ мой, не имѣя чести быть съ вами знакомъ, не можетъ писать къ вамъ писемъ, а во вторыхъ, его въ арміи совсѣмъ и не было. Онъ еще въ Августѣ посланъ былъ въ Вѣну, и наканунѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, пріѣхалъ самъ туда.

РАЗВОЗОВЪ (*Побѣдину*).

Позвольте спросить, какой корпусъ двадцати-тысячный взяли въ полонъ, зажегши лѣсъ.

ПОБѢДИНЪ.

Я отъ васъ въ первой о семъ слышу.

РАЗВОЗОВЪ.

А Маремьяна Бабровна и о семъ утвердительно объявила.

НАБАТОВА.

Ну, теперь всѣ на меня поднялись! а и вы, сударь (*Развозову*), охотники вѣсти развозить; если и ваши повѣрить, то, думаю, много развѣ на душѣ только отыщешь.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, полна, матушка, што фи петнай дама за свѣтъ гоните? тайте ей бакой; ушъ таки ей заталъ штрапацъ.

ПОБѢДИНЪ *(Богатыреву)*.

Я отъ нетерпѣнія внѣ себя; сдѣлайте милость, батюшка, позвольте мнѣ видѣть Софью Силовну.

БОГАТЫРЕВА.

Я, мой другъ, пойду съ нимъ и не вдругъ его покажу, чтобы радость не обратилась во вредъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Хорошо, матушка, я тотчасъ къ вамъ приду самъ.

(Богатырева и Побѣдинъ уходятъ).

РАЗВОЗОВЪ *(въ сторону)*.

А я поспѣшу разгласить по городу смерть и явленіе, коимъ всѣ обязаны будутъ Маремьянѣ Бабровнѣ; и такъ ее отдѣлаю, что мѣсяца три никто ей вѣрить не будетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну! ну! Прашайте, матушка. Я зафтра фамъ стѣлаю малинки физитъ. Фотъ Зилъ Антреичъ пылъ дишпературъ, а теперь ганцъ лустигъ — атье — атье Брафо! брафо!... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 12.

БОГАТЫРЕВЪ и НАБАТОВА.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, вотъ смотри, сударыня! радуйся на дѣла мерзскаго твоего языка.

НАБАТОВА.

Чтожъ, мнѣ молчать прикажете? Мнѣ говорить еще не запрещено.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да слушать-то бы тебя никому не надобно. Стыдно, сударыня! стыдно; что тебѣ за охота лгать и пугать? Вѣдь ты-было меня совсѣмъ на тотъ свѣтъ отправила; а я хоть и старъ, да не даромъ хлѣбъ ѣмъ: могу и доброму научить; а ты за чѣмъ живешь на свѣтѣ? — такъ!

НАБАТОВА.

Да и большая часть такъ живетъ. Однакожъ, Сила Андреичъ! меня не меньше васъ знаютъ въ публикѣ, и я въ лучшіе домы въѣзжа.

БОГАТЫРЕВЪ.

Будто это-то? Публика собраніе людей, а люди съѣзжаются, чтобъ видѣться, играть, зѣвать и время убивать, то есть: себя.

НАБАТОВА.

Ну, да если въ публику всякой можетъ ѣздить, то, по крайней мѣрѣ, въ домахъ людей лучше сортируютъ. Да для васъ ничего святаго нѣтъ, и вы все браните, и хотите свѣтъ передѣлать по своему; а кабы вы послушали, что про васъ говорятъ. . . .

БОГАТЫРЕВЪ.

Да чего слушать; я знаю — но мнѣ, что за нужда. Вотъ я бы сейчасъ правую руку далъ отрубить, чтобъ у насъ одумались. Молодые, Богъ съ ними, перебѣсются; а кто ихъ развратилъ? — старые. Ну, да вотъ ты первая; что ты дѣлаешь цѣлый день? — Лжешь, врёшь, и дурной примѣръ даёшь; злословишь, путаешься не въ свои дѣла, таскаешься по магазейнамъ, мѣняешь съ Бухарцами шали, а съ старухами сплетни, и, какъ гончая собака, гонишь и по зрячему, и по горячему.

НАБАТОВА.

Покорно благодарю за портретъ и за сравненіе; чтожъ мнѣ въ тѣлогрѣю прикажете одѣться?

БОГАТЫРЕВЪ.

Правды никто не любитъ слушать, а говорить всякой сбирается. Я ужъ давно ее проповѣдываю, да выходитъ — гласъ въ пустынѣ. Ну, взгляни ты на себя, какъ ты одѣта? тебѣ давно за пятдесятъ лѣтъ, вѣдь смѣхъ и грѣхъ! На что ты походишь? съ рукъ на прачку, съ головы на Голландскаго шкипера. Одѣвала бы по старинѣ грѣшное тѣло потеплѣй, вѣдь въ тебя, не бось, вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ старыя опущенныя палаты; что ты за морская Венера изъ пѣны морской явилась? Ну, смотри! какъ зима тебя прихватитъ, сведётъ руки и ноги, вотъ и выйдетъ тюника сокомъ.

НАБАТОВА.

Не слушаю и не послушаю; не боюсь рядикуля, не хочу быть одѣта шутихой; я хочу жить въ свое удовольствіе.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да кто мѣшаетъ? пусть надъ вами смѣются. Да за что вы губите молоденькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзская мода обливаетъ любовь и уваженіе холодною водою и, вмѣсто того, чтобы привлекать, гонитъ прочь, и жениховъ ловитъ, какъ бѣглыхъ. Въ старину, и не очень давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатки, а нынче воображенью и догадкѣ дѣла нѣтъ. Да, прежде сего одѣвались, а нынѣ раздѣваются. Иная ѣдетъ на балъ, какъ модель для живописцевъ; другая изъ отцовскаго дома, какъ изъ Кунстъ-Камеры: на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, всё сквозитъ, всё летитъ; разъ взглянулъ, точно какъ отъ купели принималъ.

НАБАТОВА.

Да матерей-то за чѣмъ тутъ припутали? какъ будто онѣ виноваты, что дѣти рѣзвятся. Кто молодъ не былъ? Мать вѣдь не солдатъ: что, ей на часахъ развѣ стоять и всѣхъ окликать?

БОГАТЫРЕВЪ.

Мать есть примѣръ, покровъ и наставникъ для дочери. А дочь благовоспитанная есть лучшее украшеніе матери. Но иныя, по несчастію, что нынче дѣлаютъ? притравливаютъ ихъ къ пороку и, теряя свое право, теряютъ и дочерей. Дочь съ матерью, точно какъ съ мадамой: обѣ на-легкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ; одна танцуетъ, другая валсируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ. — Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ!

НАБАТОВА.

Ну, какъ изволили пуститься, Сила Андреичъ! Браво! Жаль, что у меня память слаба и что я забыла записную книжку; а то бы могла вамъ показать услугу: публика вамъ должна быть благодарна.

БОГАТЫРЕВЪ.

И конечно, и на-вѣрно: въ публикѣ много и много есть почтенныхъ людей, матерей и отцовъ, кои одного со мною мнѣнія; имъ-то я себя и отдаю на судъ. Отъ безразсуднаго пристрастія и ослѣпленія къ иностраннымъ мы обращаемся изъ людей въ обезьяны, изъ господъ въ слуги, изъ Русскихъ въ ничто. Этотъ развратъ есть болѣзнь завозная, прилипчивая, и иныхъ у насъ обезобразила такъ, что и узнать нельзя. А что я говорю, это правда и для ушей, и для глазъ, и для души; въ семьѣ не безъ урода; да на чтожъ самому себя изуродовать и сдѣлаться гадкимъ спискомъ мерзскаго подлинника?

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢЖЕ и ПОБѢДИНЪ.

ПОБѢДИНЪ *(Богатыреву)*.

Батюшка! я къ вамъ пришелъ съ просьбою отъ Софьи Силовны: пожалуйте къ ней, и забудьте всѣ огорченія, видя насъ вмѣстѣ. Она желаетъ васъ имѣть свидѣтелемъ нашего благополучія.

БОГАТЫРЕВЪ.

Тотчасъ, мой другъ! дай мнѣ окончить разговоръ съ Маремьяной Бабровной. — Я говорю правду: ей одной предоставлено право изобличать порокъ, исправлять развращенныхъ и показывать истинный путь къ добродѣтели.

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢЖЕ и ГОРЮНОВЪ.

ГОРЮНОВЪ *(не видя Побѣдина).*

Ну, Сила Андреичь, что я надѣлалъ! ужъ скажете спасибо! у меня и въ передней, и въ людской, и на конюшнѣ всѣ люди, какъ коровы ревутъ. Я вѣдь сказалъ, что Петръ Алексѣичь убитъ (*увидя Побѣдина*). Ай! ай! съ нами Богъ! — Батюшки! — батюшки! . . .

БОГАТЫРЕВЪ.

Молчи, молчи! что ты это? — Опомнись, эдакой трусъ! Посмотри, вотъ тебѣ Петръ Алексѣичь здоровый, и хотя раненый, но живой.

ГОРЮНОВЪ.

Охъ! — чтожъ? я радъ — право радъ, а воля ваша, со мной эта дурная шутка — ахъ, чудеса! подумаешь. . . Да какъ это случилось? Стало всё неправда.

ПОБѢДИНЪ.

Отъ васъ зависитъ вѣрить, что я убитъ не былъ.

ГОРЮНОВЪ.

Да буди по слову вашему опять живы, все-таки лучше; а вѣдь ужъ, какъ было васъ уходили, батюшка Петръ Алексѣичь, въ мелкія пирожныя части! Живаго мѣста не оставили, право такъ! Смотри пожалуй! чего не выдумаютъ? Ахъ, мошенники!

НАБАТОВА.

И ты, Фока Феклистычь, съ-глупа тудажъ! Сила Андреичь, тотъ ужъ волю взялъ, а ты, мой голубчикъ! не очень пускайся — съ тобою я скоро раздѣлаюсь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Раздѣлайся лучше прежде со всѣми тѣми, кого ты обидѣла, оболгала и привела въ отчаяніе; да погоди, матушка, я тебя выведу на чистую воду!

НАБАТОВА.

Что вы на меня такъ разозлились? что я вамъ на посмѣяніе что-ль досталась? — Ну, извольте разсказывать — ну, разсказывайте! и я вѣдь не замолкну. Посмотримъ, кто кого уходитъ. Господи! что за важность! великая диковина Сила Андреичь! великая бѣда, что женихъ дочери былъ убитъ! Я хоть и вдова, а за себя постою; какъ вамъ меня ругать? я благородная, я дворянка, я Генеральская дочь!

БОГАТЫРЕВЪ.

Ты сплетчица, разнощица, и ты за тѣмъ только и ѣздишь по домамъ,

чтобъ наполнять ихъ ложью, ссорами и злословіемъ. Языкъ твой жало, слова иголки, умъ зажигательное стекло. Для тебя ничего святаго нѣтъ на свѣтѣ; и если я тебя терпѣлъ у себя въ домѣ, то это для того, чтобы показывать дочери порокъ во всей его мерзости.

НАВАТОВА.

Ахъ, батюшка, ты съ ума сошелъ! что ты вздумалъ меня показывать, какъ Американку, или невидимку? Нѣтъ, сударь! послѣ этого я и сама къ тебѣ не поѣду, ни подъ какимъ видомъ, ни за что на свѣтѣ, хоть на колѣняхъ стой!

БОГАТЫРЕВЪ.

Какъ! мнѣ становиться передъ тобой на колѣни? да я для тебя и колпака не сниму. Вонъ, сударыня, вонъ изъ моего дома, чтобы нога твоя здѣсь не была. Я ѣду сей же часъ просить всѣхъ знакомыхъ, чтобы тебя и на дворъ не пускали; тебя надо заявить, въ газетахъ припечатать, привязать на шею почтовый колокольчикъ, чтобы всѣ отъ тебя держали право.

НАВАТОВА.

Пустяки, пустяки! заврался, голубчикъ! съ ума сошелъ; а я таки вездѣ ѣздить буду, говорить, кричать, тебя ругать и выведу изъ тебя комедію — точно выведу! (*Уходитъ*).

БОГАТЫРЕВЪ.

Лучше трагедію: ты будешь пятымъ дѣйствіемъ и всѣхъ отправишь на тотъ свѣтъ.

ГОРЮНОВЪ.

Прощайте, Сила Андреичъ! поѣхать и мнѣ домой; что-то не по себѣ, крѣпко я напугался, теперь того и смотри, что и меня уморятъ на-досугѣ, а тамъ увѣряй пожалуй, что не правда: меня-жъ бранить станутъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

БОГАТЫРЕВЪ и ПОБѢДИНЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ахъ, другъ мой! какъ ты во́-время пріѣхалъ! что бы съ нами было? Видишь плоды праздности и злословія!

ПОБѢДИНЪ.

Вижу, и долженъ желать, чтобъ они никогда не касались до благополучія, кое меня ожидаетъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Дай Богъ! отличайся и сплетай вѣнокъ лавровый, и бракъ возложитъ на него вѣнецъ: живи и умирай съ честью неразлучно.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА

ЛЬВОВА-СИНЕЦКАЯ.

1822 и 1823 г.—золотое время Московскаго театра: тогда сцена пріобрѣла двухъ замѣчательныхъ артистовъ—М. С. Щепкина и М. Д. Львову-Синецкую. Извѣстно, сколь рѣдки явленія самобытныхъ талантовъ, и потому, распространившаяся въ Москвѣ молва о дарованіи и средствахъ Синецкой, заинтересовали Дирекцію, которая состояла тогда подъ главнымъ начальствомъ покровителя искусствъ, незабвеннаго Князя Дмитрія Владиміровича Голицына; театромъ управлялъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, извѣстный драматургъ и знатокъ своего дѣла.

Представители общественной образованности, по любви къ отечественной сценѣ, приняли живое участіе въ дебютахъ Львовой-Синецкой: Князь Д. В. Голицынъ, Князь Ю. В. Долгорукій, Князь Н. Б. Юсуповъ, С. С. Апраксинъ, Ив. Ив. Дмитріевъ, Князь И. М. Долгорукій (у котораго были тогда свои домашніе спектакли; онъ зналъ прекрасно сцену и самъ подвизался на ней въ своемъ кругу), В. Л. Пушкинъ и драматическіе писатели Н. И. Ильинъ и Д. Н. Бельяшевъ-Волынцевъ; всѣ они содѣйствовали успѣху Русской артистки и присутствовали при первыхъ ея дебютахъ. М. Д. Синецкая появилась въ первый разъ на сценѣ театральнаго училища въ ролѣ *Роксоланы* (ком. Три Султанши). Привлекательная наружность, стройный станъ, пріятный органъ, звучный голосъ и благородство пріемовъ и движеній, съ перваго раза обнаружили въ ней первостепенную артистку; счастливая мимика содѣйствовала вполнѣ ея успѣху. Какъ это была настоящая пора высокой комедіи, и Мольера играли по преимуществу, то Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (переводчикъ Мизантропа), передавшій дебютанткѣ традиціи роли *Прелестиной* (Celimene), болѣе всего ста-

рался объяснить ей всѣ оттѣнки и изгибы дикціи кокетки высшаго общества. Марья Дмитріевна мастерски воспользовалась наставленіемъ, и явясь для втораго дебюта предъ многочисленною публикою въ бенефисѣ Мочалова, въ Мизантропѣ, на Пашковскомъ театрѣ, удовлетворила общимъ ожиданіямъ, была аплодирована во многихъ сценахъ, многіе монологи были прерваны восторженнымъ партеромъ, её вызвали и истинные цѣнители искусства привѣтствовали артистку лично, по опущеніи занавѣса. Эта заслуженная награда едва ли не лестнѣе безконечныхъ вызововъ съ дождемъ цвѣточнымъ, обратившихся въ забаву хлопальщиковъ.

Незабвенный, по дарованію и врожденному призванію къ театру, въ короткое время жизни своей оказавшій столько ему услуги, Александръ Ивановичъ Писаревъ, мастерски владѣвшій Русскимъ стихомъ, переложилъ Англійскую комедію School of Scandal — Школа злословія, для Русской сцены, назвалъ ее Лукавинымъ и старался о ея обстановкѣ; талантъ Мочалова (Павла Степановича), коему отдана была главная роля, и Сабурова (Александра Матвѣевича), игравшаго *Вѣтрона*, при содѣйствіи превосходнаго таланта Михайла Семеновича Щепкина (*Досажаева*) и Синецкой (*Досажаевой*), передали всѣ красоты комедіи; Лукавинъ былъ игранъ въ первый разъ 23-го Октября 1823 года; въ немъ участвовали тогда еще два замѣчательные артиста: Рязанцевъ представлялъ *Змѣйкина;* славный его талантъ оттѣнилъ эту небольшую ролю; а пѣвецъ Булаховъ пѣлъ прелестно застольную пѣсню, которую самъ положилъ на музыку: *Три наслажденья въ жизни нашей;* послѣ этого она сдѣлалась принадлежностью всѣхъ гостинныхъ; молодая артистка утвердила свою славу означенными двумя ролями и принята была на первыя амплуа.

Съ тѣмъ вмѣстѣ и драма, основанная, по тогдашнему разумѣнію, не на чрезвычайныхъ потрясеніяхъ или эффектныхъ декораціяхъ, но на художественныхъ оттѣнкахъ человѣческаго сердца и на характерахъ, пріобрѣла въ М. Д. Синецкой превосходную героиню; она съ большимъ успѣхомъ играла *Эйлалію* (Ненависть къ людямъ и раскаяніе). Сцены ея съ *Мейнау*, (котораго представлялъ Мочаловъ), трогали до глубины души; равно хороша она была въ ролѣ *Леди Мильфортъ* (Коварство и любовь). Въ могущественныхъ трагедіяхъ Озерова, не по однимъ звучнымъ стихамъ, но и по оживленнымъ мыслямъ: *Поликсена*, *Ксенія* (Димитрій Донской), выраженіе сильныхъ страстей рельефно оттѣнялось въ голосѣ, въ натуральныхъ движеніяхъ, въ прекрасной мимикѣ Синецкой.

Чтобъ быть хорошимъ артистомъ, достаточно ли одной только натуры и

Марѳа Ивановна Анисуфьева

правдоподобія (verité); можетъ ли быть признанъ сценическимъ художникомъ тотъ, кто безотчетно даетъ только волю врожденной своей способности? Отвѣчаемъ: нѣтъ! Талантъ долженъ быть всегда руководимъ искусствомъ и наукою, и вотъ почему вообще истинные наши артисты, не довѣряя себѣ, принимаютъ самое одобреніе публики за одно только ободреніе, и никогда не перестаютъ учиться и развивать болѣе и болѣе свой талантъ.

Несторъ нашей драматургіи, Князь А. А. Шаховской, неоднократно пріѣзжалъ въ Москву и самъ ставилъ свои пьесы; онъ проходилъ съ Синецкой ея роли и оставался доволенъ соображеніемъ, глубокимъ изученіемъ натуры и одушевленіемъ умной артистки. *Наина* (въ трилогіи Фиинъ) была одною изъ изящныхъ ея ролей. Въ драмѣ Соколъ Князя Ярослава, Синецкая, играя *Ксенію*, удовлетворила всѣмъ авторскимъ требованіямъ Князя Шаховскаго. Эта пьеса, заимствованная изъ событій отечественной Исторіи, полная интереса и во всѣхъ сценическихъ условіяхъ, имѣла большой успѣхъ. Въ трагедіи, написанной Княземъ Шаховскимъ въ Оссіановскомъ стилѣ: Фингалъ, Синецкая торжествовала снова; также мастерски она исполняла роль жидовки *Ребекки*, въ драмѣ Иванòй; пьеса съ большимъ эфектомъ и въ свое время прекрасно была поставлена въ Петербургѣ. В. А. Каратыгинъ былъ очарователенъ въ главной роли и съ достоинствомъ игралъ её Мочаловъ. Потомъ, Синецкая заслужила полное одобреніе автора, исполнивъ весьма трудную роль *Алкиноп*, въ не оцѣненной, достаточно, современниками комедіи, въ Греческихъ нравахъ: Аристофанъ.

Прежній репертуаръ этой дѣятельной артистки былъ очень великъ и потому трудно исчислить всѣ ея блестящія появленія. Она создала прекрасную роль *Маріи Стуартъ*; играла роли: *Берты* въ трагедіи Прародительница, *Эмиліи* въ Отелло, *Элеоноры д'Естъ* въ Торкватто Тассо, *Екатерины* и потомъ *Королевы Маріи* (Іоаннъ Герцогъ Финляндскій), *Реганы* (Король Лиръ), *Заремы* (Киримъ-Гирей), *Кетте* (Іоаннъ Фаустъ), *Королевы Елизаветы* (Донъ Карлосъ), *Миранды* (Буря, подражаніе Шекспиру), *Жервезы де Шатофлери* (въ Эсмеральдѣ), *Екатерины Медицисъ*, *Елены* (Кинъ), *Гертруды* (Гамлетъ); потомъ во многихъ драмахъ; въ Юности Іоанна III главную роль; *Эльвиры* (Мать Испанка), *Терезы* (Женевская сирота), *Генріэтты* (Мщеніе черезъ два года), *Марины де Рогань* (Поединокъ при Кардиналѣ Ришельё), *Адели* (Антоніо), *Антонины* (Велизарій), *Г-жи Губеръ* (Ренсвильскій замокъ), *Амаліи* (Жизнь игрока), *Изель* (Амстердамскій палачъ), *Марины Юрьевны Мнишекъ* (Рука Всевышняго отечество спасла),

Антонины Михайловны (Мачиха и падчерица), *Генріетты* (или восемь лѣтъ старше), *Г-жи Дермилы* (Вѣчная любовь или будущность сына), *Маргариты* (День торжества и смертной казни), *Графини* (16 лѣтъ или зажигатели), *Арманды* (Жизнь Мольера), *Донны Елены* (Пебло), *Генеральши Руссовой* (Кремневъ).

Изъ всѣхъ исчисленныхъ драматическихъ ролей заслуженной артистки, ни одна не была исполнена на *авось*; она, обязываясь, такъ сказать, всякою новою ролью, прежде всего старалась изучить не монологи, но ея характеръ, примѣнить свой голосъ и дикцію ко всякому трудному, замѣченному въ роли положенію, и обдумать ситуацію каждой сцены. Играть трагедію и драму, это не то, что водевиль; импровизація и вдохновеніе безусловно тутъ допущены быть не могутъ; положимъ, что и нашелся бы такой дивный талантъ, который бы, безъ всякаго приготовленія, исполнилъ трудную драматическую ролю, но все же онъ долженъ подлежать напередъ повѣркѣ, если не для себя собственно, то для другихъ персонажей, отъ общности коихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можетъ зависѣть и его успѣхъ; и потому, если не пластическое ученіе, то сводъ выраженія общаго или гармоніи роли, необходимъ, и онъ подводится подъ непремѣнное правило науки.

Въ отдѣлѣ комедій, Г-жа Синецкая занимала много ролей блестящихъ; мы исчислимъ нѣкоторыя изъ нихъ: извѣстная комедія Деревенскій поэтъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, (Детуша), въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не сходила съ репертуара въ Москвѣ. Въ ней, Синецкая, съ большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ, играла роль *Вариньки*, являющейся въ разнообразныхъ характерахъ: вначалѣ умной, благовоспитанной дѣвицей, потомъ дурочкою и сумасшедшей. Создала она весьма трудную роль *Графини* (въ Сватьбѣ Фигаро), играла роли: *Любской* (въ Благородномъ театрѣ), *Софьи Павловны* (Горе отъ ума), *Эльмиры* (Обманъ въ пользу любви), *Княгини* (Урокъ женатымъ), *Подстрекалкиной* (Дуэлисты), *Кларансы* (Влюбленный Шекспиръ), *Графини* (Романъ на одинъ часъ). Характеры свѣтскихъ дамъ передавала Синецкая вѣрно, со всѣмъ достоинствомъ, а потому роли *Графини Лелевой* (въ Урокѣ кокеткамъ, въ Какаду), и *Княжны Радугиной* (въ Пустодомахъ), требовавшія большаго соображенія, выходили у нее очень рельефны и отчетливы. Костюмъ ея отличался всегда вѣрностью, городской туалетъ особымъ вкусомъ и изысканностію.

Въ первый ея бенефисъ шла оригинальная комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкина: Воспитаніе или вотъ приданое; въ ней бенефиці-

антка занимала роль *Софьи*; публика и авторы вполнѣ сочувствовали ей. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ нарочно написали для сего спектакля оригинальный водевиль: Кто братъ? Кто сестра? или обманъ за обманомъ; въ немъ Синецкая являлась и *братомъ* и *сестрой*.

Послѣ этого слѣдовала Шарада въ дѣйствіи, въ коей Синецкая декламировала балладу В. А. Жуковскаго: *Свѣтлана*.

Какъ участіе истиннаго таланта и внѣ его сферы можетъ придавать колоритъ и другаго рода произведеніямъ, то, сверхъ драмъ и комедій, Марья Дмитріевна играла часто и въ водевиляхъ, занимая роли: *Груши* (въ Двумужницѣ), *Гортензіи* (въ драмѣ съ куплетами Семейство Ринебургъ), *Графини Дорваль* (Филиппъ, фамильная гордость), *Матильды Дарбертъ* (въ Дѣвицѣ отшельницѣ).

Ко 2-му ея бенефису переведена была Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ извѣстная комедія Де-ла Виня: Урокъ старикамъ; она была прекрасно постановлена. *Адель*, роль для исполненія чрезвычайно трудную, основанную на тонкостяхъ, высшихъ приличіяхъ, передала Марья Дмитріевна мастерски. *Дюка Дельмара* игралъ отличный артистъ А. М. Сабуровъ и пріѣзжавшій въ Москву Ив. Ив. Сосницкій. Онъ же съ Синецкою представлялъ: Ты и Вы, Волтерово посланіе (Князя Шаховскаго), въ коемъ Сосницкій былъ превосходенъ.

Въ одинъ изъ бенефисовъ Синецкой давали оригинальную комедію Князя Шаховскаго, Батюшкина дочка, въ 3-хъ актахъ, съ балетомъ. Роль *Любушки* она исполняла съ такимъ успѣхомъ, что пьеса нѣсколько лѣтъ держалась на сценѣ и безъ балета; играли преимущественно 1-й и 3-й акты.

Талантливый водевилистъ Ленскій поставилъ для Синецкой роль *Г-жи Нерисъ*, въ игривомъ водевилѣ: Крестная маминька, долго остававшемся на репертуарѣ. Этотъ водевиль былъ напечатанъ съ портретомъ Синецкой, и какъ она не могла пѣть, то читала куплетъ къ публикѣ, который, по требованію ея, всегда повторялся:

Божусь, что пѣть я съ роду не умѣла,
Позвольте мнѣ куплетъ мой прочитать,
Тѣмъ болѣе, что, еслибъ я запѣла,
Оркестру бы бѣды не миновать!
Когда теперь игрою мы своею
Могли Вамъ угодить:
Покорнѣйше просить Васъ смѣю
Стараніе актеровъ наградить.
А чѣмъ? . . . Сказать не смѣю право! . .
Ахъ! если-бъ знали Вы, какъ лестно ваше браво!

Марья Дмитріевна прекрасно читаетъ стихи, что можетъ быть признано большимъ достоинствомъ въ артистѣ. Въ настоящее время эта сценическая гармонія почти утратилась, потому-что въ новѣйшихъ, большею частью, пьесахъ, стихи, безъ риѳмы и безъ каданса, только числительностью стопъ отличаются отъ прозы, тѣмъ болѣе, что часто въ нихъ нѣтъ даже и цезуры, не только поэзіи.

Талантливая артистка, при первомъ переходѣ на роли благородныхъ матерей, играла въ драмѣ: Купленное дитя, или мать преступника, роль *Лангеретъ*; въ Артурѣ или 18 лѣтъ — *Маріи*. Много еще осталось прекрасныхъ ролей въ ея огромномъ репертуарѣ, которыя мы смотримъ и теперь съ живымъ сочувствіемъ, какъ наприм. *Саломеи* (трагедія Елена Глинская), *Суванны* (Заколдованный домъ); здѣсь Синецкая превосходна! *Екатерины* (Скопинъ-Шуйскій), *Марины Мнишекъ* (Смерть Ляпунова), *Софьи Витовтовны* (Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ), *Старой Графини* (Хризоманія, изъ повѣсти Пиковая дама); эту трудную роль, причудливой, своенравной, старой барыни Марья Дмитріевна передаетъ неподражаемо: это одна изъ самыхъ блестящихъ ролей, которую она создала въ послѣднее время.

Объяснивъ, въ краткомъ видѣ, труды и заслуги, оказанныя старательною артисткою Московской сцены, не могли мы исчислить всѣхъ ролей, ею игранныхъ; ея репертуаръ безконеченъ, равно какъ и та польза, которую ея талантъ и постоянное вниманіе къ публикѣ, служа для другихъ актрисъ примѣромъ, принесли нашему театру:

Искусство Таліи и чувство Мельпомены
Слились въ ея игрѣ, и нѣжной и живой!
И не забудется въ Москвѣ талантъ родной —
Краса и слава Русской сцены!

Араповъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

КОМЕДІИ:

„НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ,“

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

К. В. Сушкова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ АНАПЦОВЪ.
ГЛАФИРА ПЕТРОВНА МИНСКАЯ.
МИЛЕНА — сестра ея.
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ДЕБРЕЧИНСКІЙ — братъ ихъ.
АНТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ НАПЕРСТИНЪ.
ГРАФИНЯ БОБРУЙСКАЯ.
БАРОНЕСА ФОНЪ-РЕВЕЛЬСКАЯ.
КНЯЗЬ КОСТРОМИЧЕВЪ.
ГРАФЪ ХОЛМОГОРЪ.
ОВЕЧКИНЪ.

Дѣйствіе (въ 1821 г.) въ С.-Петербургѣ, въ домѣ Дебречинскаго.

Мизогинъ и *Мизантропъ* вполнѣ — ненавистникъ женщинъ и ненавистникъ всего рода человѣческаго — не существуютъ въ природѣ. Это — два образца (типа), какъ и всѣ, болѣе или менѣе, образцы, — въ воображеніи мудрецовъ, ученыхъ, художниковъ и писателей. Отдѣльныя, часто основныя, рѣзкія черты Мизогина и Мизантропа встрѣчаются въ людяхъ всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ слоевъ человѣческаго общества; но положительный нравъ того, или другаго въ цѣломъ — не возможенъ. Однакожъ данныя къ развитію той

и другой странности, или — правильнѣе сказать — болѣзни душевной, — подъ рукою у каждаго: обманутая любовь, вѣроломная дружба, неутоленная жажда славы, неудачи въ различныхъ предпріятіяхъ, несправедливость людская, нищета, сиротство, однимъ словомъ: разочарованье — и сердце скорбитъ, ожесточается, дичаетъ; мысли принимаютъ все больше и больше мрачное направленіе; тронь только больную струну — и скопленье желчи разрѣшится выходками на человѣчество или на прекрасный полъ. Единожды проклятіе прогремѣло въ устахъ безумца — и онъ *Мизантропъ*, или *Мизогинъ!* Ожесточенье усиливается упрямствомъ: страдалецъ углубляется, уходитъ — такъ сказать — самъ въ себя! онъ ужь не хочетъ утѣшеній, участіе обидно ему, онъ видитъ въ немъ сухое сожалѣнье; а жалость — убійство для самолюбія! На языкѣ его — всегда ропотъ, упреки, ѣдкая насмѣшка. Онъ мечтаетъ стать выше рока — и впадаетъ въ безвѣріе. Это ужь высшая степень сумасшествія. Только благотворный свѣтъ Евангелія въ силѣ разсѣять мглу, въ которую погружается несчастный. Думаю, что и для большей части умственныхъ недуговъ нѣтъ инаго лекарства. Всякая скорбь легко обратится въ безуміе, если Вѣра, молитва и покорность Святому Промыслу не смягчатъ сердца. Правда, не одинъ духъ, но и природа человѣческая большое имѣетъ вліяніе на душевныя, какъ и тѣлесныя болѣзни наши. — Въ одномъ, напримѣръ: флегматикѣ (хладнокровномъ и вяломъ) — рыбья кровь! въ другомъ, напримѣръ: сангвиникѣ (полнокровномъ и живомъ) — огонь въ крови! Одинъ — крѣпконервный и вмѣстѣ желчный: холерико-сангвиникъ, другой — слабо-нервный и также желчный: холерико-меланхоликъ; оба они раздражительны; но одинъ изъ нихъ — Демокритъ, а другой — Гераклитъ. Тотъ — волнуется или смѣется; этотъ — разнѣживается или плачетъ; а обстоятельства для нихъ однѣ и тѣ же. Что же диковины, если холодный, вмѣстѣ и лѣнивый, иногда, отъ природы, человѣкъ ладитъ съ жизнью, какъ съ другомъ, до могилы?.. Не такъ легко переносить испытанія при полнокровномъ, желчномъ и раздражительномъ тѣлосложеніи. Присоедините къ этому науку черепословія, изслѣдуйте преобладанія зла или добра во врожденныхъ свойствахъ и наклонностяхъ человѣка, — и поставьте любаго холерика, сангвиника, меланхолика, или флегматика въ одинаковое положеніе, счастливое, или несчастливое, — и вы удостовѣритесь, что только совѣсть — всегда ясновидящая! и воля — единственная сила разсудка! только совѣсть и воля могутъ побѣдить природу.

Мысль — написать *Мизогина* и подъ этимъ названьемъ обрисовать *Москвича-Патріота*, доказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и непобѣдимость женской хитрости и не-

возможность — *не любить* мужщинѣ, — зароилась въ моей головѣ еще въ 1820 году. И тогда ужь копышились кое-гдѣ по угламъ хулители всего отечественнаго, превозносители всего иностраннаго. Теперь они извѣстны подъ именемъ *гуманныхъ* поклонниковъ запада. И тогда начинали уже появляться въ обществахъ *львы*, хотя это названье только нынче усвоено каждому отчаянному щеголю, съ бородой, или безъ бороды; каждому разумнику, безъ ума и любезности; всякой невѣжѣ, то скучно-важной, съ воткнутымъ подъ глазъ лорнетомъ, то скучно-вольной, со зловонной цигарой. И тогда зараждались *львицы*, которыхъ называли просто *кокетками*.

Мизогинъ въ моей Комедіи просто — мечтатель, Мизогинъ — въ собственномъ воображеніи: на бѣлòмъ свѣтѣ не рѣдко встрѣчаются люди, которые воображаютъ себя то премудрыми, то загадочными, то великими, то добродѣтельными, то непонятыми, то..... да, правду сказать, всѣ мы воображаемъ себя или лучше, или хуже, чѣмъ, нѣкогда, обнаружитъ насъ гробовая доска!.. Мой Мизогинъ основалъ свои правила и мнѣнія не на опытахъ жизни, а на книгахъ. Стихіи, изъ которыхъ онъ составленъ, — безусловная любовь къ Отечеству; пламенная жажда благородной славы Патріота; пристрастіе къ Москвѣ, какъ душѣ Россіи и мѣсту его образованія; страхъ встрѣтить препятствія къ достиженію своей цѣли въ женщинахъ, которыхъ онъ и ненавидитъ ... *головою*, тогда какъ *сердце* его исполнено силы и огня; наконецъ ребяческое незнанье свѣта, жизни и людей — откуда и всѣ его странности, неловкость, рѣзкость, даже грубость.

Сперва мнѣ хотѣлось испытать свои силы надъ *Метроманіей;* но покуда я боролся съ Пирономъ, Мизогинъ росъ въ моемъ воображеніи; грядущіе львы и львицы все становились мнѣ знакомѣе и знакомѣе; бредни тогдашнихъ *Европейцовъ* все пуще и пуще волновали мою Русскую кровь; пустота разсѣянной жизни большаго, какъ говорится, свѣта, пошлость ребяческаго соперничества двухъ Столицъ, по нынѣшнему *Резиденціи* и Столицы, Петербурга и Москвы, наконецъ современныя странности въ людяхъ и *нечестность* Европейскихъ о многомъ понятій, перенесенныхъ въ Россію, надоѣли мнѣ — двадцати-пяти-лѣтнему юношѣ — и въ 1821 году я написалъ Комедію »*Ненавистникъ женщинъ*«. Благодаря извѣстному всѣмъ, прежде трудившимся для Театра, Ценсору В. И. Соцу, Комедія скоро была одобрена Ценсурою. Мѣсто Кокошкина занялъ Остолоповъ. Мизогинъ принятъ Дирекціею С.-Петербургскихъ Театровъ. Обстоятельства служебныя въ началѣ 1822 года увлекли меня съ Невы на Салгиръ. Въ 1825 году возвращаюсь изъ Крыма въ Столицу —

гдѣ Мизогинъ? . . пропалъ! Цензурованная рукопись не отыскалась въ театральной библіотекѣ. Г. Остолоповъ увезъ ее съ собою въ Астрахань.

Пришлось снова хлопотать о перепискѣ черновой тетради. Въ обществѣ знали о существованіи этой Комедіи — и вотъ, въ блистательномъ кругу просвѣщенныхъ слушателей и слушательницъ, у гостепріимной Графини Л. . . . , она прочтена отъ доски до доски. Никого и такъ не боялся тутъ, какъ Графа Д. Н. Б. Въ то время никто больше его не читалъ на разныхъ языкахъ. Его свѣдѣнія въ Европейской словесности, его тонкій вкусъ, его знанье отечественнаго языка, все являло мнѣ въ немъ истиннаго Аристарха — и признаюсь — я частенько, при чтеніи моемъ, поглядывалъ на него изъ-подъ-тишка, между страхомъ и надеждой. Тутъ, между прочими литераторами, былъ и еще строгій судья — А. С. Шишковъ, который ни разу не поморщился, да, за-то ни разу и не улыбнулся.

Завтра — я рѣшаюсь опять представить мой трудъ въ Цензуру . . . завтра — Петербургъ въ слезахъ! донеслась убійственная вѣсть изъ Таганрога! . . Не до поэзіи — Россія осиротѣла! . .

Вотъ уже 29 лѣтъ, какъ мой бѣдный »Ненавистникъ женщинъ« остается подъ спудомъ; а между тѣмъ мысль принята и онъ ужь явился на сценѣ, очень удачно и мило, водевильнымъ героемъ!

П. С.

1850 г.
Москва.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

АНАПЦОВЪ и НАПЕРСТИНЪ.

Анапцовъ углубленъ въ чтеніе. Столъ, передъ которымъ онъ сидитъ, закиданъ книгами и ландкартами. Съ другой стороны рояль.

НАПЕРСТИНЪ *(входя).*

Позволено-ль войти? *(остановясь)* Вотъ новость! книги, столъ,
Ландкарты и мудрецъ!.. На чтенье я пришолъ?
Учебный кабинетъ — въ Глафиринной пріемной!
(Подходя къ Анапцову).
Простите вы меня, что я прерву нескромно..
(Анапцовъ, обернувшись, бросается къ Наперстину).

ОБА *(обнимаясь).*

Возможно-ль!

НАПЕРСТИНЪ.

Анапцовъ!

АНАПЦОВЪ.

Наперстинъ!

НАПЕРСТИНЪ.

Какъ я радъ!

АНАПЦОВЪ.

Вотъ встрѣча!

НАПЕРСТИНЪ.

Какъ давно пріѣхалъ, мой Пиладъ?
Откуда?

АНАПЦОВЪ.

Изъ Москвы. Ты какъ живешъ?

НАПЕРСТИНЪ.

Я въ службѣ.

АНАПЦОВЪ.

Посвятимъ часъ мѣста старой дружбѣ.

НАПЕРСТИНЪ.

Скажи: какой судьбой пожаловалъ сюда?

АНАПЦОВЪ.

О мѣстѣ хлопотать.

НАПЕРСТИНЪ.

Что наши господа
Студенты? Все ли такъ, какъ было въ Пансіонѣ?

АНАПЦОВЪ.

Все, все по прежнему; всѣ помнятъ объ Антонѣ
Наперстинѣ. Отъ всѣхъ тебѣ привезъ поклонъ.
Да разскажи скорѣй, любезнѣйшій Антонъ,
Всѣ многолѣтнія съ тобою приключенья.

НАПЕРСТИНЪ.

Ты помнишь, какъ въ Москвѣ, окончивъ курсъ ученья,
Въ двѣнадцатомъ году я въ арміи вступилъ;
Въ ней незабвенную войну я прослужилъ,
Увидѣлъ Генриховъ престольный городъ старый —
И, за отличіе, переведенъ въ гусары
Лейбъ-Гвардіи. Теперь я здѣсь почти семь лѣтъ.
Всегда въ большомъ кругу, знакомъ мнѣ цѣлый свѣтъ.
И, право, не видалъ, какъ пролетѣло время!
А служба наша мнѣ военная — не бремя:
Ученье по утру — и правъ на цѣлый день.
Изъ Царскаго Села, въ куне, когда не лѣнь,
Скачу то въ Петергофъ, то въ городъ, а отсюда
По дачамъ, островамъ, въ Мурзинку * и оттуда
Я лѣтомъ въ Пулково, по кочкамъ, по мостамъ:
Закутаюсь въ шинель — плѣнительнымъ мечтамъ
Предавшись . . . по-просту: храпню во всю дорогу;
А поутру — готовъ ко смо́тру, слава Богу!
И зиму провожу, я здѣсь, почти что такъ:
Ночь въ обществѣ, а день лѣнюсь, курю табакъ;
Въ манежѣ по утру; а вечеромъ на балѣ;
То шпоры на смотру̀ — бижу, то глазки въ залѣ —
Мими, или Тата, Додо, или Катинъ.

АНАПЦОВЪ.

И ты не по-людски — какъ слышу — говоришь?

---

* Петербургцы знаютъ Мурзинку, какъ лѣтнее мѣстопребываніе Нестора Дипломатическаго въ Петербургѣ круга, Дюка Серра-Капріоллы, умершаго въ 1822.

НАПЕРСТИНЪ.

Вотъ видишь, каково не знать большаго свѣта
И на людей смотрѣть кротомъ изъ кабинета.
Твой греческій языкъ и вся твоя латынь
Предъ нашимъ языкомъ затѣйливымъ — хоть кинь!
Въ хорошемъ здѣсь кругу, съ ученостью твоею,
Ты шутомъ прослывешь.

АНАПЦОВЪ.

За то, что не умѣю
Такую дичь нести! поди себѣ — пойми:
Каску, Тата, Додо, Питашка, да Мими —
Затѣйливый языкъ!

НАПЕРСТИНЪ.

И вотъ онъ въ переводѣ.
Мы новый лексиконъ составили по модѣ.
Касъ-ку — кабріолетъ; карета, иль ландо —
Куне; Питашка — Петръ; а Душюшка — Додо.
Милена. . .

АНАПЦОВЪ.

По-просту: Маланья.

НАПЕРСТИНЪ.

Только, милый,
Ты долженъ здѣсь теперь употребить всѣ силы —

АНАПЦОВЪ.

На что?

НАПЕРСТИНЪ.

Да надобно-жь съ людьми по-людски быть.
Ну, можно-ль, посуди, такъ тяжело ходить?
Такъ пасмурно глядѣть? . . садиться неуклюжо!
Ты всё, какъ ученикъ, тетрадокъ съ кипой дюжой!
Смотри, какъ я войду: тутъ шаркну, здѣсь кивну,
Той звякну шпорами, на ту мелькомъ взгляну,
Тому, взявъ за руку, промолвлю два-три слова;
Улыбка же ко всѣмъ и каждому готова.
Хозяйка ласково — присѣсть, даетъ мнѣ знакъ.
Спускаюсь на козёзъ. . . О! прямъ, какъ шестъ! не такъ!
Небрежно развались. . . вотъ такъ — чего простѣе?
Безъ принужденія, старайся быть вольнѣе,
Развязнѣе; гляди на всѣхъ ты веселѣй,
Шути, разсказывай, съ прикрасами, смѣлѣй,
И словомъ: будь вездѣ — какъ дома.

АНАПЦОВЪ.

Все прекрасно.

Да отъ чего, скажи, любитель свѣта страстной!
Я въ десять дней тебя нигдѣ не повстрѣчалъ?
А я во всѣхъ полкахъ пріятеля искалъ.

НАПЕРСТИНЪ.

Я здѣсь почти всегда; да эти дни — на чудо —
Я дома просидѣлъ, за кашлемъ.

АНАПЦОВЪ.

Это худо.

НАПЕРСТИНЪ.

Теперь-же пустимся по всѣмъ мы вечерамъ.
Ты только не дичись. Всѣ будутъ рады намъ.
Здѣсь весело живутъ.

АНАПЦОВЪ.

Благодарю за дружбу.
Но я отечеству, начавъ, какъ должно, службу,
Усердный гражданинъ, полезнымъ быть хочу.
Быть можетъ: нѣкогда, сверша. .

НАПЕРСТИНЪ.

Я хохочу!
Такъ, ты еще своихъ мечтаній не оставилъ?
И думаешь —

АНАПЦОВЪ.

Своихъ я не покину правилъ.
Мы всѣ отечеству по смерть служить должны.
И мы не для того, конечно, созданы,
Чтобъ, суетно всегда желая наслажденій,
Ничтожныхъ, чувственныхъ, свой подавляли геній. . .
Тотъ геній, въ комъ горитъ, пылаетъ сильно кровь
Любовью къ родинѣ! священная любовь
И съ ней развитыя ученьемъ дарованья,
Да нравы строгіе, да жизнь безъ нареканья —
Вотъ патріоту всѣ права, уставъ, законъ.
Нѣтъ нужды, чей онъ сынъ? въ безвѣстности-ль рожденъ,
Иль въ знатности своей гордится древнимъ родомъ. . . .

НАПЕРСТИНЪ *(впадая въ его голосъ).*

А все же можетъ быть порядочнымъ уродомъ!

АНАПЦОВЪ *(не слушая его).*

Будь благородныхъ чувствъ полна душа его:
Богатство, почести, порода —

НАПЕРСТИНЪ *(насмѣшливо).*

Ничего ? ! ! . *(захохотавъ)*

О, благородный духъ! о, Графъ! о, Князь! Свѣтлѣйшій!
О, вѣка нашего Ликургъ, Солонъ мудрѣйшій!
Не знаю, право, я: какъ васъ и величать ?

АНАПЦОВЪ.

Ты будешь тутъ свой умъ напрасно истощать,
А къ правиламъ твоимъ я, вѣрно, не пристану,
И шаркать, да болтать нелѣпицы не стану,
Чтобъ щеголихъ плѣнять у васъ въ кругу большомъ.
Прославиться хочу я службой предъ лицемъ
Царя, отечества, въ глазахъ потомства, свѣта. .

НАПЕРСТИНЪ

И вѣкъ изъ своего не выйти кабинета,
Зарывшися въ архивъ указовъ, ябедъ, правъ!
Эхъ, милый! посмотри, Министръ, поработавъ
По утру, — вечеромъ конечно ужъ въ бесѣдѣ.
А иногда еще на холостомъ обѣдѣ.
А тутъ шампанское. . .

АНАПЦОВЪ.

Да пить я не люблю!

НАПЕРСТИНЪ.

Есть карты, билліардъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Игры я не терплю!
А впрочемъ, что за-вздоръ! мы такъ давно знакомы,
Что мысли, правила, привычки, всѣ пріёмы,
Мой нравъ и странности — тебѣ не узнавать.
И такъ, прошу тебя. . .

НАПЕРСТИНЪ.

Да могъ я ожидать,
Что, черезъ столько лѣтъ, мой другъ перемѣнился,
Какъ должно сталъ смотрѣть на вещи, изцѣлился
Отъ предразсудковъ.

АНАПЦОВЪ.

Нѣтъ! нѣтъ, милый! не бывать!
Знать съ предразсудками ужъ мнѣ и умирать.

НАПЕРСТИНЪ.

Я радъ хоть одному и съ восхищеньемъ вижу,
Что . . . кажется . . . теперь . . . ты женщинъ —

АНАПЦОВЪ.

Ненавижу!

Какъ прежде говорилъ, такъ и теперь скажу,
Что въ нихъ весь вредъ, все зло, всю гибель нахожу!
Онѣ на муку намъ отъ самаго рожденья!
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, онѣ, безъ исключенья,
Всѣ. . .

НАПЕРСТИНЪ.

Погоди! позволь замѣтить, что съ тѣхъ поръ
Бывали женщины примѣрныя!

АНАПЦОВЪ

Все вздоръ!
Морочили людей, обманщицы! хитрили!

НАПЕРСТИНЪ.

И за носъ мудрецовъ во всѣхъ вѣкахъ водили?

АНАПЦОВЪ.

Къ несчастію! раскрой исторію: что бѣдъ,
Что зла отъ этихъ Евъ произошло на свѣтъ!
Периклъ, Аѳинянъ честь! мужъ, доблестьми прекрасной!
Когда бы не любилъ Асиазіи опасной,
Ни чѣмъ бы не затмилъ и славы онъ своей;
Но за безбожную, въ слезахъ, молилъ Судей!
А твой Алкивіадъ, во вѣки непонятный:
То добродѣтельный и твердый, то развратный!
Кто страсти низкія въ душѣ его родилъ?
Кто пагубныя въ немъ наклонности развилъ?
Кто? — Женщины! Безъ нихъ, — духъ пылкій! умъ высокой!
Алмазомъ бы сіялъ онъ въ древности глубокой.
А Македонскій Царь? завоевавъ Востокъ —
Въ цѣпяхъ прелестницы, растлѣнный, изнемогъ!
А древній Геркулесъ, — Атлетъ благословенный!
Въ объятіяхъ жены, коварствомъ уловленный,
Гроза противниковъ! любовью усыпленъ —
И силы и волосъ чудесныхъ вдругъ лишенъ! . .
О, женскій родъ! . .

НАПЕРСТИНЪ.

Умѣръ свой гнѣвъ несправедливый.
Кто женщинъ не любилъ? и гдѣ же тотъ счастливый,
Который бы безъ нихъ спокойно прожилъ вѣкъ?

АНАПЦОВЪ.

Я — вѣрь ты мнѣ! Я — тотъ счастливый человѣкъ.

НАПЕРСТИНЪ.

Однакожъ и Сократъ, и твой мудрецъ любимый,
Онъ ихъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Терпѣлъ — какъ зло . . . какъ ядъ необходимый.

НАПЕРСТИНЪ.

Необходимы же? хоть въ этомъ спору нѣтъ!
Признайся-жъ, что безъ нихъ скучненекъ былъ бы свѣтъ!
И счастья въ жизни мы не вѣдали-бъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Пустое!
Мы были бъ счастливѣй, покрайнѣй мѣрѣ, втрое.

НАПЕРСТИНЪ.

Нѣтъ, женщины! безъ васъ я не хотѣлъ бы жить
Рожденные отъ васъ — мы васъ должны любить,
Хоть — правда — рѣдкимъ вы мужчиной не играли!
Не вы ли первое намъ воспитанье дали?
Не всѣ-ль понятія, всѣ чувства съ дѣтства въ насъ,
Всѣ впечатлѣнія начальныя отъ васъ?
И пусть мой другъ кричитъ: отъ васъ погибла Троя!
Да вы же, я скажу, награда, цѣль героя,
Артиста, генія, поэта!

АНАПЦОВЪ.

Экой бредъ!
Убійцы генія! виновницы всѣхъ бѣдъ
Питомца пылкаго причудливой природы!
Опутанный сѣтьми, онъ молодые годы
Проводитъ въ праздности; потухъ небесный жаръ
Любви къ безсмертію! забытъ врожденный даръ
И генія печать, которой Провидѣнье
Любимца отличить судило при рожденьѣ!
Въ прельщеніяхъ любви онъ губитъ каждый день —
И дороги ему его покой, да лѣнь. . .
Нѣтъ! я обрекъ себя отчизнѣ! не зарою
Я свой талантъ! служить! служить ей всей душою —
И женщинъ убѣгать, какъ язвы, до конца!
И ненавидѣть ихъ! .

НАПЕРСТИНЪ.

Посмотримъ мудреца.

АНАПЦОВЪ.

Есть женщина душой люблю! . .

НАПЕРСТИНЪ.

И это?

АНАПЦОВЪ.

Слава!

НАПЕРСТИНЪ.

Любовница твоя куда подъ часъ лукава!
Нерѣдко видимъ мы, что слава — пуфъ! молва!
Иной слыветъ, что въ немъ набита голова
Умомъ — да все чужимъ, а самъ — дуракъ набитый!
Иной въ такой чести — онъ вопитъ знаменитый;
Но выстрѣлъ — посмотри! храбрецъ дрожитъ, какъ листъ.
Иной — въ Судѣ: такъ строгъ, такъ справедливъ и чистъ!
Въ передней — никого; просить его — обидишь;
А съ задняго крыльца *ходатаевъ* увидишь.
Да что намъ до того. Какъ это согласить:
И женщинъ убѣгать — и съ женщиною быть?
Подумай самъ: гдѣ ты? въ палатахъ у Арминды,
Цирцеи при дворѣ, иль въ капищѣ Киприды?
Да - полно знаешь ли богиню - то свою?
Я прозакладывать радъ голову мою,
Что скажешь ты тотчасъ: хозяйка здѣсь колдовка! . .
Нѣтъ мужа у нее, однакоже плутовка
Ни чуть не дѣвушка! и не вдова она.

АНАПЦОВЪ.

Такъ кто же!

НАПЕРСТИНЪ.

Угадай! . . разводная жена.
За то ужъ какъ мила! любезная вертушка!
Ей шутка — полюбить; и разлюбить — игрушка!
Ты на бѣду свою къ ней переѣхалъ въ домъ!
Не устоять тебѣ холоднымъ бирюкомъ!
Глафира такъ хитра, ловка и осторожна,
Что всякая, божусь, побѣда ей возможна.

АНАПЦОВЪ.

Напрасно! я отнюдь не у нее живу.
Я и не зналъ объ ней, какъ покидалъ Москву.
А къ Дебречинскому меня отецъ отправилъ,
Чтобъ, чрезъ знакомыхъ, онъ мнѣ должность здѣсь доставилъ,
За что тотчасъ взялся ея почтенный братъ,
По дружбѣ къ батюшкѣ.

НАПЕРСТИНЪ.

И бьюся объ закладъ,
Что помѣстить тебя къ Маркизу онъ трудится.
Но у него тебѣ добру не научиться.
Да и у многихъ баръ — какъ говорили встарь —

Узнаешь, что у нихъ все знаетъ Секретарь.
Однакожъ не тужи объ этомъ, мой любезный!
Я дамъ тебѣ совѣтъ, не новый, да полезный,
Какъ въ люди выходить и пробиваться въ знать.
Вотъ средства легкія, вѣрнѣе не сыскать:
Не дѣлавъ ничего — кричи повсюду смѣло,
Что времени тебѣ не достаетъ на дѣло!
Съ поклонами спѣша къ вельможамъ по утрамъ —
Всѣмъ чувствовать давай, что позванъ по дѣламъ.
Ласкай и одолжай, кого у нихъ ни встрѣтишь;
Брани, кого бранятъ; хвали, кого замѣтишь,
Ласкаютъ. Прослыви *открытою душой!*
Въ тѣснѣйшей дружбѣ будь и съ дальней ихъ роднёй.
Будь третьимъ въ вистѣ ихъ, хоть пятымъ съ знатоками,
Хоть за болвана будь — лишь бы сидѣть съ тузами! .
Не худо бы примкнуть ихъ дочекъ къ женихамъ.
Будь рыцаремъ ихъ женъ, и вейся къ сыновьямъ,
Услуги всякаго оказывая роду.
Смотри вѣрнѣй на флагъ и замѣчай погоду:
Точнѣе наблюдай, ты, свѣтскій барометръ —
И самъ клонись туда, куда подуетъ вѣтръ.
Такъ скоро будешь ты и знатенъ и извѣстенъ.

АНАПЦОВЪ.

Ай, ай! да какъ же ты испортился, Наперстинъ!
Не смѣйся! Я тебя не узнаю отнюдь! . .
Къ чему такая злость? лишь бы умомъ блеснуть —
Такъ, вѣрно, никому не будетъ ужъ пощады!
И вотъ — у васъ въ кругу отличномъ — всѣ вы рады
Другъ друга раздирать, злословить цѣлый свѣтъ! . .
Побереги, Антонъ, другимъ такой совѣтъ
И кончимъ разговоръ, такъ многимъ непріятной.

НАПЕРСТИНЪ.

Ты правъ. Теперь скажи: Глафира — вѣроятно —
Порядочно тебя узнала въ десять дней?

АНАПЦОВЪ.

Безъ всѣхъ обиняковъ, уловокъ и затѣй,
На шуточки твоей Глафиры: »что, конечно,
»Мнѣ скучно будетъ здѣсь, любя Москву сердечно,
»Гдѣ, вѣрно, обо мнѣ какой - нибудь предметъ
»Тоскуетъ?« заявилъ я тутъ же ей въ отвѣтъ:
Что въ жизнь я не имѣлъ предмета въ цѣломъ мірѣ;

Что тридцать лѣтъ почти проживъ съ страстями въ мирѣ,
Пріѣхалъ я сюда, не по Москвѣ вздыхать,
А службу должную отечеству начать;
Что я всегда любилъ занятія, науки. . .

НАПЕРСТИНЪ.

Довольно! Приберетъ тебя Глафира въ руки. . .
Я здѣсь ужъ чувствую ученый духъ! . . когда
Здѣсь было столько книгъ? Бывали иногда
Валерія, Сбогаръ, разумница — Корина,
Матильда — скромница, иль Вертеръ, иль Мальвина;
Альбомъ какой - нибудь, стишки Карамзина,
Людмилла и Русланъ, да Модная жена,
И, для Мелетскаго романсовъ, Каченовскій *.
Недавно положенъ на туалетъ Жуковскій
И нѣжный Батюшковъ и фабулистъ Крыловъ.
Теперь: Кювье и Дантъ и Локкъ! . . ба! Мераляковъ:
Разборъ Димитрія, Эдипа, Россіады!
Прелестно: Гнѣдича двѣ пѣсни Иліады!
Два Русскихъ Пиндара! романы жъ — подъ столомъ!
На! весь Карамзина разрѣзанъ первый томъ
Исторіи! . . Ну, братъ! тебѣ не отыграться!
Глафира знала, какъ за умника приняться —
И выбьетъ школьную твою и дурь и спѣсь
Клинъ клиномъ.

АНАПЦОВЪ.

Вздоръ! ея читая книги здѣсь,
Я отъ того еще Глафирой не плѣнился!
Да я ужъ не любитъ всѣхъ женщинъ побожился.

НАПЕРСТИНЪ.

Увидимъ — не божись. Теперь, конечно такъ,
Почти не сыщется нигдѣ такой чудакъ,
Который бы всегда вздыхалъ, прельщался явно
Красавицей своей. Смѣшно и не забавно
Такою страшностью насмѣшницъ веселить,
И послѣ, за труды, всего обидней, быть
У нихъ же на счету: *старинной волокитой!* . .
Не должно никогда ухаживать открыто
За женщиной, хотябъ влюбленъ и страстно былъ.
Вотъ я, я такъ давно жестокимъ здѣсь прослылъ,

---

* Вѣстникъ Европы, изд. Каченовскимъ, гдѣ помѣщались пѣсни и романсы Нелединскаго - Мелетскаго.

Хотя — передъ тобой не стану я таиться —
Какъ другу старому хочу тебѣ открыться. . .
Подумай самъ — и я — вотъ какъ любовь сильна! . .
Милена такъ мила, разумна и скромна,
Что съ ней я самъ не свой! и

АНАПЦОВЪ.

И тебѣ не стыдно!
Мнѣ, право, на тебя ни мало не завидно!

НАПЕРСТИНЪ.

Подумай: какъ она невинна и добра!

АНАПЦОВЪ.

Еще бы Институтъ покинула вчера —
И свѣтской женщины казалась не простѣе!
Аспазіи самой она была бы злѣе,
Когда бъ въ два мѣсяца не такова была!

НАПЕРСТИНЪ.

Я признаюсь: она съ ума меня свела
Своей веселостью и дѣтской простотою
И откровенностью! . . Разъ, шуткой, стороною,
Недѣли двѣ назадъ, пробывъ весь день съ утра
Здѣсь въ домѣ, намекнулъ я Мнской, что сестра
Ея прекрасная мнѣ голову вскружила —
И . . . если бы она меня благословила
Въ Миленѣ поискать . . . то жизнію своей
Готовъ пожертвовать — лишь бы мнѣ только ей
Поправиться! . . и чтожъ? Глафира позволенье,
Съ улыбкой Ангельской. . . .

АНАПЦОВЪ.

Какое восхищенье!

НАПЕРСТИНЪ.

Смѣешься? . . этого ни въ жизнь я не прощу.
Со злости — на тебя всѣхъ женщинъ напущу!
Забудешь, Мизогинъ! съ твоей *женоболзнью*
Трупить. .

АНАПЦОВЪ *(перебивая).*

Да это мнѣ ужь просто будетъ казнью!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ГЛАФИРА и АНАПЦОВЪ.

АНАПЦОВЪ.

О чёмъ - то говорить —
Мнѣ братецъ вашъ сказалъ — со мною вы желали.

ГЛАФИРА.

Хотѣла показать вамъ книжку. *(подавая).* Не читали?

АНАПЦОВЪ.

Позвольте: *(читаетъ заглавіе)* »Правила для молодыхъ людей
»И старика - отца замѣтки для дѣтей.«
Печатано въ Москвѣ. Нѣтъ: не читалъ *(отдаетъ книгу).*

ГЛАФИРА.

Прочтите!
Тутъ много дѣльнаго.

АНАПЦОВЪ.

Я очень радъ. Ссудите!

ГЛАФИРА *(перебирая листы).*

Вотъ первое письмо; въ немъ говоритъ отецъ,
Что въ свѣтѣ главное — познаніе сердецъ:
Умѣнье жить съ людьми — претрудная наука!
Людская же любовь — намъ въ счастіи порука.
Но чтобы въ обществѣ вниманье заслужить,
Умѣйте, съ нѣжностью, порокамъ снисходить
И слабостямъ прощать, стараясь, сколько можно,
Вести себя вездѣ учтиво, осторожно,
По силѣ каждаго ласкать и одолжать
И откровенности себѣ не позволять
Отнюдь при тѣхъ, о комъ мы думаемъ дурное. .
Мнѣ кажется и вамъ не худо бы иное
Замѣтить. Вы теперь вступили только въ свѣтъ.
У васъ большихъ связей еще, конечно, нѣтъ?
Вы сами правила должны себѣ составить:
Какъ быть съ людьми, чтобъ всѣхъ любить себя заставить;
Вамъ надо наживать друзей, а не вражду.
А съ вашей пылкостью легко попасть въ бѣду!.

Бываютъ въ обществѣ и споры и сужденья. . .
Безъ шума, безъ обидъ . . . какъ ссориться за мнѣнья?
Вы службы ищете; какъ можно вамъ служить
При вашей пылкости! . . .

АНАПЦОВЪ.

Что-жъ? подлецомъ мнѣ быть?

ГЛАФИРА.

И! нѣтъ. Но давича — признайтесь откровенно —
Что стоило сказать вамъ женщинѣ почтенной,
Что — словно подлинникъ — хорошъ ея портретъ —
И схожъ и живо онъ написанъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Если-жъ нѣтъ?

ГЛАФИРА.

Пусть нѣтъ! Да ей отъ васъ была бы это ласка.

АНАПЦОВЪ.

Насмѣшка!

ГЛАФИРА.

По чему?

АНАПЦОВЪ.

Обида, бредни, сказка.

ГЛАФИРА.

Вашъ судъ она сочла-бъ за правду.

АНАПЦОВЪ.

Чудный свѣтъ!
Ложь — правда! правда — ложь!

ГЛАФИРА.

Себѣ же этимъ вредъ
Вы сдѣлали.

АНАПЦОВЪ.

Ни чуть!

ГЛАФИРА.

Вамъ не служить при мужѣ.
Не станетъ хлопотать теперь за васъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Тѣмъ хуже!
Тѣмъ хуже для нее! я радъ душою всей,
Что благодарности имѣть не долженъ къ ней.
Вотъ — женщины! вы всѣ одна другой подобны!
Вы всѣ, до времени, и милы и не злобны;
Но самолюбіе задѣнь лишь-только въ васъ —
Личина падаетъ — и видишь въ тотъ же часъ

Одно тщеславіе! предъ нимъ всё въ мірѣ мало!
Оно всѣхъ вашихъ дѣлъ причина и начало,
Оно у васъ въ виду; оно всему конецъ;
Тщеславіе у васъ — и доброта сердецъ
И помощь бѣдному и грустнымъ состраданье;
Тщеславіе у васъ — добро, благодѣянье;
Тщеславіе у васъ — и дружба и любовь!
Имъ дышете, оно въ васъ движетъ души, кровь!

ГЛАФИРА.

Не стану защищать отнюдь свой полъ напрасно.

АНАПЦОВЪ.

Не станете?

ГЛАФИРА.

Никакъ.

АНАПЦОВЪ.

Похвально и прекрасно!
И дѣльно вздумали! къ чему слова терять?

ГЛАФИРА.

А вамъ же я совѣть еще хочу подать:
Остерегайтеся вы женщину обидѣть.
Когда имѣете причину ненавидѣть,
Вы, женщинъ, — къ нимъ вражду въ душѣ питать вольны;
А признаваться въ томъ никакъ имъ не должны.
Онѣ злопамятны, чрезъ чуръ самолюбивы,
Ужасно мстительны; но хитры, молчаливы,
И часто сердце ихъ не лучше головы,
Всегда превѣтренной! . . . .

АНАПЦОВЪ.

Ужъ женщина ли вы?

ГЛАФИРА.

Вы удивляетесь?

АНАПЦОВЪ.

Премудрое сужденье!

ГЛАФИРА.

Я безъ пристрастія.

АНАПЦОВЪ.

А я въ недоумѣньѣ!

ГЛАФИРА.

Я въ спорѣ личности, упрямства не люблю.

АНАПЦОВЪ.

Я безпристрастіе и въ женщинѣ хвалю.

ГЛАФИРА.

Давайте жъ разсуждать открытою душою.
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, мы въ ссорѣ межъ собою:
Мужчины насъ бранятъ; а мы мужчинъ бранимъ;
Кто виноватъ? кто правъ? мы съ вами не рѣшимъ.
Два пола, межъ собой хоть ссорься, хоть мирися,
Другъ безъ друга никакъ не могутъ обойтися.
Но знаете ли что? повѣрите ли мнѣ,
Что правила у васъ со мной почти однѣ?
Вы ненавидите нашъ женскій полъ, несчастный;
А я? о! для меня мужчины всѣ ужасны!

АНАПЦОВЪ.

Не уже ли? какъ я васъ — женщинъ не люблю.

ГЛАФИРА.

Я столько же мужчинъ, повѣрьте, не терплю.
Съ той разницей, что я ихъ прежде обожала!
Я только не изъ книгъ, изъ опыта узнала,
Что лучше было бы ихъ вовся и не знать,
Не только - что любить; о, нѣтъ! бѣжать, бѣжать
На край земли отъ нихъ! Всѣ, всѣ они коварны,
Всѣ, всѣ измѣнники, и всѣ неблагодарны!
Мужчины! я страшусь и ненавижу васъ!
Рабы, когда поймать желаете вы насъ:
Добры, внимательны, послушны, боязливы,
Въ неволѣ кажетесь неволею счастливы!
Не смѣете имѣть и мысли вы своей!
И притворяяся младенца не хитрѣй —
Вы, замѣчая все, слова, улыбки, взгляды,
Въ угодность женщины, хоть умереть, такъ рады!
Тираны гордые, когда полюбишь васъ!
Личина падаетъ — и видишь въ тотъ же часъ
Одно тщеславіе! предъ нимъ все въ мірѣ мало!
Оно всѣхъ вашихъ дѣлъ причина и начало!
Оно у васъ въ виду, оно всему конецъ!
Тщеславіе у васъ — и доброта сердецъ:
И помощь бѣдному, и грустнымъ состраданье;
Тщеславіе у васъ — добро, благодѣянье!
Тщеславіе у васъ — и дружба и любовь!
Имъ дышете, оно въ васъ движетъ души, кровь!

АНАПЦОВЪ.

Да, вы, мои слова, какъ слышу, повторили!

ГЛАФИРА.

Быть можетъ; только вы того не говорили,
Что говорила я и что могла - бъ сказать.
Да лучше, думаю, о прочемъ помолчать.
Что любопытнаго для васъ въ моемъ несчастьѣ?
А если - бъ и могло родиться въ васъ участье,
То и тогда могу - ль надѣяться на васъ?
За вашу скромность мнѣ кто. . .

АНАПЦОВЪ

Съ дѣтства учатъ насъ
(Указывая на сердце)
Чужія тайны тутъ хранить. . .

ГЛАФИРА.

Такъ вы хотите,
Чтобъ разсказала вамъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Пожалуй, говорите!

ГЛАФИРА.

На берегахъ Днѣпра, гдѣ мать моя жила,
Я дѣтство милое въ деревнѣ провела.
Четырнадцати лѣтъ, невинная душою
И сердцемъ пылкая и порохъ головою,
Должна была себя тому на вѣкъ отдать,
Кто не умѣлъ меня, къ несчастью, понимать! .
Скучая ласками и нѣжностью моею,
Онъ убивалъ меня холодностью своею!
Такъ важенъ и угрюмъ со мною былъ всегда!
На третій годъ мой мужъ привезъ меня сюда.
Проживши лучшія свои въ деревнѣ лѣта,
Вотъ я — въ большомъ кругу, въ шуму и вихрѣ свѣта,
Всегда въ разсѣяньи! не проходило дня
Безъ удовольствія! все ново для меня:
Толпа вздыхателей; Нарцисовъ увиванье;
И старыхъ волокитъ то ревность, то вниманье;
И зависть дѣвушекъ и женщинъ молодыхъ;
Досада матушекъ и брань за дочекъ ихъ, —
Все — признаюсь — меня въ то время утѣшало!
Я молода была. Ужь меньше огорчало
И равнодушіе отъ мужа моего.
Какъ брата, какъ отца любила я его. . .

Насытясь наконецъ веселостями свѣта,
Безъ цѣли, для души не повстрѣчавъ предмета,
Мнѣ опротивѣлъ свѣтъ! Вотъ друга для себя
Въ толпѣ мужчинъ искать пустилась жадно я.
И вотъ, одинъ изъ нихъ, наружности пріятной,
Любезнаго ума, но хитрый и развратной!
Легко успѣлъ меня такъ здѣсь очадить! . .
Я думала тогда, что можно полюбить —
И быть невинною; но я мужчинъ не знала. . .
Я чувствъ къ нему своихъ въ то время не скрывала,
Всю душу я ему открыла — ахъ! злодѣй!
Онъ гибели хотѣлъ единственно моей! . .
По счастью, во время еще остановилась.
Въ раскаяньи, съ стыдомъ, я къ мужу обратилась;
Напрасно! . . хитрый мужъ! . . онъ не любилъ меня!
Онъ ждалъ лишь случая, чтобъ нагло обвиня,
Разстаться навсегда съ несчастною женою
И ускакать въ Парижъ съ извѣстною вдовою.
Онъ до женитьбы съ ней въ Одессѣ связь имѣлъ.
Теперь — я слышала — женатъ, ужъ съ годъ.

АНАПЦОВЪ.

Пострѣлъ!

(Глафира продолжительно вздыхаетъ. Молчаніе.)

ГЛАФИРА.

Мужчины! . . ахъ! какъ вы коварствомъ мнѣ ужасны!
А мы, несчастныя!

АНАПЦОВЪ.

Конечно — вы — несчастны!

(Глафира закрываетъ глаза платкомъ. Молчаніе)

Вы плачете?

ГЛАФИРА.

Нѣтъ! . . я . . . не смѣйтесь надо мной!
Воспоминаніе . . . да . . . плачу! Боже мой! . .
Ахъ! . . Ахъ! . .

АНАПЦОВЪ.

Что съ вами?

ГЛАФИРА.

Такъ — мнѣ дурно — спазмы — нервы.

АНАПЦОВЪ.

Я кликну дѣвушку.

ГЛАФИРА.

Не надобно . . . Вы — первый,

(рыдая)

Которому мои страданія, съ тѣхъ поръ. . .

АНАПЦОВЪ.

Оставьте этотъ вамъ прискорбный разговоръ. . .

ГЛАФИРА *(задыхаясь).*

Ахъ! . . Бога ради! . . тамъ — есть стклянка — потрудитесь!

(въ сторону)

Онъ очень добръ и милъ!

АНАПЦОВЪ *(подавая).*

Вы спиртомъ освѣжитесь.

ГЛАФИРА *(взявъ).*

Другая тамъ была — *(онъ подаетъ другую)* какъ мнѣ стѣснило грудь!

(развязываетъ на себѣ пелеринку)

Мнѣ душно! *(машется опахаломъ; потомъ, откупоривъ стклянку, отдаетъ Анапцову — и указывая на голову)*

Вотъ сюда . . . вотъ такъ . . . еще чуть-чуть. . .

Смотрите, какъ горятъ виски . . . затылокъ . . . темя . . . *(онъ, по словамъ, чуть-дотрогивается, съ острасткой и оглядываясь безпокойно на всѣ стороны; она улыбается, и отдавая одну стклянку:)*

Прошу!

АНАПЦОВЪ.

На тотъ же столъ?

(Глафира отвѣчаетъ головою. Онъ отходитъ.)

ГЛАФИРА *(въ сторону).*

Терять не надо время!

(Въ слухъ.)

Мнѣ, право, совѣстно. . .

АНАПЦОВЪ.

Что нужно вамъ!

ГЛАФИРА *(подавая руку).*

Слегка

Потрите спиртомъ пульсъ.

АНАПЦОВЪ.

Какъ лёдъ у васъ рука!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ГЛАФИРА, АНАПЦОВЪ и ОВЕЧКИНЪ.

(При входѣ послѣдняго Анапцовъ, смѣшавшись, покидаетъ руку Глафиры и отходитъ угрюмо въ сторону.)

ГЛАФИРА.

Ну что? Овечкинъ мой!

ОВЕЧКИНЪ.

Отвѣтъ такой, какъ надо,
Маркизъ прислалъ.

ГЛАФИРА.

Прислалъ? подайте! какъ я рада!

ОВЕЧКИНЪ.

Нѣтъ-съ, даромъ не отдамъ! вы ручку дать впередъ
Подателю должны. *(Она даетъ ему руку. Онъ цѣлуетъ.)*
Вотъ это такъ!

АНАПЦОВЪ *(въ сторону).*

Уродъ!

ОВЕЧКИНЪ.

Вы капли красныя, я слышу, принимали?

ГЛАФИРА *(оторвала отъ записки то, что сама писала къ Маркизу и бросила; а отвѣтъ его отдаетъ Анапцову)*

Маркизъ исполнилъ все, чего мы пожелали.

ОВЕЧКИНЪ.

Вы — вѣрно — плакали?

ГЛАФИРА.

И! нѣтъ!

ОВЕЧКИНЪ.

Вы грустны?

ГЛАФИРА.

Вотъ!

ОВЕЧКИНЪ.

Такъ чѣмъ нибудь больны?

ГЛАФИРА.

Ахъ! какъ онъ пристаётъ!
Отстаньте отъ меня; а лучше вы подите
И брату о письмѣ Маркизовомъ скажите.

ЯВЛЕНІЕ 6.

АНАПЦОВЪ и ГЛАФИРА.

ГЛАФИРА.

Мнѣ кажется, что вы не очень-то письму
Обрадовались?

АНАПЦОВЪ.

Нѣтъ-съ! я очень радъ ему —
И благодаренъ вамъ; да . . . только. . .

ГЛАФИРА.

Что жъ — такое?

АНАПЦОВЪ *(значительно)*.

Мы говоримъ — одно; а дѣлаемъ — другое. . .

ГЛАФИРА.

Не понимаю васъ! Маркизъ. . .

АНАПЦОВЪ.

Охъ! не Маркизъ!
А . . . не могу смолчать . . . вы только-что клялись
Къ мужчинамъ во враждѣ; а ваше обращенье
Наводитъ въ истинѣ мнѣ вашихъ словъ сомнѣнье.
Овечкинъ этотъ вамъ такъ — кажется — знакомъ!
Такъ преданъ! и ему такой отъ васъ пріемъ!

ГЛАФИРА *(захохотавъ)*.

Ну, дѣло вздумали! онъ хоть кому опасенъ!
Такъ молодъ и уменъ! такъ ловокъ и прекрасенъ!
И полно! грѣхъ объ немъ подумать и шутя!
Онъ буфъ у насъ въ кругу, онъ старое дитя,
Которое меня смѣшитъ и забавляетъ.
Всеобщій Селадонъ, по всѣхъ грустить, вздыхаетъ —
И всѣ старается разжалобить сердца.

ЯВЛЕНІЕ 7.

ПРЕЖИПЕ и МИЛЕНА.

МИЛЕНА.

Сестрица — душенька! ландо ужъ у крыльца.
Изъ саду вамъ къ Корбьё заѣхать также надо:
Вашъ токъ готовъ; а тамъ къ Брабанту за помадой.

ГЛАФИРА.

Тотчасъ, мой другъ! мнѣ шаль, да шляпку только взять.

МИЛЕНА *(Анапцову, подавая книгу).*

А вы извольте здѣсь покуда почитать.

ЯВЛЕНІЕ 8.

АНАПЦОВЪ *(подымая записку).*

Я — кажется — могу прочесть записку смѣло? .
Тутъ нѣтъ нескромности? . . Тутъ обо мнѣ все дѣло. *(Читаетъ)*

Маркизъ, конечно, не забылъ
Глафиры просьбу и желанье?
Два раза братецъ приходилъ
Напомнить *другу* обѣщанье;
Но вѣрный сынъ Фемиды былъ
Еще въ объятіяхъ Морфея.
Теперь прошу: чрезъ *Сижизбея*
Прислать отвѣтъ пріятный намъ.
За Анапцова я — порука.
Вотъ аттестатъ: онъ весь — наука!
Не любитъ ѣздить по пирамъ;
Степененъ, скроменъ, благороденъ,
Трудолюбивъ — и къ дѣлу сроденъ.
Одинъ порокъ, — что иногда
Онъ слишкомъ рѣзко разсуждаетъ
И правды всѣмъ въ глаза болтаетъ;
Да это съ вами не бѣда.

ЯВЛЕНІЕ 9.

АНАПЦОВЪ и МИЛЕНА.

МИЛЕНА.

Вы знаете-ль, что васъ опредѣлили?

АНАПЦОВЪ.

Да.

МИЛЕНА *(присѣдая).*

Взгляните жъ на меня! поздравьте хоть съ обновкой!
Хорошъ ли карикъ мой?

АНАПЦОВЪ.

Хорошъ.

МИЛЕНА.

Какой неловкой!
Вы бы должны въ отвѣтъ сказать, что мой нарядъ
Не просто лишь хорошъ — прекрасенъ!

АНАПЦОВЪ.

Очень радъ.

МИЛЕНА.

Тьма вкусу!

АНАПЦОВЪ *(въ сторону).*

Экой бѣсъ!

МИЛЕНА. *(подходя ближе).*

Замѣтьте! . .

АНАПЦОВЪ *(въ сторону).*

Пострѣленокъ!

МИЛЕНА *(выставляя ножку).*

Какъ стройны башмаки Біо!

АНАПЦОВЪ *(въ сторону).*

Хорошъ ребенокъ!
Въ ней будетъ прокъ! *(въ слухъ)* Ну-съ? Что-жъ?

МИЛЕНА.

Да не сердитесь такъ!

АНАПЦОВЪ.

Да что-жъ мнѣ радости, что строенъ вашъ башмакъ?

МИЛЕНА.

Вы очень искренны, да очень и угрюмы. *(надѣвъ шляпку).*
Оставьте хоть на часъ свои о книгахъ думы.
Взгляните на меня и дайте мнѣ совѣтъ:
Какъ лучше шляпку мнѣ надѣть?

АНАПЦОВЪ.

Терпѣнья нѣтъ!
Не стыдно-ль столько вамъ о шляпкѣ суетиться?
За чѣмъ она? за чѣмъ? — отъ зноя заслониться,
Что бъ только не пекло вамъ солнцемъ головы;
А ужъ къ лицу-ль она, не спрашивайте вы.

МИЛЕНА.

Такъ, стало быть, ко мнѣ она и не пристала?

АНАПЦОВЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ! *(Милена убѣгаетъ).*

ДМИТРІЙ ТИМОФѢЕВИЧЪ

ЛЕНСКІЙ.

Дмитрій Тимофѣевичъ Ленскій происходитъ отъ богатой и извѣстной купеческой фамиліи. — Отецъ его, Тимофей Васильевичъ Воробьевъ, былъ достаточный и всѣми уважаемый купецъ, производившій обширную торговлю колоніяльными товарами, сперва на Петербургской Биржѣ, а впослѣдствіи и въ Москвѣ. — Опредѣливъ сына въ 1813 году въ Московскую Практическую Академію, онъ черезъ годъ умеръ. Кончивъ свое образованіе въ 1819 году, молодой Воробьевъ, 14 лѣтъ отъ роду, поступилъ въ Контору извѣстнаго англійскаго негоціанта и банкира Петерсгиля, для изученія бухгалтеріи и коммерціи. Три года безпрерывныхъ трудовъ и сидячей жизни, растроили совершенно здоровье Воробьева, и до того, что доктора нашли необходимымъ, чтобы онъ избралъ другаго рода занятія. Пришедшія въ упадокъ торговыя дѣла дома Воробьевыхъ и постепенно развивавшаяся страсть къ театру молодаго человѣка, рѣшили навсегда его положеніе и увлекли на сцену. Принявъ фамилію Ленскаго, 1824 года Апрѣля 16-го онъ дебютировалъ въ комедіи Віаля, передѣланной Р. М. Зотовымъ: »*Мужъ и любовникъ*,« въ ролѣ Любима. Бывшій въ то время, Директоръ театра Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, замѣтилъ, поддержалъ и развилъ въ немъ сценическія дарованія; а въ 1828 году 19-го Апрѣля, играя роли молодыхъ людей въ комедіяхъ и водевиляхъ, Д. Т. Ленскій выступилъ на судъ публики и съ первымъ своимъ литературнымъ произведеніемъ: »*Еще суматоха, или на свѣтѣ все превратно.* Эта пьеса шла тогда въ бенефисъ даровитаго актера А. М. Сабурова, талантъ котораго, вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ, Н. В. Рѣпиной, и впослѣдствіи В. Н. Живокини, поддерживали его пьесы; а сценическіе успѣхи заставили его такъ полюбить Драматическую

Литературу, и такъ пристраститься къ ней, что онъ въ первыя пять лѣтъ своего поприща поставилъ на сцену болѣе 40 пьесъ.

Всѣхъ переведенныхъ и передѣланныхъ Ленскимъ водевилей, комедій, драмъ и оперъ, въ настоящее время болѣе 70; ихъ играютъ на всѣхъ Русскихъ Театрахъ съ одинаковымъ успѣхомъ, не на выборъ, а на выдержку: такъ всѣ они хороши и забавны; во всѣхъ его пьесахъ замѣтенъ вкусъ, острота, умъ и игривость,— и истинные любители Театра надѣятся, что заслуженный артистъ на этомъ не остановится и подаритъ публику еще новыми и оригинальными произведеніями своего талантливаго пера.

Многія изъ его пьесъ, напримѣръ: »*Въ людяхъ ангелъ, не жена*, *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, *Война съ тещей*, *Стрянчій подъ столомъ*, *Барская спѣсь*, *Хороша и дурна*, *Кеттли*, *Дезертеръ*,« и проч. вышли изъ-подъ пера Ленскаго лучше своихъ оригиналовъ. А какой обильный источникъ представляютъ переводы Ленскаго, для домашнихъ и благородныхъ спектаклей: *Крестная маминька*, *Первая любовь*, *Кеттли*, *Дамскій докторъ*, *Пажи Басомпьера*, *Радъ не радъ*, *У страха глаза велики*, *Минеральныя воды*, *Три невидимки*, *Харьковскій женихъ*, *Мечты*, и другія.

Оперы, переведенныя Ленскимъ: *Цампа*, *Невѣста*, *Эмма*, *Черное Домино*, *Пиратъ*, и пр. обнаруживаютъ въ немъ большое знаніе музыки, а его подражанія, или, такъ сказать, передѣлки разныхъ небольшихъ Французскихъ стихотвореній и пѣсенъ обличаютъ истиннаго поэта. Особенно замѣчательны у него экспромпты; всякій, кто его знаетъ, считаетъ себѣ за истинное удовольствіе пользоваться его бесѣдой: остроты и каламбуры Ленскаго повторяются и разносятся повсюду. Вотъ одно изъ его удачныхъ переложеній (Mon habit) на голосъ: *T'en souviens tu?* *

ФРАКЪ.

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткой,
Мой старый фракъ — другаго не сошью.
Ужъ десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой,
Я каждый день счищаю пыль твою;
Пускай судьба смѣется надъ тобою,
Твое сукно съѣдая день отъ дня. . . .
Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судьбою. . . .
Мой старый другъ! не покидай меня!

---

* Напечатано въ I-мъ томѣ Русскаго Репертуара 1840 года.

Литогр. А. Ромодановъ въ Москвѣ.

Дм. Менки

10

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
Какъ въ первый разъ тебя я обнималъ:
День этотъ былъ, — день моего рожденья,
И хоръ друзей здоровье наше пилъ;
Ты весь истертъ, но, не смотря на это,
Друзья у насъ — все прежніе друзья. . . .
Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта. . . .
Мой старый другъ! не покидай меня!

Твои края изодрались немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды у порога,
Она меня хотѣла удержать;
Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирила,
И я гостилъ у ней еще два дня. . . .
Она тебя заштопала, зашила. . . .
Мой старый другъ! не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельныхъ не рыскалъ,
Предъ богачемъ спины не изгибалъ. . . .
Пускай иной хлопочетъ для отлички
Взять орденокъ — за нимъ не лѣзу я:
Два - три цвѣтка блеститъ въ твоей петличкѣ. . . .
Мой старый другъ! не покидай меня!

Хоть мы съ тобою и много пострадали;
Но ктожъ не зналъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ свои есть радости, печали,
То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ!
Но, можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба,
Съ моей души одежду сброшу я. . . .
Такъ подожди, мы въ землю ляжемъ оба. . .
Мой старый другъ! не покидай меня!

Кромѣ объясненныхъ достоинствъ Ленскаго - автора, мы должны обратить вниманіе и на его заслуги, какъ артиста. Не имѣя въ настоящее время положительнаго амплуа, и стоя, такъ сказать, на грани между молодымъ любовникомъ и благороднымъ отцомъ, Д. Т. Ленскій исполняетъ съ одинаковымъ раченіемъ и успѣхомъ тѣ и другія роли. Истинные любители и знатоки и теперь съ восхищеніемъ вспоминаютъ игру Ленскаго въ роли *Фигаро* (женитьба Фигаро)., гдѣ онъ былъ вполнѣ прекрасенъ, даже послѣ

Сосницкаго и Сабурова, которые были неподражаемы въ этой ролѣ. Однѣ классическія роли: Министра въ „*Клеветѣ*“ Скриба, и „*Тартюфа*“ Мольера, игравшіяся этимъ умнымъ артистомъ, также превосходно могли бы доказать, что онъ актеръ прекрасный, опытный и страстно любящій и понимающій свое дѣло. Но сверхъ того, къ особенно рельефно-созданнымъ имъ ролямъ, принадлежатъ также роли Лорда въ „*Брачномъ свидѣтельствѣ*“, жениха въ „*Воспитанникѣ любви*, Графа Отона въ *Смерть или честь*“, Хлестакова въ *Ревизорѣ* Гоголя, Славскаго въ *Людяхъ ангелъ, не жена*, Ласточкина „*Война съ тещей*“, наконецъ *въ Мечтахъ*, въ *Харьковскомъ женихѣ*, въ *Портретѣ* и проч. За выполненіе роли Алинскаго въ водвилѣ *Хороша и дурна* Д. Т. Ленскій удостоился получить Высочайшій подарокъ: золотую табакерку, въ 1839 году.

А. Андреевъ.

ДАВИДЪ ТЕНЬЕРЪ,

ЖИВОПИСЕЦЪ.

АНЕКДОТЪ ВЪ ЛИЦАХЪ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СЪ КУПЛЕТАМИ.

Н. В. Сушкова, и П. А. Корсакова.

Въ первый разъ играна, въ пользу Актера Щепкина, въ Императорскомъ Большомъ Московскомъ Театрѣ 5-го Февраля 1832; а по исправленіи, въ Маломъ, 16-го Ноября 1845.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДАВИДЪ ТЕНЬЕРЪ. Живописецъ..... *Г. Щепкинъ.*

ПИТЕРНЕЛА. Жена его..... *Г-жа Кавалерова.*

ЯНСИ. Дочь ихъ..... *Г-жа Смирнова.*

ЯСПЕРЪ. Краскотёръ..... *Г. Живокини.*

ДОНЪ АЛЬВАРЪ МЕНДОЗА..... *Г. Стрѣльскій.*

ФАНЪ АУДЕНЪ..... *Г. П. Степановъ.*

ФАНЪ ОПСТАЛЬ..... *Г. В. Степановъ.*

АУКЦІОНИСТЪ..... *Г. Никифоровъ.*

НОТАРІУСЪ..... *Г. Зеленинъ.*

ПОКУПЩИКИ, ЛЮБОПЫТНЫЕ, НОСИЛЬЩИКИ.

Дѣйствіе въ Антверпенѣ.

Примѣчаніе: Съ 1832 по 1850 г. всѣ роли (кромѣ Теньера, которая постоянно играется М. С. Щепкинымъ), переходили нѣсколько разъ отъ одного Артиста къ другому:

ПИТЕРНЕЛА..... *Г. Кавалерова* и *Кашина.*

ЯНСИ..... *Г. Куликова, Орлова, Стрѣльская, Смирнова* и *Беркгольцъ.*

Д. АЛЬВАРЪ..... *Г. Щепкинъ* и *Стрѣльскій.*

ЯСПЕРЪ..... *Г. Живокини, Прокофьевъ* и *Никифоровъ.*

Ф. АУДЕНЪ..... *Г. П. Степановъ* и *Зеленинъ.*

Ф. ОПСТАЛЬ..... *Г. В. Степановъ, Максинъ* и *Рославскій.*

АУКЦІОНИСТЪ..... *Г. Никифоровъ* и *Сахаровъ.*

НОТАРІУСЪ..... *Г. Сахаровъ, Максинъ* и *Зеленинъ.*

Ваш Тиховодов

Было время, когда Петербургъ очень любилъ домашніе театры, живыя картины, даже балеты. У Мятлевыхъ, Грибоѣдовыхъ, Гр. Васильевой и Кн. Долгорукой, у Кн. И. А. Гагарина, Кн. Дундукова, Гр. Комаровскаго, у Резановыхъ, Авдулиныхъ, Кокошкина (И. А.), Всеволожскаго, Храповицкаго, Загоскина, Титова, Бакуниныхъ, Комаровыхъ и у многихъ и многихъ часто сбиралось общество, еще не разрознившееся тогда на высокій, средній и низшій круги, полюбоваться искусною, отчетливою и непринужденною игрой просвѣщенныхъ любителей и образованныхъ любительницъ сцены. Такъ — не говоря о Французскихъ Комедіяхъ, съ куплетами и безъ куплетовъ — переиграли и пересмотрѣли въ разныхъ домахъ нѣсколько легкихъ піэсъ: Урокъ дочкамъ — *Крылова*, Новый Стернъ, Ссора или два Сосѣда, Два Учителя, Не любо не слушай, а лгать не мѣшай — *Кн. Шаховскаго*, Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ, Воздушные Зáмки, Говорунъ — *Хмельницкаго*, Молодые супруги — *Грибоѣдова*, Влюбленный Шекспиръ — *Языкова*, Притворная невѣрность — *Жандра* и *Грибоѣдова*, Своя семья — *Кн. Шаховскаго*, *Хмельницкаго* и *Грибоѣдова*, нѣсколько Водвилей *Кн. Шаховскаго*, *Хмельницкаго*, *Семенова* (Жидовская корчма); *Верстовскаго* (Домъ сумасшедшихъ), *М. А. Афросимова*, *Баркова*, *Зотова*, *Арапова*, *Ѳедорова*, *А. И. Писарева* и т. д.

Конн, Коровкинъ, Ленскій, Каратыгины, Григорьевъ, М... К....—издатель прекраснаго сочиненія: *Опытъ Исторіи Театра у древнихъ народовъ*, Гр. Сологубъ и прочіе Водевилисты и Переводчики появились позже. Также и заслуженные Драматурги: Квитка (Основьяненко), Гоголь, Полевой, Кукольникъ, и новыя надежды Русскаго Театра: Гр-ня Ростопчина, Жемчужниковъ, Мей, Островскій. Правда и Нелюдимка (Ростопчиной), и Свои люди (Островскаго), не были играны, какъ и многія произведенія нашихъ писателей, напримѣръ: Борисъ Годуновъ — Пушкина, Опричники, даже еще и не напечатанные, Лажечникова, Дворянскіе выборы — Квитки, и т. п. Придетъ время — и всё достойное сцены выйдетъ изъ-подъ спуда.

Балеты (у Кн. Дундукова) замѣчательны были своею обстановкою. Что до живыхъ картинъ — онѣ тогда были еще новостью и долго составляли исключительную собственность домашнихъ театровъ.

Москва пошла еще дальше. Въ ней представляли уже большія Комедіи и даже Трагедіи. Хвастунъ — *Княжнина*, Мизантропъ и Урокъ Старикамъ — переводъ *Кокошкина*, Тартюфъ — пер. *А. М. Пушкина*, Лукавинъ — *А. Н. Писарева*, Трагедіи *Озерова*, Танкредъ — пер. *Гнѣдича*, Сцены *Мерзлякова* изъ Есхила, Софокла, Еврипида, переводы *Марина* — Меропа, Магометъ, Заира и т. д. Правда, въ Москвѣ не было домашнихъ балетовъ, но, за то, была Итальянская опера: Танкредъ, Итальянка въ Алжирѣ и т. п. Какъ въ Петербургѣ Театръ Кн. Дундукова былъ преимущественно посвященъ балетамъ, такъ въ Москвѣ залы Кн. З. А. Волконской исключительно оглашались Итальянскою музыкою. Театръ же С. С. Апраксина и Ѳ. Ѳ. Кокошкина предпочтительно принадлежали Трагедіи и высокой Комедіи.

Примѣръ Столицъ подѣйствовалъ и на губерніи. Во многихъ повторено почти всё то, что было играно въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ иныхъ поставили даже и такія піэсы, отъ которыхъ отказались Столицы, по большому-ли числу дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, по *некомичности*-ли, такъ сказать, ихъ содержанія, по трудности-ли въ обстановкѣ, по давности-ли произведенія и т. п. Такъ удостоились домашней сцены: Недоросль — *фонъ-Визина*, Ябеда — *Капниста*, Липецкія воды — *Кн. Шаховскаго*, Богатоновъ и Добрый малый — *Загоскина*, *Пиронова* — Метроманія — по русски: Стихобѣсіе, которую, или которое, — будьте снисходительны, долготерпѣливые читатели и недолгопамятныя читательницы! я — каюсь — подготовилъ ко второму изданію...

Можетъ статься, была гдѣ нибудь играна и Андромаха, пер. Гр. Хвостова, въ которой языкъ всежъ-таки лучше, нежели въ славныхъ, когда-то, произведеніяхъ Сумарокова. Родись Гр. Хвостовъ раньше — онъ справедливѣе былъ бы оцѣненъ, по крайней мѣрѣ, не былъ бы такъ гонимъ и притомъ вовся не критикой, а только баснею и эпиграмою (А. Е. Измайловъ и Кн. П. А. Вяземскій), и огромные труды его покоились бы мирно возлѣ огромнаго размѣра книгъ Николева, котораго однакожъ современники не преслѣдовали, уважая въ писателѣ вообще благородную и безкорыстную любовь къ словесности или наукѣ. Теперь и любовь и безкорыстіе — рѣдки. Кому — талантъ, кому — два, и т. д. По этому-то правилу не осталось незамѣченнымъ многое изъ произведеній столькихъ почтенныхъ, просвѣщенныхъ, болѣе или менѣе даровитыхъ

и теперь — увы! почти забытыхъ тружениковъ. Петровы, Бобровъ, Костровъ, Майковъ, Рубанъ, Шатровъ, Румовскій, Коробановъ, Елагинъ, Вельяминовъ, Измайловъ — (В. В.), Вельяшевъ - Волынцевъ (Д. И.), Пушкинъ (В. Л.), Саларевъ, Каразинъ, Лабзинъ, Кутузовы, Писаревъ (А. А.), Востоковъ, Станевичъ, Хвостовъ (А. С.) и Копьевъ — (два извѣстныхъ въ свое время острякa и балагура); Висковатовъ, Крюковской, Плавильщиковъ, Дмитревскій, Сандуновъ, Ивановъ, Ильинъ и т. д. Одинъ знакомитъ насъ съ поэзіею Оссіана или роскошной Греціи и древняго Рима, другой указываетъ намъ путь къ духовному направленію; тотъ поддерживаетъ въ народѣ чувство любви къ Отечеству, этотъ воспѣваетъ науки и добродѣтели; иной плачетъ или смѣется, грозитъ или шутитъ въ сатирѣ, въ одѣ и т. п., прочіе съ честью подвизаются на поприщѣ Драматургіи. Да и въ какой книгѣ (разумѣется, кромѣ книгъ *сыновъ погибели*), не найдется чего нибудь хорошаго? одна благая мысль, одно теплое чувство, одна живая сцена, одинъ вдохновенный стишокъ — и за это спасибо!..

Возвращаюсь къ Петербургу. — Въ одной семьѣ захотѣлось чего нибудь новенькаго, неиграннаго. Покойный П. А. Корсаковъ (родной братъ Кн. Дундукова - Корсакова) и я — домашніе стихоѣи въ этой дружеской и родственной намъ семьѣ (Сенатора Резанова) должны исполнить требованье нашей трупы. Корсаковъ поставилъ хорошенькую Комедію въ стихахъ (не вспомню, за давностью, ея названья), я подслужился Водвилемъ. Прошло нѣсколько времени; дочки вздумали приготовить родителямъ сюрпризъ. Давай имъ опять новую піэсу. Ни у меня, ни у Корсакова не было ничего подъ рукою. Думали, думали — и рѣшились посовѣтоваться со старинной книгой, въ которой собраны разные анекдоты — быль и небыль. Встрѣтивъ извѣстный разсказъ о Теньерѣ — живописцѣ и Камеръ - Юнкерѣ, мы тотчасъ ухватились за находку и составили планъ Комедіи, которую я теперь назвалъ »Анекдотомъ въ лицахъ«. Вотъ піэса готова и сыграна. Это было зимою 1815—1816 г. Между тѣмъ Петербургъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ Е. К. В. Принца Оранскаго (въ послѣдствіи Король Нидерландскій), и супруги Его, В. Г. Анны Павловны. Императрица Марія Ѳеодоровна, узнавъ о нашей піэскѣ, пожелала угостить Принца представленіемъ во Дворцѣ родной ему стороны. Эрмитажъ распахнулъ намъ свои двери — Декораторъ и Костюмёръ снимаютъ декораціи и наряды съ Теньеровыхъ картинъ, Принцъ присылаетъ намъ два Голландскихъ напѣва и Капельмейстеръ Кавосъ вводитъ ихъ въ подобранную имъ музыку. Словомъ: Камеръ - Юнкеръ Теньеръ

взять ко Двору. Наступилъ день представленія — занемогъ Актёръ. Назначенъ другой день — занемогла Актриса. Пришёлъ третій день — опять какая-то помѣха. Высокіе Гости оставили Петербургъ — и нашъ живой мертвецъ остался не въ шутку покойникомъ. Въ Мартѣ 1816 Корсаковъ однакожъ продалъ его Театральной Дирекціи за 500 р. — огромная тогда цѣна за Комедію-Водевиль въ одномъ дѣйствіи!.. Но и тутъ неудача! не знаю, какъ и почему, только Теньеръ залегъ на многія лѣта непробуднымъ покойникомъ въ общей могилѣ столькихъ піэсъ, печатныхъ и непечатныхъ, игранныхъ и неигранныхъ, превознесенныхъ и упадшихъ, давнихъ и новыхъ, дѣльныхъ и недѣльныхъ... Наконецъ, послѣ многолѣтняго сна — хоть бы Двѣнадцати Спящимъ Дѣвамъ Жуковскаго такъ подремалось — извѣстный и незамѣнимый Артистъ М. С. Щепкинъ пробудилъ и поставилъ его на ноги. Живописецъ ожилъ; а Камеръ-Юнкеръ, за давнею отставкою, едва-ли ужъ попадетъ ко Двору? Я тогда былъ, по службѣ, въ Самогитіи. Слухи однакожъ дошли и туда о художественной игрѣ Щепкина, о превосходной игрѣ Живокини и Кавалеровой, объ отчетливомъ, искусномъ и усердномъ выполненіи всѣхъ, даже и мелкихъ, ролей въ этой піэсѣ, при добросовѣстной и обдуманной обстановкѣ ея Бенефиціантомъ. Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ она, по временамъ, повторяется въ Москвѣ. Теперь нашему Живописцу — Камеръ-Юнкеру 35 лѣтъ отъ роду. Люди, старѣясь, мѣняются, иногда даже и исправляются. Слѣдуя этой истинѣ, и я старался поисправить устарѣвшаго и закосѣвшаго въ недостаткахъ своихъ Теньера. Иное въ немъ переладилъ, иное убавилъ, иное прибавилъ, куплеты нѣкоторые передѣлалъ, прозу нѣсколько поочистилъ, словомъ: побрилъ, подстригъ, завилъ, умылъ, переодѣлъ — и пустилъ Живописца — Камеръ-Юнкера за-ново въ большой свѣтъ. Такъ онъ появился въ 1845 г. Лучше-ли, хуже-ли онъ сталъ съ лѣтами и перевоспитаніемъ? — не мнѣ судить.

Н. Сушковъ.

Москва.
1850 годъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Мастерская Теньера: станки и картины начатыя и конченныя, занавѣшанныя и открытыя, разсѣяны по всѣмъ стѣнамъ и угламъ горницы. Теньеръ работаетъ. Ясперъ растираетъ краски.

ТЕНЬЕРЪ.

Ура! гордись, Теньеръ, картиною твоей!
Достойный ученикъ Фламандской школы славной!
Смѣлѣй! смѣлѣй!
Какъ веселъ праздникъ мой забавной!
Что можетъ быть его живѣй?....
Такъ ясно времена Астреи
Не разъ душою созерцалъ,
Когда здѣсь игры и затѣи
Шутливой кистью рисовалъ.
О, живопись! о, даръ небесный!
Тебя что можетъ замѣнить?

ЯСПЕРЪ.

О, краскотерство! даръ чудесный!
Тебѣ что равнымъ можетъ быть?

ОБА.

О, живопись! о, даръ небесный! | О, краскотерство! даръ чудесный!
Съ тобою что могу сравнить?

ТЕНЬЕРЪ.

Когда я холстъ мой оживляю —
Весь міръ подъ кистью тутъ моей!

ЯСПЕРЪ.

Когда я краски растираю,
То въ нихъ я тру... судьбу людей!

ОБА.

О, даръ отрадный въ жизни слезной! | О, краскотерство! даръ полезный!
Съ тобою все могу стерпѣть:
И трудъ и бѣдность мнѣ любезны!
Съ тобой — и жить и умереть!

ТЕНЬЕРЪ.

Работа моя подвигается. Еще немного — и картина готова.... Ясперъ!

ЯСПЕРЪ.

Иду, иду. Ужъ не голубой ли краски не достало? Какъ себѣ хочешь, мастеръ! а её больше нѣтъ.

ТЕНЬЕРЪ.

Не о краскѣ рѣчь. Посмотри-ка сюда. Узнаешь ли: что я написалъ?

ЯСПЕРЪ.

Ба! да это, ни дать-ни взять, вчерашняя ярмарка. Такъ! Вотъ и пьяный сосѣдъ нашъ Херардъ; знать небережно, сердечный, хлебнулъ, что и трубки ко рту не донесетъ. А это-что за старая вѣдьма ему чашей кланяется? Ай, мастеръ! нечего сказать — скоро сработано! Да тутъ вечёръ еще ничего не было.

ТЕНЬЕРЪ.

Я нынче, на-зарѣ, началъ картину... Скажи мнѣ, Ясперъ, что про мастера твоего въ городѣ толкуютъ?

ЯСПЕРЪ.

Сосѣдъ Херардъ, который любитъ живопись не меньше вина, утверждалъ не разъ, что Давидъ Теньеръ былъ-бы хорошимъ живописцемъ, если-бы тщательнѣе отдѣлывалъ свои картины.

ТЕНЬЕРЪ.

Отдѣлывалъ! лучше отдѣлывалъ?.. Скажи ты ему, чтобы онъ лучше просыпался. Не тому судить о Теньерѣ, у кого, не только кисть, а и трубка въ рукахъ не держится. Что другіе говорятъ?

ЯСПЕРЪ.

Толстякъ Аллардъ, сидя передъ своею книжною лавкою, говорилъ третьяго-дня, что картины Давида Теньера были-бы достойны гравировки, еслибы онъ не такъ спѣшилъ и отчетливѣе ихъ отработывалъ.

ТЕНЬЕРЪ.

Посовѣтуй ему прогуляться въ Римъ, да тамъ поглазѣть на картины славнаго Сальваторъ-Розы, созданныя имъ въ одинъ день, такъ онъ перестанетъ осуждать мою мнимую скороспѣшность. Еще что толкуютъ?

ЯСПЕРЪ.

Всѣхъ толковъ и не переслушаешь. Вотъ и вчера еще маляръ фанъ-деръ Стартъ, за рюмкою можжевёловки, пространно разсуждалъ о трудахъ твоихъ съ пріятелями и знакомыми; а заключилъ тѣмъ, что Давидъ Теньеръ, не безъ дарованія, да черезъ чуръ торопится, и отъ того картины его должно-бы назвать эскизами, опытами.....

ТЕНЬЕРЪ.

Ахъ, онъ... стѣномазъ! Скажи ему, что я послѣдняго изъ своихъ эскизовъ и опытовъ не отдамъ за первую изъ отработанныхъ картинъ фанъ-деръ Старта. Слышишь-ли?

ЯСПЕРЪ.

Слышать-то-слышу, да сказалъ-бы и самъ тебѣ кое-что, только-бы ты не посѣтовалъ на меня.

ТЕНЬЕРЪ.

А чтобы ты мнѣ сказалъ? Ужъ не фанъ-деръ-Стартовы ли картины хвалить вздумалъ?

ЯСПЕРЪ.

Кто тебѣ станетъ говорить о нихъ!

ТЕНЬЕРЪ.

Такъ въ чемъ-же дѣло?

ЯСПЕРЪ.

А вотъ въ чемъ. Весело было тебѣ въ Брисселѣ, когда Эрц-Герцогъ Леопольдъ съ тобою нянчился: хвалилъ и превозносилъ картины твои, заказывалъ тебѣ работы — на славу, пожаловалъ тебя Камеръ-Юнкеромъ Двора своего?.. Какъ же, ты, — вотъ ужъ больше года, — живешь здѣсь, какъ въ бѣгахъ, не думаешь воротиться къ нему, и, просто, позабылъ его.

ТЕНЬЕРЪ.

Позабыть моего благодѣтеля?.. Никогда! (*Показывая портретъ*). Вотъ онъ! вотъ — на груди и въ сердцѣ!.. Онъ самъ надѣлъ на меня этотъ портретъ — и, не только бѣдность, самая нищета не разлучитъ меня съ моимъ сокровищемъ.

ЯСПЕРЪ.

Такъ отъ чегожъ ты не остался при Дворѣ его?

ТЕНЬЕРЪ.

Мнѣ, свободному художнику, броситься, какъ въ воду, въ толпу челяди, чтобъ раболѣпствовать не просвѣщенному вкусу знаменитыхъ артистовъ, а причудамъ и прихотямъ безсмысленныхъ цѣнителей-богачей и покупщиковъ-невѣждъ, которые смотрятъ на картины, какъ на товаръ, для которыхъ художество — ремесло, слава — торговля, о! кровь леденѣетъ во мнѣ при этой мысли!.. Теньеръ, въ независимости, списываетъ природу — и картины его полны жизни; на нихъ печать истины, подлинности, самобытности!.. Теньеръ, при Дворѣ Ерц-Герцога, былъ-бы вынужденъ, можетъ статься, писать съ чужихъ картинъ — и труды его отъявлялись-бы клеймомъ раболѣпства и подражанія!.. Тамъ — поддѣльное искусство, напряженное воображеніе, работа поденщика!.. Здѣсь — лучезарный свѣтъ вдохновенія, игра неуловимой фантазіи, творческая отвага генія!.. Нѣтъ! нѣтъ! лучше бѣдность и независимость, нежели богатство и золотыя оковы.

ЯСПЕРЪ.

Хозяинъ! не о себѣ толковать стану; я такъ, право, къ тебѣ привыкъ, что не пошелъ бы въ краскотёры ни къ самому Рубенсу, если бы нарочно для этого ему вздумалось воскреснуть.

ТЕНЬЕРЪ.

Знаю, знаю, что ты добрый малый. За то я самъ учу тебя живописи — и со-временемъ Ясперъ будетъ вторымъ Теньеромъ.

ЯСПЕРЪ.

Далекà пѣсня! подумай-ка прежде о семьѣ. Ты не одинъ. . . .

ТЕНЬЕРЪ.

Такъ чтожъ? Жена и дочь могли подъ часъ потерпѣть нужду, а до крайности еще не доходили, да и не дойдутъ. . . скоро, скоро узнаютъ Теньера, и тогда картины его. . . .

ЯСПЕРЪ.

Залягутъ въ твоей мастерской.

ТЕНЬЕРЪ.

Пусть лучше залягутъ на цѣлый вѣкъ, чѣмъ отдать ихъ за безцѣнокъ, на-равнѣ съ мазанками какого нибудь. . . . Прибавь сюда красной краски, да спой-ка свою пѣсенку. — Я подтяну тебѣ. А между тѣмъ, подъ веселую руку, и работа пойдетъ веселѣе.

ЯСПЕРЪ.

Инъ спѣть. (*Запѣваетъ*)

Веселая работка!
Стирай,
Да попѣвай! . . .
Что? — еслибъ тутъ красотка
Случилась подъ бочкомъ,
А тутъ-бы дорогая
Бутылочка съ вишцомъ?
Вотъ-тутъ-то-бъ, попивая,
Мигал, напѣвая,
Сталъ краски я тереть
И пѣть.
(*Растирая*) Тереть, тереть, тереть!

ОБА.

Веселая работка!

ЯСПЕРЪ.

Стирай,
Да попѣвай!

ТЕНЬЕРЪ (*любуясь на картину*).

Ура! что за молодка!
Вотъ милое лицо!

ЯСПЕРЪ.

Личнико молодое
И старое вино

ТЕНЬЕРЪ.

Мнѣ личико такое
И доброе вино

На все придастъ охоту!
Развеселитъ работу!

Радъ краски я тереть
И пѣть. . .
И потирать и пѣть!

Самъ краски радъ тереть
И пѣть. .
И напѣвать и пѣть!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢЖЕ, ПИТЕРНЕЛА и ЯНСИ.

ПИТЕРНЕЛА.

Прекрасно! безподобно! Чѣмъ-бы думать о дѣлѣ, чѣмъ-бы пойти промыслить денегъ, чтобы выкупить заемное письмо, которому завтра срокъ, муженёкъ мой изволитъ себѣ преспокойно потѣшаться пѣсенками.

ТЕНЬЕРЪ.

А почему-бы и не такъ! Дѣло дѣлать лучше припѣваючи, нежели повѣся носъ.

ПИТЕРНЕЛА.

Пѣсни-то бы еще и туда и сюда, да если бы ты дѣломъ-то занимался.

ТЕНЬЕРЪ.

Такъ, по твоему, я занимаюсь. . .

ПИТЕРНЕЛА.

Пустяками! да еще такими пустяками, что каждый Смовсъ *, стоя на перекрёсткѣ улицъ и чистя сапоги прохожихъ, каждый жидъ, торгуя солеными огурцами, больше выработаютъ, чѣмъ ты.

ТЕНЬЕРЪ.

И ты могла художника сравнить съ жидомъ! Картины его смѣешь сравнивать съ солеными огурцами!

Какъ ты смѣла?

ЯНСИ *(Теньеру).*

Не сердитесь!

ПИТЕРНЕЛА.

Смѣю, буду повторять,
Что ты глупъ. . . .

* Такъ Голландцы называютъ своихъ Савояровъ — нѣмецкихъ жидовъ.

ЯНСИ *(Питернелѣ).*

Остановитесь!

ТЕНЬЕРЪ.

Замолчишь-ли?

ПИТЕРНЕЛА.

Мнѣ молчать?

Не хочу!

ЯНСИ *(къ обоимъ).*

Ахъ! не сердитесь!

ПИТЕРНЕЛА.

Нѣтъ! не буду я молчать!

ТЕНЬЕРЪ.

Перестанешь-ли кричать?

ЯНСИ.

Согласитесь замолчать!

ПИТЕРНЕЛА.

Мнѣ перестать твердить ему, что онъ помѣшался на своемъ безпутномъ художествѣ, которое не дастъ ему и штивера въ сутки, съ которымъ онъ, рано-ли-поздно-ли, съ ума сойдетъ, и для котораго — не сумасшествіе ли ужъ это — отказывается отъ богатства и почестей при Дворѣ Его Свѣтлости Эрц-Герцога Леопольда. *(Теньеръ опять принимается за работу).*

ЯНСИ.

Да развѣ объ этомъ вы не говорили ужъ батюшкѣ? развѣ онъ не сказалъ вамъ рѣшительно, что никогда не воротится ко Двору?

ПИТЕРНЕЛА.

Онъ бредитъ — такъ и правъ! Я хотѣла-бы знать: кто мнѣ запретитъ сказать ему, что онъ....

ЯНСИ.

Матушка! если вы меня любите?..

ПИТЕРНЕЛА.

Стала-ль бы я... если бъ не любовь моя къ тебѣ... терять слова съ этимъ деревяннымъ? На что мнѣ богатство, если не для тебя, Янси! на что мнѣ почести, если не для того, чтобъ о Янси моей сказали: вотъ дочь Теньера, любимца Его Свѣтлости, Эрц-Герцога Леопольда.

ТЕНЬЕРЪ.

О! закоснѣлость непросвѣщенія! Для неё, услышать въ пошлой толпѣ черни: »вотъ дочь любимца Княжескаго!..« важнѣе, чѣмъ, когда скажутъ въ народѣ: »вотъ дочь славнаго живописца, художника!«

ПИТЕРНЕЛА.

Пропадай ты съ своею живописью и художествомъ, хуже которыхъ ничего не знаю; ты художникъ — на худо, на холодъ, на голодъ, на муку женѣ и дочери.

ТЕНЬЕРЪ.

Твое невѣжество извиняетъ тебя. Я не сержусь — и прощаю тебѣ великодушно всѣ твои брани, крики и обиды.

ПИТЕРНЕЛА.

Благодарю покорно; да не о томъ рѣчь. Отложимъ покуда въ сторону и мое невѣжество, и твое великодушіе къ намъ, не просвѣщеннымъ, и твою мнимую славу; поговоримъ хоть одинъ разъ о дѣлѣ.

ТЕНЬЕРЪ.

Кто жъ тебѣ мѣшаетъ? Говори себѣ... Ясперъ! Ясперъ! Какова тебѣ кажется эта пьяная баба?

ПИТЕРНЕЛА.

Пьяная баба! Я — пьяная баба? Ахъ! ты, старый дуракъ! Смотри-пожалуй! Меня, которая и вкуса виннаго не знавала, ругаетъ пьяною бабою!

ТЕНЬЕРЪ.

Да кто тебя?

ПИТЕРНЕЛА.

Какъ кто? Оглохла я что-ли? А ты, (*Ясперу*) пострѣлъ! Чему радуешься? Чему смѣешься? Прошу покорно! За то, что говоришь ему правду, величаетъ законную свою жену, пьяной бабой?

ТЕНЬЕРЪ.

Я говорю про бабу на моей картинѣ; слышишь ли?

ЯСПЕРЪ *(въ сторону).*

Не дурна ошибка: отъ сердитой до пьяной — одинъ шагъ. (*Теньеру*) Пресмѣшная рожа! Ну, словно жена... (*встрѣтясь глазами съ Питернелою*) маляра Фанъ-деръ Старта.

ПИТЕРНЕЛА.

Да выслушаешь-ли ты меня наконецъ?

ТЕНЬЕРЪ *(работая).*

Ахъ, Боже мой! слушаю, слушаю... Посмотри, Ясперъ! Это умора!

ЯНСИ.

Онъ никогда ее не выслушаетъ.

ПИТЕРНЕЛА.

И ты это называешь слушать? Постой же! Если тебя слова неймутъ, такъ я иначе поступлю (*вырываетъ у него кисти, онъ беретъ другія*). И этого мало? (*бросаетъ на полъ всѣ кисти и палитру*).

ТЕНЬЕРЪ *(поджавъ руки).*

Ну! теперь довольна-ли? Кажется, бросать больше нечего?

ЯСПЕРЪ *(подбирая брошенное).*

Ахъ! Боже мой! Боже мой! Лучшія наши кисти! Лучшія наши краски!

ПИТЕРНЕЛА.

Убирайся къ чорту съ своими красками и кистями. Оба вы стóите, чтобы къ вашимъ колпакамъ привѣсить шутовскія кисти, съ погремушками.

(*Янси тихо успокоиваетъ Питернелу, ласкаясь къ ней*).

ТЕНЬЕРЪ.

Давича, когда я работалъ, сбиралась о чемъ-то болтать.

ЯСПЕРЪ (*взбалтывая стклянку*).

Болтать и... (*мѣсить въ ступкѣ*) мѣшать — дѣло краскотёра.

ТЕНЬЕРЪ.

Вотъ я свободенъ (*въ сторону*) поневолѣ! (*Вслухъ*) А ты забыла свои заученные разговоры. Ну, чтожъ тебѣ отъ меня надобно, неугомонная женщина!

ПИТЕРНЕЛА.

То, чтобы ты, сидѣнь-мужщина! опомнился и вспомнилъ, что у тебя дочь-невѣста, и что пора ее отдать за добраго человѣка, который-бы объ ней больше заботился, нежели ея безпутный отецъ.

ТЕНЬЕРЪ.

А что жъ бы ты, путная, препутная, и сто разъ путная...

ПИТЕРНЕЛА.

Распутная! распутная?

ТЕНЬЕРЪ.

Сто... разъ... путная — говорятъ тебѣ.

ПИТЕРНЕЛА.

Довольно, довольно, понимаю; что жъ дальше?

ТЕНЬЕРЪ.

Что же бы ты, сто... разъ... путная матушка! приказала мнѣ дѣлать? не велишь ли стать на перекресткѣ, да и закричать: кому надобна невѣста? Ко мнѣ, Господа! у меня подросла дочь; нужно мнѣ ее съ рукъ сбыть...

ПИТЕРНЕЛА.

Не съ рукъ сбыть, а выбрать изъ всѣхъ жениховъ ея....

ТЕНЬЕРЪ.

А гдѣ же всѣ эти женихи?

ПИТЕРНЕЛА.

Гдѣ? Вотъ и еще письмо объ одномъ, которое только-что получила я отъ жены твоего брата изъ Брюселя. Она пишетъ о Донъ-Альваръ-Мендозѣ.

ТЕНЬЕРЪ.

Э! Да вы, мнѣ давно о немъ уши прожужжали!

ЯНСИ.

Если бы вы знали, батюшка, какъ онъ стоитъ того, чтобы всѣ его любили!

ТЕНЬЕРЪ.

А въ числѣ всѣхъ и ты, конечно?

ЯНСИ.

Я и не хочу таиться отъ васъ.

Какъ мирный токъ, мой вѣкъ струился,
Еще не зная я любви;
Но Донъ-Альваръ очамъ явился —
И сердце молвило: люби!

*

Хотя любовникъ боязливый
Не смѣлъ открыться мнѣ въ любви;
Но страстью взоръ красноречивый
И молча говорилъ: люби!

*

О! Если-бъ вы могли склониться
На голосъ пламенной любви:
Тогда-бъ не стала я томиться,
Тогдабъ-мнѣ долгъ сказалъ: люби!

ТЕНЬЕРЪ.

Слушаю. Потомъ что?

ЯНСИ.

Если бы я смѣла располагать моей рукой...

ТЕНЬЕРЪ.

Разумѣется, не тебѣ и располагать ею. Дочь живописца Давида Теньера, внука и племянница двухъ знаменитыхъ художниковъ, должна быть осторожна въ выборѣ себѣ жениха.

ПИТЕРНЕЛА.

Дочь живописца! Куда какая важность! Еще бы ты сказалъ: дочь Теньера Камеръ-Юнкера Двора Его Свѣтлости....

ТЕНЬЕРЪ.

Опять ты съ твоею прикладною Свѣтлостью. Да не ужъ-то въ Камеръ-Юнкерскомъ нарядѣ зашита слава моя? Развѣ блистательныя достоинства моего Свѣтлѣйшаго Покровителя прибавятъ мнѣ блеска и достоинства, если я самъ по себѣ ничтоженъ?

ПИТЕРНЕЛА.

Да-таки прибавятъ, прибавятъ; свѣтъ, не выставка вашихъ художественныхъ произведеній, гдѣ подъ-часъ, старыя, затасканыя, запачканыя картины — мышелядь, дороже цѣнятся новыхъ, свѣжихъ, яркихъ..... Для свѣта нуженъ блескъ, и тотъ — дуракъ, кто, имѣя случай блеснуть въ обществѣ, прячется, какъ кротъ въ свою нору.

Златые вѣки тѣ прошли,
Когда о златѣ не мечтали;
Теперь и люди на земли
И нравы ихъ не тѣ ужъ стали,

Теперь: кто знатенъ, да богатъ —
Тому и честь и уваженье;
А бѣдный, будь себѣ Сократъ —
Ему вездѣ: *(приседая)* мое почтенье!

Да и давай Богъ ноги! скорѣе спиной къ нему, умнику, разумнику, художнику, сочинителю . . . .

ТЕНЬЕРЪ.

Вздоръ! дичь! дребедень!

Пусть мы живемъ въ желѣзный вѣкъ,
А все-же слава — выше злата!
И крѣпкій духомъ человѣкъ —
Покрѣпче стали и булата!
Онъ выше бѣдствій и страстей!
Онъ сынъ и другъ и царь природы! . .
Кто въ мирѣ съ совѣстью своей —
Тому всегда златые годы.

ПИТЕРНЕЛА.

Все это хорошо и . . . передъ тобою! Возвратимся къ Донъ-Альвару. Невѣстка твоя однѣхъ со мною мыслей. Женихъ хоть куда!

ЯНСИ.

Испанскій дворянинъ, знатнаго рода.

ТЕНЬЕРЪ.

Это не худо: и Тиціанъ, и Рубенсъ, и Фанъ-Дейкъ были дворяне. Да ты, дочка, гдѣ читала его дворянскую грамоту?

ЯНСИ.

Я познакомилась съ нимъ у тётушки, когда мы съ вами гостили у неё.

ТЕНЬЕРЪ.

Какъ-же я не видалъ его тамъ ни разу въ цѣлый мѣсяцъ?

ПИТЕРНЕЛА.

Что тутъ диковины? до него-ли тебѣ было? заговоришь, бывало, съ братцемъ своимъ о картинахъ, да и поминай какъ звали! Иной разъ, всѣ взыщутся: гдѣ хозяинъ? гдѣ братъ его? анъ, посмотришь — какъ-тутъ — въ малярной: изволятъ себѣ взапуски другъ передъ другомъ марать холстину.

ТЕНЬЕРЪ.

Въ малярной! марать холстину?

ПИТЕРНЕЛА.

Конечно — такъ: ну, какъ не молвить, смотря на ваши картины, что ни въ тебѣ, ни въ братѣ твоемъ, ни стыда, ни совѣсти! Хоть бы вы писали что-нибудь путное; а то вѣдь на вашу работу порядочной женщинѣ взглянуть гадко: все у васъ кабаки, сволочь, да пьяныя сборища, словомъ — мерзость и развратъ, да и только.

ЯСПЕРЪ *(указывая на картину).*

Хозяйка! а эта вещица какова?

ПИТЕРНЕЛА.

Тьфу! тьфу! глупость какая! Очень нужно мальчишку, или дѣвчонку, ужъ не разберу, что у васъ тамъ такое, представлять въ этомъ дѣйствіи.

ТЕНЬЕРЪ.

Женщина безвкусная!

ПИТЕРНЕЛА.

Да ужъ вкусная, или безвкусная, а это явная безвкусица: рисовать ребятишекъ такъ, за что ихъ сѣкутъ розгами.

ТЕНЬЕРЪ.

Это природа.

ЯСПЕРЪ.

Во всей наготѣ своей!

ПИТЕРНЕЛА.

Природа не безстыдству же васъ учитъ.

ТЕНЬЕРЪ.

Справедливо. Такъ вглядись же въ эту картину . . . А? . . . Что? . . . Не скажешь, чтобы тутъ неприличія какія происходили. — Видишь ли эту дѣвушку? какъ она умильно посматриваетъ на молодца, который ей, ужъ конечно, очень благопристойныя рѣчи напѣваетъ. А этотъ старичокъ со старушкой? Надѣюсь, что они не пьянюшки, не гуляки.

ПИТЕРНЕЛА.

Ну, да . . . такъ . . . . это не худо . . . прилично . . . . однако-жъ . . . ахъ, ты, старый развратникъ! что за мысль? что за цѣль? тьфу! тьфу!..

ТЕНЬЕРЪ.

Что она тамъ еще подглядѣла?

ЯСПЕРЪ.

Э! это корова ее удивила (*оба смѣются*).

ПИТЕРНЕЛА.

Тутъ корова, тамъ щенята, здѣсь ребята . . .

ТЕНЬЕРЪ.

Это печать моя на каждомъ изъ моихъ произведеній.

ПИТЕРНЕЛА.

Не печать искусства, а позорное клеймо безстыдства, безумія.

ЯНСИ.

Вспомните, матушка, что вы хотѣли говорить не о картинахъ, а о Донъ-Альварѣ?

ПИТЕРНЕЛА.

Одно другому не мѣшаетъ. Если я не скажу ему правды, то кто-жъ ее выскажетъ?.. Такъ вотъ, этотъ Донъ-Альваръ-Мендоза... Ба! да ты опять принялся глазѣть на свою ярмарку!.. скажи, пожалуй, долго-ли же это будетъ? Нѣтъ! тутъ и Ангельскаго терпѣнья не достанетъ!

ЯСПЕРЪ *(въ сторону).*

Не только женскаго — и женнина!

ПИТЕРНЕЛА *(покрывая картину холстомъ).*

Прошу тебя, хоть изъ любви къ дочери, поставить твои картины въ сторону, покуда я кончу.

ТЕНЬЕРЪ.

Да кончи, кончи скорѣй! я готовъ тебя слушать; а въ доказательство, что не проронилъ ни одного слова, скажу тебѣ, что я ужъ знаю о дворянствѣ твоего хваленаго Мендозы — и ты можешь продолжать.

ПИТЕРНЕЛА.

Дворянство хорошо; а то, о чемъ еще хочу говорить, и того лучше.

ТЕНЬЕРЪ.

Ужъ не рисуетъ-ли онъ?

ПИТЕРНЕЛА.

Лучше.

ТЕНЬЕРЪ.

Не ужъ ли онъ настоящій живописецъ?

ПИТЕРНЕЛА.

Лучше.

ТЕНЬЕРЪ.

Коли такъ, не знаю-же я, что можетъ быть лучше живописца?

ПИТЕРНЕЛА.

А я такъ знаю.

ТЕНЬЕРЪ.

И это.....

ПИТЕРНЕЛА.

Доходный полкъ, и богатое наслѣдство.

ТЕНЬЕРЪ *(равнодушно).*

Полкъ и наслѣдство.

ПИТЕРНЕЛА.

Да, да, полкъ и наслѣдство. Первый онъ получилъ на этихъ дняхъ; а другое достается ему по завѣщанію его дяди.

ТЕНЬЕРЪ.

Такъ онъ вовсе не живописецъ?

ПИТЕРНЕЛА.

Либо быть живописцомъ, либо полковникомъ, одно стоитъ другаго.

ТЕНЬЕРЪ.

Очень хорошо.... Янси!.. запрещаю тебѣ и думать о немъ.

ЯНСИ.

Не разрушьте, не убейте
Сердца юнаго!... Оно —
Не сердитесь! пожалѣйте!
Другу на вѣкъ отдано
Непонятной страсти силой:
Имъ лишь красны жизнь и свѣтъ!
Иль безвременно съ могилой
Подружусь я, въ цвѣтѣ лѣтъ!

ТЕНЬЕРЪ.

Очень жаль, что мысли мои тебѣ не по сердцу; однако-жъ я все-таки при нихъ останусь; а ты все-таки будешь жить; а современемъ перестанешь и печалиться.

ПИТЕРНЕЛА.

Да вспомни хоть о полкѣ, о наслѣдствѣ.

ТЕНЬЕРЪ.

Потому-то Янси и не будетъ за твоимъ Донъ-Альваромъ, что онъ богатъ, а я бѣденъ; тѣмъ-то пуще и не рѣшусь отдать её за него, что онъ съ полкомъ и наслѣдствомъ, а она еще безъ большаго приданаго. Пожалуй, чего добраго, онъ вздумаетъ, что великую честь оказываетъ моей дочери, предлагая ей свою руку, что ему стоитъ только платкомъ махнуть, что онъ осчастливитъ её...

ПИТЕРНЕЛА.

Да и конечно, это было-бы большое счастье.

ТЕНЬЕРЪ.

Вздоръ! Онъ самъ былъ-бы наисчастливѣйшимъ, добравшись до кисти, (*спохватясь*) т. е. до руки дочери славнаго Теньера! да для этого надо быть, не только полковникомъ, но и художникомъ.

ПИТЕРНЕЛА.

И такъ, напрасны просьбы дочери твоей, убѣжденія жены твоей, совѣты невѣстки, которую ты всегда уважалъ?

ТЕНЬЕРЪ.

И уважаю, потому, что она сама уважаетъ званіе и призваніе художника!... Изволь; я докажу тебѣ, какъ твой мужъ дорожитъ счастьемъ своей дочери. Я согласенъ.....

ЯНСИ.

Не смѣю вѣрить!

ТЕНЬЕРЪ.

Отдать Янси...

ПИТЕРНЕЛА.

За Донъ-Альвара?

ЯНСИ.

Батюшка! вы рѣшаетесь?

ТЕНЬЕРЪ.

Рѣшусь.

ЯНСИ.

Да скоро ли?

ТЕНЬЕРЪ.

Коль скоро у тебя будетъ 10 т. гульденовъ приданаго, не больше.

ЯНСИ.

Какъ я ошиблась!..

ПИТЕРНЕЛА.

Ну, дочка! сядь теперь у моря, да и жди погоды. Видно не бывать тебѣ замужемъ.

ТЕНЬЕРЪ.

А почему?

ПИТЕРНЕЛА.

А потому, что у тебя, не только десяти тысячь гульденовъ, да и десяти тысячь штиверовъ никогда не бывало, и не будетъ.

ТЕНЬЕРЪ.

Вотъ я покажу тебѣ противное — и скорѣе нежели ты думаешь. Ясперъ! шляпу и трость. Пойду къ повѣренному Шведской Королевы Христины, которой я поднесъ мою Миддельбургскую ярмарку — и ты увидишь.

ПИТЕРНЕЛА.

Увижу, какъ ты придешь, по обыкновеню, съ пустыми руками.

ТЕНЬЕРЪ.

Не дойдетъ до ночи день —
Твой Теньеръ разбогатѣетъ.
Всѣ Артисты станутъ въ пень!
Кто же дѣло разумѣетъ,
Тотъ, оставя спѣсь и лѣнь,
На поклонъ ко мнѣ поспѣетъ!...
Мурилло и Пусенъ,
Дуларть и Перуджини,
И Рембрантъ и Гверчини,
Всѣ въ прахъ передо мной!
И свѣтъ меня хвалой
Возвыситъ — пребольшой! *(уходитъ)*

ПИТЕРНЕЛА *(въ слѣдъ ему)*.

Все вздоръ! За эту похвалу не достанешь куска черстваго хлѣба.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ТЕНЬЕРА.

ПИТЕРНЕЛА.

Этакая пустая головушка!... ты говоришь ему дѣло, а онъ все съ своими бреднями.... Нѣтъ!.. это... ужасно!... ужасно!... (*Ясперъ въ сторонѣ смѣется*) Что это? Онъ, кажется, смѣется надо мной? Смотри-пожалуй, какого забавника намъ Богъ послалъ!... (*Ясперъ пуще хохочетъ*) Еще-таки!.. перестанешь ли ты, говорятъ тебѣ?

ЯСПЕРЪ (*продолжая смѣяться*).

Да виноватъ-ли я, хозяйка, что на тебя безъ смѣха смотрѣть нельзя (*хохочетъ*). Скажи мнѣ, ради Бога, какъ тебѣ не стыдно такъ сердиться? Развѣ ты не видишь, что твои слова вѣтеръ въ одно ухо вноситъ, а въ другое выноситъ? (*хохочетъ*)

ПИТЕРНЕЛА.

Очень вижу; да смѣшнаго-то тутъ ничего нѣтъ, а больно сердцу.

ЯСПЕРЪ.

А мнѣ то и смѣшно, что ты это принимаешь къ сердцу.

ПИТЕРНЕЛА.

Такъ по твоему.....

ЯСПЕРЪ.

По моему, ты слишкомъ нападаешь на бѣднаго хозяина. Ну, какъ не сказать, что его послѣдняя картина стоитъ.....

ПИТЕРНЕЛА.

Быть вывѣскою на первомъ кабакѣ. Такъ-ли писали прежде наши знаменитые живописцы? Ужъ коли-бы ему чѣмъ кичиться, такъ не картинами, а покровительствомъ Эрцъ-Герцога, Камеръ-Юнкерствомъ.

ЯСПЕРЪ.

А я такъ пророчу тебѣ, что слава картинъ Теньера-художника, переживетъ всѣхъ пра-пра-пра-пра-пра-внучковъ Теньера — Камеръ-Юнкера.

ПИТЕРНЕЛА.

Да безпутный пра-пра-пра-пра-пра-дѣдушка этихъ будущихъ пра-пра-пра-пра-пра-правнучатъ уморитъ съ голода все свое потомство въ зародышѣ. Вотъ о чемъ ты долженъ былъ напѣвать своему безмозглому хозяину, а не о бутылочкѣ, да о проклятыхъ краскахъ, да еще о какихъ-то красоткахъ; а на васъ, нищихъ, порядочная женщина и не взглянетъ.

ЯСПЕРЪ.

А съ чего ты взяла, что я ему этого не напѣваю? Вотъ еще и нынче. . . . .

ПИТЕРНЕЛА.

А онъ - то что?

ЯСПЕРЪ.

По обычаю своему, одно и то же: картинамъ моимъ узнаютъ цѣну, точно также, какъ оцѣнили произведенія Рубенса, Дуларта, Лукаса, фанъ - Лейдена . . . . . .

ПИТЕРНЕЛА.

Экъ занесъ! Ни одного изъ этихъ живописцевъ давно на свѣтѣ нѣтъ.

ЯСПЕРЪ *(задумчиво)*.

То - то и плохо, что достоинству отдаютъ справедливость только по смерти . . . . Ба! . . . славно! . . . ура! . . . что за счастливая мысль!

ПИТЕРНЕЛА.

Янси! посмотри! . . ужъ не рахнулся - ли онъ? . . . видишь: какъ онъ бѣгаетъ и размахиваетъ руками.

ЯНСИ.

Вижу, вижу! . . . Ясперъ! . . . что ты . . . . . .

ЯСПЕРЪ.

Такъ! онъ долженъ умереть?

ЯНСИ.

Умереть? — кто?

ЯСПЕРЪ.

Теньеръ! ты долженъ умереть, непремѣнно долженъ, и я берусь за это.

ЯНСИ.

Ахъ, матушка! онъ хочетъ его уморить!

ПИТЕРНЕЛА.

Кого? моего мужа? твоего благодѣтеля?

ЯСПЕРЪ.

Да! Питернела! . . да! Янси! мы его уморимъ!

ПИТЕРНЕЛА.

Ахъ, ты, разбойникъ! да что ты это затѣялъ?

ЯНСИ.

У него и глаза помутились. Не позвать ли сосѣдей?

ЯСПЕРЪ *(съ хохотомъ)*.

Какъ онѣ перепугались!

ПИТЕРНЕЛА.

Онъ же еще и хохочетъ!

ЯСПЕРЪ.

Послушайте! предорогая выдумка!

ПИТЕРНЕЛА.

Благодаримъ покорно! пробуй ее надъ собой!

ЯНСИ.

И тебѣ не стыдно? — Ахъ! матушка! какой онъ злой человѣкъ!

ЯСПЕРЪ.

Полно! полно! что тутъ злаго-то? если-бъ только упрямецъ нашъ согласился.

ПИТЕРНЕЛА.

Какъ-бы не такъ! Согласится онъ умереть изъ доброй воли.

ЯСПЕРЪ.

Для вашей и своей пользы. Ну, знайте-же!

ПИТЕРНЕЛА.

И знать не хочу, и слушать не намѣрена! вотъ еще новость: умереть для своей пользы.

ЯСПЕРЪ.

Да, коли я говорю, что это . . . . .

ПИТЕРНЕЛА и ЯНСИ.

Вздоръ! вздоръ! вздоръ!

ЯСПЕРЪ.

Только . . . . . .

ПИТЕРНЕЛА.

Сатанинскія мысли, душегубецъ!

ЯНСИ.

Такъ, такъ, матушка! не надо и слушать его.

ПИТЕРНЕЛА.

Постой, дружокъ! я справлюся,
Раздѣлаюсь съ тобой;
Въ отплату позабавлюся
На счетъ я также твой.
Забудешь ты любезничать,
Смѣяться надо мной,
Отучишься повѣсничать,
Повѣса дорогой!

ЯСПЕРЪ.

Тьфу — пропасть! . . . да выслушаешь ли ты . . . .

ПИТЕРНЕЛА.

Чего тутъ слушать? вотъ я ужо поговорю съ тобой, человѣкоубійца!

ЯСПЕРЪ.

Да онъ умретъ только для шутки.

ПИТЕРНЕЛА.

Изрядная шутка!

ЯСПЕРЪ.

Онъ прикинется мертвымъ... Ну! понимаете-ли теперь?

ПИТЕРНЕЛА.

Иное дѣло! да къ чему все это?

ЯСПЕРЪ.

Къ тому, чтобы доказать тебѣ: чего стоятъ его картины? доставить дочери твоей приданое, безъ котораго онъ никогда не согласится выдать ее за богатаго Донъ-Альвара. Видишь-ли теперь, что ему должно умереть.

ЯНСИ.

Да какъ же всѣхъ увѣрять, что батюшка умеръ? нѣтъ, Ясперъ, выдумай другое средство. Мнѣ и помыслить страшно.

ЯСПЕРЪ.

Другое; а это чѣмъ худо? отца твоего убудетъ что-ли отъ этого? прослыветъ мертвымъ, а все въ живыхъ останется

ПИТЕРНЕЛА.

Разумѣется: это одна только хитрость; да кто-жъ такъ будетъ простъ, чтобъ за эти вздорныя картины....

ЯСПЕРЪ.

Это ужъ мнѣ предоставьте. Я взялся — и знаю за что берусь. Теперь — великій живописецъ! одна нимъ съ нимъ бѣда: плодовитость и быстрота; у него картины, какъ грибы, ростутъ; всякой и думаетъ: успѣемъ наполнить его трудами цѣлый домъ за безцѣнокъ!.. Да! покуда онъ будетъ жить, ни кто не поторопится запастись его произведеньями. Умри же онъ, или хоть прослыви мертвымъ — и труды его раскупятъ на перехватъ.

ПИТЕРНЕЛА.

Ахъ, Ясперъ! если бы ты намъ пророчилъ правду!

ЯСПЕРЪ.

Увидишь. Да о чемъ тутъ толковать? Если бы хоть вчера только послушала ты, что говорили о немъ Французскій и Англійскій Коммиссіонеры въ Живописномъ Клубѣ.

ПИТЕРНЕЛА.

Я начинаю вѣрить тебѣ. Да скажи мнѣ: какъ же ты думаешь привести въ дѣйствіе свою выдумку?

ЯСПЕРЪ.

Я?... бродитъ въ головѣ.... да, трудненько! Чудакъ-то нашъ больно упоренъ!.. Ну, да ужъ быть такъ, попробуемъ... Послушайте-жъ: я скопилъ около десятка гульденовъ, которые набралъ за помалевку двухъ-трехъ окончинъ у толстяка Аларта, за побѣлку трубы у сосѣдки, и за отдѣлку,

для вывѣски, зеленаго осла учителю Латыни. За эти денежки я возьму на прокатъ саванъ нашему живому мертвецу и печальнаго платья для васъ, вдовы и сиротки. По пути забѣгу на биржу, подлѣ которой и Живописный Клубъ. Тамъ вездѣ и распущу слухъ, что славный Теньеръ, представляя мертво-пьянаго сосѣда у винной бочки, такъ плѣнился своею отработкою, что и самъ, хотя во рту почти трое сутокъ, кромѣ воды, ничего не было, покатился, какъ-бы упившись горячительныхъ соковъ, да и ну хрипѣть, храпѣть, храпѣть, хрипѣть, да и поминай, какъ друга звали!

ЯНСИ.

Ахъ! Ясперъ!

ЯСПЕРЪ.

Поди, ты, съ твоею дѣтскою нѣжностью; не до нея теперь. На платье и саванъ денегъ станетъ. Столомъ сосѣдъ ссудитъ. Да вотъ бѣда: нужна длинная простыня, а ее нѣтъ. Что и было, хозяинъ перекромсалъ на занавѣски картинъ своихъ. А! кстати! поснимайте съ нихъ холстину, да сшейте — вотъ вамъ и простыня.

ПИТЕРНЕЛА.

Онъ дѣло говоритъ. Помогай мнѣ, Янси! (*снимаютъ холсты и начинаютъ сшивать*).

ЯСПЕРЪ.

И такъ, прощайте! побѣгу объявлять и встрѣчному и поперечному о внезапной кончинѣ нашего безпокойнаго покойника; заверну къ Аукціонисту и Нотаріусу. Смотрите же, чуръ не дремать съ вашей работой!

ПИТЕРНЕЛА.

Ступай, ступай! все будетъ слажено.

ЯСПЕРЪ (*Янси*).

Не правда ли, что Ясперъ злой человѣкъ?

ЯНСИ.

Нѣтъ! ты былъ и будешь всегда нашимъ добрымъ Ясперомъ.

ПИТЕРНЕЛА.

Поди же! пошелъ!

ЯСПЕРЪ.

Иду и мигомъ ворочусь съ моимъ грузомъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПИТЕРНЕЛА и ЯНСИ.

ЯНСИ.

Что? если бы теперь пришелъ сюда нашъ Донъ-Альваръ? какъ бы онъ обрадовался выдумкѣ Яспера!

ПИТЕРНЕЛА.

А я такъ рада, что его здѣсь нѣтъ; да когда и придетъ, то все лучше ему объ этомъ не говорить...

ЯНСИ.

Для чего же?

ПИТЕРНЕЛА.

Для того, чтобы онъ не вздумалъ разомъ скупить всѣ картины; а тогда старикъ нашъ на отрѣзъ откажетъ.

ЯНСИ.

И подлинно! лучше вдругъ его послѣ обрадовать.

Не знавъ, что намъ надежды свѣтъ
Блеснулъ, онъ, въ грусти безотрадной,
Клянетъ людей и жизнь и свѣтъ!
На всё и всѣхъ ему досадно!

*

Пустыня дикая — намъ свѣтъ,
Когда мы въ скорби унываемъ!
Но промелькни надежды свѣтъ —
И намъ пустыня — свѣтлымъ раемъ!

*

Съ твоей любовью мнѣ, мой свѣтъ!
Все въ жизни краше и свѣтлѣе!
И я смотрю на Божій свѣтъ
Съ надеждой, вѣрой веселѣе!

ПИТЕРНЕЛА.

Помоги мнѣ сложить простыню.

ЯНСИ.

Донъ-Альваръ не сказалъ вамъ: когда онъ будетъ сюда?

ПИТЕРНЕЛА.

Какъ будто забыла, что онъ долженъ нынче придти за отвѣтомъ.

ЯНСИ.

Нѣтъ, кажется, вы мнѣ объ этомъ не говорили... когда онъ придетъ, вы скажите ему... Ахъ Боже мой! не онъ-ли стучится въ дверь? (*отворяетъ дверь*). Войдите.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПРЕЖНІЕ и ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Здравствуйте, Янси! (*Питернель*) Извините, что я пришелъ раньше назначеннаго вами времени. Встрѣтивъ на ближней улицѣ Г. Теньера, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ, въ отсутствіи его, скорѣе узнать отъ васъ судьбу мою.

ПИТЕРНЕЛА.

Я говорила мужу.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Вы говорили ему? какъ мнѣ выразить вамъ мою благодарность!

ПИТЕРНЕЛА.

Не торопитесь такъ съ вашею благодарностью. Еще успѣете отблагодарить, когда будетъ за что.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Какъ я долженъ понимать ваши слова? Янси! выведите меня изъ мучительнаго недоумѣнія! чего мнѣ надѣяться?

ЯНСИ.

Таки и не надо терять надежды.

ПИТЕРНЕЛА.

Не забывать, что тебѣ сказано!

ЯНСИ.

Ужъ будьте спокойны, не забуду вашихъ словъ.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

О Янси! какъ ужасно
Судьбы своей не знать!
За что-жъ меня напрасно
Безвѣстностью терзать?
Что-жъ мнѣ, мой другъ прекрасный,
Что думать? что начать?

ЯНСИ.

Надежды не терять.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Что слышу!.... оживаю!
О милый сердцу взглядъ!
Но, Янси! я не знаю:
Далекъ-ли часъ отрадъ?
И жду и умираю!
Ахъ! что мнѣ, что начать?

ЯНСИ.

Надежды не терять.

Матушка! что-жъ я ему скажу?

ПИТЕРНЕЛА.

Чтобы пришелъ сюда чрезъ два-три часа, и тогда...

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Судьба наша разъяснится?

ЯНСИ.

Угадали!

ПИТЕРНЕЛА.

Молчать, болтушка!

ЯНСИ.

Виновата! да мнѣ стало жаль его!

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Добрая Янси! какимъ счастливымъ случаемъ?

ЯНСИ.

Этого-то и не скажу. Будетъ время, все узнаете. Что, матушка, каково я умѣю молчать?

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Довершите мое благополучіе! скажите: Г. Теньеръ согласенъ?

ПИТЕРНЕЛА.

Будетъ, будетъ согласенъ; а теперь лучше, если онъ съ вами здѣсь не столкнется.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ И ЯНСИ.

Пройдутъ печали и сомнѣнія,
Воскреснутъ радости для насъ;
Настанетъ время обрученья
Сердецъ съ рукою — въ добрый часъ!

*

Въ блаженствѣ станемъ жить съ тобою,
Сердцами нѣжными слѣясь,
И вѣчно страстною душою
Мы будемъ славить — добрый часъ!

ПИТЕРНЕЛА.

Полно! полно! Богъ поможетъ. Пора разстаться. Мужъ скоро воротится; а я, повторяю вамъ, не хочу, чтобы вы теперь встрѣтились.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Ваша воля — мнѣ законъ. Однако-жъ.....

ПИТЕРНЕЛА.

Однако-жъ, однако-жъ, прошу отправляться.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Прощайте, Янси!

ЯНСИ.

Не забудьте-жъ придти ужо.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Мнѣ забыть!.... прощайте!

ПИТЕРНЕЛА *(провожая его).*

Прощайте, прощайте и прощайте. *(Донъ-Альваръ отворяетъ дверь; но, услышавъ походку Теньера, возвращается, объяснялсь знаками; прячется за станокъ, и когда Теньеръ входитъ, выискавъ удобное мгновеніе, выбѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 6.

ПИТЕРНЕЛА, ЯНСИ и ТЕНЬЕРЪ.

ТЕНЬЕРЪ.

Что я вижу? что это значитъ? все въ безпорядкѣ! картины не на своихъ мѣстахъ, всѣ раскрыты, кисти раскиданы, краски не убраны! Питернела! Янси! Ясперъ! сказывайте: кто виноватъ? я этого не потерплю! гдѣ холсты? гей! что же вы молчите? я бѣшусь!.....

ПИТЕРНЕЛА.

Да, полно, крикунъ! не бѣсись, не суетись, все сыщется; погоди Яспера.

ТЕНЬЕРЪ.

А гдѣ онъ, я хочу знать!

ПИТЕРНЕЛА.

Потерпи, все узнаешь. Скажи намъ покуда, что ты досталъ, продалъ-ли что-нибудь, будутъ-ли деньги?

ТЕНЬЕРЪ.

Нѣтъ! что вамъ до этого? гдѣ холсты?

ПИТЕРНЕЛА.

Все отыщется; да будутъ-ли у насъ деньги?

ТЕНЬЕРЪ.

Не будутъ. Не въ деньгахъ рѣчь. Откуда, отъ чего, отъ кого такой безпорядокъ?

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢЖЕ и ЯСПЕРЪ.

Онъ, въ саванѣ, несетъ столовыя ножки; за нимъ носильщикъ несетъ столовую доску и платья.

ТЕНЬЕРЪ.

Ясперъ! Ясперъ! ба! это что еще! (*Ясперъ, молча, идетъ въ другую комнату, Теньеръ бѣжитъ за нимъ и оба возвращаются; носильщикъ уходитъ*). Скажешь ли, ты, мнѣ, что все это значитъ?

ЯСПЕРЪ.

А вотъ что: ты, мастеръ, умеръ, и мы по тебѣ сокрушаемся въ печальныхъ нарядахъ.

ТЕНЬЕРЪ.

Ты, подмастерье, съ ума спятилъ, и я о тебѣ душевно сожалѣю.

ЯСПЕРЪ.

Нѣтъ, я въ полномъ умѣ; а ты точно умеръ.

ТЕНЬЕРЪ.

Я начинаю терять терпѣнье.

ПИТЕРНЕЛА.

Ты, сперва выслушай его!

ЯНСИ.

Послушайте его, батюшка!

ТЕНЬЕРЪ.

Ну, ну, говори, говори скорѣй!

ЯСПЕРЪ.

Картинъ у насъ много, а денегъ нѣтъ; продать мы ихъ рады, а никто не покупаетъ.

ТЕНЬЕРЪ.

Какъ! никто не покупаетъ? Поэтому онѣ не хороши, онѣ не стоятъ денегъ? онѣ.....

ЯСПЕРЪ.

Ни, ни, хороши, прекрасны, безцѣнны, все, что тебѣ угодно; да вотъ бѣда: если бы ты былъ богатъ, такъ-бы знали, что продаешь не отъ крайности — и давали-бы тебѣ за нихъ настоящую плату; или — и того лучше: если бы тебя на свѣтѣ не-было, — охотники и знатоки покупали бы ихъ дорогою цѣною, и отыскивали бы вездѣ малѣйшую бездѣлку твою, чтобъ ничто не пропадало; на бѣду, ты живъ — стало-быть всякой успѣетъ наполнить цѣлые хоромы твоею работою; а потому никто и не торопится.

ТЕНЬЕРЪ.

Я радъ бы для этого умереть!

ЯСПЕРЪ.

И умеръ!

ТЕНЬЕРЪ.

О, невѣжество! о гибель просвѣщенія! не хотятъ, не умѣютъ цѣнить достоинства! не уважаютъ дарованія! пренебрегаютъ искусства! художникамъ отдаютъ справедливость — только по смерти!..

ЯСПЕРЪ.

И отдадутъ. Слушай-ка: на биржѣ, въ Живописномъ Клубѣ, на рынкахъ, вездѣ, вездѣ разсѣялъ я слухи, что славный Теньеръ умеръ, и что безсмертныя картины его будутъ продаваться съ молотка. Посмотри, какъ ужо набѣгутъ сюда къ торгу и живописцы, и охотники, и купцы, и ротозѣи, и знать, и чернь... все распродамъ — и слава твоя развезется съ картинами по бѣлу свѣту!.. (*Теньеръ молчитъ въ задумчивости*). Ты ляжешь въ той комнатѣ на столъ, который, вмѣсто простыни, купить-то ее было нѐ-начто, покроемъ сшивками твоего холста съ разныхъ картинъ. Бѣдняжка — вдова твоя и сиротка — дочь ея, надѣнутъ черныя платья и будутъ здѣсь передъ всѣми вздыхать, да охать. Я стану принимать гостей, смиренно провожать къ тебѣ желающихъ на прощанье, расписывать твои добродѣтели, выказывать и выхвалять картины, которыя всѣ и продадутся разомъ.

ТЕНЬЕРЪ (*идучи*).

Быть такъ! (*Ясперъ уноситъ за нимъ простыню. Питернела и Янси надѣваютъ черныя платья*).

ПИТЕРНЕЛА.

Правду сказать: Ясперъ большой выдумщикъ! дай Богъ, чтобъ удалась намъ эта хитрость. Теперь сядь въ уголъ, да, закрывъ лицо руками, рыдай и плачь, на-всхлипъ. (*Янси сѣла*).

ЯСПЕРЪ.

Уложилъ славно: руки на грудь крестомъ, голову обвязалъ замасляной тряпицей, ноги вытянулъ, ну, ни-дать-ни-взять, мертвецъ!

ТЕНЬЕРЪ (*изъ своей комнаты*).

Ясперъ!

ЯСПЕРЪ.

Молчи! тьфу какой! какъ онъ ужо такъ вскрикнетъ — бѣда!

ТЕНЬЕРЪ.

Ясперъ!

ЯСПЕРЪ *(подбѣгая къ двери).*

Что понадобилось?

ТЕНЬЕРЪ.

Не забудь показать мою послѣднюю картину.

ЯСПЕРЪ.

Не забуду!

ТЕНЬЕРЪ.

Ясперъ!

ПИТЕРНЕЛА.

Создатель мой! не бывать пути!

ТЕНЬЕРЪ *(выглядывая изъ дверей).*

Ясперъ! пуще всего выкажи.....

ЯСПЕРЪ *(захлопнувъ двери).*

Чтобъ у него горло пересохло.

ТЕНЬЕРЪ *(вбѣгая въ саванъ, и съ завязанной головой)*

Кисти! кисти! какая мысль! (*Питернела и Ясперъ выталкиваютъ его въ двери*)

ПИТЕРНЕЛА *(сѣла у двери).*

О, неугомонный мертвецъ!

ЯСПЕРЪ.

Сиди тутъ, и чуть онъ покажется, прихлопни ему носъ — лучше на мертвеца будетъ походить.

ЯСПЕРЪ.

Скоро къ намъ сюда сберется
Много разныхъ, чудныхъ лицъ!
Торгъ картинамъ здѣсь начнется —
И вспоркнутъ, какъ стая птицъ!

ТЕНЬЕРЪ *(за кулисами).*

Да пора-бы имъ собраться!
Долго-ль буду я лежать?

ПИТЕРНЕЛА *(въ дверь).*

Тише! тише! ужъ стучатся.

ТЕНЬЕРЪ.

Скоро-ль мнѣ позволятъ встать?

ЯНСИ.

Мысли бойкія уймитесь!
(Теньеръ вторитъ ей хохотомъ.)

ЯСПЕРЪ *(въ дверь).*

Будешь что-ли ты молчать?

ТЕНЬЕРЪ.

Буду, буду, не сердитесь;
Вотъ вамъ слово, замолчу.

ЯСПЕРЪ *(Питернелѣ и Янси).*

Вы, рыдайте, плачьте, рвитесь!

ТЕНЬЕРЪ.

Ну, какъ я захохочу!

ЯНСИ.

Страхи сердца, истребитесь!

(Теньеръ опять отворитъ ей хохотомъ.)

ПИТЕРНЕЛА *(въ дверь).*

Замолчишь-ли?

ТЕНЬЕРЪ.

Ну! молчу!

(Въ продолженіи пѣнія, Ясперъ, Питернела и Янси разстанавливаютъ станки и картины на одну сторону, такъ чтобъ, при аукціонѣ, дѣйствующія лица были спиной къ двери, изъ которой иногда выглядываетъ Теньеръ).

ЯСПЕРЪ.

Тсъ! идутъ .... у! какое множество!

ЯВЛЕНІЕ 8.

ПРЕЖНІЕ; ФАНЪ-АУДЕНЪ, ФАНЪ-ОПСТАЛЬ, АУКЦІОНИСТЪ, НОТАРІУСЪ, ПОКУПЩИКИ, НОСИЛЬЩИКИ, ЛЮБОПЫТНЫЕ.

ХОРЪ ВХОДЯЩИХЪ.

И такъ, Теньеръ! судилъ уставъ судьбины:
Тебѣ не жить!
Но такъ и быть!
Твои безсмертныя картины —
Все будутъ жить.
Всѣ разберемъ высокою цѣною,
И всей толпой
За упокой
Подпишемъ вой,
И всей толпою
Пойдемъ домой.
Увы! Теньеръ! таковъ законъ судьбины:
Тебѣ не жить!
Но, такъ и быть,
Твои безсмертныя картины —
Все будутъ жить!

ЯСПЕРЪ.

Ахъ! Милостивые Государи! охъ! Милостивыя Государыни! смѣшайте слезы ваши съ слезами оставшихся сиротъ послѣ Теньера... *(подойдя къ двери)* Здѣсь лежитъ ... *(въ двери Теньеру)* не шевелись! .... *(вслухъ)* здѣсь лежитъ славный Теньеръ, о которомъ рыдаютъ неутѣшныя жена и дочь! *(къ нимъ)*: Рыдайте громче ... *(онѣ рыдаютъ; въ толпѣ женщины также плачутъ).* Плачь съ нами,

художество! плачьте, художники! плачь, живопись! плачьте, живописцы! плачьте... плачь.... плачьте.... Теньера здѣсь ужъ нѣтъ!.....

ЯСПЕРЪ, ЯНСИ И ПИТЕРНЕЛА.

Теньера нѣтъ!.. о! плачьте и рыдайте!..
Ахъ! для чего оставилъ ты нашъ свѣтъ!
Друзья! въ слезахъ, печально восклицайте!
Теньера нѣтъ! увы! Теньера нѣтъ!

Хоръ повторяетъ послѣдній стихъ.

ЯСПЕРЪ.

Теньера нѣтъ! *(отворяя дверь)* покойникъ здѣсь, въ покоѣ —
И нищеты онъ не страшится бѣдъ.
Дочь и жена! завопимъ въ голосъ трое:

ПИТЕРНЕЛА, ЯНСИ И ЯСПЕРЪ.

Теньера нѣтъ! увы! Теньера нѣтъ! *(хоръ повторяетъ).*

ЯСПЕРЪ.

Кому угодно отдать послѣдній долгъ успокоившемуся? *(провожаетъ любопытныхъ къ Теньеру).*

ПИТЕРНЕЛА И ЯНСИ.

Ахъ! на кого покинулъ насъ ты, милый?
Намъ, безъ тебя, постылъ и бѣлый свѣтъ!
Встань! встань! очнись! услышь нашъ хоръ унылый!

ХОРЪ.

Теньера нѣтъ! увы! Теньера нѣтъ!

ЯСПЕРЪ.

Нѣтъ его! кисти его осиротѣли! краски засохли! полотно умерло! *(всхлипывая)* Не родится другаго Теньера! не будетъ новыхъ картинъ отъ него! Вотъ, бѣдняжки! вотъ, онѣ, всѣ тутъ, покупайте! покупайте! скоро расхватаютъ ихъ для всей Европы! *(поетъ безъ музыки).*

Теньера здѣсь ужъ нѣтъ! Теньера съ нами нѣтъ!

ФАНЪ-АУДЕНЪ.

Слава его гремитъ въ Европѣ. Мы за тѣмъ собрались сюда, чтобы принести дань уваженія къ трудамъ покойника — покупкою его произведеній.

ФАНЪ-ОПСТАЛЬ.

Не пожалѣю никакихъ денегъ за лучшія изъ его картинъ.

ЖИВОПИСЦЫ.

Начинайте-жъ! начинайте продажу!

ПОКУПЩИКИ.

Начинайте! чего медлить?

НОТАРІУСЪ.

Начнемъ.

АУКЦІОНИСТЪ.

Такъ начнемъ! начнемъ скорѣе!
Что еще намъ отлагать?
Время, время начинать.
Но сперва всего нужнѣе
Вамъ мою прослушать рѣчь:
Вы картины разбирая,
Одѣняя и сличая,
И торгуя, раскупая,
Чуръ — лишь денегъ не беречь!

(*Два послѣдніе стиха повторяютъ съ нимъ Питернела, Янси, Ясперъ и Нотаріусъ*).

АУКЦІОНИСТЪ.

Такъ начнемъ! но мнѣ.. вниманья!
Всѣ сюда! смотрѣть и ждать!
Всѣ порядокъ соблюдать!
И Теньеровы созданья
Продадутся съ молотка.
Чуръ лишь дѣлать по наказу:
Что ударъ, то больше мазу!
И по третьему лишь разу —
Деньги сыпь изъ кошелька!

(*Хоръ повторяетъ послѣдніе два стиха*).

ТЕНЬЕРЪ *(выглядывая изъ двери).*

Ясперъ! незабудь же послѣднюю...

ЯСПЕРЪ *(затворяя дверь).*

Да ужъ не забуду.... Вотъ послѣднее его произведеніе. Кончая эту картину, онъ и самъ скончался (*зарыдалъ*).

ХОРЪ *(безъ музыки).*

Теньера здѣсь ужъ нѣтъ! Теньера съ нами нѣтъ!

НОТАРІУСЪ.

Картина вчерашней ярмарки, послѣднее произведенье покойнаго: 400 гульденовъ. Кто за собой оставить?

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Я.... я.... я.....

АУКЦІОНИСТЪ *(ударя молоткомъ).*

Разъ!..... кто больше?

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

458..... 480..... 500.....

ФАНЪ-ОПСТАЛЬ.

600.....

АУКЦІОНИСТЪ.

Два. Кто больше?

ФАНЪ-АУДЕНЪ.

900 .....

АУКЦІОНИСТЪ.

Три! ..... подавайте денежки.

ФАНЪ-АУДЕНЪ.

Прекрасная картина! Великобританія покровительствуетъ художествамъ, и я жертвую этою драгоцѣнностью Двору Англійскому.

НОТАРІУСЪ.

Сорокъ картинъ, изображающихъ игры Фламандскія — 3,000 гульденовъ.

АУКЦІОНИСТЪ.

Кто больше? ... Разъ! ..

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

3,050 .... 3,100 .... 3,200 .... 3,600 ....

ФАНЪ-АУДЕНЪ.

4,000 .....

АУКЦІОНИСТЪ.

Кто больше? ..... два!

ФАНЪ-ОПСТАЛЬ.

5,000 .....

АУКЦІОНИСТЪ.

Кто больше? ... три ... принимай, Ясперъ, золото.

ФАНЪ-ОПСТАЛЬ.

Да украсится дивными произведеніями Теньера Королевская въ Парижѣ Галлерея.

НОТАРІУСЪ.

Двадцать картинъ деревенскихъ праздниковъ. 4,000 гульденовъ.

ОДИНЪ ПОКУПЩИКЪ.

5,000 .....

АУКЦІОНИСТЪ.

Разъ .....

ДРУГОЙ ПОКУПЩИКЪ.

5,900 .....

АУКЦІОНИСТЪ.

Два .....

ТРЕТІЙ ПОКУПЩИКЪ.

6,600 .....

АУКЦІОНИСТЪ.

Три. Кто больше?

ПОКУПЩИКЪ.

За мною . . .

НОТАРІУСЪ.

Праздники . . . . . .

ТЕНЬЕРЪ *(обѣгая)*.

Полно! полно! больше не продаю.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Ай! ай! мертвецъ! мертвецъ! ай! ай!

НОТАРІУСЪ.

Съ нами крестная сила!

АУКЦІОНИСТЪ *(стуча молоткомъ)*.

Сгинь! сгинь, нечистая сила!

ХОРЪ.

Мертвецъ! мертвецъ! ахъ! Царь Небесный съ нами!
Знать онъ съ того къ намъ свѣта прибѣжалъ?

ЯСПЕРЪ, ПИТЕРНЕЛА и ЯНСИ.

О, нѣтъ! Теньеръ знать тронулся слезами
Друзей своихъ — очнулся и возсталъ.

ФАНЪ-АУДЕНЪ.

Что-жъ это все значитъ?

ФАНЪ-ОПСТАЛЬ.

Я ничего не понимаю.

ЯВЛЕНІЕ 9.

ПРЕЖНІЕ и ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Какъ! вы живы! слава Богу!

ТЕНЬЕРЪ.

Къ услугамъ вашимъ.

ПИТЕРНЕЛА.

Это Донъ-Альварь Мендоза, о которомъ тебѣ писала сестра.

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

Весь городъ вопитъ, что вы . . . . какъ я радъ, что это пустая молва!

ТЕНЬЕРЪ.

Благодарю покорно за участіе, хоть, правду сказать, вамъ-бы меньше всѣхъ можно было потужить обо мнѣ; да я умеръ кстати, а ожилъ и того лучше; мы сочтемся съ вами . . . Такъ! почтенные гости мои! я живъ и здо-

ровъ! здоровье, чѣмъ когда-либо. Я прикинулся мертвымъ, чтобы холодный и несправедливый свѣтъ отдалъ справедливость трудамъ моимъ. Теперь, по милости вашей, будетъ съ меня, да еще и дочери моей на приданое станетъ.... Изволите-ли видѣть, господа знатоки, цѣнители и охотники, какъ хорошо иногда кстати и умереть. Два часа назадъ я былъ также не бездарнымъ труженикомъ, не неизвѣстнымъ какимъ-нибудь краскомазомъ, а никто меня не величалъ — и я оставался въ бѣдности. Разнесся слухъ о моей смерти, вздумалось Ясперу провыть (*поетъ безъ музыки*):

»Теньера нѣтъ! увы! Теньера нѣтъ!« и вотъ слава — славою, а и деньги золотымъ дождемъ полились въ домъ. Таковъ свѣтъ... таковы люди... почти всегда справедливость отдается послѣ смерти!.. да это еще счастье! бываетъ, что и за гробовой доской зависть и злоба, клевета и низость разроютъ, разшевелятъ кости даровитаго мужа, раскидаютъ благородный прахъ на вѣтеръ, черепъ его выставятъ на посмѣшище пошлой толпѣ невѣждъ!... о! люди! люди!... а сколько талантовъ задушено, при самомъ зародышѣ, при первомъ блескѣ успѣха? Ясперъ! расчитывайся съ покупщиками, Нотаріусомъ, Аукціонистомъ, отпускай картины носильщикамъ, и принимай денежки.... Янси! сюда! (*Донъ-Альвару*) Теперь согласенъ отдать вамъ её. Не скажутъ, что она нищая и изъ крайности пошла за васъ. Не одежда, облитая золотомъ, даетъ вамъ на неё право. Нѣтъ! взаимная любовь и равенство соединяютъ васъ: ваши предки были извѣстны на воинскомъ поприщѣ; она также не неизвѣстнаго человѣка дочь.

ЯНСИ.

О, радость! о, безцѣнный!
Соединили васъ!

ДОНЪ-АЛЬВАРЪ.

О, другъ мой неизмѣнный!
Настала блаженства часъ!

ЯСПЕРЪ.

Меня должны благодарить:
Я вздумалъ друга уморить
Такъ кстати, что онъ вдвое
Въ довольствѣ проживетъ;
По краткомъ упокоѣ —
Покой по смерть найдетъ.

*

Какъ деньги есть — такъ пѣтъ и бѣлъ!
Безъ денегъ — матъ! таковъ удѣлъ свѣтъ!
Могу умомъ гордиться
И важно въ слухъ провѣть:
Пускай-же потрудится
Другой такъ умереть.

ПИТЕРНЕЛА.

Ну полно мнѣ бранитъся
Съ упрямымъ муженькомъ:
Изволь себѣ гордитъся
Кистями.... съ колпакомъ!
Теперь умъ шутка неплоха:
Достала дочькѣ жениха!
И всякой злѣсь съ забавой
И рада и пропѣть:
Я — съ деньгами, ты — съ славой,
Дай Богъ не умереть!

ТЕНЬЕРЪ.

Готовъ я помириться
Съ сварливою женой!
Лишь — только-бъ не хватиться
За старое съ тобой!.....
Коль мнимой смертью я теперь
Открылъ себѣ въ храмъ славы дверь,
Не будемъ-ли мы правы,
Художники! пропѣть:
Для чести и для славы —
Не страшно умереть!

АУКЦІОНИСТЪ.

(Обращаясь то къ покупщикамъ, то къ зрителямъ).

Не вовсе-же напрасно
Сюда васъ привели,
Хотя — признаюсь гласно —
Хитро васъ провели!
И дѣльно было вамъ тужить,
Тенера вздумавъ хоронить:
Родныя схоронили
Вы денежки свои!
Карманы осушили,
Проливши слезъ ручьи!

*

Но за обманъ не разсердясь,
Картины взявъ и поклонясь,
Умъ лучше вамъ конечно
Покойнику пропѣть:
Легко — для жизни вѣчной
На время умереть!..

ЯНСИ *(къ зрителямъ).*

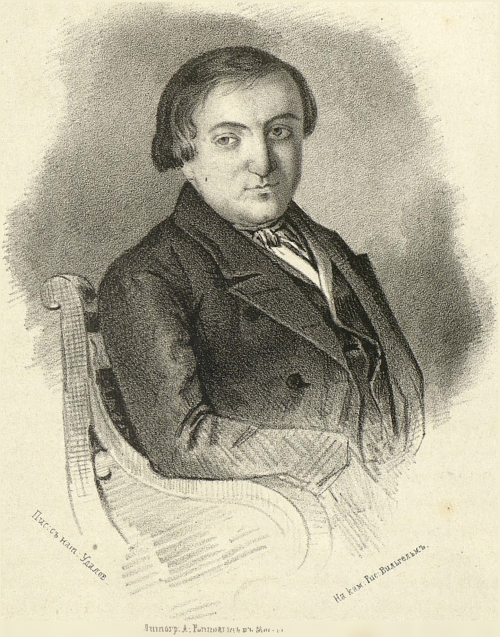
Когда вы забавлялись
Тенеровой игрой
И дружно улыбались
Ему за упокой,
То вамъ ужъ не о чемъ тужить:
Тенеру, видно, долго жить?
И вмѣсто слезной тризны,
Къ судьямъ рѣшусь пропѣть:
Отъ вашей укоризны
Не дайте умереть!

ПРОВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

САДОВСКІЙ.

Провъ Михайловичъ Садовскій родился въ городѣ Ливнахъ, Орловской Губерніи, 10-го Октября 1818 года. Отецъ его, уроженецъ Рязанскій, служилъ по откупамъ — и по дѣламъ своимъ находился въ то время въ Ливнахъ. Молодой Садовскій до девяти лѣтъ оставался постоянно на глазахъ отца и матери — и дѣтство его, какъ и дѣтство многихъ изъ насъ, прошло тихо, незамѣтно подъ кровлей родительской: особенныхъ событій, которыя бы отразились въ жизни артиста — человѣка, не пронеслось надъ головой мальчика. Девяти лѣтъ, онъ лишился отца и остался на рукахъ матери и дяди (роднаго ея брата), который долженъ занять не послѣднее мѣсто въ его біографіи. Григорій Васильевичъ Садовскій былъ замѣчательнымъ актеромъ своего времени: оперный пѣвецъ, онъ, по сказанію очевидцевъ, превосходно выполнялъ роли первыхъ любовниковъ. Обречённый судьбой на трудную скитальническую жизнь кочующаго артиста, въ полной зависимости отъ личнаго произвола содержателей театровъ, онъ выпросилъ однакожъ у матери, обремененной семействомъ и хлопотами подѣламъ, — ея сына, въ намѣреніи взять его на свое попеченіе. Такъ ничтожный случай даетъ нерѣдко направленіе цѣлой жизни человѣка..... Съ этихъ поръ Садовскій неотлучно находился при своемъ дядѣ въ Тулѣ, переписывая ему роли и каждый день бѣгая въ театръ, откуда возвращался домой одинъ, подъ часъ глухою ночью, на разстояніи, можетъ быть, болѣе версты отъ театра. Дяди обязанъ нашъ комикъ своимъ раннимъ знакомствомъ со сценою; ему же обязанъ онъ и фамиліей. * Къ несчастію, этотъ талантливый артистъ не долго пользовался сце-

* Фамилія отца его была — *Ермиловъ.*



П. Садовскій

12

ническою славой: разъ, какъ-то, отдавшись вполнѣ играемой роли, онъ черезъ чуръ естественно прыгнулъ съ верхняго моста, не замѣтивъ болѣе безопаснаго мосточка пониже. Болѣзнь и скорая кончина была слѣдствіемъ этой оплошности: онъ умеръ на 23 году своей жизни.

Его замѣнилъ сиротѣ другой дядя, родной братъ покойнаго, Дмитрій Васильевичъ Садовскій, извѣстный комическій актеръ при Оренбургскомъ театрѣ. Подъ его руководствомъ, четырнадцатилѣтній Садовскій дебютировалъ на Тульской сценѣ въ роли *Сезара*, въ пьэсѣ П. Н. Арапова — *Ватель, или потомокъ великаго человѣка.* Дебютъ удался, и Садовскій сыгралъ въ тотъ годъ больше двадцати ролей разнаго характера и достоинства; за что и получилъ отъ директора тамошняго театра Турчанинова *цѣлковый рубль денегъ.* Понятно, что, при такихъ доходахъ, нечего было заживаться въ Тулѣ. Садовскій отправился съ дядей въ Калугу, откуда послѣдній вернулся опять къ Турчанинову, а племянникъ уже одинъ поѣхалъ въ Рязань. Поступивъ въ трупу къ Шилкину и Вертовскому, Садовскій переѣхалъ съ ними въ Елецъ на Святую недѣлю. Здѣсь застали они другую трупу Вышеславцева, который пытался переманить къ себѣ Садовскаго, предлагая ему тутъ же *шесть золотыхъ*! Счастье не везло однакожъ ни тѣмъ, ни другимъ. Рѣшили: соединить обѣ трупы и общими силами играть въ Лебедяни, гдѣ въ ту пору была ярмарка. Дворникъ, Елецкій мѣщанинъ, у котораго квартировала трупа Шилкина и Вертовскаго, взялся довести туда своихъ постояльцевъ, которые не въ силахъ были платить ему и за постой. Онъ же расчитался за нихъ и съ извощиками, доставившими ихъ изъ Рязани въ Елецъ, онъ выстроилъ имъ на свой счотъ балаганъ въ Лебедяни, онъ поилъ и кормилъ ихъ въ надеждѣ будущей уплаты. Но надеждѣ его не суждено было оправдаться. Положеніе Рязанцевъ часъ отъ часу становилось затруднительнѣе, выручки никакой, объ уплатѣ долговъ нечего было и думать: пришлось опять дворнику вести назадъ своихъ постояльцевъ. Въ Ельцѣ неудачи росли съ каждымъ днемъ — хоть умирать съ голоду! И въ самомъ дѣлѣ, поужинавши разъ ломтемъ чорствваго хлѣба, Садовскій спокойно заснулъ въ углу своего чулана, не вѣдая, будетъ ли что̀ ѣсть на завтрашній день. Подъ утро знакомый голосъ разбудилъ его. Передъ нимъ стоялъ его спаситель, дядя съ вопросомъ: »что ты здѣсь дѣлаешь?« Дядя увезъ его въ Воронежъ, гдѣ Садовскій пробылъ годъ на ничтожномъ жалованьѣ въ трупѣ Вышеславцева. Не полюбилось это Садовскому — и онъ уѣхалъ съ дядей въ Тамбовъ къ Пивато, былъ съ нимъ въ Липецкѣ и наконецъ въ Казани. Въ Казани прожилъ онъ полтора года въ самомъ не-

выгодномъ положеньи. Пивато пополнилъ здѣсь свою трупу актерами другаго содержателя Соколова, котораго и поставилъ режиссёромъ. Не трудно понять, что Соколовъ покровительствовалъ своимъ и что плохо приходилось отъ него Тамбовскимъ выходцамъ. Тутъ случай подоспѣлъ на выручку Садовскаго. Онъ отправился въ Москву съ одной актрисой, которая ѣхала туда повидаться съ своими родными. Въ Москвѣ онъ пробылъ два мѣсяца и постоянно посѣщалъ театръ, благодаря В. И. Живокини. Въ Тулѣ судьба опять свела его съ Вышеславцевымъ, съ которымъ онъ былъ и въ Бѣлевѣ на ярмаркѣ и въ Воронежѣ во время выборовъ. Изъ Воронежа поѣхалъ онъ въ Рязань, навѣстить родныхъ своихъ, и поступилъ къ содержателю Азбукину. Сильная болѣзнь заставила его пролечить всѣ деньги, такъ что, по выздоровленіи, онъ долженъ былъ ѣхать въ Зарайскъ и потомъ въ Тулу, для поправленія своихъ обстоятельствъ.

Жизнь въ Тулѣ — безспорно лучшее время въ жизни Садовскаго, такъ бѣдной радостями и обильной всякаго рода неудачами! Здѣсь онъ былъ уже первымъ лицомъ при театрѣ; потомъ съѣздилъ на нѣсколько спектаклей въ Калугу и воротился назадъ почти режиссёромъ. Азбукинъ понялъ, какого человѣка имѣлъ онъ подъ рукой, и въ боязни потерять его, поспѣшилъ заключить съ Садовскимъ контрактъ, въ которомъ положено и 500 р. асс. неустойки. Между тѣмъ и Вышеславцевъ, которому не посчастливилось на сценѣ Московскаго Театра, сталъ также набирать новую трупу и уговаривалъ перейти въ нее Садовскаго. Но онъ отказался, терпѣливо ожидая извѣстій отъ Азбукина, уѣхавшаго въ Орелъ, также для набора новыхъ актеровъ. Отвѣта долго не было; прождавши его напрасно, Садовскій взялъ съ собой мать, брата, и переселился въ Москву 15 Марта 1838 года. Здѣсь онъ принятъ былъ вскорѣ на сцену Императорскихъ Московскихъ Театровъ, на роли, выполняемыя нынѣ съ такимъ успѣхомъ Г. Васильевымъ. Жалованья на первый разъ положено ему было 800 р. асс. Мать его тутъ же послала Азбукину 250 р., прося принять ихъ въ уплату за неустойку. Азбукинъ однакожъ, по прошествіи полугода, предъявилъ свой контрактъ — и Садовскій уплатилъ ему остальное изъ жалованья.... Это были, кажется, послѣднія неудачи въ его жизни. Москва оцѣнила, вѣрнѣе сказать, полюбила талантъ молодаго комика. Начальство тоже не оставило безъ вниманія добросовѣстное выполненіе имъ своей обязанности: черезъ пять лѣтъ, онъ получилъ бенефисъ. Съ этихъ поръ началась новая эпоха для Садовскаго. Прежняя странническая жизнь кончилась — Садовскій сталъ неотъемлемой принадлежностью Московской сцены и, нечего повторять, однимъ изъ ея лучшихъ украшеній.....

Изъ біографіи человѣка открывается его характеръ, смыслъ его дѣятельности. И точно, это безпрестанное переселеніе съ одного мѣста на другое, какова бы ни была его причина, оставило замѣтные слѣды на игрѣ артиста. Жизнь въ народѣ и посреди народа надѣлила Садовскаго тѣмъ вѣрнымъ художественнымъ чувствомъ, которое достается не всякому, хотя бы и столько же даровитому актеру. Можетъ быть, немногіе изъ нашихъ артистовъ могутъ похвалиться такой извѣстностію въ народѣ, какъ Садовскій. Будучи однимъ изъ любимцевъ публики, онъ не становится однакожъ ея угодникомъ, и къ чувству любви съ ея стороны примѣшивается большая доля къ его таланту уваженія — лучшая награда художнику, дорожащему своимъ призваніемъ. Искренняя преданность вѣчной истинѣ и глубокое презрѣніе къ преходящей лжи сказались ясно въ артистической дѣятельности Садовскаго. Не на мишурныя издѣлья непрошенныхъ литераторовъ тратитъ онъ силы своего искусства: лучшими, задушевными его ролями остаются безспорно мастерскіе типы Гоголевскихъ комедій. Онъ не поразитъ васъ призрачной многосторонностью таланта, являясь каждый день въ новомъ, невиданномъ доселѣ видѣ, — талантъ его слишкомъ глубокъ и самостоятеленъ, чтобы разыгрывать передъ зрителями эту пошлую пародію на Протея. . . . . Его ролей, конечно, не много, — но вспомнимъ, что у какого нибудь Гаррика было всего три роли — и достало же ихъ на то, чтобъ обезсмертить его имя. . . . . .

Этимъ оканчивается біографія Садовскаго. Подробная критическая оцѣнка его таланта нейдетъ сюда, тѣмъ болѣе, что много еще пути лежитъ передъ нашимъ комикомъ. Со временемъ напишется другая біографія артиста — и будничная жизнь человѣка и полная оцѣнка актера найдутъ тамъ свое мѣсто: скажется многое для потомства, о чемъ позволено умолчать современику.

Н. ШАПОВАЛОВЪ.

Октября 8-го,
1850 г.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА РЫКАЛОВА.

Эта артистка вовсе не готовилась для сцены, хотя ея отецъ былъ замѣчательный комикъ своего времени: онъ игралъ роли извѣстнаго Французскаго актера Потье, ихъ теперь нѣтъ уже и въ поминѣ. Воспитаніе дочери имѣло совсѣмъ противуположный характеръ: 8 лѣтъ она поступила въ пансіонъ В. Н. фонъ деръ Паленъ, пробыла тамъ 6 лѣтъ и потомъ продолжала учиться дома, подъ руководствомъ благодѣтеля дяди, даровитаго актера-комика Пет. Гав. Степанова; онъ не щадилъ ничего, чтобъ дать ей приличное образованіе. Въ 1840 году Рыкалова лишилась и матери, выдержала экзаменъ въ Университетѣ, и поступила въ качество гувернантки въ домъ Сер. Степ. Мельгунова. Между тѣмъ страсть къ драматическому искусству и безпрестанное упражненіе въ чтеніи стиховъ и декламаціи указывали молодой наставницѣ совсѣмъ другое назначеніе; переставъ быть гувернанткою, по лѣтамъ, она жила съ семействомъ дяди въ с. Кусковѣ, гдѣ на тамошней сценѣ, руководимая одними замѣчаніями этого опытнаго артиста, проходила роль Елены Глинской; настоящее призваніе превозмогло всѣ другія предположенія: въ Августѣ 1846 года она появилась въ означенной ролѣ на сценѣ Императорскаго театра, сыграла еще нѣсколько другихъ ролей и ѣздила, по желанію Г. Директора, въ Петербургъ, чтобъ ознакомиться съ талантами тамошней труппы. До сихъ поръ лучшими ея ролями могутъ быть признаны: Марія Мнишекъ. (траг. *Смерть Лжунова*), *Гризельда*, *Мирандолина*, роль дочери въ др. *Отцовское проклятіе*, Марфы Собакиной въ *Царской невѣстѣ*. Характеръ игры Рыкаловой хорошо обозначился въ двухъ пьесахъ: *Поѣздка за границу* и *Комедія безъ свадьбы*; въ нихъ она манерою и приличіемъ тона вполнѣ соотвѣтствуетъ достоинству изображаемыхъ лицъ.

Остается жалѣть о томъ, что Н. В. Рыкалова, соединяя прекрасное образованіе съ талантомъ, появилась въ ту эпоху, когда на сценѣ нашей нѣтъ ни возвышенной благородной драмы, ни комедіи, и что ея дарованіе не можетъ имѣть настоящаго развитія.

Л.

Августъ, 1850 г.
С. Кусково.

H. Pau, 1842

О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ ВЪ РОССІИ
и
О СРЕДСТВАХЪ КЪ ОБРАЗОВАНІЮ АРТИСТОВЪ.

=

Ровно прошло столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи основался театръ. Ярославскій сарай Ѳедора Григорьевича Волкова превратился теперь въ великолѣпныя зданія Большаго и Александрынскаго театровъ въ С.-Петербургѣ, на которыхъ играютъ первоклассные Европейскіе таланты. Такъ во всемъ Россія шагаетъ исполинскими шагами. Странное дѣло, что у насъ драматическая литература раньше родилась, нежели самый театръ. Сумароковъ писалъ уже трагедіи въ стихахъ, которыя представляли въ 1750 году кадеты Шляхетнаго Корпуса, — и только это зрѣлище, которое нечаянно удалось видѣть Волкову, родило въ немъ первую мысль завести свой театръ и свою труппу. Выписанная его труппа изъ Ярославля въ Петербургъ только разъ сыграла въ комнатахъ Императрицы Елисаветы трагедію Сумарокова: *Синавъ и Труворъ*, и послѣ этого всѣхъ артистовъ, составлявшихъ труппу, отдали въ Кадетскій Корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ, гимнастики и словеснымъ наукамъ. Это была прекрасная и благодѣтельная мысль. Она во первыхъ доказывала, что артисты-самоучки найдены были образованными зрителями, составлявшими Дворъ Елисаветы, на довольно низкой степени просвѣщенія. А во вторыхъ, указывала совершенно справедливо, что актеръ непремѣнно долженъ быть образованный человѣкъ, иначе *онъ* будетъ только гаеромъ, скоморохомъ. — Сочинителю этой статьи удалось еще видѣть нѣсколько разъ одного изъ сподвижниковъ Волкова — Дмитревскаго въ обществахъ. Онъ былъ человѣкъ образованный и истинно любилъ свое искусство; по сужденія его о немъ вполнѣ отзывались Французскою тогдашнею школою. Герои Корнеля, Расина и Волтера — были, по мнѣнію его, единственными образцами, по которымъ долженъ былъ образоваться настоящій актеръ. Нѣмецкой драмы онъ не любилъ и почиталъ неприличнымъ спускаться въ домашнюю, семейную жизнь. По этому сужденію можно имѣть понятіе о родѣ и характерѣ его игры.

Всѣ артисты, современники Дмитревскаго уважали его за высокое дарованіе. Всѣ обращались къ нему за совѣтами и наставленіями, Яковлевъ

и Алекс. Дм. Каратыгина (мать нынѣшняго перваго актера В. А. Каратыгина) были тогда первенствующими артистами Русской труппы; — и отзывы ихъ о Дмитревскомъ могли дать нѣкоторое понятіе объ этомъ образцѣ, самосоздавшемъ драматическое искусство.

За неимѣніемъ достаточныхъ фактовъ, не будемъ слѣдственно судить о томъ: какимъ образомъ играли основатели Русскаго театра. Нельзя бы было отъ нихъ многаго и требовать: драматическое искусство развивается съ образцовыми сочиненіями, — а у насъ въ то время былъ одинъ Сумароковъ; мы теперь знаемъ всю цѣну этому писателю. Онъ былъ умный, образованный и дѣятельный человѣкъ; хорошо ознакомясь съ твореніями Расина и Вольтера, онъ хотѣлъ создать *Русскій* театръ по образцу Французскихъ драматурговъ. Его *Синавы*, *Хоревы* и прочіе не что иное, какъ Французы, которымъ дали другія имена. Одинъ *Дмитрій Самозванецъ* его можетъ назваться Русскимъ сочиненіемъ, — но форма творенія таже, какъ у Французскихъ писателей, слѣдственно, нашимъ актерамъ вновь раждающагося театра надобно было образовать свои таланты по однимъ произведеніямъ Сумарокова. Истиннаго искусства тутъ быть не могло. Все однѣ ходули и напыщенность, условное распѣваніе стиховъ и театральныя традиціи, привезенныя Дмитревскимъ изъ Парижа

Изъ нашей исторіи видимъ мы, что Дворъ Елисаветы принялъ всѣ обычаи и условія Версальскаго Двора. Французскій языкъ сдѣлался придворнымъ, — и слѣдственно преобладалъ во всѣхъ высшихъ слояхъ общества, которому всегда подражаютъ и прочія сословія по мѣрѣ средствъ и возможности.

Въ это-то время основался Русскій театръ. Очевидно, что онъ долженъ былъ быть сколкомъ съ Французскаго. Какъ Сумароковъ создавалъ Русскія трагедіи, передѣлывая ихъ съ Французскаго, такъ и актеры обязаны были соображаться съ этимъ оракуломъ общественнаго вкуса, будучи впрочемъ только слабыми копіями.

Царствованіе Екатерины II дало нашему театру, литературѣ и драматическому искусству новую силу и направленіе. Великая Государыня хотѣла создать Русскую народную сцену и Сама писала пьесы. Она желала, чтобы предметы Русской Исторіи и національнаго быта были обработываемы для сцены. Къ сожалѣнію, одинъ фонъ-Визинъ послѣдовалъ этому великому внушенію. Прочіе довольствовались переводами и подражаніями.

Въ 1779 году учрежденъ уже былъ театръ отъ Правительства. Съ этой минуты можно считать настоящее начало Русскаго театра. Но первоначальная цѣль, указанная Императрицею Елисаветою, отдавшею всю труппу Вол-

кова учиться въ Кадетскій Корпусъ, — была уже потеряна. Объ учебномъ, нравственномъ и спеціальномъ образованіи актеровъ никто уже не помышлялъ. Сидѣлецъ мучнаго лабаза (какъ говоритъ преданіе), Яковлевъ сдѣлался однимъ ихъ превосходнѣйшихъ актеровъ своего времени и даже поэтомъ. Чего же лучше для тѣхъ, которые полагали, что можно быть актеромъ и не учась. Примѣръ Яковлева, по видимому, оправдывалъ ихъ. Но если вникнуть въ существо дѣла, то примѣръ Яковлева скорѣе обвинитъ ихъ. Во первыхъ, Яковлевъ, будучи еще сидѣльцемъ въ лавкѣ, уже пристрастился къ чтенію и безпрестанно получалъ за это выговоры отъ хозяина. Слѣдственно, при начитанности нельзя уже быть необразованнымъ человѣкомъ. И въ доказательство этого извѣстно, что онъ уже тогда начиналъ самъ сочинять стихи. Когда онъ увидѣлъ спектакль и игру Дмитревскаго, то вполнѣ почувствовалъ свое призваніе. Однако же, и тутъ, успѣвъ поступить на театръ въ качествѣ молодыхъ любовниковъ, долго смѣшилъ зрителей своею неловкостію. Дмитревскій много ему помогъ своими совѣтами — а эти-то совѣты и были сценическими уроками. Мало по малу онъ сдѣлался потомъ первымъ актеромъ; но сочинитель этой статьи, пользовавшійся его знакомствомъ, не разъ слышалъ отъ него самаго, что главнымъ своимъ недостаткомъ считалъ онъ недостатокъ первоначальнаго образованія. Часто ему описывали успѣхи Тальмы и игру его,— и Яковлевъ, покачавъ головою, всегда говорилъ: »ка-бы меня съ молоду учили какъ надо, я бы вашего Тальму за поясъ заткнулъ.« Если въ послѣдней половинѣ фразы говоритъ самолюбіе актера, то въ первой — видно чувство умнаго человѣка, знающаго всю пользу и необходимость образованія.

Одному изъ первыхъ образователей театра и первому артисту тогдашней эпохи, Дмитревскому, принадлежитъ мысль объ учрежденіи театральнаго училища. Мысль прекрасная, высокая и вполнѣ доказывающая истинную любовь его къ искусству. Дѣйствительно, только однимъ образованіемъ можно было возвысить званіе актера. На Западѣ было оно первоначально самымъ унизительнымъ ремесломъ. Мистеріи, перейдя изъ монастырей на рыночныя площади и ярмарки, переданы были для представленія такимъ людямъ, которыхъ нравственность была самая сомнительная, такъ что духовенство принуждено было наконецъ запретить ихъ. Тогда начались пьесы изъ общественнаго быта, а иногда и изъ Исторіи. Но что это были за пьесы и какимъ языкомъ въ нихъ говорили! Всякой покраснѣетъ при чтеніи тогдашнихъ фарсовъ. Исполнители же этихъ пьесъ были еще хуже ихъ самихъ. Ни малѣйшей образованности въ нихъ не было, — а безъ нее нѣтъ и нравственности. Дурная слава коме-

діантовъ такъ была сильна, что на Западѣ они уже по ремеслу своему почитались отлученными отъ Церкви и по смерти ихъ не хоронили съ прочими христіанами.

По мѣрѣ проявленія хорошихъ драматическихъ сочиненій, стали улучшаться и актеры. Гаеры рыночныхъ фарсовъ не могли уже играть *Сида* и *Полієвкта*. Для стиховъ Корнеля, и представленія героевъ, его требовалась уже нѣкоторая степень образованности, — и съ этой эпохи начинается облагороживаніе званія актера. Мольеръ имѣлъ уже званіе придворнаго гардеробмейстера, — а это ставило его почти наравнѣ съ дворянами. Лудовикъ XIV умѣлъ облагородить поэтовъ, — и сдѣлалъ Расина Каммеръ-Юнкеромъ.

Вся эта постепенность, какъ и ходъ драматической литературы неизвѣстны были для Россіи. Она вдругъ начала съ трагедій и комедій Сумарокова и комической оперы Аблесимова. Теперь мы улыбаемся при чтеніи перваго изъ нихъ; но тогда онъ былъ истинно великій поэтъ и писатель, потому что ему надобно было создавать Русскій языкъ. Если вспомнить, какимъ слогомъ въ то время говорили въ Русскихъ обществахъ, писали письма и дѣловыя бумаги,— то надобно еще удивляться высокому дару Сумарокова. Мы теперь часто пѣняемъ писателямъ, что они вводятъ въ Русскій языкъ иностранныя слова, — а тогда въ этомъ-то именно и состояло искусство. Всѣ фразы унизаны были Французскими словами съ Русскими окончаніями, *аттенціями*, *экскузаціями*, *аксиденціями*, *элоквенціями* и тысячами подобныхъ. А потому, повторяемъ, что театръ и литература чрезвычайно много обязаны Сумарокову. Самое же драматическое искусство наиболѣе одолжено своими успѣхами Дмитревскому, — не потому, чтобъ онъ былъ образцемъ для всѣхъ и учителемъ всего слѣдующаго за нимъ поколѣнія актеровъ, — но по мысли учрежденія театральнаго училища. Онъ чувствовалъ, что на этомъ поприщѣ искусства не только нельзя быть невѣжею и самоучкою, но еще, можетъ быть, болѣе надобно знать, нежели по другимъ отраслямъ художествъ.

Театральная школа была основана въ 1785 году *, — и кромѣ преподаванія первоначальныхъ наукъ, были учители и по всѣмъ спеціальнымъ отраслямъ. Дмитревскій былъ учителемъ по драматической части.

По всѣмъ искусствамъ и художествамъ есть спеціальныя книги, учебники, техническія правила: одно драматическое искусство лишено этого пособія, — а потому, всякой кто возьмется за наставленіе юношества, посвящающагося

---

* Кн. Шаховской относитъ начальное учрежденіе театральной школы къ 1779 году по настоянію и плану бывшаго тогда Директора В. И. Бибикова, которая сдѣлалась разсадникомъ Русскихъ актеровъ. См. Репертуръ 1840 г. Томъ I. *Примѣч. Издателя.*

этому поприщу, можетъ учить, какъ ему вздумается, — то есть какъ онъ самъ чувствуетъ и понимаетъ. Отъ этого легко случиться можетъ, что при перемѣнѣ наставника, преемникъ будетъ учить совершенно противуположнымъ образомъ, нежели предмѣстникъ его. — Дмитревскій многимъ современникамъ и питомцамъ давалъ наилучшіе совѣты; но не образовалъ ни одного ученика, который бы былъ преемникомъ его славы. Послѣ него первымъ актеромъ Русской сцены сдѣлался Яковлевъ.

Знавъ его и лично, и на сценѣ, мы въ одномъ періодическомъ изданіи (Репертуаръ) сообщили публикѣ его біографію, — и здѣсь вновь повторимъ, что въ такъ называемыхъ классическихъ сочиненіяхъ игра его всегда была благородна и блистательна. Стихи читалъ онъ по всеобщепринятой Французской методѣ — на распѣвъ. Это было тогдашнее сценическое условіе, безъ котораго нельзя было быть артистомъ. Но, когда появился на Русской сценѣ элементъ Германской драматической литературы, когда переводчики успѣли познакомить насъ съ Шиллеромъ, Гёте, Лессингомъ и Коцебу: Яковлевъ попалъ тутъ собственнымъ художественнымъ инстинктомъ въ свою колею. Нѣмцы издали свой отдѣльный театръ. Слава Корнеля, Расина, Вольтера и Мольера не увлекли ихъ. Они поняли, что національный духъ ихъ требуетъ другихъ элементовъ, нежели красивыхъ стиховъ и напыщенности Французской школы. — Какъ бы хорошо было, если бы при созданіи нашего театра, явились и у насъ геніальные люди, которые почувствовали бы, что Русскому народу нужна то же *своя* собственная литература и *свой* театръ. Увы! Сумароковъ увлекся пристрастіемъ къ Французской сценѣ; — преемники его послѣдовали за нимъ, — и Французскій классицизмъ остался до нашихъ временъ первымъ закономъ нашей драматургіи. Шекспиръ и Шиллеръ доказали намъ наконецъ, что есть другой, истинный родъ драматической поэзіи, — и вотъ наши современники, бросивъ старое, принялись искать новаго. Кукольникъ, Ободовскій, Полевой дѣлали многія попытки, болѣе или менѣе удачныя, — но Русскихъ Шекспировъ и Шиллеровъ еще нѣтъ, и долго, вѣроятно, не будетъ; возвратимся однакоже къ Яковлеву. Въ Нѣмецкихъ пьесахъ онъ впервые понялъ самъ силу своего таланта, то есть, когда увидѣлъ возможность играть естественно и передавать зрителямъ глубокія чувства души, не становясь на ходули декламаціи. Впервые заставилъ онъ зрителей проливать слезы, о которыхъ Французскія трагедіи и не слыхали.

Съ этой минуты Русское драматическое искусство сдѣлало первый и важный шагъ къ усовершенствованію. Хотя непоколебимые вѣрователи въ тради-

ціи Французскаго классицизма и изъявляли глубокое презрѣніе къ *мѣщанской трагедіи* (такъ называли они *драму*, или истинный бытъ человѣческой жизни), — но настоящіе друзья просвѣщенія поняли, что, при всѣхъ пластическихъ красотахъ классицизма, зрителю нужна естественность событій, языка и игры актера. Во Французской трагедіи видѣлъ онъ условный, небывалый міръ, въ Англійской и Нѣмецкой драмѣ—исторію и жизнь съ ея слабостями и эпизодами.

Съ тѣхъ поръ любители театра и драматической литературы раздѣлились на двѣ партіи: на классиковъ и романтиковъ. Это вѣчная судьба всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Вмѣсто того, чтобы соединить оба мнѣнія и составить изъ нихъ одно среднее, истинное, народное, — всѣ продолжали спорить и упорствовать въ превозносеніи каждый своей системы. Отъ этого упала — и литература наша и рѣшительно падаетъ драматическое искусство.

Явился Озеровъ. — Это былъ человѣкъ съ величайшимъ поэтическимъ дарованіемъ, но робкій, мнительный, самолюбивый. Первое произведеніе его: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, было самою блистательною эпохою въ его жизни. Никогда еще не слыхали на сценѣ такихъ прекрасныхъ стиховъ. Это была музыка Русскаго языка. Въ пьесѣ этой Озеровъ въ первый разъ осмѣлился нарушить классическое условіе единства мѣста,—и это нововведеніе казалось для классиковъ важнымъ преступленіемъ. Извѣстно, что пьесу свою онъ взялъ не изъ Софокла, а изъ оперы *Oedipe à Colonne* Саккини, въ которой можно найти и часть лучшихъ его стиховъ. Но классики, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился, никакъ не позволили ему окончить трагедію, какъ сказано въ миѳологическомъ преданіи, у Софокла и во Французской оперѣ, то есть, что Эдипъ умираетъ пораженный громомъ. Нѣтъ, они заставили убить громомъ Креона, который однако же послѣ царствовалъ въ Ѳивахъ. — Эта классическая партія, руководившая потомъ Озеровымъ на всемъ его литературномъ поприщѣ и увѣрившая его, что онъ ея совѣтамъ обязанъ всею своею славою, имѣла важное въ то время вліяніе и на самое драматическое искусство. Исторія этого искусства должна сохранить всѣ случаи, ускорившіе, или замедлившіе его развитіе.

Домъ А. Н. Оленина былъ тогда сборищемъ образованнѣйшихъ людей, литераторовъ и художниковъ. Это общество давало направленіе современнымъ писателямъ и артистамъ. Въ отношеніи къ изящнымъ художествамъ, то есть къ живописи, ваянію, архитектурѣ А. Н. Оленинъ и собиравшееся у него общество принесли неизчислимую пользу, потому что направленіе ихъ совѣтовъ

по этимъ частямъ было чисто-пластическое, по тѣмъ образцамъ и теоріямъ, которыя уже существовали. Но въ литературномъ и сценическомъ оно съ упорствомъ слѣдовало Французскому классицизму, не допуская никакого нововведенія. О Шекспирѣ, Шиллерѣ и Гёте тамъ никогда не говорили. Корнель, Расинъ и Волтеръ были всемірными и неизмѣнными образцами. Драма — была незаконнымъ дитятею Аполлона, и артисты, играющіе этотъ родъ зрѣлищъ, унижали свой талантъ, представляя простой, домашній быть. Хвала и осужденіе этого общества значили тогда все, — и какъ литератору, такъ и актеру надобно бы было имѣть слишкомъ много самостоятельности и внутренняго, геніальнаго убѣжденія, чтобы уклониться отъ рутины, предназначенной самыми просвѣщенными людьми современнаго общества. Изъ писателей — ни одинъ не имѣлъ тогда этой смѣлости. Изъ актеровъ — одинъ Яковлевъ.

Это было очень много со стороны человѣка, не получившаго никакого свѣтскаго и учебнаго образованія, — и это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ настоящій и самобытный артистъ. Блистательно играя, со всѣми условіями классическихъ традицій, Французскія трагедіи и подражанія имъ, онъ съ гораздо бо́льшею охотою игралъ Нѣмецкія драмы и Русскія передѣлки съ нихъ. *Графъ Вальтронъ*, *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, *Гуситы подъ Наумбургомъ* были любимѣйшими его пьесами, потому что въ нихъ онъ могъ слѣдовать естественному направленію своего таланта и извлекать слезы у зрителей.

Вмѣстѣ съ Озеровымъ явилась одна воспитанница театральнаго училища, К. С. Семенова, и дебютировала въ *Эдипѣ въ Аѳинахъ*: она восхитила всю публику сперва необыкновенною своею пластическою красотой, а потомъ и превосходнымъ своимъ дарованіемъ. Это былъ первый плодъ прекраснаго учрежденія театральнаго училища. Дмитревскій былъ уже слишкомъ старъ для обученія молодыхъ питомцевъ этого заведенія. Яковлевъ имѣлъ довольно самосознательнаго ума, чтобы чувствовать свою невозможность быть наставникомъ въ такомъ искусствѣ, которое онъ только угадывалъ и геніальными порывами воспроизводилъ. Онъ понималъ, что у него вовсе нѣтъ той холодной теоріи, которая необходима для передачи другимъ священнаго огня искусства. — Тогда явился новый писатель, который вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился быть и учителемъ драматическаго искусства. Это былъ Князь А. А. Шаховскій. — Сперва онъ принадлежалъ къ обществу А. Н. Оленина и первый, почти со слезами восторга на глазахъ, привезъ къ нему *Эдипа въ Аѳинахъ* Озерова, какъ

небывалое дотолѣ твореніе по красотѣ стиховъ. — Первыми совѣтами на драматическомъ поприщѣ Г-жа Семенова была обязана Князю Шаховскому; — но вскорѣ произошли литературныя несогласія между симъ послѣднимъ и обществомъ А. Н. Оленина, — которое уже и взяло въ свои руки направленіе развивающагося таланта этой замѣчательной актрисы. Это значило, что она исключительно посвящала себя классицизму. Дѣйствительно, въ продолженіе слишкомъ 20-ти-лѣтняго своего существованія на Русской сценѣ, эта великая артистка чрезвычайно рѣдко играла драмы. Она ихъ не любила, даже нѣкоторымъ образомъ боялась. Иначе и быть не могло. Руководимая неумолимымъ классицизмомъ, она внѣ этой сферы казалась растерянною. — Современные любители драмы очень часто жалѣли, что онѣ лишены украшенія такого знаменитаго таланта, какъ К. С. Семенова. Намъ теперь кажется, что вовсе не надобно сожалѣть объ этомъ. Не все ли равно бы было сожалѣть, что Рафаель не писалъ пейзажей? Катерина Семеновна имѣла свой отдѣльный родъ, въ которомъ была славна, — а этого довольно для каждаго художника. Собственнаго своего убѣжденія въ искусствѣ она не могла имѣть, потому что тогдашнее образованіе въ театральномъ училищѣ было чрезвычайно недостаточно, — и когда Семенова очутилась въ высшемъ кругу общества, то не разъ соболѣзновала, что такъ мало могла учиться въ молодости.

Послѣ Князя Шаховскаго постояннымъ наставникомъ ея былъ Н. И. Гнѣдичь, извѣстный переводчикъ Гомеровой Иліады. Въ то время голосъ его имѣлъ значительный вѣсъ, — и какъ искренній почитатель древняго классицизма, онъ дѣйствительно могъ давать Семеновой полезные совѣты во всемъ, что касалось до пластики. Вскорѣ была она увлечена другимъ образцемъ искусства. Въ Петербургъ пріѣхала Французская актриса, дѣв. Жоржъ, которой слава гремѣла тогда по всей Европѣ. Наша публика была внѣ себя отъ нее, — Семенова, какъ умная артистка, переняла ея дикцію, позы, жесты. Будучи же моложе ея, прелестнѣе и обладая пламеннѣйшими чувствами, — она не только сравнилась съ своимъ образцемъ, но во многихъ роляхъ и превзошла ее.

Въ это же время появилась и другая актриса, составившая себѣ славу и сильную партію приверженцевъ. Это была М. И. Валберхова. Она была дочь извѣстнаго тогда балетмейстера и получила самое блистательное образованіе, какое дѣвица могла имѣть тогда въ Петербургѣ. Слѣдственно, со времени созданія Русскаго театра, это былъ первый примѣръ появленія на сценѣ вполнѣ просвѣщенной и образованной актрисы. Руководителемъ ея былъ

Князь Шаховской, желавшій сдѣлать изъ нее соперницу К. С. Семеновой, оставившей его уроки. — Тутъ-то можно было видѣть впервые, какое сильное содѣйствіе даетъ на сценѣ истинная образованность. Природа одарила Г-жу Валберхову прекраснѣйшею наружностію, но не дала ей ни сильнаго, звучнаго голоса, ни крѣпкой груди. Тогдашнее чтеніе на распѣвъ Александрійскихъ стиховъ утомляло слабыя лёгкія, и когда каждая тирада, по законамъ традицій, должна была усиливаться постепенно (crescendo), чтобъ заключиться сильнѣйшимъ возгласомъ, М. И. Валберхова, не имѣя къ тому физическихъ средствъ, должна была дѣйствовать по расчету и не могла уже, слѣдственно, производить такихъ эфектовъ, какъ счастливая ея соперница. Не смотря на это, городъ раздѣлился тогда рѣшительно на двѣ партіи, — и мы еще помнимъ многія явленія, которыя теперь показались бы несбыточными. Долго продолжался споръ между искусствомъ, руководимымъ образованностію, и дѣйствующимъ и самобытнымъ геніемъ, — наконецъ послѣдній побѣдилъ — и Г-жа Валберхова отказалась отъ трагедіи, а создала другой, новый, прекраснѣйшій родъ. Она перешла въ комедію, — и двадцать лѣтъ сохранила въ ней первенство. Она вполнѣ могла утѣшаться, потому что до нея не было настоящей классической комедіи.

Съ тѣхъ поръ общимъ образователемъ артистовъ сдѣлался Князь Шаховской. И надобно отдать полную справедливость, что онъ оказалъ театру величайшія услуги въ этомъ отношеніи. При немъ театральное училище впервые оказалось соотвѣтствующимъ своей цѣли, то есть оно сдѣлалось разсадникомъ будущихъ талантовъ. Длиненъ былъ бы списокъ всѣхъ артистовъ, обязанныхъ ему своимъ образованіемъ, — но первымъ и прекраснѣйшимъ его дѣломъ было учрежденіе отдѣльнаго публичнаго театра, на которомъ играли молодые питомцы школы. Тамъ, гдѣ нынѣ Главный Штабъ, былъ домъ Кушелева, въ которомъ помѣщался Нѣмецкій театръ, бывшій нѣкоторое время подъ управленіемъ Коцебу. Сочинитель сей статьи также управлялъ имъ нѣсколько лѣтъ, — и помнитъ очевиднымъ образомъ, какую неизчисимую выгоду принесло существованіе отдѣльнаго школьнаго театра. Театръ былъ небольшой; цѣны были низкія; піесы давали все незначущія, — и однако же изъ этой труппы вышло много отличныхъ актеровъ, составлявшихъ потомъ украшеніе Русскаго театра. Брянскій, Сосницкій, Рамазановъ, Величкинъ, Боченковъ, Асенкова, Ласси, Спиридонова играли на этомъ театрѣ. Молодые питомцы пріобрѣтали ежедневный навыкъ въ своемъ искусствѣ и при малѣйшихъ врожденныхъ способностяхъ развивались до первоклассныхъ талантовъ.

Къ сожалѣнію, Нѣмецкій театръ переведенъ былъ на малый (гдѣ теперь Александрынскій) — и труппа воспитанниковъ перестала съ тѣхъ поръ играть публично. Правда, взамѣнъ этого, Князь Шаховской устроилъ въ самомъ училищѣ театръ и заставлялъ воспитанниковъ тамъ играть ежедневно по одному разу. При ежедневномъ его надзорѣ за ходомъ этихъ спектаклей, образовались и тутъ превосходные артисты, — но это было уже не то. Театральное училище продолжало и послѣ Князя Шаховскаго производить замѣчательныхъ артистовъ, — и даже нынѣшнее поколѣніе имѣетъ Мартынова, Максимова, Григорьева, Жулеву и пр., которыми сцена наша можетъ гордиться; — но только недавно возстановилось въ циркѣ прекрасное учрежденіе отдѣльной труппы изъ молодыхъ талантовъ, — и оно подаетъ намъ наилучшія надежды на будущее.

Къ числу эпизодовъ въ исторіи Русскаго театра принадлежитъ отдѣльная Русская труппа чиновника Книппера въ 1784 году, составившаяся изъ 51 воспитанника Московскаго Воспитательнаго Дома. Здѣсь возникли многіе замѣчательные таланты, и между прочимъ Гамбуровъ и Крутицкій. Послѣдній былъ въ свое время въ такой славѣ, что иностранные артисты, проживавшіе въ Петербургѣ, часто ходили на него смотрѣть. Эта труппа въ послѣдствіи присоединилась къ главной и составилась одна изъ замѣчательныхъ по дарованіямъ.

Но не прежде Царствованія Императора Александра I, Русскій театръ сдѣлался принадлежностію и представителемъ народной литтературы и славы. Сумароковъ и Княжнинъ заключили первый періодъ рабски-подражательнаго Французскаго классицизма. Озеровъ началъ второй періодъ. *Эдипъ въ Аѳинахъ*, *Фингалъ*, *Дмитрій Донской* уже нарушали строгія правила единство мѣста и ограниченнаго времени дѣйствія, хотя разговоръ, ходъ пьесъ и рама оставались въ прежнихъ условіяхъ. Начали являться и пьесы изъ настоящаго Русскаго быта, порожденныя современными событіями. Всѣ онѣ давно преданы забвенію, — но вліяніе ихъ было ощутительно. Вкусъ къ драмамъ болѣе и болѣе развивался. Хотя оригинальныхъ актеровъ и было очень мало, но переводчики, видя, что публика требуетъ своего собственнаго, народнаго элемента, начали передѣлывать иностранныя пьесы на Русскіе нравы. Разумѣется, эта работа была самая безполезная и неблагодарная. Ни нравы, ни обычаи передѣлываемыхъ пьесъ не клеились подъ Русскій бытъ, — и собственно-Русскаго репертуара не было.

И однакоже, это была самая блистательная эпоха литературнаго существованія театра. Классическія пьесы имѣли то главное достоинство, что очищали и облагороживали вкусъ публики, пріучая вмѣстѣ съ тѣмъ и актеровъ къ образованной и утонченной игрѣ. Одно не важное, по видимому, обстоятельство развило еще болѣе наше драматическое искусство. По политическимъ причинамъ 1809 года уничтожена была Французская труппа, существовавшая въ С.-Петербургѣ. Не прежде 1817 г. рѣшились два прежніе актера этой труппы: Дюранъ и Мезьеръ, возстановить ее въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Это было частное предпріятіе, имѣвшее блистательный успѣхъ и убѣдившее труппу въ возможности составить спектакли постоянные съ большимъ числомъ актеровъ. Присоединился Г. Бриссъ съ женою; стали играть маленькія комическія оперы; усилили труппу комедій, — и Театральная Дирекція увидѣла, что эти спектакли отбиваютъ у нее самый лучшій классъ зрителей. Бывшій тогда Главнымъ Директоромъ Князь Тюфякинъ рѣшился, безъ всякаго пособія отъ казны, взять Французскую труппу въ вѣдѣніе Дирекціи; но для покрытія расходовъ открылъ абонементъ для Французскихъ спектаклей на большомъ театрѣ. А какъ число желающихъ участвовать въ этомъ абонементѣ было чрезвычайно велико, — то для соблюденія выгодъ и Русской труппы, назначено было условіемъ подписки, что абонементъ открывается на всѣ спектакли, даваемые на большомъ театрѣ, то есть и Русскіе и билетные вмѣстѣ съ Французскимъ. Это условіе никого не остановило; такъ сильно было желаніе имѣть Французскую труппу! Публика была, разумѣется, самая богатая и образованная. По тогдашнимъ незначущимъ цѣнамъ, было ежедневнаго абонемента свыше 1,000 руб. — Для этой публики должны были давать самые лучшіе Русскіе спектакли, — и актеры, видя безпрестанно Французскія пьесы, чувствовали, что имъ надобно соображаться со вкусомъ высшаго круга зрителей. — Тогда-то былъ самый блистательный періодъ Русской комедіи, если не въ національномъ смыслѣ, то въ отношеніи къ драматическому искусству. Валберхова, Сосницкой, Сосницкая, Брянскій, Рамазановъ, Асенкова, Бобровъ составляли тогда превосходную труппу. Къ нимъ вдругъ присоединилась Г-жа Колосова, дочь знаменитой танцовщицы, и она была новою звѣздою первой величины, взошедшею на нашъ театральный горизонтъ. Сперва, подобно Валберховой, посвятила она себя трагедіи и играла въ ней съ величайшимъ успѣхомъ первыхъ принцессъ, когда Семенова исполняла первыя сильныя роли, — и потомъ, когда сія послѣдняя оставила сцену, — то заняла всѣ ея роли. Но, когда вкусъ къ классической трагедіи видимо сталъ

упадать, Г-жа Колосова (вышедшая вскорѣ замужъ за перваго трагика, Г. Каратыгина) перешла на первое амплуа въ комедіяхъ. Тутъ она вполнѣ достигла апогея своей славы.

Высшая публика, пріучась вмѣстѣ съ Французскими спектаклями смотрѣть на Русскіе, ознакомилась не только съ произведеніями Русской литературы, но и съ Русскими актерами. Съ другой стороны, авторы и артисты Русскаго театра, зная, передъ какою публикою играются Русскіе спектакли, оставили всѣ площадные фарсы, неестественности и вообще всѣ выходки, неоправдываемыя изящнымъ вкусомъ. Отъ этого вліянія просвѣщенныхъ зрителей всѣ выигрывали. Русскіе актеры, видя тогда часто пріемы и обращеніе аристократовъ, могли свободно ихъ копировать на сценѣ. На примѣръ, никто лучше Сосницкаго не игралъ театральныхъ Князей и Графовъ, — тогда какъ послѣдователи его возбуждаютъ въ людяхъ высшаго общества улыбку сожалѣнія, во время представленія ролей изъ этого круга.

Такимъ образомъ, чисто-спекулативная мѣра Россійско-Французскаго абонемента послужила къ развитію нашей драматической литературы и сценическаго искусства. Къ сожалѣнію, мѣра эта, при перемѣнѣ управленія Дирекціи, измѣнилась, и условія и совершенствованія прекратились. Французскіе театры совершенно отдѣлились и увлекли съ собою высшее общество, которое съ тѣхъ поръ, съ немногими исключеніями, рѣдко посѣщаетъ Русскіе спектакли. Съ тѣхъ поръ стала упадать Русская труппа.

Все это доказываетъ, что актеру необходимо — или собственное высокое образованіе, — или сильное, нравственное вліяніе на него истинно-просвѣщенныхъ людей. Въ первоначальныя времена существованія театровъ въ Европѣ, ремесло комедіанта было самое унизительное, какъ мы видѣли, — потому что всѣ сословія были погружены тогда въ глубокое невѣжество. Теперь — это уже артистъ, художникъ, заслуживающій уваженіе, а часто и удивленіе. Теперь уже нужны публикѣ не ярмарочныя кривлянья и двусмысленныя шутки среднихъ вѣковъ, — а высокое изображеніе героевъ древности, вѣрное представленіе великихъ и добродѣтельныхъ людей всѣхъ временъ; нужно выраженіе страстей, творящихъ то героевъ, то преступниковъ, — а если, по роду пьесъ, нужна и смѣшная сторона человѣческихъ слабостей и пороковъ, — то и тутъ надобно имѣть тонкій вкусъ изящнаго, чтобы не превратить комизма въ площадной фарсъ и умѣть указывать на пороки современниковъ, не переходя въ личность, — то есть исполнять высокую цѣль комедіи: *castigat*

ridendo mores (смѣхомъ исправлять нравы). Вотъ теперешняя обязанность актера. Она важна по своему вліянію на общество. Книги можно писать самыя умныя и глубоко ученыя, — но всѣ ли ихъ будутъ читать? Всѣ ли поймутъ сухія дисертаціи Философіи? На примѣръ, для каждаго гражданина самая полезная книга — есть Сводъ Законовъ. Чтó необходимѣе для каждаго, какъ знать свои обязанности, взаимныя соотношенія и условія гражданскаго общества? А многіе ли знаютъ это? Какъ о рѣдкости говорять о томъ, или другомъ лицѣ, тщательно изучившемъ законы, — но текущій и даже прежній репертуаръ театра знаетъ всякой. Кто читалъ Философію Аристотеля, Канта? Вѣрно тысячная часть вседневныхъ посѣтителей театровъ. Даже романы, повѣсти, какъ гораздо ближе дѣйствующіе на нашъ вкусъ, понятія и склонности, — всѣ ли ихъ читаютъ? Нѣтъ, и на это даже нѣтъ времени. Но въ театръ всѣ идутъ и безсознательно ищутъ тамъ уроковъ для своей жизни. Если авторъ и актеръ благонамѣренны и умны, — зритель получаетъ не только пріятное, но и полезное впечатлѣніе. Примѣры доблестей одушевляютъ его, подстрекаютъ къ подражанію; подвиги героевъ возвышаютъ его душу и облагораживаютъ чувства; наконецъ умное осмѣяніе порока заставляетъ его стыдиться, если онъ чувствуетъ что-либо похожее въ самомъ себѣ, и тогда, слѣдственно, театръ приноситъ общественную пользу, очищая вкусъ, поддерживая нравы, восхваляя добрые примѣры и дѣла. Но если ему представляютъ пошлыя происшествія; если разговоръ основанъ на каламбурахъ, доказывающихъ только бѣдность языка и ума; если онъ слышитъ двусмысленности, заставляющія его внутренно краснѣть; если видитъ, что на сценѣ авторы стараются только представлять уроки волокитствъ и обмановъ, всегда вознаграждаемыхъ успѣхомъ; если, наконецъ, актеры, погрязши въ этой бездне пустыхъ и грязныхъ пьесъ, прибѣгаютъ къ фарсамъ, чтобы выманить хлопанье невѣждъ; если забываютъ всѣ правила пластическаго искусства; если, представляя героевъ, или выражая страсти, кричатъ, ломаются, гримасничаютъ; если для вызова, или аплодиссемента жертвуютъ вкусомъ и здравымъ смысломъ, — о! тогда и театръ и актеры приносятъ вредъ обществу. Но, чтобы достигнуть перваго результата, надобно авторамъ посвятить свои труды и литературныя занятія для составленія умныхъ, дѣльныхъ, нравственныхъ пьесъ, а актерамъ надобно быть образованными людьми, любящими свое искусство; надобно, чтобъ они искали не безсмысленныхъ аплодиссементовъ, а похвалы немногихъ знатоковъ; надобно, чтобъ искусство подражало природѣ, а не выходило изъ границъ преувеличеніями; надобно умѣть трогать не криками неистовства и размахи-

ваніемъ рукъ, а глубокимъ чувствомъ, выраженнымъ съ простотою истины и величія. Увы! много ли такихъ актеровъ.

Возвратимся однако къ историческому обзору. Мы сказали, что на сценѣ явилась Г-жа Колосова. Все, что мы выше сказали, можетъ относиться къ каждому актеру. Г-жа Колосова-Каратыгина давно уже оставила сцену, — и потому для нее наступило уже время исторіи. Современные фельетоны рѣдко бываютъ (а можетъ быть, и никогда) руководимы истинною, художническою критикой. Они столько должны щадить раздражительныхъ самолюбій, что всякое чувство истины исчезаетъ подъ наборомъ фразъ. Но исторія обязана быть безпристрастною. Великіе артисты принадлежатъ исторіи. Фидій, Апеллесъ, Рафаель, Росцій, Гаррикъ, Тальма должны быть одинаково обсужены историческою критикою.

Русскій театръ очень молодъ еще и исторія его не велика. Дмитревскій, Яковлевъ, Каратыгина (мать нынѣшняго перваго трагика) были почти основателями драматическаго искусства въ Россіи. Мы уже видѣли, что Дмитревскій былъ человѣкъ образованный, но слишкомъ поздно началъ это образованіе. Яковлевъ былъ болѣе геній-самоучка, дитя природы, достигшій самъ собою нѣкоторой степени образованія. Валберхова была первою актрисою, которая вступила на театръ, получивъ все современное, учебное образованіе, — и всѣмъ своимъ продолжительнымъ успѣхомъ наиболѣе обязана своему уму. Колосова еще болѣе была образована, потому что съ каждымъ десятилѣтіемъ увеличивается курсъ воспитанія. Успѣхи ея на сценѣ еще болѣе были блистательны,—и на этотъ разъ источникомъ этихъ успѣховъ была образованность актрисы. Одаренная красотою молодости, она не имѣла однако же ни тѣхъ пластическихъ античныхъ формъ, какими обладала Семенова, ни того голоса, который, какъ у послѣдней, доходилъ прямо до сердца; она не пускалась въ порывы безсознательнаго дарованія, — но умно и вѣрно соразмѣряла всегда искусство съ своими силами, науку съ природою и естественность съ необходимыми эфектами. По этому, она никогда не производила огромнаго восторга, — но имя ея на афишѣ привлекало каждаго въ театръ, потому что зритель заранѣе зналъ, что будетъ имѣть пріятное и художественное наслажденіе. У нее все было покорено расчетамъ искусства, а не предоставлялось на произволъ случая, или вдохновенія. Однимъ словомъ, болѣе 20-ти лѣтъ украшала она Русскую сцену посредствомъ одной своей образованности и одного ума.

Въ числѣ замѣчательныхъ артистовъ, образовавшихся въ эту эпоху, былъ Брянскій (псевдонимъ). Онъ вполнѣ принадлежалъ къ школѣ Князя Шахов-

скаго и приноситъ ей величайшую честь. О немъ, какъ объ актерѣ, находящемся еще на современной сценѣ, мы не будемъ распространяться; скажемъ только, что онъ болѣе 20-ти лѣтъ пользовался всеобщею любовію за прекрасное свое дарованіе.

Наконецъ въ 1820 году явился Каратыгинъ. О немъ скажетъ со-временемъ исторія много. Теперь же мы ограничимся фактами. Одаренный отъ природы всѣми физическими качествами для сценическаго эфекта, онъ предъ вступленіемъ на сцену получилъ гораздо высшее образованіе, нежели всѣ предмѣстники его въ этомъ амплуа. Мудрено ли же, что онъ имѣлъ самый блистательный и восторженный успѣхъ? Долго первенствовалъ онъ въ классической Французской трагедіи. Прекрасная дикція его и пластическія позы вполнѣ соотвѣтствовали этой школѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по разнообразію нашего репертуара, игралъ онъ и драмы. Наконецъ все огромное дарованіе его развилось въ пьесахъ Шекспира. Тутъ зрители видѣли глубокое изученіе искусства, создающее великихъ артистовъ. Тутъ всѣ современники безспорно признали его первымъ нашимъ актеромъ, — и всѣ пріѣзжающіе иностранцы подтвердили это общее мнѣніе. Къ сожалѣнію, наступилъ періодъ Французскихъ мелодрамъ на нашей сценѣ, — и какъ онѣ, бо́льшею частію, давались первоначально для бенефисовъ, то Г. Каратыгинъ и не могъ отказываться ни отъ какихъ ролей, потому что имя его всего больше привлекало зрителей. Но мало по малу мелодрамами совсѣмъ почти вытѣснены были хорошія сочиненія. Основанныя на эфектахъ, а не на здравомъ смыслѣ и искусствѣ, онѣ нравились большинству зрителей, — а кто не знаетъ, что это большинство всегда почти состоитъ изъ полуобразованныхъ людей. Эти изступленныя страсти, эти трескучіе эфекты, эти чудовищныя преступленія, — все волновало массу публики, не разсуждающую: вѣрно ли оно, естественно ли, художественно ли. Бенефиціанты, наблюдая по справедливости свои выгоды, отыскивали эти пьесы и ставили для угожденія вкусу публики. А какъ текущій репертуаръ круглый годъ состоитъ изъ постепеннаго повторенія бенефисовъ, то мелодрамы и овладѣли Русскою сценою. Эта временная страсть была бы безвредна, потому что здравый смыслъ рано или поздно всегда одерживаютъ верхъ; но, къ сожалѣнію, и литература и искусство пострадали отъ этого. Самъ Г. Каратыгинъ, при всемъ своемъ огромномъ дарованіи, подвергся сему гибельному вліянію. Происшествія, эфекты, страсти,—все неестественно, натянуто и преувеличено въ этихъ пьесахъ, — и актеръ, играющій въ нихъ, долженъ былъ сообразоваться съ духомъ пьесъ. Отъ этого пріобрѣтались дурныя привычки

и раждалось въ публикѣ безвкусіе. Актеры, вмѣсто того, чтобы стараться возстановить хорошій вкусъ и изящное искусство, пустились угождать новому вкусу публики, воображая, что это требованіе вѣка.

Вытѣснивъ трагедіи и комедіи, мелодрамы не долго прожили сами, однако-же лѣтъ десять владычествовали онѣ на нашей сценѣ, — и воспользовались этимъ временемъ, чтобъ уронить литературу, драматическое искусство и вкусъ публики. Имъ очень много помогли въ этомъ *водевили*. Это шаловливое дитя Франціи не можетъ и не должно нигдѣ быть усыновленнымъ. Посреди величайшихъ подвиговъ и преступленій, въ минуту торжествъ, радости, бѣдствій и злодѣйствъ — Французъ шутитъ, острится. Это его народный характеръ, который, со стороны смотря, довольно забавенъ; но во-все не желательно, чтобъ другіе народы подражали ему въ этомъ. Русскому всѣхъ менѣе онъ свойственъ. Въ Русскомъ простомъ народѣ много удальства, смѣтливости, духоподражанія и остроумія — но среднее сословіе во-все не имѣетъ публичной жизни, — и, слава Богу, не нуждается въ ней. Семейный бытъ и законы гостепріимства у насъ таковы, что намъ еще не нужно жить на улицахъ и площадяхъ. А только этимъ способомъ и разливается направленіе къ вѣчнымъ шуткамъ, каламбурамъ и остротамъ. Пожалуй, языкъ нашъ богатъ и способенъ на все, даже на каламбуры, — но это насильство, а не искусство, это натянутость, а не красота. Такое направленіе нравовъ, съ древнѣйшихъ временъ, родило во Франціи водевиль, — и когда его играютъ Французы, онъ веселъ, забавенъ и пріятенъ. Попробовали его усвоить себѣ Нѣмцы, — и вышли такіе тяжеловѣсные *вицы*, что сдѣлались насмѣшкою. Перенесли этотъ родъ и на Русскую сцену, и казалось, что онъ доставитъ публикѣ пріятное и безвредное препровожденіе времени. Пусть тайная и нравственная цѣль театра будетъ исправленіе нравовъ и очищеніе вкуса, — но какъ публика, посѣщающая спектакли въ такихъ уже лѣтахъ, когда неохотно берутъ уроки, хотя и часто имѣютъ въ нихъ надобность, — то веселый родъ пьесъ, какъ напримѣръ водевили, и могъ бы служить какъ бы для позолоченія пилюли урока, — то есть, послѣ каждой комедіи, трагедіи, или драмы, очень бы можно было давать такія пьесы, въ которыхъ зрители могли бы похохотать. — Къ несчастію, вышло совсѣмъ другое. Умный и наставительный родъ пьесъ исчезъ, — а водевили наводнили сцену. Публика нашла, что гораздо веселѣе цѣлый вечеръ хохотать, хоть бы это было фарсамъ и пошлостямъ. Съ этимъ вкусомъ, который всегда бываетъ удѣломъ необразованности, старались

сообразоваться авторы и актеры. — Всѣ взапуски пустились смѣшить, — на счетъ литературы и искусства.

Многіе говорили, что возможность Русскихъ водевилей доказывается *Мельникомъ* Аблесимова и *Сбитеньщикомъ* Княжнина. Конечно! Только это вовсе не водевили. Пусть авторы наши пишутъ такія пьесы, — и мы совершенно примиримся съ этимъ родомъ, хотя бы они его и называли водевилями. Пусть пишутъ свое, какъ *Казакъ Стихотворецъ*, *Ломоносовъ*, *Встрѣча незваныхъ*, — Князя Шаховскаго, — и всѣ будутъ благодарны, — но веселые переводы, передѣлки, подражанія, оканчивающіяся пошлыми куплетами, въ которыхъ плохой авторъ вымаливаетъ себѣ аплодиссементы, — вотъ что произвело упадокъ театра и вкуса.

Мы говорили о Г. Каратыгинѣ. Имъ и окончимъ мы историческій обзоръ драматическаго искусства, потому что имя его уже теперь принадлежитъ исторіи, а преемниковъ ему мы еще не видимъ, слѣдственно, послѣ него и упоминать не о комъ. Рѣдко играетъ онъ въ пьесахъ, составившихъ его славу. Старыя пьесы присмотрѣлись, а новыхъ не пишутъ. Онъ одинъ, какъ представитель истиннаго художества, остался на пустынномъ полѣ потерянаго сраженія памятникомъ прошедшаго и урокомъ будущаго поколѣнія.

Впрочемъ, смѣшно бы было горевать намъ. Что значитъ десятилѣтній застой, или неправильное направленіе въ жизни цѣлаго народа. Нашему театру только сто лѣтъ, — а другіе пережили уже пятьсотъ. Въ этотъ короткій періодъ, въ который мы еще не успѣли составить своего собственнаго репертуара и національной литературы, были у насъ фонъ-Визинъ, Озеровъ и Грибоѣдовъ, кромѣ Сумароковыхъ, Княжниныхъ, Шаховскихъ и пр. Этого, право, довольно. Въ будущее столѣтіе вѣрно явится столько же геніальныхъ людей,— и все опятъ воскреснетъ, но уже не подъ условіями безъусловнаго подражанія кому-либо.

Возвратимся теперь къ главному предмету этой статьи. Мы изъ историческаго обзора видѣли: какое вліяніе имѣла драматическая литература на сценическое искусство — и могли удостовѣриться, что для званія артиста первая необходимость состоитъ въ образованности. При самомъ почти началѣ существованія театра (то есть черезъ 35 лѣтъ) основана была Театральная Школа. Изъ нее вышли въ это время: Семеновы, Сосницкіе, Дюръ и сестра его (бывшая потомъ Каратыгина), Рамазановъ, — и нынѣшніе: Мартыновъ, Максимовъ, Григорьевъ и пр. Этого то-же довольно, — и приноситъ величайшую честь этому прекрасному заведенію, которое въ отношеніи всѣхъ про-

чихъ учебныхъ предметовъ, содержанія питомцевъ, помѣщенія ихъ, попеченій и пожизненнаго обезпеченія — единственное въ своемъ родѣ во всей Европѣ.

Впрочемъ, кромѣ знаменитой Семеновой, всѣ прочіе первокласные таланты, большею частію, принадлежали не училищу. Яковлевъ, Брянскій, Каратыгинъ, Колосова, Валберхова, Самойловъ (отецъ), — а въ наше время всѣ Самойловы (въ особенности оставившая театръ Марья Васильевна) и Асенкова поступили изъ вольноопредѣляющихся и получившихъ наилучшее воспитаніе.

Этотъ видимый перевѣсъ, можетъ быть, приведетъ иныхъ къ главному заключенію, что для образованія актера не нужно спеціальнаго воспитанія. Нѣтъ, напротивъ! Всѣ эти лица были бы гораздо выше, если бы съ малолѣтства имѣли театрально-техническое образованіе. И кромѣ Яковлева, всѣ его имѣли на дому, принадлежа родителямъ-артистамъ, гдѣ съ малолѣтства больше всего слышали о театрѣ и драматическомъ искусствѣ.

Слѣдственно, общее учебное образованіе прежде всего нужно артисту, а потомъ и частное, техническое, театральное. Посмотримъ, что́ именно должно входить въ составъ воспитанія актера.

По существующимъ родамъ пьесъ видимъ мы, что представляются историческія событія, миѳологическіе вымыслы и домашній бытъ разныхъ народовъ и вѣковъ. Очевидно, что для вѣрнаго и художественнаго изображенія ихъ, актеру нужно знать въ подробности Исторію того народа и той эпохи,— и слѣдственно всю Всемірную Исторію самымъ подробнымъ образомъ, то есть съ познаніемъ общественныхъ нравовъ и обычаевъ, домашней жизни, костюмовъ и семейнаго быта каждаго народа, вѣры его, философіи, преданій, степени просвѣщенія и главныхъ узаконеній. — Вотъ уже одна отрасль человѣческихъ познаній, которая необходима актеру и которой изученіе требуетъ большаго прилежанія. Обыкновенныя учебныя книги школъ весьма недостаточны для этого. Всемірная Исторія съ сухимъ разсказомъ о послѣдовательности царствованій, сраженій, завоеваній, составляетъ только общую раму. Если юноша съ малолѣтства готовится къ театральному поприщу, — то учитель его долженъ запастись всѣми матеріалами для собранія этихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ; а если взрослый актеръ вступаетъ въ это званіе, то самъ себя долженъ образовать по этой части, которая совершенно необходима для него. Хорошо, если бы досужій писатель составилъ особую книгу въ этомъ родѣ. Она бы полезна была и не актерамъ. Наши учебники Исторіи — не что иное, какъ сухая хронологія. Спросите у лучшаго ученика въ Исторіи: Какъ одѣвались Галлы? Какъ были устроены жилища Грековъ? Какъ прово-

дили день Римляне? Какими законами руководствовались Персы и Египтяне? Каковы были мысли Индѣйцевъ о Космогоніи? Какое было лѣтосчисленіе Евреевъ? и проч.: — вѣрно не многіе дадутъ вамъ хоть полу-удовлетворительный отвѣтъ. А эти познанія, кажется, были бы не лишними для каждаго образованнаго человѣка.

Во вторыхъ, актеру надобно хорошо знать литературу своей націи. — Онъ то-же, что публичный витія. Конечно, онъ выражаетъ не свои, а чужія мысли; но онъ принужденъ такъ близко съ ними освоиться, что долженъ почитать ихъ *своими*. Для этого онъ обязанъ чувствовать красоту и слабость каждой фразы. Очевидно, что онъ самъ долженъ быть поэтомъ и писателемъ.— Въ этомъ отношеніи должны мы отдать полную справедливость нашему превосходному Театральному училищу, изъ котораго всѣ выпускаемые питомцы прекрасно знаютъ Русскую Словесность. Труды Г. Григорьева 1-го и Каратыгина 2-го служатъ наилучшимъ къ этому доказательствомъ. Съ другой стороны, Гг. Каратыгинъ и Брянскій то же литературными своими произведеніями доказали, что готовились быть истинными артистами.

Кромѣ отечественной Словесности, актеръ долженъ знать — и всѣхъ лучшихъ писателей другихъ народовъ, не только потому, что онъ ихъ вѣроятно долженъ будетъ представлять въ переводахъ, но и для того, чтобы вполнѣ ознакомиться съ духомъ иностранныхъ авторовъ. Для этого надобно актеру знать по необходимости два - три изъ главныхъ живыхъ языковъ Европы.

Живопись и ваяніе должны быть хотя теоретически знакомы актеру, потому что всѣ позы и жесты его должны быть основаны на законахъ пластики.

Изъ механическихъ искусствъ долженъ онъ хорошо знать танцы и фехтованье, какъ придающіе тѣлу свободныя и красивыя движенія и какъ притомъ часто необходимыя при исполненіи разныхъ ролей.

Географія должна быть изучена уже и для того, чтобы не коверкать безжалостно иностранныхъ именъ городовъ, рѣкъ и другихъ мѣстностей, какъ иногда случается слышать на сценѣ отъ актеровъ-самоучекъ.

Мы даже назовемъ Астрономію въ числѣ наукъ, нужныхъ актеру *. Конечно, многіе улыбнутся при этомъ, — но кромѣ высокой поэзіи этой науки (а мы уже сказали, что актеръ долженъ быть поэтомъ), какъ часто въ пьесахъ и роляхъ упоминается по сюжету, или изъ педантизма о Космогоніи и законахъ Астрономіи, — каково же должно быть актеру, который разска-

* Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что въ самомъ энциклопедическомъ образованіи актера, знаніе Астрономіи намъ кажется роскошь. *Издатель.*

зываетъ что нибудь зрителю, чего и самъ не понимаетъ! Не лучше ли быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, нежели говорить о вещахъ, недоступныхъ своему уму.

Вотъ общіе учебные предметы для актера. Перейдемъ къ техническимъ и спеціальнымъ.

У насъ какъ и вездѣ, бросаются часто на поприще театра безъ всякихъ предварительныхъ свѣдѣній объ этомъ искусствѣ. Выучивъ какую нибудь роль и сыгравъ ее на домашнемъ театрѣ, воображаютъ, что этого уже достаточно, чтобъ быть актеромъ. Будущее развитіе таланта предоставляютъ внушенію (инспираціи) и случаю. Подобные люди полагаютъ, что артистами дѣлаются безъ ученія. Жестокая ошибка! Она-то наполняетъ театры бездарными людьми, которые даже не имѣютъ и пользы балласта. Охота къ театру, которую они называютъ *призваніемъ*, во-все не можетъ сдѣлать артистомъ безъ ученія. Какъ бы кто ни любилъ музыки, но не учась, не сдѣлается Листомъ, или Паганини. Ученіе нужно всегда и во всемъ. Рѣдкое проявленіе геніевъ-самоучекъ вовсе ничего не доказываетъ. Эти люди сами потомъ чувствуютъ, что съ ученіемъ они были бы гораздо выше и полезнѣе. Слѣдственно, для актера необходимо техническое и спеціальное изученіе своего искусства. У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ надлежащихъ для этого учебныхъ книгъ, — а еще менѣе учителей. Надобно замѣнить и то и другое учебными записками.

Мы воображаемъ, что самый вѣрный и лучшій наставникъ въ сценическомъ искусствѣ долженъ быть *актеръ*,—это ошибка.— Ни одинъ знаменитый артистъ— не былъ ученикомъ актера, — и ни одинъ изъ великихъ артистовъ не образовалъ еще хорошаго ученика. Для этого должны быть спеціальные учители изъ образованныхъ литераторовъ. Актеръ не можетъ съ полною любовію посвятить себя преподаванію. Онъ самъ еще занятъ своею должностію, своими ролями, репетиціями и проч. Притомъ же, каждый актеръ можетъ учить только одностороннимъ образомъ, то есть сообразно съ своимъ амплуа, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ ученикамъ своимъ и тѣ недостатки, которые каждый имѣетъ. Но спеціальный учитель занятъ только объясненіемъ актеру смысла каждой фразы, его роли и положенія его — и видитъ въ умѣ одинъ идеалъ изящества, а не подражанія тому или другому артисту.

Мы помнимъ Князя Шаховскаго, образовавшаго цѣлое поколѣніе артистовъ. Его выговоръ былъ очень дуренъ, голосъ неблагозвученъ, фигура тяжеловѣсная — и самъ вѣрно онъ не сыгралъ бы ни одной роли порядочно, — а лучшаго учителя не было и не скоро будетъ, потому что онъ былъ одушевленъ

истинною любовію къ искусству. Онъ былъ весьма образованный человѣкъ и одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей; онъ, какъ Пигмальонъ, одушевлялъ своихъ статуй, какъ Прометей — согрѣвалъ ихъ творческимъ огнемъ — и заставлялъ быть артистами.

Первымъ предметомъ спеціальнаго обученія актера должно быть *чтеніе.* — Да! молодыхъ и старыхъ, образованныхъ людей и дѣтей природы — должно учить читать. Всѣ мы читаемъ и говоримъ, — но на сценѣ совсѣмъ иначе надобно говорить. Въ комнатѣ мы обыкновенно не договариваемъ одной трети каждаго слова, потому что слушающій понимаетъ и какъ бы слышитъ остальное. Но на сценѣ, гдѣ за 70—80 саженъ, то есть отъ 5-й—6-й кулисы надобно, чтобы даже зритель райка слышалъ каждый звукъ, непремѣнно должно выговаривать цѣлое слово вполнѣ. Многіе актеры скрадываютъ, или, какъ говорятъ, — съѣдаютъ окончаніе словъ, — а для слушателей это самая несносная вещь. По акустикѣ звукъ слабѣетъ, перелетая въ отдаленность и становится неопредѣленнымъ. Слѣдственно, при малѣйшемъ скрадываніи окончаній, вся фраза становится неясною, непонятною для зрителя, — и онъ говоритъ, — что такого-то во-все не слыхать. Усиленіе голоса не поправляетъ дѣла. Надобно умѣть сдѣлать явственнымъ и самый шопотъ. А потому ученіе актера должно быть прежде всего основано на *чтеніи.* Это самый скучный и неблагодарный трудъ, — но безъ него нельзя быть актерамъ. Учитель, преподающій драматическое чтеніе, долженъ заставлять ученика читать долго и много, увеличивая всякій день разстояніе и останавливая его на всякомъ съѣденномъ окончаніи. Это основаніе всей науки, а безъ основанія нѣтъ и зданія.

Второй классъ драматическаго курса долженъ уже состоять въ художественномъ чтеніи, то есть ученики должны уже читать свою роль со всѣми интонаціями, требуемыми фразами роли. Нашъ вседневный разговоръ — таже музыка. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ несноснѣе, если мы слышимъ человѣка, который безпрестанно говоритъ по одной нотѣ (монотонно); напротивъ, мы съ удовольствіемъ слушаемъ оживленный и разнотонный разсказъ, — и называемъ его одушевленнымъ. На сценѣ все это должно быть наблюдаемо съ гораздо бо́льшею степенью. Тамъ монотонность — нестерпима. Разнообразіе звуковъ необходимо по смыслу произносимыхъ фразъ и выражаемыхъ страстей. Мы знали одного страстнаго любителя театра, часто игравшаго на домашнихъ театрахъ. Онъ имѣлъ случай приниматься за образованіе нѣкоторыхъ нашихъ актеровъ — и составилъ для этого родъ музыкальной скалы, по которой учащіеся должны были читать свои роли. Надъ нимъ смѣялись, — и онъ никого не выучилъ. И

однако же метода эта имѣла существенное основаніе,—и ей не худо бы было слѣдовать; только учитель долженъ не ограничиваться механикою, а умѣть передавать и одушевленіе читаемыхъ фразъ. Очевидно, что учитель долженъ быть для этого образованный человѣкъ, умѣющій чувствовать и сообщать свои мысли.

Третья степень учебныхъ занятій актера—*игра*, то есть техническіе пріемы тѣлодвиженій, походки, позъ и игры физіономіи. Это уже изучается на сценѣ, то есть не тогда, когда актеръ поступитъ въ настоящую труппу, но въ приготовительныхъ спектакляхъ, которые должны быть устроены какъ можно чаще. Въ первомъ періодѣ существованія нашего Театральнаго училища, — это было единственнымъ способомъ образованія питомцевъ, — и однако-же много вышло хорошихъ артистовъ. Въ этихъ школьныхъ приготовительныхъ спектакляхъ, учащійся долженъ не только играть, но и репетировать со всѣми условіями, требуемыми отъ спектакля. Общій недостатокъ спектаклей состоитъ въ невырепетированіи ихъ. Надобно любить искусство, заниматься имъ съ усердіемъ, — или не быть артистомъ,—надобно, чтобъ актеръ на репетиціи точно такъ же *игралъ*, какъ въ спектаклѣ и даже нѣсколько разъ повторялъ неудавшіяся мѣста. Иначе и въ спектаклѣ онъ будетъ только путать и путаться.

Наконецъ, совѣтуемъ мы всѣмъ истиннымъ актерамъ посѣщать иностранные спектакли какъ можно чаще. Самолюбіе заставляетъ ихъ думать, что имъ нечего у нихъ учиться. Нѣтъ! даже чужія ошибки служатъ урокомъ. Учиться всегда должно. Величайшій актеръ, который не учится, уже отстаетъ. Для вполнѣ образованныхъ артистовъ желали бы мы то же, чтобы они искали критики, а не обижались ею. Самолюбіе самый дурной руководитель. Пустая критика не безславитъ, а благонамѣренная всегда приноситъ пользу.

Для общаго успѣшнаго хода пьесъ нужно также, чтобы не всѣ старались добиваться до первыхъ ролей, — а чтобы первоклассные актеры играли и незначущія. Для нихъ это вовсе не унизительно, — а для пьесъ и публики выгодно и пріятно.

РАФАИЛЪ ЗОТОВЪ.

Литогр. А. Ровинальи и К.

И. Сомаринъ

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
САМАРИНЪ.

Въ 1832 г., въ бенефисѣ извѣстной артистки Н. В. Рѣпиной, въ драмѣ: »*16 лѣтъ, или Зажигатели*«, роль Феликса игралъ шестнадцати-лѣтній молодой человѣкъ. Имя его появилось тогда въ первый разъ на театральной афишѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ И. В. Самаринъ, воспитанникъ Московской Театральной Школы.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, эта Школа подарила нашу сцену многими очень замѣчательными талантами: Н. В. Рѣпина, П. И. Орлова, К. А. Санковская, А. М. Сабуровъ, В. И. Рязанцевъ, В. И. Живокини, С. В. Шумскій и многіе другіе — вотъ имена, которыми, по всей справедливости, можетъ гордиться Московская Театральная Школа того времени.

Къ этимъ именамъ надо присоединить еще одно имя — И. В. Самарина, современнаго любимца нашей публики. Въ первый же дебютъ свой онъ сыгралъ роль Феликса такъ, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе — и вызванный дебютантъ былъ выведенъ предъ публику впервые П. С. Мочаловымъ. Иванъ Васильевичъ, вспоминая о своемъ первомъ успѣхѣ, разсказываетъ съ чувствомъ благородной признательности о томъ участіи, которое принималъ въ немъ заслуженный ветеранъ Русской сцены, М. С. Щепкинъ—главный образователь драматическихъ того времени талантовъ Московской Театральной Школы: Михайло Семеновичъ не только отечески руководилъ артиста-юношу, при изученіи имъ роли Феликса, но даже подарилъ ему и костюмъ.

Еще прежде своего перваго дебюта на публичной сценѣ, Г. Самаринъ игралъ уже нѣсколько разъ съ большимъ успѣхомъ среди другихъ воспитанниковъ и воспитанницъ Театральной Школы въ спектакляхъ (въ то время часто бывавшихъ въ самой Школѣ), особливо послѣ перехода своего въ драматическую труппу, такъ какъ сначала онъ готовился было поступить въ балетъ.

Послѣ столь удачнаго дебюта на публичной сценѣ, молодой артистъ не остановился на первомъ успѣхѣ: онъ пошелъ впередъ; имя его стало часто появляться на афишѣ, и талантъ его постоянно развивался въ глазахъ публики.

Средства, данныя Г. Самарину отъ природы, были не слишкомъ велики; но онъ съумѣлъ развить ихъ, стать однимъ изъ любимѣйшихъ актеровъ Московской публики и вполнѣ заслужить эту любовь. Онъ нашелъ себѣ вѣрный путь ученія, это — самую жизнь: прикоснувшись къ этому источнику, онъ укрѣпилъ свои, не совсѣмъ мощныя отъ природы, силы. Не увлекшись сильнымъ вліяніемъ самобытнаго таланта Мочалова, онъ былъ столько уменъ, что понялъ, что раболѣпное подражаніе не ведетъ ни къ чему, особенно подражаніе Мочалову, который, не говоря о его недостаткахъ, вообще былъ неподражаемъ, особенно по могуществу своего вполнѣ природнаго дарованія. Самаринъ съумѣлъ пойти своею дорогою.

Рядомъ съ Самаринымъ стоялъ актеръ, изобильно-щедро одаренный природою, хотя и не вполнѣ воспользовавшійся ея дарами: это былъ П. С. Мочаловъ и, можетъ быть, не разъ холоднымъ потомъ обдавало молодаго артиста, когда Ричардъ (Мочаловъ), (въ драмѣ Шекспира: *Ричардъ III*), смѣрявъ глазами Принца (Самарина), отвѣчалъ на вопросъ:

»Къ кому такая рѣчь, Свѣтлѣйшій Герцогъ?«
» — Къ тебѣ, темнѣйшій Принцъ!«

Въ то время, какъ Мочаловъ поражалъ зрителей *могуществомъ силы* своей игры, Самаринъ начиналъ увлекать ихъ *поэзіею слабости*, если можно такъ выразиться. Этому впрочемъ много, можетъ быть, способствовало и его первоначальное амплуа, — амплуа молодыхъ любовниковъ.

И все болѣе и болѣе Г. Самаринъ развивалъ свое дарованіе внимательнымъ изученіемъ ролей, постояннымъ ихъ обдумываніемъ, повѣркою съ самою жизнію и искуснымъ ихъ исполненіемъ.

И съ каждою ролею Г. Самаринъ, все еще бывшій воспитанникомъ Театральной школы, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе любовь публики.

Въ пьесѣ Н. В. Кукольника молодой артистъ долженъ былъ играть роль Скопина съ Мочаловымъ: съ свойственной ему любовію, онъ принялся за изученіе этой роли. Всего болѣе въ ней затрудняла его смерть Скопина: первая мысль его была та, что Скопинъ, какъ праведникъ, умираетъ совершенно спокойно, безъ всякихъ мукъ и страданій, словно засыпаетъ. Но вслѣдъ за этою мыслію, его посѣщаетъ другая мысль: Скопинъ—человѣкъ; онъ отравленъ; и Самаринъ спрашиваетъ у доктора: какъ умираетъ отравленный? и рѣшается на сценѣ изобразить самыя тѣлесныя муки умирающаго, и умирающаго отъ яду.

Этотъ случай указываетъ довольно ясно на цѣль, къ которой Г. Самаринъ стремился въ своей игрѣ съ самаго начала своего поприща. Это естественность и возможная близость къ природѣ.

Изъ слишкомъ горячаго однакожъ стремленія къ этой прекрасной впрочемъ цѣли, можетъ быть, произошли подъ-часъ его *сантиментальность* и даже изысканность самой простоты его игры — недостатки, проистекающіе все-же таки изъ похвальнаго источника. И конечно, этому-то стремленію Г. Самаринъ обязанъ и своими успѣхами, и тѣмъ, что онъ всталъ на такую высокую степень въ мнѣніи публики.

Случай съ ролію Скопина былъ не единственный въ этомъ родѣ; ихъ много; напримѣръ: въ пьесѣ Скриба: *Помѣшанный* («Cesar, ou le chien de chateau»), играя роль идіота Цезаря, молодаго человѣка, котораго обстоятельства оставили совершенно съ тѣмъ же развитіемъ понятій, какое бываетъ у четырехъ-лѣтняго ребенка, Самаринъ изучаетъ роль свою, принявъ за образецъ себѣ именно четырехъ-лѣтняго мальчика.

Въ 1841 году пріѣзжаетъ въ Москву В. А. Каратыгинъ съ своею женою А. М. Каратыгиною, и для втораго его дебюта, 8-го Апрѣля, идетъ *Марія Стуартъ*, Шиллера. Этотъ спектакль долженъ остаться въ памяти Московскихъ любителей театра. Прекрасная трагедія Шиллера была въ этотъ день розыграна съ совершенствомъ неподражаемымъ! Вотъ ея обстановка: Марія Стуартъ — Каратыгина, Елисавета—Львова-Синецкая, Графъ Лейчестеръ—Каратыгинъ, Роберть Дудлей—Славинъ, и пр.

Роль Мортимера игралъ Г. Самаринъ, тогда уже не воспитанникъ Школы, и сыгралъ ее такъ — какъ сыграть лучше — невозможно. Трудная сцена съ Лейчестеромъ, когда они, не довѣряя другъ другу, говорятъ, что тотъ долженъ открыться: »Кому опасность мéньшая грозитъ,« была сыграна имъ превосходно; довольно сказать, игра его ни на сколько не уступала превосходной игрѣ Каратыгина.

Потомъ сцена съ Маріей Стуартъ, когда бѣшено, какъ огненный потокъ, разлилась страсть юноши, и Мортимеръ, въ самозабвеніи, съ головою, отуманенною пылкою страстію, бросается съ открытыми объятіями къ Маріи — была исполнена Г. Самаринымъ неподражаемо. За то роль Мортимера и была его полнымъ торжествомъ. За нее онъ удостоился вызова прежде Каратыгиныхъ.

2-го Мая того же года былъ первый бенефисъ Г. Самарина. Публики было очень много. Добросовѣстный выборъ пьесъ: *Тайна* (Secret) и *Слесарь* драмы, и *Симонъ сиротинка*, др.-вод., и прекрасное въ нихъ исполненіе имъ ролей (особливо роли *Симона сиротинки*) сдѣлали честь молодому бенефиціанту.

Но лучшая и высокая похвала Г. Самарину — это то, что роль Чацкаго до сихъ поръ еще ни кѣмъ и нигдѣ не была лучше его исполнена.

Мы не станемъ исчислять ролей Г. Самарина: онѣ безчисленны. Амплуа молодыхъ любовниковъ, которое онъ занимаетъ, безспорно, самое трудное, и вотъ почему всѣ почти театры нуждаются въ артистахъ, играющихъ эти роли; Г. Самаринъ же выполняетъ свое назначеніе прекрасно. Не можемъ однако утерпѣть, чтобъ не указать на нѣкоторыя изъ лучшихъ ролей его. Ихъ очень много: назовемъ только нѣкоторыя изъ нихъ: Чацкій (*Горе отъ ума*), Мортимеръ (*Марія Стуартъ*), Скопинъ-Шуйскій, Графъ Рихардсъ (*Іоаннъ, Герцогъ Финляндскій*), Фердинандъ (*Коварство и Любовь*), роль, которую онъ съ большимъ успѣхомъ игралъ въ бенефисѣ Мочалова, въ то время, какъ самъ Мочаловъ занималъ роль Миллера, Ролла (*День изъ жизни художника*), Валеріанъ (*Мачиха и падчерица*), Вилицкій (*Холостякъ*), Лордъ Ильвертонъ (*Двоеженецъ*), Жоржъ (*Энгуильскій пѣмой*), Гаранъ (*Лафайль*), Робенъ (*Записки демона*), Князьминъ (*Комедія безъ свадьбы*), Поль Фавель (*Пощечина*), Шавиньи (*Женскій умъ, лучше всякихъ думъ*), и др. ad infinitum.

Въ 1846 г. послѣ Святой недѣли, Г. Самаринъ ѣздилъ въ Петербургъ и все лѣто прошло въ блистательныхъ успѣхахъ Московскаго артиста на Петербургскомъ театрѣ *. Возвратясь въ Москву осенью того же года, онъ явился въ своей лучшей ролѣ — Чацкаго, и публика Московская съ оглушительными рукоплесканіями встрѣтила своего любимца.

Г. Самаринъ, по смерти Мочалова, занимаетъ первое мѣсто въ нашей драмѣ и толпа подражателей ясно показываетъ, какъ сильно его вліяніе на нашу сцену. Теперь онъ въ полномъ развитіи силъ своихъ, въ полномъ развитіи *средствъ* своего таланта; не скажу въ полномъ развитіи *самого таланта*: какъ ни хорошъ нашъ артистъ, но онъ можетъ и долженъ еще идти дальше — и я заключу эту статью словами Байрона, которыя и повторю Г. Самарину, какъ искреннее желаніе:

»Впередъ, впередъ!«

---

* См. Репертуаръ 8146 г. статьи Гг. Григорьева и Межевича о Петербургскомъ театрѣ.

МАЛЬТІЙСКІЙ КАВАЛЕРЪ,

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

М. А. Фроиловымъ.

Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, на большомъ театрѣ 20-го Октября, 1830 года, въ пользу Танцовщицы Г-жи Истоминой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛОРДЪ ЕЛМВУДЪ . . . . . *Г. Каратынинъ 1.*

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ, подъ его опекой . . . . . *Г. Каратынина.*

ДОКТОРЪ САНДФОРТЪ, старый учитель Лорда . . . . . *Г. Брянскій.*

ЛОРДЪ ФРЕДЕРИКЪ, молодой Лордъ, влюбленный въ Миссъ Мильнеръ . . *Г. Сосницкій.*

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ, занимаемомъ Лордомъ Елмвудомъ и Миссъ Мильнеръ.

Богато-убранная комната. Главный входъ изъ среднихъ дверей; по сторонамъ двѣ другія двери и окна. Впереди, по лѣвую сторону отъ дѣйствующихъ, столъ, покрытый богатымъ ковромъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

САНДФОРТЪ и Лордъ ЕЛМВУДЪ.

САНДФОРТЪ.

Я повторяю вамъ еще, что вы не правы.

ЕЛМВУДЪ.

Я виноватъ?..

САНДФОРТЪ.

Кругомъ!

ЕЛМВУДЪ.

Но господинъ Сандфортъ....

САНДФОРТЪ.

Кой чортъ!
Да гдѣ разсудокъ здравый?
Ужъ я не говорю о томъ,
Что вамъ нѣтъ слѣда быть ея опекуномъ;
Но дѣвочку въ семнадцать лѣтъ съ немногимъ,
Принять къ себѣ, въ свой домъ....

ЕЛМВУДЪ.

Вамъ хочется быть строгимъ.
Дочь друга моего... теперь прошу сказать,
Какъ было поступить?

САНДФОРТЪ.

Какъ?... Просто отказать.
Тѣмъ болѣе что вы, прошу не огорчиться,
Имѣли множество причинъ отговориться.
Съ того начать, что въ тридцать лѣтъ,
Богъ вѣдаетъ еще, что̀ въ голову придетъ....

Потомъ всѣ отношенья ваши къ свѣту....
Обязанность быть вѣчно холостымъ;
Покорность строгая къ обѣту....

ЕЛМВУДЪ.

Вы думаете....

САНДФОРТЪ.

Да! по мнѣніямъ моимъ,
Мальтійскій Орденъ васъ конечно не изъ вздоровъ
Включилъ въ число своихъ первѣйшихъ Командоровъ....
Съ чѣмъ это все сопряжено?
Гдѣжь эта нравственность? ненарушимость правилъ,
Которыя вашъ санъ вамъ предоставилъ!....
Да это ли одно!..
Забыты вами всѣ приличія уставы.

ЕЛМВУДЪ.

Однакожь....

САНДФОРТЪ.

Вы не правы....
И это рѣшено.
Что вы богатый Лордъ, что вы здѣсь въ силѣ, въ знати —
Такъ мнѣ бранить ужь васъ не кстати!
Вамъ хочется, чтобъ я забылъ о томъ,
Что были вы моимъ ученикомъ,
Что я васъ двадцать лѣтъ браню.... бранилъ, да мало!..

ЕЛМВУДЪ.

Избави Богъ! и въ мысляхъ не бывало.
Съ привычкою васъ много чтить
Я, первый, можетъ быть,
Ревнитель вашей славы.

САНДФОРТЪ.

Вотъ это хорошо.... на этотъ разъ вы правы.
Какъ всякой переходъ тяжелъ для старика,
Такъ я просилъ бы васъ, пока
Я не привыкну быть съ политикой въ сношеньяхъ,
Чтобъ были межъ собой мы въ равныхъ отношеньяхъ....
Иначе я откланяюсь, Милордъ,
За тѣмъ, что трудно вдругъ перемѣнить методу.

ЕЛМВУДЪ.

Что вы? любезный мой Сандфортъ!
На вашу посягать не думалъ я свободу:
Вы въ правѣ замѣчать.

По крайней мѣрѣ, я могу ли быть въ надеждѣ,
Что мнѣ позволено вамъ также возражать?

САНДФОРТЪ.

О! столькожъ, какъ и прежде
Въ рѣшеніи моихъ логическихъ задачь.

ЕЛМВУДЪ.

Нашъ споръ не будетъ такъ горячь,
За тѣмъ, что тутъ большой учености не встрѣтить...
Я только вамъ берусь замѣтить,
Что сила знанія, увѣренность, успѣхъ,
Съ которымъ вы всегда опровергали всѣхъ....

САНДФОРТЪ.

Не льстите! съ уговоромъ.

ЕЛМВУДЪ.

Даютъ и въ свѣтѣ вамъ какой-то навыкъ къ спорамъ.
И если-бъ не боязнь васъ много огорчить,
Я-бъ, можетъ быть, сказалъ....

САНДФОРТЪ.

Извольте говорить!
Меня такъ правда не обидитъ.

ЕЛМВУДЪ.

Вы вещи видите не такъ, какъ всякой видитъ.
Вы Ангелъ доброты, а признаюсь, подъ часъ
Подумаешь, что въ васъ
Нѣтъ даже искры снисхожденія;
Не говорю, со мной, но съ Миссъ Мильнеръ,
Питомицей моей....

САНДФОРТЪ.

А чтожъ бы напримѣръ?

ЕЛМВУДЪ.

Да то, что вы всегда противнаго съ ней мнѣнья....

САНДФОРТЪ.

Ужь это не моя вина;
По той причинѣ, что разсудокъ и она
Не могутъ быть секунду вмѣстѣ....
И я, какъ человѣкъ прямой, скажу по чести,
Что вы на счетъ ея весьма ослѣплены....
Но съ этой стороны,
Что вамъ ни представляй, все кажутся нападки.

ЕЛМВУДЪ.

Вы въ ней находите одни лишь недостатки!

Не спорю въ томъ — она имѣетъ ихъ;
Но къ этому причинъ не вижу я другихъ,
Какъ общее вниманье,
Лѣта, неопытность и — даже состоянье,
Которое влечетъ безпрекословно къ ней
Толпу всѣхъ молодыхъ людей,
Прекрасной женщины велѣніямъ послушныхъ,
А больше — смѣтливыхъ, всегда неравнодушныхъ
Къ условной вѣрности доходовъ годовыхъ;
Но между таковыхъ
Погрѣшностей незначущихъ, скажите,
Какихъ
Прекрасныхъ качествъ въ ней вы видѣть не хотите!..
Я добрыхъ дѣлъ ея вамъ тысячи найду.

САНДФОРТЪ.

Чтожь дѣлать! Зло всегда скорѣе на виду.
Положимъ, я не правъ.... Но ваше къ ней участье,
Увѣренность, пристрастье....
Вотъ зло-то главное!.. Опять свобода та,
Которую въ ея лѣта
Вы дали ей.... ни на что непохоже!

ЕЛМВУДЪ.

Я повторю вамъ тоже,
Что это не должно тревожить васъ никакъ.
Обычаи земли....

САНДФОРТЪ.

Все такъ!
Умъ нашихъ земляковъ все вкось перетолкуетъ.
Пошлюсь на цѣлый свѣтъ,
Да гдѣ же, кромѣ насъ, обычай существуетъ,
Чтобъ дѣвушка въ семнадцать лѣтъ,
Какъ птичка, вздумала, вспорхнула, полетѣла —
И никому нѣтъ дѣла!....
Вѣдь это срамъ!
Возьмите вы въ другихъ земляхъ.. что тамъ?
Дочь съ матерью на часъ не разстается....
Тамъ нравственность дѣвицъ въ приданое берется....
Тамъ это капиталъ!....

ЕЛМВУДЪ.

Съ котораго мужьямъ
Частехонько платить проценты достается.

САНДФОРТЪ.

Положимъ.... но опять,
Какъ вы возмётесь оправдать
Пріѣзды частые къ нимъ Лорда Фредерика?..
Котораго лишь въ томъ расчетливость велика,
Что онъ дуелямъ счетъ ведетъ....
Который побывавъ три мѣсяца въ Парижѣ
(Такъ говоритъ, а вѣроятно, ближе),
Себя здѣсь выдаетъ
За рыцаря послѣдней моды....
Такова воина, котораго походы —
Отъ оперныхъ кулисъ до ломберныхъ столовъ;
Котораго.... да не достанетъ словъ
Вамъ описать его дѣянья и проказы....
И это Миссъ Мильмеръ отъявленный женихъ!
Всеобщіе разсказы!..
Миссъ Арабель, Миссъ Блокъ.... ужъ я при нихъ
Молчу, какъ это мнѣ ни больно.
Но въ чемъ еще не такъ довольно
Убѣждены онѣ,
И что, къ несчастію, уже извѣстно мнѣ....
Такъ явное ее вниманье къ Фредерику.

ЕЛМВУДЪ.

Возможно-ли!

САНДФОРТЪ.

Представлю вамъ улику:
Не дальше какъ вчера,
Часовъ въ одиннадцать пошелъ я со двора
И вышелъ на прямикъ къ Сентъ-Жамескому парку....
Хожу, курю сигарку....
Смотрю — кой чортъ!
Знакомое лицо.... глядь ближе.... Лордъ!
А съ боку Миссъ Мильмеръ.... изволятъ проѣзжаться.
И много кой-кого.... другими-ль заниматься!
Заслушалась, пустила повода....
Не сводитъ глазъ съ него.... ну такъ, что видѣть тошно!
Вдругъ лошадь.... вашъ скакунъ.... вы знаете, всегда
Привыкъ, чтобы на немъ не ѣздили оплошно....
Взбѣсился, бросился....

ЕЛМВУДЪ.

Что слышу! Боже мой!
Что съ ней случилося?

САНДФОРТЪ.

Да ничего; домой
Пріѣхала. Знать, вы ужъ память потеряли!
Какъ будто бы ее вы послѣ не видали,
Когда изъ оперы она
Была сюда завезена
Безумной теткою негоднаго повѣсы?..
Онъ съ ними въ ложѣ былъ, и чай... въ антрактахъ пьесы,
Твердилъ ей на ушко про то.... про се....
И наконецъ.... про все,
Что дѣвушкамъ твердится шалунами ...
Ей то и на руку!.... Ахъ! Боже мой!.. Что съ вами?
Вы такъ перемѣнились вдругъ....
Встревожились....

ЕЛМВУДЪ.

Кто, я?.... Все давишній испугъ.
(*Послѣ нѣкотораго молчанія*).
Любезный мой Сандфортъ.... я знаю, вамъ извѣстно,
Какъ много я цѣню.... и какъ мнѣ лестно
Устроить счастіе питомицы моей....
Хотя на этотъ счетъ у ней
Всегда была разборчивость велика....
И если-бъ дали мнѣ супруга выбрать ей —
Мой выборъ бы не палъ на Лорда Фредерика....
Но дѣлать нечего.... Онъ знатенъ, онъ богатъ,
И я.... я очень радъ;
Тѣмъ болѣе, когда такъ вѣрно,
Что онъ любимъ....

САНДФОРТЪ.

Любимъ неимовѣрно!
И я совѣтую уладить поскорѣй,
За тѣмъ, что въ будущемъ, таинственномъ и грозномъ,
Богъ вѣдаетъ.... Но вотъ она, молчу. При ней
Нѣтъ средства говорить о чемъ нибудь серьёзномъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ-же и МИССЪ МИЛЬНЕРЪ, *за нею слуга несетъ картину.*

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ, *обращаясь къ дверямъ.*

Сервизъ въ уборную, а вазы въ кабинетъ;
Да только осторожно....
Прошу не перебить. Вамъ все напомнить должно.
(*Слугѣ*).
Картину здѣсь поставь.... тамъ мѣста нѣтъ.
(*Слуга ставитъ картину влево отъ входа.*)

ЕЛМВУДЪ (*Миссъ Мильнеръ*).

Что значитъ....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*слугѣ*).

Прикажи, до моего возврата
Не ставить....

ЕЛМВУДЪ.

Миссъ Мильнеръ, я съ вами говорю.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Простите.... виновата!
Здоровы-ль вы, Милордъ?

ЕЛМВУДЪ.

Здоровъ; благодарю.
Вы выѣзжали?...

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да! сейчасъ съ аукціона
Леди Сеймуръ.... устала ужасъ какъ!
Какое множество!.. что лучшаго здѣсь тона
Все съѣхалось ... да такъ,
Что вовсе нѣтъ проѣзда.
Мы битыхъ два часа тянулися въ ряду,
Покамѣстъ наконецъ добралися до подъѣзда.
Лишь въ залу — въ новую бѣду!
Двѣ дамы.... О! да это презабавно!
Одна изъ нихъ вамъ очень знакома!....
Не отгадали?.. Нѣтъ?.. Миссъ Арабель, сама.

ЕЛМВУДЪ.

Миссъ Арабель?.... я съ ней знакомъ недавно.
Да что же сдѣлалось?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Конечно, вся вина
Одна ея неосторожность....

ЕЛМВУДЪ.

Однакожь есть возможность,

Я думаю, сказать....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Она

Упала въ обморокъ, въ лицѣ не измѣнилась.

ЕЛМВУДЪ.

Что-жъ въ этомъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что? Да какъ же! всѣмъ открылось,

Что цвѣтъ лица былъ выписной.

ЕЛМВУДЪ.

Не догадался-бъ....

САНДФОРТЪ.

Боже мой!

Въ ней все: языкъ и сердце злое.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ? это что такое?

Я ошибаюсь, можетъ быть....

(*Присѣдая Сандфорту*).

А! Господинъ Сандфортъ!.. прошу меня простить....

САНДФОРТЪ.

Нельзя-ль безъ восклицаній!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вы, скромностью своихъ всегдашнихъ замѣчаній

Давно извѣстны мнѣ.

Благодарять могу-ль?

САНДФОРТЪ.

Да, да!.. Онѣ

Вамъ именно могли бы быть полезны.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Все одинаково любезны!

За постоянство васъ нельзя не похвалить.

Но трудно вамъ меня сегодня разсердить:

Я слишкомъ весела и такъ собой довольна,

Что право, я боюсь, за васъ мнѣ будетъ больно.

Подумайте, Милордъ! лишь въ залу я вхожу....

Отъ радости до сихъ поръ сердце бьется!

Представьте мой восторгъ!.. гляжу....

Портретъ тотъ самый продается,

Который такъ давно желали вы имѣть.

Плачу́ имъ вчетверо, бѣгу.... отъ восхищенья
Я кучеру велю не ѣхать, а летѣть.

ЕЛМВУДЪ (*подбѣгая къ картинѣ и разсматривая ее*)

Возможно-ли!.. Я внѣ себя отъ удивленья!..

САНДФОРТЪ.

И вотъ, Милордъ, васъ увлекаетъ лесть.
Купить портретъ? Чтожъ тутъ такова есть!
Такъ были вы ея вниманія предметомъ?
При васъ, другихъ она не ставитъ ни во что?
(*Указывая на ноготь*).
Повѣрьте, вы на столько въ этомъ,
Такъ выдетъ на повѣрку то....
Что ѣздила она нарочно за портретомъ.
О! какъ на этотъ счетъ
Въ васъ заблужденіе велико!
Поѣздки этой былъ особенный расчетъ....
Блеснуть, пощеголять и напослѣдокъ тотъ —
Чтобъ видѣть Лорда Фредерика.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

А почему же нѣтъ? Нисколько не таю,
Мнѣ жаль, что на него немногіе похожи.
Ну, съ кѣмъ его сравнить? Любова вамъ даю
Изъ нашей молодежи.
Какой прекрасный тонъ,
Свобода говорить.... любезенъ, милъ, уменъ....
Чего-жъ еще вамъ нужно?
Хоть правда, иногда, когда ему досужно,
Онъ тьму наговоритъ похвалъ;
Но если все, что онъ сказалъ,
Хоть въ половину взять — фальшивая монета,
Такъ онъ ужъ человѣкъ диковинный для свѣта.
Вы всѣхъ еще не знаете проказъ....
Какъ былъ онъ милъ въ послѣдній разъ
Когда мы ѣхали втроемъ до Гейдс-Парка!..
Хотите-ль отъ меня подарка?
Услышать все, доставлю случай вамъ....
Поѣдемте со мной: сегодня скачка тамъ.

САНДФОРТЪ.

Благодарю покорно!

ЕЛМВУДЪ (*Миссъ Мильнеръ*).

И вы поѣдете?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Безспорно!

Тамъ, говорятъ, пари двѣ тысячи гиней....
Бездѣлица, но все хоть что нибудь да значитъ.

САНДФОРТЪ.

Хотѣлъ бы знать я, кто глупѣй....
Кто смотритъ, иль кто скачетъ?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*хочетъ идти*).

Когда нибудь я это вамъ рѣшу.
Теперь мнѣ не-когда, я ужасъ какъ спѣшу....
Мнѣ надобно еще успѣть переодѣться.

ЕЛМВУДЪ.

На это время вамъ довольно остается.
Какъ опекунъ, какъ другъ.. я смѣю васъ просить:
Рѣшитесь мнѣ одну минуту удѣлить....
Мнѣ съ вами надобно поговорить о многомъ.

САНДФОРТЪ.

Ну! съ Богомъ!
Я ухожу.

ЕЛМВУДЪ.

Напротивъ, я не лишнимъ нахожу,
Чтобъ вы остались здѣсь.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я думала-бъ иначе....
За чѣмъ же затруднять?.. я право такъ боюсь....

САНДФОРТЪ (*садясь къ правой сторонѣ отъ зрителей*).

Такъ я же остаюсь....
Тѣмъ паче,
Что это воля есть
Милорда.

ЕЛМВУДЪ (*по другую сторону близь стола беретъ стулъ и даетъ знакъ Миссъ Мильнеръ, чтобъ и она то же сдѣлала*).

Слишкомъ годъ, какъ я имѣю честь
Васъ видѣть подъ моей опекой. Не скрываю
Все то, что отъ другихъ я знаю,
И что я могъ замѣтить самъ....
Въ васъ есть погрѣшности, приличныя лѣтамъ;
Но добротой души вы несравненны! —
Прошу васъ, будьте вы со мною откровенны, —

По городу твердятъ,
Что вамъ Лордъ Фредерикъ не только не противенъ,
Но даже говорятъ,
Вниманьемъ вашимъ осчастливленъ:
Вы любите его?.. Извольте говорить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Такой вопросъ меня не могъ не удивить....
Но вдвое:
Холодность, строгій тонъ....

САНДФОРТЪ.

Пустое!
Къ чему вамъ тоны замѣчать?
Коротко: да иль нѣтъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Кому-жъ я отвѣчать
Должна?

ЕЛМВУДЪ.

Мнѣ одному.... Я жду.

САНДФОРТЪ.

Вотъ это дѣльно!
Вы видите — молчитъ.... да, влюблена смертельно!

ЕЛМВУДЪ.

Для Бога, Миссъ Мильнеръ, прошу скорѣй отвѣтъ....
Вы любите его? скажите....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*холодно*).

Нѣтъ!

САНДФОРТЪ.

Какъ нѣтъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*также съ рѣшимостію*).

Нѣтъ, не люблю.

САНДФОРТЪ.

Не любите?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Нисколько!

САНДФОРТЪ.

Такъ это ложь....

ЕЛМВУДЪ.

А почему?

САНДФОРТЪ.

Да потому....
Что этому не вѣрю я — и только.
Ужаснѣйшій обманъ!

ЕЛМВУДЪ.

А мнѣ не вѣрить вамъ какъ поводъ не былъ данъ,
И нѣтъ причинъ вамъ отъ меня таиться —
Я въ правдѣ вашихъ словъ не смѣю усомниться;
Но я узнать одно желалъ бы, для чего
Вамъ было одобрять всѣ поиски его?
Какая вамъ охота
Такъ завлекать?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да.... это отъ того
Что.... въ этомъ я самой себѣ не дамъ отчёта.

ЕЛМВУДЪ.

При всемъ одно изъ двухъ вамъ надобно избрать:
Супругой быть его, иль просто отказать
Милорду посѣщенья.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

А я противнаго бы мнѣнья....
Я отъ свиданія не прочь.

САНДФОРТЪ.

На кой вамъ чортъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да мнѣ съ нимъ весело.

САНДФОРТЪ *(вставая).*

Ну, есть-ли только средство!
Вы слышите, Милордъ....
Что-жъ это? не кокетство?

ЕЛМВУДЪ *(вставая, также и М. Мильнеръ).*

И такъ.... я требую, чтобъ въ знакъ
Вниманья вашего ко мнѣ, вы обѣщали
Милорда не видать.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Извольте.

САНДФОРТЪ.

Это такъ!

ЕЛМВУДЪ.

Съ сего же дня.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Съ сего же дня!.. Да какъ!....
Желала бы... да мы другъ другу слово дали
Быть на гуляньи.... я....
Нѣтъ, этого нельзя,
Вы разсудите сами....

Леди Сеймуръ.... и какъ же дамѣ
Я въ словѣ измѣню?
Нѣтъ, нѣтъ, Милордъ, увѣрьтесь, я храню
Всѣ обѣщанья свято.

ЕЛМВУДЪ.

А то, которое теперь же мною взято,
Не значитъ ничего?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Напротивъ, очень много!
Когда такъ строго
Вы цѣните его.
Но выѣздъ нашъ давно улаженъ....
Притомъ, на этотъ разъ
Предметъ, что затрудняетъ васъ,
Такъ, справо, маловаженъ....
Я вѣрить не могу никакъ,
Чтобъ вы, Милордъ, котораго мнѣ такъ
Извѣстна доброта, извѣстно снисхожденье....

ЕЛМВУДЪ.

Всему есть исключенье.
Бываютъ случаи.... я ихъ назвать бы могъ....
Гдѣ снисхожденіе есть слабость и порокъ.....
Я этого хочу, и возражать напрасно!

САНДФОРТЪ.

Давно бы такъ!.. и коротко, и ясно.
Будь это, напримѣръ, питомица моя....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

О! если-бъ такъ, то я....

САНДФОРТЪ.

Ну чтобъ вы сдѣлали? Угроза такъ безплодна!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

А то, что сдѣлать мнѣ сегодня же угодно:
Поѣхать.... я навѣрно буду тамъ.

ЕЛМВУДЪ.

Такъ я вамъ выѣзжать сегодня запрещаю,
Я запрещаю это вамъ....
Вы слышите-ль?....

(Уходитъ въ комнату налѣво).

САНДФОРТЪ.

Съ пріѣздомъ поздравляю! —

ЯВЛЕНІЕ 3.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ и САНДФОРТЪ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(про себя).*

Ахъ, Боже мой! какъ все случиться такъ могло!....
Я слышу въ первый разъ....

САНДФОРТЪ.

Вотъ въ этомъ-то и зло!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(также).*

Я не забуду вѣчно....
Лордъ Елмвудъ говорилъ мнѣ съ гнѣвомъ!....

САНДФОРТЪ.

Да, конечно!
И вотъ его слова: Я запрещаю вамъ!
Тутъ ясно кажется и нечего дополнить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(также).*

Я повода себѣ не дамъ
Ослушаться!.. но трудно такъ исполнить....

САНДФОРТЪ.

Заставить васъ дѣла съ разсудкомъ соглашать!
Да это-бъ значило мѣшать
Привычкамъ вашимъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я невольно
Должна напомнить вамъ....

САНДФОРТЪ.

Что-жъ дѣлать! очень больно.
Не спорю.... но когда
Есть опекунъ, который иногда
Приказываетъ намъ, капризовъ не боится.
Такъ лучшее что есть — безмолвно покориться.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вы не хотите ли сказать,
Что я не ѣду изъ боязни?
Напротивъ... изъ одной пріязни
Я не хочу Милорда огорчать.

САНДФОРТЪ.

Конечно, лучше такъ стараться
Всѣ вещи принимать....
Когда нельзя иначе взяться.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Нельзя?.. Но это отъ меня
Зависѣло-бъ....

САНДФОРТЪ.

Не думаю.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Забавно!
Да что мѣшало бы мнѣ быть сего же дня
На этой скачкѣ славной?
Меня всѣ ожидаютъ тамъ....
Леди Сеймуръ....

САНДФОРТЪ.

Что помѣшало-бъ вамъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да.

САНДФОРТЪ.

Вы.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ

Кто? Я?

САНДФОРТЪ.

Вы сами.
Межъ прочими вещами,
Вы вспомнили-бъ приказъ
Милорда.... запрещенье....
О! мѣра, безъ сомнѣнья,
Благоразумная весьма на этотъ разъ....
Такая выдумка, какихъ на свѣтѣ мало!
И если-бъ скромность дозволила,
Я-бъ можетъ быть сказалъ....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Помилуйте.... къ чему!
Вы скромностью своей тотчасъ понять мнѣ дали,
Что эта выдумка ему
Отъ васъ же внушена.

САНДФОРТЪ.

Вы точно отгадали.
Не думайте, что тутъ есть виды.... право нѣтъ!

Такъ, дружескій совѣтъ....
Участіе, и только!
И благодарности не требую нисколько....
Исполнилъ я душевный долгъ.
Простите, можетъ быть, я нѣсколько помогъ
Затѣи ваши всѣ безъ умысла разрушить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Не безпокойтесь.... все равно.
Мнѣ удовольствіе одно —
Васъ никогда не слушать!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и СЛУГА.

СЛУГА.

Лордъ Фредерикъ пріѣхалъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Кто?
Лордъ Фредерикъ? Тѣмъ лучше.... очень рада.

САНДФОРТЪ.

Но вамъ извѣстно то,
Что съ нимъ запрещено вамъ видѣться.... (*Слугѣ*)
Не надо!
Ступай, Милорду доложи.

СЛУГА.

Онъ занятъ въ кабинетѣ.

САНДФОРТЪ.

Да нужды нѣтъ.... скажи.

СЛУГА.

Нельзя-съ. Какія-то ему по эстафетѣ
Бумаги привезли.... и только лишь теперь
Онъ заперъ за собою дверь.

САНДФОРТЪ.

Такъ гость нашъ дорогой проѣхался напрасно.
Жалѣю я ужасно....
Скажи, нѣтъ дома.... (*Слуга хочетъ идти*).

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*слугѣ*).

Стой! (*Сандфорту*) Да кто далъ право вамъ

Приказывать моимъ слугамъ?....
Милордъ и я могу, но кромѣ....

САНДФОРТЪ.

Что это значитъ?. ..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

То, что я хозяйка въ домѣ.

САНДФОРТЪ.

Согласенъ.... но когда
Милордъ въ отсутствіи....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Тогда
Я всѣмъ одна распоряжаю.
(Слугѣ)
Проси.... я Лорда ожидаю.
(Слуга уходитъ).

САНДФОРТЪ.

Такъ смѣло нарушать приказъ опекуна!
Да что вы вздумали.. Она..
Съ ума сошла.... Какъ вы могли рѣшиться..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ужь если мнѣ случится
На это отвѣчать — Милорду одному;
Но никогда и никому
Совѣтникамъ его.

САНДФОРТЪ.

Прошу, какъ гордо!
Да вы еще не знаете Милорда,
Какъ вспылчивъ онъ и какъ....
А что узнаетъ онъ, такъ это вѣрно такъ,
Какъ имя я нашу Сандфорта.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я думаю, что все готово для рапорта.
Чего-жъ вы медлите? Подите, дайте знать.

САНДФОРТЪ.

Вы за кого меня изволите считать?
Доносщикъ что ли я?.... До время оставляю....
Пускай придетъ Лордъ Фредерикъ,
Я докажу, что я привыкъ
Открыто дѣйствовать и явно нападаю.
(Уходитъ въ комнату направо).

ЯВЛЕНІЕ 5.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ и ЛОРДЪ ФРЕДЕРИКЪ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ну! этого взбѣсила какъ могла.

(Входитъ Лордъ Фредерикъ и почтительно кланяется).

(Лорду). Лордъ Фредерикъ.... я право не ждала,
Чтобъ вы могли такъ рано удостоить....

ФРЕДЕРИКЪ.

Я самъ бы по себѣ не смѣлъ васъ безпокоить....
Но къ счастію, есть сила свыше насъ ...
Отъ тетушки моей, Леди Сеймуръ, приказъ :
Не мѣшкавъ ни мгновенья
Скакать, что силы къ вамъ,
И важныя доставить порученья ...
А порученья дамъ....
Вы знаете, кто-жъ приметъ къ сердцу ближе?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вы такъ любезны....

ФРЕДЕРИКЪ.

Да, съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Парижѣ
И если я похвастаться могу,
Что кое въ чемъ мои успѣхи вижу....
Ей Богу, вамъ не лгу!
Обязанъ всѣмъ Парижу.
Я это на себѣ испытываю самъ,
И очень натурально:
Для нашихъ рѣзвыхъ дамъ
Такъ важенъ и тяжелъ нашъ умъ національной,
Что только покажись имъ нашъ братъ джентельманъ,
Настроенный умомъ и тономъ Парижанъ,
Онѣ теряются.... ихъ это увлекаетъ....
Тревожитъ такъ.... такъ сильно поражаетъ,
Что, право, вамъ скажу, не знаешь, какъ и быть.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Любезность, Лордъ, кого-жъ не можетъ восхитить?

ФРЕДЕРИКЪ.

Вотъ это именно.... Но ужь за то, о Боже!
Я вытерпѣлъ, по чести, адъ

Отъ ревности мужей и нашей молодежи,
Которые меня.... чему я впрочемъ радъ
Зовутъ до сихъ поръ *Fat*....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что это *Fat*?

Я слову этому совсѣмъ не знаю вѣса.

ФРЕДЕРИКЪ.

Fat.... Какъ бы вамъ сказать?.. по нашему повѣса....
Нѣтъ, выше этого.... Но впрочемъ все равно....
Мнѣ слово *Fat* пришлося такъ по мысли,
Что я хочу имъ быть въ буквальномъ смыслѣ.
Бездѣлица оно,
А къ храбрости ужасно завлекаетъ,
И съ той поры, какъ я, вступаяся за честь,
Успѣлъ удары тремъ нанесть;
И столько-жъ получить.... никто мнѣ не мѣшаетъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Кому же надобность мѣшать?....

ФРЕДЕРИКЪ.

Ахъ! сколько есть
Да вотъ мой дядюшка почтенный,
Поръ Англіи, Лордъ Кларендонъ:
По кошельку старикъ неоцѣненный....
Но истинно чудакъ! Повѣрите-ль, что онъ
Терпѣть не можетъ нашей братьи....
Я ссорился не разъ, и далъ себѣ заклятье
Не знаться цѣлый вѣкъ....
Нѣтъ нужды мнѣ, что онъ извѣстный человѣкъ,
Я никого себя не ставлю ниже....
Не взять долговъ племянника!....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(смѣясь)*.

Долговъ?

А есть.... и много?

ФРЕДЕРИКЪ.

Да, съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Парижѣ,
Тамъ это такъ легко.... но слово дать готовъ
Остепениться не на шутку....
Ахъ! вамъ извѣстно, отъ кого
Зависитъ навсегда привесть меня къ разсудку.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Извѣстно мнѣ? Божусь, не знаю ничего....
Но ваше порученье?....

ФРЕДЕРИКЪ.

Я развѣ не сказалъ?... Простите.... вотъ забвенье!
Но въ этомъ мнѣ себя-ль винить?
При васъ.... я все могу забыть.
Вы въ Гейде-Паркѣ быть хотѣли неотмѣнно....
Чтобъ вамъ одной не ѣхать эту даль,
Такъ тетушка моя за вами непремѣнно
Заѣдетъ къ два часа....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Мнѣ очень жаль:
Я не поѣду.

ФРЕДЕРИКЪ.

Какъ! Причина?.... Ваше слово....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Причина важная.... Я очень нездорова.

ФРЕДЕРИКЪ.

Вы нездоровы?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да! Божусь вамъ.... цѣлый день
Такая дурнота.... мигрень..

ФРЕДЕРИКЪ.

Я вѣрить не могу....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ! и мигреи даже?....

ФРЕДЕРИКЪ.

Не вѣрю ничему съ Французскаго вояжа.
Помилуйте, я шлюсь на всѣхъ здѣсь вообще....
Да вотъ вамъ зеркало.... вы никогда еще
Прелестнѣй не казались.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ это жаль.... но все вы сколько-бъ ни старались,
Я ѣхать не могу.

ФРЕДЕРИКЪ.

Такъ долженъ быть
Резонъ....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Запрещено.

ФРЕДЕРИКЪ.

Кто-жъ могъ вамъ запретить?
А! Лордъ Елмвудъ.... опека!
Да какъ-же, слушать вамъ такова человѣка....
Вы знаете какъ въ свѣтѣ принято
Съ опекунами....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Лордъ! Я знаю только то,
Чего узнать вамъ не было досуга....
Онъ, съ малыхъ лѣтъ моихъ,
Мнѣ замѣнилъ отца, родныхъ,
И благодѣтеля, и друга....
Мое имѣніе, когда со всѣхъ сторонъ
Его у сироты отнять старались — онъ
Не только что сберегъ, удвоилъ состоянье....
Могу-ль забыть его вниманье
Въ ужаснѣйшей болѣзни той,
Гдѣ съ радостью ждала кончины я одной....
Кто къ сердцу принималъ тогда мое страданье?
На свѣтѣ я была-ль нужна кому?..
Милордъ.... я жизнью, всѣмъ обязана ему.
Но я напрасно вамъ все это объясняю....
Достоинствамъ его одна я цѣну знаю;
Одна могу судить
О чувствахъ сладкихъ и пріятныхъ,
Которыя во мнѣ умѣлъ онъ поселить.

ФРЕДЕРИКЪ.

Такъ въ Лордѣ множество достоинствъ непонятныхъ....
Какъ слухи иногда невѣрны вообще!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что-жъ говорятъ?....

ФРЕДЕРИКЪ.

Такъ вы не знаете еще,
Что этотъ человѣкъ, къ доступу невозможный....
Который свыше одаренъ —
По нашему — влюбленъ,
Какъ смертный слабый и ничтожный!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Влюбленъ!.. въ кого?..

ФРЕДЕРИКЪ.

Въ кого.... опредѣлить, всегда
Сопряжено съ ужасными трудами;
Тѣмъ болѣе, что иногда
Влюбленные того не знаютъ сами....
Какъ впрочемъ говорятъ.... его могла плѣнить
Одна суровость взоровъ
Миссъ Арабель.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Не можетъ быть!
Вступая въ званіе Мальтійскихъ Командоровъ,
Онъ произнесъ обѣтъ быть вѣчно холостымъ.

ФРЕДЕРИКЪ.

Обѣтъ.... помилуйте! Кто-жъ нынѣ вѣритъ имъ!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Такъ вы увѣрены?....

ФРЕДЕРИКЪ.

Я правиломъ поставилъ
Не трогать ничьего лица,
Но.... вѣрю этому.... въ дѣвицѣ строгость правилъ —
Соблазнъ для мудреца!
Любя ее, онъ любитъ добродѣтель....
Чего же болѣе? Сегодня ѣхать вамъ
Запрещено, а Миссъ навѣрно будетъ тамъ,
И вашъ почтенный благодѣтель
Найдетъ, что это такъ должно....
Рѣшить не мудрено,
Кто стóитъ бóльшаго вниманья....
И если-бъ знали вы, чего лишаютъ васъ!..
Представьте вы себѣ всѣ прелести гулянья....
Движенье шумное!.... нарядовъ блескъ — для глазъ
Очаровательный!.. соперницъ боязливыхъ
Уныньe томное, и торжество — счастливыхъ.
Но вы являетесь.... вниманіе всѣхъ лицъ
Къ вамъ обращается.... потомъ, за вашимъ взоромъ
Слѣдятъ.... колеблятся и — по движеньи скоромъ....
Вы торжествуете и все предъ вами ницъ!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ это весело!.. Мнѣ право бы хотѣлось,
Тѣмъ болѣе, когда
Миссъ Арабель тамъ будетъ....

ФРЕДЕРИКЪ.

Да!
При мнѣ все дѣло загорѣлось....
И слово тетушкѣ дано
Тамъ видѣться....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я ѣду.... рѣшено.
Хотя-бъ со мною Лордъ поѣхалъ, все равно.
Я ѣду непремѣнно.

ФРЕДЕРИКЪ.

Возможно-ли! Теперь я счастливъ совершенно!
Стрѣлой отъ васъ я къ тетушкѣ пущусь,
Увѣдомлю ее и съ ней же возвращусь.
Надѣюсь, что мои не тщетны ожиданья....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я слово вамъ даю.

ФРЕДЕРИКЪ.

Простите.... до свиданья!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*одна*).

Онъ правъ.... и по всему
Когда разсудишь безпристрастно....
Такъ! Лордъ Елмундъ мой опекунъ.... согласна;
Но все не властелинъ.... Съ какихъ же правъ ему
Распоряжаться произвольно!
И если-бъ вздумалъ онъ мнѣ точно запрещать,
Такъ я могу сказать:
Хочу! — и этого довольно.
Да впрочемъ, нѣтъ нужды и спрашивать его:
Бумагами онъ занятъ до того,
Что врядъ ему отдѣлаться къ обѣду;
А я до той поры еще пріѣду....
Теперь мнѣ надобно одѣться поспѣшить,
И къ счастію, Мадамъ Дюпре успѣла сшить
Мнѣ шляпку превосходно
И какъ ко мнѣ идетъ.!

Миссъ Арабель.... вамъ было такъ угодно.
Идти на-перекоръ.... посмотримъ, чья возьметъ!
Что, вижу?.. Лордъ Елмвудъ!..

ЯВЛЕНІЕ 7.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ и ЛОРДЪ ЕЛМВУДЪ.

ЕЛМВУДЪ.

Ахъ! слава Богу!..
Вы здѣсь еще?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

(Въ сторону.)
На этотъ разъ
Рѣшительно скажу.

ЕЛМВУДЪ

Такъ; сомнѣваясь въ васъ,
Я слишкомъ, можетъ быть, себѣ дозволилъ много ...
Представьте вы себѣ.... сижу,
Дѣлами занятъ.... вдругъ, гляжу,
Карета со двора.... подумалъ я невольно....
Но, къ счастію, теперь я убѣжденъ довольно,
Что вы не думали ослушаться меня....
Благодарю.... обиды этой я
Вамъ не простилъ бы вѣчно.
Ахъ! если-бъ знали вы, что стóитъ мнѣ всегда....
И какъ безчеловѣчно
Терзаюсь я, когда
Бываю принужденъ приказывать.... тѣмъ болѣ
Къ вамъ вынуждать себя быть строгимъ противъ воли!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Кто! вы Милордъ?

ЕЛМВУДЪ.

И что сего же дня
Случилося со мной сверхъ ожиданья....
Но ваша доброта, покорность, послушанье
Обезоружили меня....
Я даже безъусловно
Готовъ себя во всемъ признать виновнымъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что слышу!

ЕЛМВУДЪ.

Да; я могъ казаться вамъ
Несправедливымъ и суровымъ;
Безъ уваженія къ наклонностямъ, къ лѣтамъ....
Противорѣчить вамъ всегда, во всемъ готовымъ;
Но выслушать прошу все, что меня
Такимъ быть вынуждало.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(въ сторону).*

Я этого никакъ не ожидала....
(Лорду.)
Какъ? вамъ передо-мной оправдывать себя!

ЕЛМВУДЪ.

Вы мнѣ поручены.... за ваше имя, я
Отвѣтствую.... оно сокровищъ всѣхъ дороже,
Которыми могу васъ надѣлить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Милордъ.. хотя-бъ ко мнѣ вы были вдвое строже,
Я и тогда не смѣла-бъ васъ винить.

ЕЛМВУДЪ.

И такъ Лордъ Фредерикъ....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я вамъ уже сказала.

ЕЛМВУДЪ.

Но этого все мало.
Въ присутствіи другихъ вы тайну, можетъ быть,
Страшились мнѣ довѣрить;
Мы здѣсь одни теперь.... я смѣю васъ увѣрить
Въ моемъ согласіи.... вы говорите съ тѣмъ,
Кому вы дороги.... Кто съ радостной душою
Для счастья вашего пожертвуетъ собою....
Клянуся всѣмъ
Одобрить выборъ вашъ.... прошу васъ, говорите!..
Вы медлите еще.... вы не хотите
Меня разстроить, огорчить....
Признанье ваше, можетъ быть,
Съ потерей моего спокойства нераздучно....
Что нужды, Миссъ Мильнеръ! Я всѣмъ пренебрегу,

Когда могу
Я сдѣлать васъ благополучной.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! если-бъ знали вы, какъ въ этотъ самый часъ
Я счастлива!.. Какъ мнѣ пріятно слышать васъ!

ЕЛМВУДЪ.

Такъ васъ Лордъ Фредерикъ не занималъ собою?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ, нѣтъ! Онъ никогда не могъ быть избранъ мною.
Онъ видитъ самъ, какъ я всегда шучу
Надъ нѣжностью его докучной....
Милордъ!.. быть съ вами неразлучно,
Повиноваться вамъ — вотъ все, что я хочу.

ЕЛМВУДЪ.

Повиноваться мнѣ!.. Такъ вотъ мое желанье:
Одѣньтесь и сей часъ
Извольте ѣхать на гулянье.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(Въ сторону.)*

Возможно-ли!..

ЕЛМВУДЪ.

Я умоляю васъ,
Иначе я себя никакъ не успокою.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ нѣтъ! я этого не стою....
Нѣтъ!.. Если голосъ мой вамъ внятенъ можетъ быть,
Я смѣю одного просить —
Доставьте счастье мнѣ не разлучаться съ вами.

ЕЛМВУДЪ.

Но послѣ вы-же сами,
Быть можетъ, станете меня винить....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Когда
Принудите меня вы ѣхать.... да!
Вы соглашаетесь, Милордъ?.. Не откажите!

ЕЛМВУДЪ.

Коль скоро вы того хотите....
Да, Боже мой!
Я радъ, чтобъ были вы со мной.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! въ этомъ все мое желанье...
Другова нѣтъ во мнѣ и не могу имѣть.

ЕЛМВУДЪ.

Тѣмъ лучше.... Вы, рѣшась не ѣхать на гулянье,
Объ этомъ будете жалѣть
Тѣмъ менѣ,
Что я хочу вамъ объявить самой
О важной перемѣнѣ,
Случившейся со мной.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Для Бога, говорите!
Какое счастіе!.. скажите,
Такъ исполняя вашу власть,
Я на довѣріе имѣю также часть?

ЕЛМВУДЪ.

И самую большую.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Точно?.. Что-же
И такъ ...

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢ-ЖЕ и СЛУГА, *докладывая.*

СЛУГА.

Лордъ Фредерикъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Лордъ Фредерикъ!.. О! Боже!

ФРЕДЕРИКЪ.

Мое почтенье, Лордъ Елмвудъ. .. На этотъ разъ
Я былъ далекъ отъ мысли встрѣтить васъ.
(Обращаясь къ М. Мильнеръ).
Но тѣмъ пріятнѣй мнѣ. — Какъ, Миссъ Мильнеръ, ещо̀ вы
Къ отъѣзду не готовы?..
А тетушка васъ ждетъ; но я ужь напередъ
Ручался, что нарядъ васъ долго не займетъ....
Вы безъ того прелестны.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Помилуйте!..

ФРЕДЕРИКЪ.

Объ этомъ всѣ извѣстны, —
А вы, Милордъ, изъ дома ни на шагъ?..
Иль съ нами ѣдете?

ЕЛМВУДЪ.

Куда?

ФРЕДЕРИКЪ.

На скачку.

ЕЛМВУДЪ.

Какъ?
(Къ М. Мильнеръ).
И вы....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да, Лордъ.... я въ извиненье
Хотѣла вамъ сказать....

ФРЕДЕРИКЪ.

Къ чему тутъ объясненье!
Вы слово дали мнѣ, и я вашъ кавалеръ.

ЕЛМВУДЪ.

Вы кавалеромъ Миссъ Мильнеръ!..
Мнѣ помнится, она сказала,
Что слова никому на выѣздъ не давала;
Но впрочемъ станется.... забыла, можетъ быть....

ФРЕДЕРИКЪ.

Позвольте мнѣ объ этомъ знать.... Забыть,
О чемъ мы поутру сегодня говорили....

ЕЛМВУДЪ.

Какъ, Лордъ! Такъ вы ужь насъ
Сегодня посѣтили?

ФРЕДЕРИКЪ.

Ахъ! Боже мой! да я не дальше какъ за часъ
Былъ здѣсь, и ѣхать Миссъ была согласна.

ЕЛМВУДЪ.

Вы были приняты?

ФРЕДЕРИКЪ.

Что былъ я принятъ — ясно!

ЕЛМВУДЪ *(въ полголоса М. Мильнеръ).*

Сегодня ... по утру.... ужъ это свыше мѣръ!
Вы мнѣ клялись.... Ахъ, Миссъ Мильнеръ!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Позвольте мнѣ вамъ объяснить....

ЕЛМВУДЪ.

Довольно.
Одно ужъ то мнѣ чрезвычайно больно,
Что вы принуждены
Оправдывать себя.... Вамъ способы даны
Располагать собой.... Вы можете свободно
Съ Милордомъ ѣхать.

ФРЕДЕРИКЪ.

Превосходно!
Да вы на цѣлый свѣтъ
Примѣръ опекунамъ.... *(Миссъ Мильнеръ).*
И такъ мы ѣдемъ?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Нѣтъ.
Прошу васъ, потрудитесь
Передъ Леди Сеймуръ меня въ томъ извинить....
Я не поѣду.

(Откланивается и уходитъ).

ФРЕДЕРИКЪ *(ей вслѣдъ).*

Какъ! вы Бога не боитесь....

ЯВЛЕНІЕ 9.

ЛОРДЪ ЕЛМВУДЪ и ЛОРДЪ ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ.

Она ушла!.. Милордъ, прошу рѣшить
Мое недоумѣнье.
Что значитъ вдругъ отказъ ее?

ЕЛМВУДЪ.

То, что она перемѣнила мнѣнье;
Не ѣдетъ, вотъ и все.
Чтожъ больше можетъ значить?

ФРЕДЕРИКЪ.

Чтобъ ни было, я не позволю такъ
Себя и тетушку дурачить.
Вы думали, я не пойму никакъ,
На чемъ вашъ хитрый планъ основанъ....
Отвѣтъ ея былъ вами продиктованъ!
И выѣздъ тотъ, который вамъ
Угодно было намъ
Великодушно такъ дозволить —
Предлогъ, чтобъ приневолить
Ее остаться.

ЕЛМВУДЪ.

Лордъ! Я здѣсь въ дому моемъ
Приказывать могу и не искавъ предлога....
Притомъ
Мнѣ кажется, что я не затрудился-бъ много
Найти его,
Когда-бъ хотѣлъ.... Начать съ того:
Я въ правѣ запретить безъ дальнаго намека,
Всѣ посѣщеніи такова человѣка,
Котораго причинъ къ тому
И видовъ я не знаю.

ФРЕДЕРИКЪ.

Я это, Лордъ, давно вамъ объяснить желаю;
И если медлилъ все, такъ только потому,
Что ожидалъ полка, который вскорѣ
Не могъ я получить.... а во вторыхъ, былъ въ ссорѣ
Съ богатымъ дядею моимъ,
И по связямъ фамильнымъ, и другимъ —
Боялся, чтобы онъ не сдѣлалъ помѣшательствъ ...
Теперь, когда причина объстоятельствъ
Извѣстна вамъ....
Я не смотря, что мнѣ все дѣйствуетъ противно,
Обязанъ вамъ сказать что я люблю... и самъ
Любимъ взаимно.

ЕЛМВУДЪ.

Любимы вы! Но какъ.... что право вамъ даетъ
Такъ думать?..

ФРЕДЕРИКЪ.

Все! Я человѣкъ не тотъ

Который бы взглянулъ и тотчасъ не замѣтилъ.

Такъ, Лордъ! я точно встрѣтилъ

Ту искренность, которая лишь намъ

Извѣстнымъ знатокамъ,

Видна тотчасъ въ особѣ милой....

Но послѣ этого, когда вы, такъ сказать,

Призванье отъ меня почти исторгли силой....

Быть можетъ, не принять....

Хотѣли-бы мое отвергнуть предложенье;

Не взявъ въ соображенье

Всѣ выгоды, всю честь.. все уваженье,

Которыя собой я приношу.

Тогда, прошу

Васъ не взыскать на мнѣ.. и я съ другими вмѣстѣ

Повѣрю слухамъ тѣмъ, которымъ до сихъ поръ

Для вашей же не вѣрилъ чести.

Что вы не влюблены, какъ общій приговоръ

Гласитъ, въ Миссъ Арабель, но въ Миссъ Мильнеръ....

ЕЛМВУДЪ.

Милордъ!

Такое подозрѣнье....

При званіи моемъ, есть оскорбленье.

ФРЕДЕРИКЪ.

Мнѣ, право, все равно.

Когда-жь ошибся я; такъ вамъ теперь должно

Мнѣ это доказать иначе, чѣмъ словами,

За тѣмъ, что между нами

Сомнѣнье рѣшено....

Довольно одного примѣра,

Чтобъ возраженіямъ не вѣрить лицемѣра.

ЕЛМВУДЪ.

По счастью вашему, я презираю тѣмъ,

Что можетъ мнѣ сказать *fat* вашего покроя.

ФРЕДЕРИКЪ,

Ну вотъ, одно далося всѣмъ!

Да что-жь такое?

Ну, да! я *fat*.... хочу имъ быть.

И почему, позвольте васъ спросить,

Здѣсь въ Англіи, въ землѣ — гдѣ всякой воленъ

Быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ онъ,

Титулъ мнѣ этотъ не дозволенъ?..
Мнѣ нравится.. а вамъ онъ почему смѣшонъ?

ЕЛМВУДЪ.

За этимъ будетъ вамъ ужасная работа,
Когда у всякаго, кто мыслитъ такъ, какъ я —
Дозволите себѣ вы требовать отчета;
Однако-же, что до меня....
Я отвѣчать готовъ когда и какъ угодно.

ФРЕДЕРИКЪ.

Когда?.. сего же дня....
Да! если вы съ моимъ желаньемъ сходно
Не согласитесь, напримѣръ,
Сейчасъ отдать мнѣ руку Миссъ Мильнеръ —
Я поединокъ нашъ считаю неизбѣжнымъ.

ЕЛМВУДЪ.

Вотъ это ужь одно,
Лордъ, дѣлаетъ мое согласье безнадежнымъ.

ФРЕДЕРИКЪ.

Увидимъ, но....
Я васъ увѣрить смѣю —
Какихъ-бы вы ни брали мѣръ,
Миссъ будетъ наконецъ моею,
Что не смотря на все, я средства всѣ имѣю
Ее похитить....

ЕЛМВУДЪ.

Что! похитить Миссъ Мильнеръ!
Когда-бъ какъ вы, Милордъ, я мыслилъ также худо,
И менѣе къ себѣ почтенія имѣлъ,
Я людямъ-бы моимъ велѣлъ
Васъ выгнать вонъ отсюда.
Но вамъ дать надобно урокъ
И я берусь.. Идите.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ-же и САНДФОРТЪ.

САНДФОРТЪ.

Постойте.. дайте-жь срокъ!
Помилуйте, скажите,
Куда васъ Богъ несетъ?..

ФРЕДЕРИКЪ.

Такъ, ничего.... у насъ здѣсь сватовство идетъ,
Позвольте....

ЕЛМВУДЪ.

Не держите.
Мнѣ слова два сказать....

САНДФОРТЪ.

Нѣтъ, въ этомъ извините!
Я долженъ напередъ узнать
Причину вашего отъѣзда,
А во вторыхъ, кой чортъ!
Какая тамъ стоитъ коляска у подъѣзда!
И что за дамы....

ФРЕДЕРИКЪ

Ахъ! совсѣмъ забылъ.. Милордъ,
Я только тетушку отправлю на гулянье,
Зайду къ пріятелю, устрою завѣщанье
И черезъ полчаса
Явлюсь съ оружіемъ.. Простите.

САНДФОРТЪ.

Съ оружіемъ!.. Да что за чудеса!..
(Фредерику).
Никакъ вы рѣзатся хотите?

ФРЕДЕРИКЪ.

Стрѣляться.

САНДФОРТЪ.

Какъ!

ФРЕДЕРИКЪ.

На двухъ шагахъ.

САНДФОРТЪ.

На двухъ....

ФРЕДЕРИКЪ.

И даже ближе!
Мнѣ это вздоръ.

САНДФОРТЪ.

Вздоръ?

ФРЕДЕРИКЪ.

Да, съ тѣхъ поръ какъ былъ въ Парижѣ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛОРДЪ ЕЛМВУДЪ и САНДФОРТЪ.

САНДФОРТЪ.

Скажите мнѣ, давно-ль съ повѣсой вы въ связяхъ?....
И вамъ извѣстно, съ кѣмъ изволитъ онъ стрѣляться!

ЕЛМВУДЪ.

Со мной.

САНДФОРТЪ.

Не можетъ статься!
Ахъ! Боже мой! да какъ....

ЕЛМВУДЪ.

Сандфортъ.. вѣдь это дѣтство!
Къ чему тревожиться?.. Намъ нѣтъ другаго средства....
Честь Миссъ Мильнеръ....

САНДФОРТЪ.

Ну, такъ!
Я зналъ, что отъ нее однѣ бѣды, и только

ЕЛМВУДЪ.

Ахъ! нѣтъ... нисколько!
Всему причиной я... я оскорбилъ его....
Не только отказалъ отъ дома моего,
Но выгнать вонъ хотѣлъ.

САНДФОРТЪ.

Вы поступили славно....
Я-бъ сдѣлалъ то-жъ.

ЕЛМВУДЪ.

Но оскорбленіе такое....

САНДФОРТЪ.

Вотъ забавно!
Какъ оскорбленіе? Да я-то тутъ на что-жъ?
Такъ я позволю... Нѣтъ! ужъ это слишкомъ много!

ЕЛМВУДЪ.

Сандфортъ.. Ахъ! ради Бога,

Чтобъ не услышалъ кто....

САНДФОРТЪ.

Вотъ вздумали шутить!

Да я хочу того, чтобъ всякой могъ узнать,

Какъ мало вы свое цѣните благородство....

Какъ вы дурачитесь.. Что ваше сумазбродство....

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣ-же и МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ (*Сандфорту*).

Что вы кричите такъ? о чемъ?

САНДФОРТЪ.

Какъ, что кричу!..

ЕЛМВУДЪ.

Сандфортъ!

САНДФОРТЪ.

Извольте, Лордъ.. для васъ я промолчу.

Не менѣе того однако-жь справедливо,

Что я предвидѣлъ все, предупреждалъ всегда

И доказалъ, хоть очень несчастливо

(*обращаясь къ Миссъ Мильнеръ*);

Что безъ капризовъ вашихъ.... да!

Примѣрный человѣкъ, честнѣйшихъ самыхъ правилъ —

Подъ пулю своего лба вѣрно-бъ не подставилъ,

Безъ васъ — до этого конечно-бъ не дошло.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ безъ меня?

САНДФОРТЪ.

Ну, да! Коли на то пошло,

Такъ я вамъ объясню короче....

Власть ваша, Лордъ, молчать я не могу.. нѣтъ мочи

(*Миссъ Мильнеръ*).

Извольте-жь знать, что онъ, отъ вашихъ-то проказъ,

Сударыня, обязанъ сей-же часъ

Стрѣляться съ Лордомъ Фредерикомъ....

(*Миссъ Мильнеръ вскрикиваетъ и падаетъ на руки Л. Елмвуда*).

Тутъ не возьмете крикомъ!

ЕЛМВУДЪ.

Сандфортъ! она безъ чувствъ....

САНДФОРТЪ.

Да не объ этомъ рѣчь.
(*Подходя къ ней*).
Тутъ надобно стараться
Отъ этого его намѣренья отвлечь,
Чтобъ онъ нашъ слово далъ съ повѣсой не стрѣляться ...
Да нѣтъ! я съ этихъ поръ
Къ его словамъ и вѣры не имѣю.
Ахъ! Боже мой!.. едва подумать смѣю....
Мальтійскій Командоръ,
Который долженъ-бы для насъ служить примѣромъ —
Стрѣляется.... и за кого-жь?
За женщину!..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

И я причиною....
Да кто-жь?
Не ужь-то я?.. Пусть такъ!.. Пускай вашъ планъ хорошъ!
(*М. Мильнеръ*). Я сдѣлаюсь своимъ манеромъ....
Когда ничто ужь не возьметъ,
Когда не тронется онъ нашими слезами...
(*Лорду*).
Стрѣляться можете.... я стану между вами:
Пускай стрѣляетъ онъ, пускай меня убьетъ....
Жалѣть не будете.... Но совѣсть, вашъ мучитель,
Когда нибудь въ упрекъ
Напомнитъ вамъ, меня — и тотъ урокъ,
Который далъ предъ смертью вашъ учитель.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! господинъ Сандфортъ!.. Теперь лишь вижу я,
Какъ много я себѣ дозволить смѣла
Неуваженья къ вамъ.. Простите-ль вы меня?..

САНДФОРТЪ.

Не о прощеньи дѣло!
(*Взглянувъ въ окно*).
Тутъ надобно.... Ахти! Лордъ Фредерикъ ужь здѣсь....
(*Л. Елмвудъ хочетъ идти; Сандфортъ заграждаетъ ему дорогу*).

Милордъ.... Чтобъ ни было со мною, но покуда
Я живъ еще — я васъ не выпущу отсюда....
Сберись хоть городъ весь.

ЕЛМВУДЪ.

Друзья мои.. одна минута размышленья —
И вы увидите, что въ этомъ отношеньи
Я правъ.... что поединокъ тотъ
Быть долженъ неизбѣжно....
И для чего же напередъ
Отчаяньемъ себя тревожить безнадежно,
Когда все можетъ взять хорошій оборотъ?....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какихъ-бы ни было послѣдствій;
Но мысль, что я одна виной всѣхъ этихъ бѣдствій,
Ужъ сдѣлаетъ меня несчастной навсегда....
И если-бъ наконецъ рѣшилась я признаться,
Что здѣсь отъ одного успѣха.... можетъ статься,
Зависитъ жизнь моя.... ужели и тогда
Вы не оставили-бъ?..

ЕЛМВУДЪ.

Я васъ не понимаю....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что дни того,
Къ кому нѣжнѣйшую привязанность питаю —
Въ опасности.... Что для спасенія его
Приличіемъ и всѣмъ я жертвовать готова....
И наконецъ, коль должно все открыть....

САНДФОРТЪ.

Ну!.. просимъ съ одного дорѣзывайте слова.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Любовь, которую не въ силахъ я таить....

ЕЛМВУДЪ.

Любовь! докончите....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Въ отчаяньи моемъ
Опасность мнѣ велитъ пренебрегать стыдомъ....
Такъ! я люблю....

САНДФОРТЪ.

Кого?.. злодѣйка!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Фредерика.

САНДФОРТЪ.

Ну! вотъ, и на-лицо улика!

Что? я не говорилъ?..

ЕЛМВУДЪ.

Какъ могъ я ожидать!

(*Къ ней*).

Такъ, Миссъ Мильнеръ.... молчать

Я не хочу и не умѣю.

Что скрытности такой отъ васъ не ожидалъ,

Тѣмъ болѣе, когда я самъ же умолялъ

Сказать мнѣ истину.... вы просьбою моею

Пренебрегли.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! если-бъ вы могли

Проникнуть въ душу мнѣ, увидѣть....

Нѣтъ, нѣтъ, Милордъ! все то, что я могу — просить

Изъ жалости одной меня не ненавидѣть.

ЕЛМВУДЪ.

Мнѣ ненавидѣть васъ! покинуть, позабыть,

Тогда, какъ я могу устроить ваше счастье....

Съ привычкою судить всѣхъ по себѣ,

Вы мало знаете меня, и то участье,

Которое въ судьбѣ

Я вашей принимаю....

Я ужъ теперь кляну

Мой пылкій нравъ!.. Такъ, Миссъ Мильнеръ.... я обѣщаю

И вѣрьте мнѣ не обману,

Хотя я столько разъ бывалъ обманутъ вами,

Что съ этихъ поръ Лордъ Фредерикъ

Мнѣ столько-жь милъ, какъ вамъ.... что въ этотъ самый мигъ

Вы все рѣшили между нами....

Съ утратою всѣхъ благъ, съ потерею всего

Я не рѣшусь теперь подвергнуть дни его

Опасности.... они вамъ дороги ... Простите;

(Взявъ руку Сандфорта).

Спѣшу съ нимъ видѣться.... Сандфортъ, не обвинитъ
Меня....

САНДФОРТЪ.

Ну, развѣ такъ!.. Смотрите,
Кто слову измѣнитъ....

ЯВЛЕНІЕ 13.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ и САНДФОРТЪ.

САНДФОРТЪ.

Какъ побѣдителю великодушье сродно;
Я умолчу о томъ, что было здѣсь у насъ....
Но съ давнихъ лѣтъ трудясь надъ цѣлью благородной,
Познаніемъ сердецъ.... хочу спросить у васъ
Ни болѣе, ни менѣ,
Какъ только для моихъ домашнихъ наблюденій....
Скажите, для чего
Когда въ началѣ
Вамъ этотъ бракъ съ участьемъ предлагали —
Вы отказались отъ него?..
Теперь...

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я вамъ сказать не въ силахъ ничего.
Я такъ огорчена, разстроена.... судите,
Что можетъ Лордъ Елмвудъ подумать обо мнѣ!

САНДФОРТЪ.

Да! этотъ разъ и я на вашей сторонѣ....
Ужь тутъ хорошаго не много.... извините!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вы полагаете, что намъ отъ ссоры ихъ
Не должно ожидать худыхъ
Послѣдствій....

САНДФОРТЪ.

Никакихъ

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Когда-бъ Лордъ Фредерикъ.... Его не такъ удобно
Склонить на миръ.

САНДФОРТЪ.

А почему?

Онѣ увидятся, и Лордъ Елмвудъ подробно
Все объяснитъ ему:
Ходъ дѣла.... наконецъ всѣ ваши отношенія....
Любовь.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Онъ это скажетъ?..

САНДФОРТЪ.

Безъ сомнѣнія....
Да это такъ должно:
Любовь здѣсь первый пунктъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вотъ это ужь одно
Меня въ отчаяніе приводитъ....

САНДФОРТЪ.

На васъ, ей, ей, находитъ!
Помилуйте!.. да что-жь?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! если-бъ Лордъ никакъ
Не открывалъ ему моей любви....

САНДФОРТЪ.

Ну, такъ!
За тѣмъ, чтобъ ссора ихъ не обошлась безъ драки?..
Вы не разсудите того,
Что этому повѣсѣ, забіякѣ
Не стоитъ ничего
Убить....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вы правы; скрыть конечно невозможно....
И я, покрайности, утѣшусь мыслью той,
Что примиреніе.... (*Слышенъ пистолетный выстрѣлъ*).
Что слышу! Боже мой!
Такъ я надеждою себя питала ложно....
(*Сандфортъ бѣжитъ къ окну, открываетъ его и смотритъ*).
Скажите мнѣ, что Лордъ?

САНДФОРТЪ

Который? Фредерикъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Нѣтъ, Лордъ Елмвудъ.

САНДФОРТЪ.

Да, въ этотъ самый мигъ
Они стоятъ и оба невредимо....
Подходятъ.... говорятъ о чемъ-то межъ собой..
Вотъ обнимаются.... жмутъ руки.... идутъ мимо....
Одинъ вернулся къ намъ.... другой
Подходитъ къ лошади.. садится.. уѣзжаетъ....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ сердце замираетъ!
Вы точно видѣли, что онъ не раненъ?..

САНДФОРТЪ.

Кто?
Лордъ Фредерикъ?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Да что
Мнѣ до него!.. Нѣтъ, Лордъ Елмвудъ.. мой благодѣтель!

САНДФОРТЪ.

Не раненъ, Богъ свидѣтель!
Да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ 14.

Тѣ-же и ЛОРДЪ ЕЛМВУДЪ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ *(бѣжитъ къ нему).*

Мнѣ вѣрить-ли моимъ глазамъ!
Милордъ.. что съ вами?..

ЕЛМВУДЪ.

Не безпокойтесь.... Тотъ, кто вами былъ хранимъ,
Не подвергался никакимъ
Опасностямъ....

САНДФОРТЪ.

А вы-то сами!

ЕЛМВУДЪ.

Дозволивъ выстрѣлить въ меня,
Я сдѣлалъ должное....

САНДФОРТЪ.

Лордъ, съ нынѣшняго дня
Я васъ не узнаю.... Когда вы дали слово....

ЕЛМВУДЪ.

И я сдержалъ....

САНДФОРТЪ.

Вотъ это ново!
Какимъ же образомъ?....

ЕЛМВУДЪ.

Я не стрѣлялъ по немъ.

САНДФОРТЪ.

Да что намъ въ томъ.
Когда вы жизнію своей такъ очевидно
Пренебрегли — какъ вамъ не стыдно!

ЕЛМВУДЪ *(взявъ руку Сандфорта)*.

Простите.... я забылъ, Сандфортъ....
Я думалъ, обо мнѣ никто не пожалѣетъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Никто!

ЕЛМВУДЪ.

И наконецъ, увѣрившись, что Лордъ
Негодовать причинъ ужь болѣ не имѣетъ —
Я объявилъ ему, что вами онъ любимъ....
Что принимая въ томъ живѣйшее участье,
Чтобъ успокоить васъ, устроить ваше счастье —
Бракъ этотъ былъ всегда желаніемъ моимъ....
Я разсказать вамъ не умѣю,
Съ какимъ восторгомъ онъ мнѣ бросился на шею!
Какъ умолялъ забыть его
Проступокъ предо мной.... скажите, ради Бога,
Что съ вами, Миссъ Мильнеръ?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Такъ.. нѣтъ, я ничего....
Я счастлива, Милордъ.. и даже слишкомъ много,
Спасая дни того, кто былъ мнѣ столько милъ;
Но что я чувствую.... вамъ передать нѣтъ силъ....
И я сама не постигаю.

ЕЛМВУДЪ.

Я очень понимаю:
Вы безпокоитесь отсутствіемъ его?..
Онъ былъ-бы здѣсь, но это отъ того,
Что онъ спѣшилъ домой, чтобъ всѣмъ распорядиться.
За тѣмъ, что этотъ бракъ
Сегодня-жъ долженъ совершиться.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ

Сегодня-же! . И онъ могъ требовать?..

ЕЛМВУДЪ.

Никакъ.
Я настоялъ на этомъ....
Причина та, что завтра-же съ разсвѣтомъ
Я ѣду....

САНДФОРТЪ.

Ѣдете? Куда?

ЕЛМВУДЪ.

Въ Италію.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что слышу!

САНДФОРТЪ.

Не ужѣли?
И на́ долго?

ЕЛМВУДЪ.

Быть можетъ, навсегда.

САНДФОРТЪ.

Неужто? въ самомъ дѣлѣ?
И какъ-же вы одни поѣдете?

ЕЛМВУДЪ.

О! нѣтъ,—
Я полагалъ, что вы....

САНДФОРТЪ.

Я съ вами, безъ сомнѣнья.
Однако-же, какъ таковой предметъ,
Хоть малаго, да стоитъ размышленья:
Я знать хочу одинъ пунктъ важный.... для чего

Вы ѣдете?.. Дѣла?.. нѣтъ спора!
Но какъ-же вдругъ собраться и такъ скоро?..

ЕЛМВУДЪ.

По смерти брата моего,
Имѣніе все мнѣ по праву достается;
А какъ наслѣдниковъ ближайшихъ никого
По мнѣ не остается,
То, чтобъ имѣніе не перешло къ другимъ,
Дворъ Римскій, вопреки желаніямъ моимъ,
Меня отъ всѣхъ обѣтовъ разрѣшаетъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что слышу!

САНДФОРТЪ.

Очень радъ.

ЕЛМВУДЪ.

И вотъ, что такъ меня
Спѣшить отъѣздомъ заставляетъ.
Но перемѣна та, которую со дня
Я на день ждалъ.... признаюсь гласно....
Одной
Разлукой съ вами, Миссъ, казалась мнѣ ужасной....
Теперь, когда другой
Содѣлать можетъ васъ счастливой,
Мое присутствіе не нужно...

САНДФОРТЪ.

Справедливо!
Вамъ оставаться здѣсь малѣйшихъ нѣтъ причинъ.

ЕЛМВУДЪ.

И какъ Лордъ Кларендонъ одинъ
Насъ можетъ затруднить, хоть для него не сродно....
Я сей-же часъ ...

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Милордъ....

ЕЛМВУДЪ.

Что вамъ угодно?
Имѣете-ль еще что приказать?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! нѣтъ.... Мнѣ болѣе вамъ нечего сказать,
Какъ то, что я повиноваться рада....

ЕЛМВУДЪ.

Простите.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 15.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ и САНДФОРТЪ.

САНДФОРТЪ.

Наконецъ
Вотъ все уладилось какъ надо....
Ахъ! мой Творецъ!
Я думалъ, что конца не будетъ объясненьямъ....
Ужь этотъ мнѣ пустой приличія обрядъ!
Но какъ-бы ни было, я впрочемъ очень радъ,
Что все пойдетъ согласно съ общимъ мнѣньемъ:
Намъ отправляться въ путь!
Вамъ.. это что еще?.. Вотъ славно.... поздравляю!
Ну, этого ужь я никакъ не понимаю....
Къ чему-же слезы тутъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Къ чему!.. Когда его я не люблю ни мало.

САНДФОРТЪ.

Такъ это что-жь.... опять сначала?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Прошу васъ выслушать....

САНДФОРТЪ.

Прошу меня простить!
Нѣтъ! это что-то слишкомъ модно.
Разъ сказано.... конецъ — и какъ угодно,
А вы должны его любить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Но можно-ли, когда....

САНДФОРТЪ.

Да это не поможетъ!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Къ несчастью, я люблю другова....

САНДФОРТЪ.

Быть не можетъ!

Такъ мнѣ моимъ глазамъ
Не вѣрить?.. Вотъ забавно!
Когда я видѣлъ самъ
И очень, кажется, недавно,
Какъ? вы не любите.... а вашъ испугъ?.. А то,
Какъ вы тревожились сердечно
Во время поединка.... Что?
Все это ничего конечно?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Но Фредерику-ль одному
Тогда опасность угрожала?..
И почему
Вамъ не угодно стало
Подумать-то, что тутъ
Былъ также Лордъ Елмвудъ,
Что онъ одинъ виной былъ моего участья?..

САНДФОРТЪ.

Кто? Лордъ Елмвудъ!....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Онъ самъ.... Его
Я одного
Любила и люблю — вотъ все мое несчастье!

САНДФОРТЪ.

Что говорите вы?
Ахъ Боже мой! Изволь тутъ ладить какъ угодно!
Да съ вами будешь здѣсь совсѣмъ безъ головы....
Тѣмъ болѣе, что сами вы, подробно
Все знаете, чѣмъ дѣло рѣшено....
Что тутъ стрѣлялися.... что слово ужь дано....
Зачѣмъ же вы о томъ не говорили прежде?..
На что скрывать?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Могла-ли я сказать,
Когда мнѣ не было и повода къ надеждѣ?
Когда не могъ дѣлить онъ чувства моего....
Я даже мысль — любить его
Тогда считала преступленьемъ.
И мнѣ предстать-бы съ объясненьемъ
Когда я надъ собой всю власть употребя,

Желала страсть мою скрыть отъ самой себя....
И всѣ тѣ странности, противорѣчій бездна,
Которыя не вы одиѣ
Такъ порицать во мнѣ
Старались безполезно...
Всѣ эти выѣзды, вся пышность, блескъ Двора....
Толпа поклонниковъ, привѣтствуемыхъ мною....
Гулянья, бѣлы, вечера —
Мной были избраны оружьемъ надъ собою?..
Но голосъ сердца заглушить
Я не могла ничѣмъ.... И тамъ, гдѣ я напрасно
Веселою хотѣла быть —
Я только лишь была несчастной.

САНДФОРТЪ.

Вотъ что!.. Такъ стало быть вы мучились?.. Кой чортъ!
Я часу-бъ не хотѣлъ быть въ этомъ положеньи....
На что-жь любили вы?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! Господинъ Сандфортъ!
Въ мученіяхъ любви свои есть наслажденья.

САНДФОРТЪ.

Премудрость эту я и постигать боюсь.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что виновата я.... я въ этомъ сознаюсь.
Но я въ несчастьи, я страдаю;
Мнѣ не-кому открыть что я переношу....
Я прибѣгаю къ вамъ, прошу....
Мой добрый, господинъ Сандфортъ! я умоляю....
Совѣты мнѣ подать вы можете одни....
Что дѣлать я должна, скажите....

САНДФОРТЪ.

Вотъ задача!
(Послѣ нѣкотораго молчанія и смотря на М. Мильнеръ).
Бѣдняжка! ты прибѣгнула ко мнѣ
Въ день ужаса и плача....
Такъ! я не обману довѣрья твоего. ..
Совѣтъ, — въ нуждѣ имѣетъ только цѣнность!
И такъ.... мнѣ кажется, что болѣе всего
Нужна тутъ откровенность....

И если точно Лордъ Елмвудъ
Одинъ вамъ нравится, и любите.... такъ тутъ
Не надобно терять часовъ на совѣщанье.
Пойти, да и сказать....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Сказать Милорду?

САНДФОРТЪ.

Да!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Какъ можно! я умру скорѣе отъ стыда,
Чѣмъ сдѣлаю ему подобное признанье.

САНДФОРТЪ.

Да, это вамъ нейдетъ,
Конечно не прилично....
Позвольте-же.... Еще одинъ есть способъ, тотъ,
Чтобъ Лорду Фредерику лично
Все это объяснить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Помилуйте! Какъ это можетъ быть!
Такъ онъ подумаетъ; надъ нимъ смѣялись только,
И ужь тогда дуэль навѣрное!

САНДФОРТЪ.

Опять
Догадки не было нисколько!..
Вы правы.. но за то извольте мнѣ сказать,
За чѣмъ вы любите?.. Тьфу пропасть! это чудно!
Да неужли такъ трудно
Скажите, разлюбить?..
Кой чортъ!.. Тутъ надобно подумать, разсудить,
Прибѣгнуть, наконецъ, къ совѣтамъ....
Нельзя?.. сказать самой себѣ: какъ быть!
Судьба.... и прочее что водится при этомъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Вы не любили!....

САНДФОРТЪ.

Нѣтъ, по благости Своей,
Богъ этого меня избавилъ....
За то я сохранилъ всю правильность идей,
И вотъ вамъ предложу планъ логики моей....

Когда-бы Римскій Дворъ Милорда не заставилъ
Сложить обѣтъ.... когда-бы онъ не могъ
По званію жениться —
На чтобы вы тогда изволили рѣшиться?
Какой-бы вы нашли предлогъ
Не выйти за того?.. Пошли-бы, отвѣчаю.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Быть можетъ.... я не знаю....

САНДФОРТЪ.

И такъ, пожертвованье-то,
Которое нужда васъ дѣлать заставляла,
Вы сдѣлайте.... Ну.. васъ великодушье взяло!
Такъ, сами по себѣ.... Представьте въ мысли, что
Вашъ вкусъ, вашъ нравъ не сходствуетъ ни мало;
Что обстоятельства.... что.... словомъ.... то одно,
Что счастія его не можете составить.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

А мнѣ такъ кажется напротивъ....

САНДФОРТЪ.

Все равно.
Вамъ надобно себѣ противное представить.
А сверхъ того,
Великодушное пожертвованье это
Васъ примиряетъ съ нимъ безъ всякаго отвѣта
И здѣсь, и тамъ!.. вы жизнь спасаете его....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Довольно... я рѣшаюсь:
Не должно мнѣ его любить....
Я изъ любви къ нему на это соглашаюсь.

САНДФОРТЪ.

Я этого опять не въ силяхъ разсудить.
А! кажется, сюда подъѣхала карета....
(Глядя въ окно).
Такъ точно.... кто-бы это?..

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Конечно Лордъ Елмвудъ.... Не бойтесь ничего,
Я слова моего
Никакъ не измѣню.

САНДФОРТЪ (*уходя въ комнату налѣво*).

Ну, то-то-же, смотрите....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Что вижу? Боже мой! Лордъ Фредерикъ.

ЯВЛЕНІЕ 16.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ и ЛОРДЪ ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ (*обращаясь къ глубинѣ сцены*).

Скажите,
Какъ только Лордъ Елмвудъ воротится, тотчасъ
Мы ѣдемъ. — Миссъ Мильнеръ! какъ радъ я видѣть васъ
И разсказать, какъ я благополученъ.
Сегодня къ дядюшкѣ вдругъ ѣду.. ужасъ скученъ —
Я удовольствій съ нимъ шутить не нахожу....
Являюся.... какъ водится, вхожу
На цыпочкахъ съ повинной головою,
И что-же вижу? Лордъ Елмвудъ передо-мною
Хлопочетъ съ дядюшкой и выигралъ процессъ.
Ужь подлинно, что я счастливецъ изъ повѣсъ!
Кому-бы такъ сошло?.. Старикъ меня прощаетъ,
Согласенъ на нашъ бракъ; а больше — обѣщаетъ
Платить мои долги.... Вѣдь эта шутка та,
Что здѣсь между моихъ почтенныхъ кредиторовъ
Пойдетъ такая суета....
Иллюминація.... боюсь, отъ этихъ вздоровъ,
Чтобъ городъ не сожгли — недалеко до бѣдъ.

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Милордъ пріѣхалъ съ вами?..

ФРЕДЕРИКЪ.

Нѣтъ,
Однако-жь будетъ очень скоро.
Онъ за меня, по силѣ уговора,
Не все дохлопоталъ....
Вотъ человѣкъ! да я цѣны ему не зналъ!
Скажу въ глаза, признаюсь и заочно,
Пускай дойдетъ,

Что для него я всѣмъ пожертвовалъ-бы....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Точно?

ФРЕДЕРИКЪ.

Но кромѣ васъ.... вы тутъ не входите въ расчетъ.
Однако-же въ чемъ я ему противорѣчу:
Такъ это-то, что онъ.... Намъ сдѣлавъ только встрѣчу,
Готчасъ-же хочетъ въ путь:
Все приготовлено....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Возможно-ли! О, Боже!

ФРЕДЕРИКЪ.

Но вы попростите, я съ вами буду то-же,
И мы уладимъ какъ нибудь....
Да вотъ онъ самъ.... и какъ встревоженъ, какъ разстроенъ....
Я начинаю быть немножко безпокоенъ....
Какое-то онъ намъ извѣстье принесетъ!

ЯВЛЕНІЕ 17.

Тѣ-же и ЛОРДЪ ЕЛМВУДЪ.

ФРЕДЕРИКЪ.

Милордъ....

ЕЛМВУДЪ.

Вы здѣсь....

ФРЕДЕРИКЪ.

Уже-ль мой дядюшка почтенный,
Перъ Англіи и членъ Совѣта непремѣнный.
Перемѣнилъ свой образъ мыслей?..

ЕЛМВУДЪ.

Нѣтъ,

ФРЕДЕРИКЪ.

Министръ вамъ отказалъ?

ЕЛМВУДЪ.

Нѣтъ! вотъ опредѣленье.

ФРЕДЕРИКЪ.

Мнѣ дали полкъ!.. я внѣ себя отъ восхищенья!..

ЕЛМВУДЪ.

Намъ мѣшкать нечего.... все ожидаетъ васъ.
Поѣдемте....

ФРЕДЕРИКЪ.

Сейчасъ.
Готова-ли карета?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Милордъ.. какъ говорятъ, вы ѣдете отъ насъ
Сегодня-же.... скажите, правда-ль это?

ФРЕДЕРИКЪ.

Да! я надѣюсь, Лордъ, что просьбы....

ЕЛМВУДЪ.

Нѣтъ, онѣ
Здѣсь были-бъ безполезны.... мнѣ
Такая встрѣтилась случайность....
Я не могу вамъ объяснить всего,
Но увѣряю васъ.... я долженъ ѣхать.... крайность....
Спокойствіе мое зависитъ отъ того.

ФРЕДЕРИКЪ.

О! съ этой стороны мнѣ было-бъ неучтиво....

ЕЛМВУДЪ.

Я даже до сихъ поръ остаться-бы не могъ,
Когда-бъ, какъ опекунъ, я не вмѣнялъ за долгъ
Присутствовать при бракѣ....

ФРЕДЕРИКЪ.

Справедливо.

ЕЛМВУДЪ.

О! вы увидите, я все исполню то,
Что мнѣ велитъ мой долгъ, и что
Моя обязанность исполнить.... *(Слугамъ).*
Попросите,
Чтобъ господинъ Сандфортъ пожаловалъ сюда....
(Миссъ Мильнеръ).
Онъ будетъ здѣсь со мной свидѣтелемъ.... Когда
Мой выборъ вы одобрить захотите
И ваша ненависть къ нему....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Я ненависть питать не въ силахъ ни къ кому....
Притомъ, позвольте вамъ напомнить,
Что я, все то, что вамъ угодно приказать,
Съ большою радостью стараюся исполнить.

ЕЛМВУДЪ

Я противъ этого сказать
Не смѣю ничего....

ФРЕДЕРИКЪ.

Мнѣ кажется, Миссъ плачетъ ...

ЕЛМВУДЪ.

Къ чему же слезы. Миссъ Мильнеръ? что это значитъ?

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Не плакать мнѣ!.. когда
Мы разлучаемся.... и можетъ, навсегда.

ФРЕДЕРИКЪ.

Нельзя-же , Лордъ.... вы согласитесь сами....

ЕЛМВУДЪ.

О! вѣрьте мнѣ.... на этотъ разъ
Разлука ничего не дѣлаетъ межъ нами:
Гдѣ-бъ ня былъ я — и далеко отъ васъ
Всегда я буду съ вами....
Но до отъѣзда моего
Позвольте мнѣ вамъ дать совѣтъ послѣдній друга....
Любите вашего супруга,
Любите исполнять вашъ долгъ.... а сверхъ всего,
Старайтесь сердце ваше
Отъ страсти гибельной какъ можно охранить....
Намъ сладко заблужденье наше!
И если, можетъ быть,
Намъ удается страсть разсудкомъ побѣдить
И удалиться отъ пороковъ....
Но избѣжать стыда
И совѣсти упрековъ
Не можемъ никогда....
Онѣ мучительны.... и вѣчны!..

Прощайте, Миссъ Мильнеръ.... Прощайте, другъ сердечный!

(Миссъ Мильнеръ со слезами бросается въ объятія Милорда, между тѣмъ какъ Фредерикъ смотритъ на нихъ улыбаясь и отираетъ слезу).

ЯВЛЕНІЕ 18 и послѣднее.

ТѢ-же и САНДФОРТЪ.

САНДФОРТЪ *(входитъ изъ глубины сцены и увидя М. Мильнеръ въ объятіяхъ Лорда Елмвуда, подбѣгаетъ къ Фредерику).*

Что вижу!.. Стало быть здѣсь все ужь рѣшено?

Все слажено?..

ФРЕДЕРИКЪ.

Давнымъ давно,

И что тутъ страннаго?

САНДФОРТЪ.

Какъ, это все открылось?

Кто вамъ сказалъ?

ФРЕДЕРИКЪ.

О чемъ?

САНДФОРТЪ.

О томъ, ну, что она

Въ Милорда влюблена.

ЕЛМВУДЪ и ФРЕДЕРИКЪ.

Что слышу!

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ахъ! Сандфортъ!....

САНДФОРТЪ.

Ну, что случилось?....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Онъ этого не зналъ.

САНДФОРТЪ.

Надѣлалъ-же я бѣдъ!

Нѣтъ, нѣтъ, она его не любитъ.. нѣтъ.

Оставьте, такъ нарочно

Какъ будто я молчалъ.... что я сказалъ пустякъ ...

(Фредерику).

Она одних васъ любитъ, точно ...
Или за васъ выходитъ.... такъ?
По крайности хоть это справедливо.

ФРЕДЕРИКЪ.

Мнѣ истина теперь открылась такъ счастливо!
И этимъ я обязанъ вамъ, Сандфортъ.

ЕЛМВУДЪ.

Вы можете подозрѣвать....

ФРЕДЕРИКЪ.

Милордъ,
Сознайтесь сами,
Я огорченъ, обиженъ вами....
Но этому виной незнаніе меня....
Какъ думать вы могли, чтобъ я
Остался къ вамъ за все неблагодарнымъ!
Я могъ быть шалуномъ, но никогда коварнымъ,
И знаю, что велитъ обязанность моя....
(Глядя на М. Мильнеръ).
Я, Миссъ Мильнеръ люблю, я обожаю....
Она
Мнѣ вами вручена....
(Взявъ руку Лорда Елмвуда и руку М. Мильнеръ).
Чтобъ поквитаться вамъ, я вамъ ее вручаю.

ЕЛМВУДЪ и МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Возможно-ли!

ФРЕДЕРИКЪ.

Я зналъ,
Что рано или поздно,
А я вамъ отплачу.... и кстати какъ попалъ!
Однако-же серьёзно
Признайтесь, Миссъ Мильнеръ, что иногда и *fat*
Намъ можетъ быть полезенъ....
Я виноватъ
Въ одномъ, что думалъ быть любезенъ.
Какъ быть! со мной
Не разъ случалися подобныя проказы....
И извиняюся привычкою одной,

САНДФОРТЪ.

За исключеніемъ послѣдней вашей фразы,
Вы такъ вели себя, какъ истинный герой.

ФРЕДЕРИКЪ.

Благодарю!

САНДФОРТЪ *(М. Мильнеръ).*

А вы? не сердитесь....

МИССЪ МИЛЬНЕРЪ.

Ни мало!

САНДФОРТЪ.

Болтливость никогда такъ кстати не бывала?
(Фредерику).
Но равнодушіе, какое вижу въ васъ...

ФРЕДЕРИКЪ.

Что-жь дѣлать! Не смотря на навыкъ, прозорливость,
Красавицъ мнѣ терять пришлось не въ первый разъ....
И если только есть на свѣтѣ справедливость,
Такъ долго-ль, коротко-ль,
За все заплатятъ мнѣ они-же....

САНДФОРТЪ.

Вотъ Философія!

ФРЕДЕРИКЪ.

Я къ ней привыкъ.

САНДФОРТЪ.

Давно-ль?....

ФРЕДЕРИКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Парижѣ.

КОНЕЦЪ.

A. Rocuzka

ЛЮБОВЬ ПАВЛОВНА

КОСИЦКАЯ.

Въ 1845 году, въ одинъ зимній вечеръ, на Нижегородскомъ театрѣ давали драму Г. Беклемишева: *Майко*... театръ былъ полонъ, публика шумна... посреди этихъ равнодушныхъ и обычныхъ посѣтителей провинціальной суеты никто не обратилъ вниманія на молодую дѣвушку, скромно одѣтую, пришедшую въ театръ въ *первый разъ въ жизни*. Никто не замѣтилъ того глубокаго впечатлѣнія, которое иллюзіи сцены производили на молодое сердце, готовое восхищаться и страдать, радоваться и смѣяться вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами. Никто и не думалъ, что простой вечеръ, провинціальный театръ, драма, можетъ быть, слабо исполненная, могли рѣшить участь и будущую судьбу молодой дѣвушки. Какъ бы то ни было, но, пришедши въ театръ простою зрительницею, молодая дѣвушка возвратилась домой актрисою въ душѣ, съ твердою рѣшимостію вступить на сцену... съ твердою рѣшимостію избрать себѣ трудную карьеру въ жизни; она не думала ни о препятствіяхъ, ни о трудахъ, она слѣдовала внутреннему влеченію, внутреннему голосу, который говорилъ ей: ты должна быть актрисой. Молодая дѣвушка, о которой мы говоримъ, была Г-жа Косицкая, теперь актриса Московскаго театра. Не сказавши никому ни слова, ни посовѣтывавшись даже съ своими родными, она заключила съ директоромъ театра контрактъ, и за ничтожную плату начала играть небольшія роли; такъ прошла зима... Лѣтомъ пріѣздъ Г. Бантышева оживилъ Нижегородскую сцену... назначили *Аскольдову могилу* и директоръ, замѣтивши въ Г-жѣ Косицкой талантъ и пріятный голосъ, далъ ей роль Надежды. Роль была сыграна съ успѣхомъ, и Г-жа Косицкая, почувствовавъ свои силы, рѣшилась оставить провинцію для Москвы, рѣшилась искать болѣе обширной сферы для своей

дѣятельности, болѣе блестящихъ успѣховъ... Съ этимъ намѣреніемъ она заключила контрактъ съ Ярославскимъ театромъ, гдѣ играла небольшія роли, ожидая съ нетерпѣніемъ той минуты, когда она будетъ въ Москвѣ и станетъ наслаждаться игрою артистовъ, громкія имена которыхъ были ей извѣстны.

Въ 1846 году Г-жа Косицкая пріѣхала въ Москву одна, безъ покровителей, безъ друзей, безъ знакомыхъ... и прямо отправилась въ театръ, отъ котораго ожидала всего... на театральномъ подъѣздѣ она встрѣтила Г. Бантышева—единственное знакомое лицо въ цѣлой столицѣ; онъ проводилъ ее въ контору театра и представилъ А. П. Верстовскому. Московскій Композиторъ попросилъ Г-жу Косицкую спѣть арію изъ *Аскольдовой могилы* и, замѣтивши въ ней голосъ, опредѣлилъ ее въ школу. Въ школѣ провела она цѣлый годъ, по утрамъ занимаясь пѣніемъ и музыкой, а по вечерамъ любуясь игрою Г. Щепкина и Г. Мочалова; такъ прошелъ годъ—цѣлая вѣчность для молодости, которая спѣшитъ жить... спѣшитъ испытать свои силы!..

Въ 1847 году Г-жа Косицкая рѣшилась просить позволенія дебютировать на сценѣ въ роли Параши Сибирячки... ей позволили—и вотъ молодая актриса, едва сыгравшая нѣсколько ролей въ провинціи, является предъ лицемъ московской публики. Огромность театра, новизна положенія, сотни незнакомыхъ лицъ смущаютъ дебютантку, она робѣетъ, первая сцена проходитъ тихо, слабо... но по мѣрѣ того, какъ развивается характеръ Параши, въ дѣйствіи является нѣкоторая увѣренность, приходятъ патетическія мѣста, сердце дебютантки глубоко сочувствуетъ представляемой ролѣ, являются неподдѣльныя слезы, голосъ получаетъ звучность и силу, жестъ—энергію... публика становится внимательнѣе и внимательнѣе, и по окончаніи акта, награждаетъ дебютантку единодушными рукоплесканіями и нѣсколькими вызовами. Дебютъ вполнѣ блистательный!.. Въ самомъ дѣлѣ, дебютъ Г-жи Косицкой былъ однимъ изъ замѣчательныхъ сценическихъ явленій послѣднихъ десяти лѣтъ. Съ перваго появленія на сцену объ ней говорятъ, объ ней спорятъ, объ ней пишутъ... Это не бездѣлица... Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что время, случайно выбранное ею для дебюта, было самое благопріятное. Н. В. Рѣпина сошла со сцены, П. И. Орлова оставила Москву, Мочаловъ болѣе не игралъ, драмы давались рѣдко... Вдругъ является пьеса, имѣвшая нѣкогда огромной успѣхъ; въ пьесѣ молодая дебютантка со всѣми признаками таланта, ея робость и неувѣренность выкупаются теплотою чувства, прекрасными патетическими мѣстами, простотою и натуральностію... все это обращаетъ вниманіе публики и заставляетъ слѣдить за развитіемъ ея таланта. Роль Луизы въ трагедіи *Коварство и Любовь* и дочери въ *Отцовскомъ проклятіи* упрочиваютъ быстро родившуюся извѣстность. Г-жа Косицкая привлекаетъ публику; публика становится къ ней благосклоннѣе и благосклоннѣе, — начинается полная артистическая жизнь со всѣми ея радужными цвѣтами и со

всѣми терніями! . . . Послѣднее время Г-жа Косицкая хорошо исполнила роль Гризельды, и была очень замѣчена въ ролѣ *Цыганки* въ водевилѣ того же названія; но лучшая роль ея репертуара все еще остается роль Маріи въ *Материнскомъ благословеніи*. Здѣсь она постоянно прекрасна. Пьеса, упавшая сначала, выдержала до сорока представленій; цифра — прозаическое мѣрило таланта говоритъ за успѣхъ. Во время представленія этой драмы, театръ былъ постоянно полонъ, постоянно оглашался громкими и заслуженными рукоплесканіями, Г-жа Косицкая постоянно нравилась и постоянно умѣла вызвать слезу у самаго равнодушнаго зрителя.

Въ ролѣ Маріи Г-жа Косицкая у насъ не имѣетъ и не имѣла соперницъ; но одна роль не составляетъ еще актрисы, какъ одинъ талантъ не дѣлаетъ человѣка художникомъ. Талантъ дается природой, а усовершенствуется и развивается постоянной работой и трудомъ. Придетъ время, когда публика будетъ взыскательнѣе, когда она будетъ желать не одного чувства, а умной, отчетливой игры, умѣнья создать характеръ и выдержать его отъ начала до конца драмы. Удовлетворить этимъ желаніямъ можетъ только тотъ, кто постоянно трудится, кто постоянно совершенствуется. Надѣемся, что Л. П. Косицкая будетъ совершенствоваться, станетъ предпочитать правду похвалѣ, замѣнивъ намъ со временемъ Н. В. Рѣпину, сдѣлается украшеніемъ Московской сцены.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ДРАМЫ:

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ усадьбѣ ЛУКЕРЬИ ЗОТОВНЫ. Не большая бѣдная комната, въ глубинѣ которой балконъ, выходящій въ садъ; по бокамъ двери въ жилыя комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУКЕРЬЯ ЗОТОВНА, въ очкахъ, старомъ кругломъ чепцѣ, и шелковой душегрѣйкѣ на пестрой юбкѣ, мотаетъ нитки на большомъ станкѣ; НАДЕЖДА вышиваетъ у стола; ДИМА, ребенокъ лѣтъ осьми, читаетъ, сидя на скамейкѣ у ногъ матери; АРКАДІЙ рисуетъ.

ДИМА (*читая въ слухъ*).

« И — долго, съ младенцемъ голоднымъ
По дебрямъ пустымъ и холоднымъ,
Графиня Гертруда одна
Бродила, молясь и страдая,
Но бѣдныхъ молитва простая
Всегда Провидѣнью слышна!

И Богъ имъ послалъ, угнетеннымъ,
Пещеру съ пріютомъ смиреннымъ,

Съ живымъ, благодатнымъ ключемъ;
Вблизи, на муравкѣ шелковой,
Обѣдъ былъ всегда имъ готовый
Изъ ягодъ лѣсныхъ, съ молокомъ.

Той серны, спасенной Графиней,
Что̀ вѣрною стала рабыней
Послушно служить имъ съ тѣхъ поръ;
И всюду за ними бродила,
И въ ночь ихъ покой сторожила,
А днемъ веселила ихъ взоръ.

(Закрываетъ книгу и обращаясь къ матери)

Мамаша!...

НАДЕЖДА *(ласково)*.

Что̀, другъ мой?

ДИМА.

Вотъ, мы съ тобой
И зябли и молились точно также,
Когда мы ѣхали такъ долго, долго...
И далеко....

НАДЕЖДА.

Не ужели ты помнишь?
Вѣдь этому давно!..

ДИМА.

Ахъ! какъ не помнить?
Всё, какъ теперь я вижу: собралась
Ты ночью; заложили вдругъ повозку,
Меня сама пришла ты разбудить,
Сама одѣла, кутала всё въ шубу,
Да завернула въ мѣховой салопъ;
Василій съ нами не былъ; но потомъ
Онъ насъ догналъ; его мы дождались
Въ избушкѣ, у заставы ... Плакалъ я,
Мнѣ въ темнотѣ такъ было дико, страшно,
А ты меня развеселить хотѣла,
Мнѣ пѣла пѣсни, сказывала сказки,
И я уснулъ; а на другое утро,
Такъ много было снѣгу всё кругомъ,
И шибко по снѣгу катились мы,
И я уже не плакалъ, а смотрѣлъ,
И ничего не видѣлъ, кромѣ снѣга,
Да неба съ облаками.... И покуда
Мы ѣхали, все то же да одно....

Встрѣчали мы печальныя избушки,
Гдѣ душно, грязно, скучно было намъ,
Да поле, гдѣ сердито вѣтеръ выл,
И наконецъ....

НАДЕЖДА *(ласково смѣясь).*

Попали не въ пещеру,
Не въ дикій лѣсъ, — а въ свѣтлый тёплый домикъ
Къ радушной, доброй бабушкѣ, гдѣ насъ
Балуютъ и ласкаютъ безпрестанно,
Гдѣ намъ съ тобой такъ хорошо теперь!
(глядитъ съ выраженьемъ на Лукерью Зотовну).

ЛУКЕРЬЯ ЗОТОВНА.

Нѣтъ, Надинька, мой другъ, — не льсти старухѣ!
Хоть рада вамъ она своимъ сердечнымъ,
Своимъ родимымъ, но житье ея
Въ смиренномъ уголку, — оно такъ бѣдно,
Такъ тѣсно, что дѣлить его безъ пѣней
И ропота, — могла лишь ты одна,
Съ твоимъ терпѣньемъ ангельскимъ....

НАДЕЖДА.

А здѣсь
Я счастливѣй однакожъ, чѣмъ была бы
Въ палатахъ золотыхъ....

ДИМА.

Мама, послушай!
Я буду продолжать.
(читаетъ).

« Гертруда съ зарею румяной,
Проснувшись средь тихой поляны,
Колѣна склонила свои
И сына малютку учила
Твердить, что она говорила,
Забывши гоненія дни:

« О Боже! спаси и помилуй
« Зигфрида! пошли ему силу
« Врага искушенья забыть!
« Разсѣй ты его ослѣпленье,
« Дай радостный часъ примиренья
Разрозненнымъ вмѣстѣ вкусить »!

(обращаясь къ матери).

Газрозненнымъ?... что значитъ это слово?

НАДЕЖДА.

Дитя мое, — почти одно и то же,
Что *разлученнымъ*, — или, если хочешь,
Поссорившимся людямъ....

ДИМА.

Но они
Не въ *ссорѣ* были, ихъ Зигфридъ жестокій
Прогналъ, хотѣлъ предать голодной смерти,
Вѣдь это хуже *ссоры!* Онъ былъ золъ,
Онъ мучилъ ихъ....

ЛУКЕРЬЯ ЗОТОВНА *(вздыхая)*.

Ну, Дима, эта сказка
На горькую похожа быль!

НАДЕЖДА *(поспѣшно прерывая)*.

Читай,
Мой другъ; мнѣ хочется дослушать
Конца.. .

ДИМА *(простодушно)*.

Да ты его давно вѣдь знаешь, —
Ты книги всѣ мои перечитала.

(продолжаетъ читать).

Межъ тѣмъ, на турнирахъ блестящихъ,
И въ замкахъ веселыхъ кипящихъ,
Зигфридъ ликовалъ, пировалъ....
Забылъ онъ жену молодую,
Гертруду подругу былую....
О сынѣ своемъ позабылъ....

Но грѣшника Богъ наказуетъ,
И скоро Зигфридъ испытуетъ
Десницу Его надъ собой:
Сдружившись съ злодѣя душою,
Тоска въ ней гнѣздится змѣею,
Смущаетъ забвенья покой.

Зигфриду и тяжко и скучно,
Онъ смотритъ теперь равнодушно
На все, что бывало любилъ;
Ни пищи, ни сна онъ не знаетъ,
Томится, худѣетъ, страдаетъ,
Доносщика злаго казнитъ.

И шлетъ онъ гонца за Графиней
По селамъ, лѣсамъ и пустынѣ
Искать ее всюду велитъ.
И самъ онъ съ дружиною вѣрной,
Томимый тоскою чрезмѣрной,
За сыномъ съ женою спѣшитъ».

(Дима закрываетъ книгу и задумывается).

Надежда *(слегка дотронувшись до его плеча).*

Ну что-жь, дитя мое, ты спишь?

Дима *(живо).*

О, нѣтъ!
Я думалъ....

Аркадій *(смѣясь).*

Думалъ, Дима? но, о чемъ,—
Желалъ бы я узнать?

Дима.

Когда мамаша
Позволитъ,—я скажу.

Надежда *(ласково).*

Скажи, мой другъ,
Ты знаешь, вотъ, всѣ трое мы всегда
Тебя готовы слушать....

Дима *(встаетъ, подходитъ къ матери и обнимаетъ ее).*

Вѣдь давно
Сложили эту сказку?...

Надежда.

Да, давно;
Зачѣмъ тебѣ?...

Дима.

Вѣдь прежде можно было
Барону или Графу, разсердясь,
Прогнать жену, дѣтей?...

Аркадій.

И больше даже;
Въ то варварское время убивали
Одинъ другаго кровные, родные;
Отецъ—дѣтей, а сыновья....

Дима *(съ разстановками).*

Но и теперь.... случается.... дѣтей
Своихъ.... отцы не любятъ....

(Надежда перестаетъ работать и внимательно смотритъ на него, между тѣмъ какъ Аркадій и Лукерья Зотовна переглядываются).

НАДЕЖДА *(съ замѣшательствомъ).*

Да, мой другъ,
Бываетъ; иногда, накажетъ Богъ
Семью раздоромъ; у иныхъ родятся
Дурныя дѣти,—ихъ не льзя любить....

ДИМА.

Но и отцы дурные вѣдь бываютъ?

НАДЕЖДА *(еще съ бо́льшимъ смущеніемъ).*

О рѣдко, слава Богу! Но читай;
Пора намъ кончить,—и тебѣ потомъ
Идти гулять....

ДИМА *(задумчиво).*

Мама̀, теперь читать
Я что-то не могу,—поговоримъ!....
Скажи, гдѣ мой папа? Ты никогда
Мнѣ не разскажешь ничего о немъ...

НАДЕЖДА *(беретъ его къ себѣ на колѣни).*

Дружокъ мой!—твой папа живетъ далеко,—
Въ Москвѣ....

ДИМА.

А почему онъ не пріѣдетъ
За нами? Отчего не хочетъ онъ
Насъ видѣть: стало быть, онъ насъ не любитъ....

НАДЕЖДА *(торопливо).*

О нѣтъ, мой другъ! не оттого, но онъ....
Онъ очень занятъ службой и дѣлами....
Ему не льзя....

ДИМА.

Такъ почему же мы
Не навѣстимъ его.

НАДЕЖДА.

Я не здорова,—
Такъ далеко я ѣхать не могу....

ДИМА.

Но по чему же прежде отъ него
Уѣхали съ тобою мы?

(Надежда въ замѣшательствѣ).

ЛУКЕРЬЯ ЗОТОВНА.

За тѣмъ,
Что я стара, слаба и одинока, —
Что кромѣ васъ, нѣтъ у меня родныхъ, —
А мать твоя, жалѣя обо мнѣ,
Хотѣла быть со мной, — меня утѣшить
Подъ старость лѣтъ присутствіемъ своимъ.

(Надежда черезъ столъ цѣлуетъ у нея руку).

ДИМА.

Но мой папа, — онъ бѣденъ иль богатъ?

НАДЕЖДА.

Богатъ! зачѣмъ тебѣ? Ты любопытенъ
Сегодня черезъ чуръ....

ДИМА.

За тѣмъ, что намъ
Онъ никогда не присылалъ подарковъ....
Онъ, стало быть, не думаетъ объ насъ!

НАДЕЖДА.

Дитя мое! подарки лишь пустое, —
Обычай, — и безъ нихъ вѣдь можно думать
О тѣхъ, кто дорогъ намъ!... Вотъ я сама
Давно тебя, мой ангелъ, не дарила....

ДИМА *(горячо обнимая ее).*

О, ты другое дѣло! Ты меня
И безъ того такъ любишь! Ты всегда
Лишь мною занята, — за мною ходишь, —
Сама меня всему учила прежде, —
Покуда мы Аркадія не знали,
И я такъ малъ былъ, что другихъ уроковъ
Не понималъ.... А мой папа, забылъ
Меня онъ, видно, какъ забылъ Зигфридъ
Гертруду и ихъ сына....

НАДЕЖДА *(цѣлуя и лаская его).*

Милый Дима!
Не будь не справедливъ! Не обвиняй
Папаши твоего, — то грѣхъ большой!
И Богъ не любитъ сыновей дурныхъ!
Вотъ видишь — Онъ помиловалъ Гертруду
За то, что зла не помнила она,
Не осуждала.... Будь же ты покоренъ,
И добръ, и Богъ тебя за то полюбитъ!

(помолчавъ немного)

Теперь, дитя мое, читать довольно!
Поди играть въ саду?

ЛУКЕРЬЯ ЗОТОВНА.

Я съ вимъ отправлюсь,
И руки и глаза устали что-то;
Намъ старикамъ, какъ дѣтямъ, то же нужно
На солнышкѣ погрѣться, отдохнуть....

(Димъ тихо)

Мы въ огородъ пойдемъ, тамъ на грядахъ
Есть спѣлая клубника....

ДИМА *(весело бьетъ въ ладоши).*

О, прекрасно!
Прекрасно, бабушка!... скорѣй пойдемте!...

(уходитъ, прыгая и радуясь, Лукерья Зотовна слѣдуетъ за нимъ).

ГРАФИНЯ Е. РОСТОПЧИНА.

Воронево, Августъ, 1850.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА

ОРЛОВА.

Между всѣми актерами и актрисами Московскаго театра П. И. Орлова занимаетъ одно изъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Артистка даровитая, умная, добросовѣстная, въ продолженіи десяти лѣтъ, пользовавшаяся заслуженою любовію публики, оставила сцену въ то время, когда ея талантъ былъ въ полномъ блескѣ, въ полномъ развитіи, когда ея отсутствіе не могло быть замѣнимо. Московская сцена долго не забудетъ ея потери. Московская публика всегда будетъ вспоминать объ ней съ сожалѣніемъ и благодарностію.

Репертуаръ Г-жи Орловой былъ разнообразенъ до чрезвычайности; она играла въ драмахъ, комедіяхъ, водевиляхъ и не безъ успѣха участвовала въ комическихъ операхъ. Обладая несомнѣннымъ талантомъ, каждую свою роль, какъ бы она ни была мала и ничтожна, она старалась исполнить съ возможнымъ совершенствомъ. Когда Н. В. Рѣпина окончила свою службу при театрѣ, большая часть ея ролей достались Г-жѣ Орловой, многія изъ нихъ были не по ея средствамъ и не въ ея характерѣ, но и въ нихъ она показала столько умѣнья, столько старанія, что ею можно было любоваться, вспоминая даже и объ Н. В. Рѣпиной. Послѣ этого нужно ли говорить, что П. И. Орлова была, такъ сказать, задавлена ролями, что она была необходимою принадлежностію каждой почти новой пьесы, каждаго бенефиса, и всегда являлась съ полною готовностію играть, съ полнымъ желаніемъ поддержать своей игрой и пьесу и бенефисъ.

Съ самаго дѣтства началось сценическое поприще Г-жи Орловой. Будучи осьми, девяти лѣтъ отъ роду, она часто ходила съ своей матерью въ театральную школу, гдѣ воспитывался ея старшій братъ (Н. И. Куликовъ—теперь главный режиссёръ С. Петербургскихъ театровъ). Это породило въ дѣвочкѣ желаніе самой

16

W. Opuscha

вступить въ школу, она упросила свою мать, чтобъ ее туда отдали съ тѣмъ, чтобы со временемъ можно было ей вступить на сцену. Веселая, милая, живая Параша вскорѣ сдѣлалась фавориткою всей школы; ей позволили сыграть тамъ въ шутку мужскую роль старика Управляющаго: она сыграла ее такъ, что была замѣчена. Артистъ Живокини первый обратилъ на нее вниманіе и выпросилъ позволеніе у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, бывшаго въ то время директоромъ Московскаго театра, составить спектакль изъ воспитанниковъ и воспитанницъ школы, далъ роль и Куликовой. Когда пьесы были разучены и слажены, Г. Живокини просилъ директора удостоить театръ своимъ посѣщеніемъ. Директоръ остался доволенъ спектаклемъ и особенно Куликовой, которая прекрасно исполнила роль Г-жи Гримардо (водевиль *Суженаго конемъ не объѣдешь*). Этотъ удачный дебютъ въ школѣ остался не безъ послѣдствій; Куликова посредствомъ его пріобрѣла покровительство Ѳ. Ѳ. Кокошкина, онъ началъ самъ заниматься прохожденіемъ ролей и объясненіемъ ихъ положеній дѣвочкѣ, предвидя въ ней будущую актрису. Въ 1828 году Н. Н. Орлова вступила на Московскую сцену... Здѣсь дебютъ ея былъ не блестящъ; но дебютантка обратила на себя вниманіе и многіе изъ критиковъ, признавши въ ней любовь къ искусству и постоянное стараніе, предсказывали ей будущую славу. Вотъ что между прочимъ сказано было о Куликовой въ Телеграфѣ 1829 года, по поводу пьесы: (*Два гусара, или женихъ въ халатѣ*): «Дѣвица Куликова была прелестна въ роли ловкой субреткп. Радуемся сему появленію на сценѣ юнаго таланта; но совѣтуемъ молодой «актрисѣ остерегаться отъ чада преждевременныхъ и еще не заслуженныхъ похвалъ. Талантъ долженъ созрѣть, такъ же какъ и все живущее». Эти немногія слова показываютъ, что молодую актрису не только что замѣтили, но начали уже хвалить. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, до самаго своего замужства, Куликова играла много незначительныхъ ролей въ комедіяхъ и водевиляхъ; она съ успѣхомъ занимала нѣсколько мужскихъ ролей, особенно хороша была въ *Дмитревскомъ* комедіи-водевиль *Ѳ. Г. Волковъ* и пажемъ Фридриха II, въ пьесѣ перев. Ленскаго: *Старый гусаръ*; но настоящій характеръ ея игры тогда еще не обозначился, время ея извѣстности еще не наступило...

Въ 1837 году, въ бенефисъ Мочалова объявили *Гамлета*, и Офелію играла Г-жа Орлова... Мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ говорить объ томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое произвела на Московскую публику трагедія Шекспира при игрѣ геніальнаго Мочалова и при участіи Г-жи Орловой. Трагедія выдержала десять представленій къ ряду, театръ былъ постоянно полонъ, люди, не посѣщавшіе русскій спектакль, приходили по нѣскольку разъ любоваться игрою Мочалова и Орловой... Въ журналахъ печатались статьи объ игрѣ Мочалова, объ Шекспирѣ, объ искусствѣ... словомъ, представленіе *Гамлета* на московской сценѣ было эпохою для театра и замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ... Имена Мочалова, Орловой повторялись вездѣ... объ нихъ говорили, писали, спо-

рили... съ именемъ Мочалова произносили имя Орловой. Для молодой актрисы это было уже важно. Съ этой поры началась ея извѣстность, она предпочтительно стала играть драматическія роли... Роль Вероники въ трагедіи *Уголино* и Корделіи *въ Лирѣ* упрочили за ней амплуа первой трагической актрисы въ Москвѣ... Въ 1839 году, Прасковья Ивановна отправилась въ Петербургъ, гдѣ сыграла съ своимъ мужемъ двѣ, три небольшія роли. Возвратясь въ Москву, она принимала дѣятельное участіе во всѣхъ новыхъ пьэсахъ и, создавъ здѣсь лучшую свою роль: *Лунзу Линьероль*, въ трагедіи того же названія, сдѣлалась любимицею Московской публики.

Въ 1841 году лѣтомъ, Г-жа Орлова снова поѣхала въ Петербургъ съ цѣлію сыграть нѣсколько лучшихъ своихъ ролей... Этотъ разъ успѣхъ ея былъ вполнѣ блестящій... рукоплесканіямъ и восторгамъ не было границъ... Въ Петербургѣ она дебютировалась *въ Гамлетѣ* (Офелія), сыграла Веронику, Лунзу Линьероль... занимала главную роль въ прекрасной пьэсѣ Г-на Лепскаго: *Добрый Геній*, и рѣшилась вступить въ состязаніе съ памятной по прелестной игрѣ артисткой Асенковой въ водевилѣ: *Полковникъ старыхъ временъ*. Здѣсь осыпала ее публика похвалами и рукоплесканіями, послѣ этого тріумфа, Орлова возвратилась въ Москву, гдѣ занимала снова первыя трагическія роли и съ большимъ успѣхомъ играла во многихъ водевиляхъ... особенно: въ *Львѣ Гурычѣ Синичкинѣ* (актрису) и въ Водев. *Барская спѣсь и Анютины глазки* (Чухлымову). Роль Елены Глинской, сыгранная ею съ большимъ мастерствомъ, упрочила за нею на долго первенство на обѣихъ сценахъ... у нее не было соперницъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, это было лучшее время для ея извѣстности; и въ это самое время она оставила сцену... и переѣхала въ Петербургъ; тамъ она участвовала въ публичныхъ спектакляхъ любителей театра, данныхъ въ пользу бѣдныхъ, П. И. Орлова играла вмѣстѣ съ княгинею Кат. Сем. Гагариной въ трагедіи: *Ифигенія въ Авлидѣ* (Ифигенію), въ комедіи *Наука и женщина* (графиню Зейдель), траг. *Медея и Язонъ* (Креузу) и въ водевилѣ: *Чего на свѣтѣ не бываетъ* (Надежду Петровну). Эти два спектакля любителей были истиннымъ ея торжествомъ наравнѣ съ знаменитою артисткою. Въ 1847 году ее пригласили во Одессу, въ 1848 году, возвращаясь по домашнимъ дѣламъ изъ Одессы въ Москву, она подарила своею игрою Кіевскую публику, которая была отъ нея въ восторгѣ и проводила ее съ сожалѣніемъ.

Въ настоящее время Г-жа Орлова играетъ въ Одессѣ съ тѣмъ же постояннымъ успѣхомъ, съ какимъ она играла въ обѣихъ столицахъ.

N. N.

СЦЕНА

ИЗЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗІИ

ЕКАТЕРИНА II.

Комната Капитана въ Шлиссельбургѣ. Онъ стоитъ задумавшись у окна. Поручикъ ходитъ по комнатѣ.

ПОРУЧИКЪ.

Нѣтъ, другъ Иванъ! Съ тобой я не согласенъ!
Она должна была такъ поступать.

КАПИТАНЪ.

Семенъ! ты молодъ! не тебѣ судить
О томъ, въ чемъ явно власть видна Господня!...
Когда-бъ мою ты опытность имѣлъ
И не былъ ослѣпленъ какимъ-то страннымъ
И непонятнымъ чувствомъ, то иначе-бъ
Ты разсуждалъ. Повѣрь, что въ нашей жизни
Господь ведетъ къ добру и счастью насъ!...
Мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ, я много видѣлъ —
И потому такъ прямо говорю.
Я семь правленій пережилъ!... Мнѣ было
Ужъ за двадцать, когда Великій Петръ

Угасъ въ борьбѣ съ мучительной болѣзнью.
Я слышалъ плачь Россіи въ этотъ часъ.
А этотъ плачь далеко отозвался. . . .
Я помню смерть Екатерины Первой. . . . .
Вѣнчанная красавица, она
Супруга ждать не долго заставляла,
Какъ вѣрная жена, она спѣшила
Послѣднее съ нимъ ложе раздѣлить.
Я видѣлъ, какъ скатилась и погасла
Съ роднаго неба свѣтлая звѣзда,
Какъ юный Петръ безвременно скончался;
Я помню смерть Курляндской Герцогини,
Достойной лучшей участи. О! много
Смертей я помню! . . .

ПОРУЧИКЪ.

Все такъ, Иванъ, но вѣрь, съ Екатериной
Вновь счастіе Россіи разцвѣтетъ.
Я слѣпо вѣрю этому. Ты старъ,
Въ твоей груди нѣтъ юношескихъ чувствъ,
Ты не поймешь меня! Но если-бъ ты
Ее въ то время видѣлъ, какъ она
При громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ,
При крикахъ войска во дворецъ вступала,
И кланялась привѣтливо народу,
И ласково Россіи улыбалась. . .
Вѣрь мнѣ, Иванъ! Я въ этотъ часъ — пророкъ!
Ея улыбка дастъ Россіи счастье;
Отъ бѣдъ и отъ враговъ ее спасетъ,
Ея улыбка изъ людей ничтожныхъ
Создастъ героевъ, геніевъ, министровъ,
Великихъ полководцевъ, мудрецовъ,
Художниковъ. . . . Я самъ, Иванъ, я самъ,
Когда она захочетъ — буду всѣмъ:
Фельдмаршаломъ, поэтомъ, дипломатомъ,
И молча, за нее на смерть пойду! . . .

КАПИТАНЪ.

Семенъ! тебя я понялъ хорошо,
И вѣрю я всему, что ты сказалъ мнѣ:
На этотъ разъ мы въ мнѣніяхъ согласны.
И я себѣ за правило поставилъ:
Всегда быть вѣрнымъ долгу и присягѣ.
И потому рѣшился непремѣнно
Быть вѣрнымъ вѣкъ тому, на чьей главѣ
Корона Мономахова сіяетъ!
Судьбы Царей въ рукахъ Творца. Онъ Самъ
Священную корону надѣваетъ
На голову Имъ избранныхъ Владыкъ,
И безъ Его, намъ непонятной воли,
Съ ихъ головы она не упадетъ.
Не намъ судить о промыслахъ Творца!
Вотъ почему и я какъ, ты Семенъ,
Готовъ на все, чтобъ смуты отстранить,
Чтобъ поддержать спокойствіе въ Россіи.
И не отдать ее опять на жертву
Крамоламъ и раздорамъ.—Да, Семенъ.
Хоть мы съ тобой идемъ дорогой разной,
Но къ той же цѣли, видишь ли, пришли.

ПОРУЧИКЪ.

Когда подъ часъ я слушаю тебя,
Твои сужденья, думы и идеи, —
Мнѣ больно, грустно, что съ такимъ умомъ,
Познаньями, ты при кончинѣ дней
Лишь капитанъ, и гдѣ же? въ Шлиссельбургѣ,
Въ далекомъ гарнизонѣ!...

КАПИТАНЪ.

Что же дѣлать?
Я не ропщу. Не всѣхъ ведетъ Творецъ
Путемъ тернистымъ на ступени славы.

Есть много званныхъ на пиру величья,
Но мало будетъ избранныхъ. И ихъ
Отмѣтивши божественнымъ перстомъ,
Богъ неисповѣдимою дорогой
Самъ къ цѣли, имъ назначенной, ведетъ.
Смѣшно роптать на то, что ты не избранъ.
Пусть буду я по твоему уменъ,
И это ничего еще не значитъ.
Не всякій умный человѣкъ быть долженъ
Вельможею, хотя вельможа всякій
Быть долженъ умнымъ человѣкомъ. Я
Всю жизнь провелъ, служа по гарнизонамъ
И это мнѣ же къ пользѣ послужило.
Не занятый моей нетрудной службой,
Въ часъ досуга, въ комнатѣ моей
Я изучалъ великія творенья
Мужей великихъ Западной Европы,
Я просвѣщался опытностью ихъ,
И всякій разъ во глубинѣ души
За книгу иностранную беряся,
Благословлялъ Великаго Петра
За то, что онъ наукѣ, просвѣщенью
Широко дверь въ Россію распахнулъ.
Мы долго за Китайскою стѣною
Все сидиями сидѣли въ нашихъ шубахъ,
Съ стопою романеи, на палатяхъ,
Гордяся нашимъ крѣпкимъ Русскимъ духомъ
Пришла пора. Явился Петръ — нашъ царь?
Онъ опрокинулъ стѣну и повѣрья,
Онъ въ грязь втопталъ невѣжество и спѣсь,
Онъ вырубилъ дремучіе лѣса,
Онъ бороды дремучія обрѣзалъ,
Съ Россіи снялъ кафтанъ онъ долгополый,
Чтобъ на пути широкомъ къ просвѣщенью
Не путалася въ немъ она. . . .

Европу
Тогда не могъ усильемъ къ намъ придвинуть,

Такъ онъ за то Россію къ ней придвинулъ,
И съ той поры къ намъ съ Запада влилося
Рѣкою просвѣщенье. И видя
Съ высотъ небесъ, чѣмъ сдѣлалась Россія,
И то—чѣмъ будетъ, нашъ Великій Петръ
Довольный взоръ въ потомство обращаетъ,
И какъ отецъ, съ любовью край родной
На славный путь въ вѣкахъ благословляетъ!

ПОРУЧИКЪ.

О! да! Иванъ! И духъ его безсмертный,
Я вижу, вновь воскресъ въ Екатеринѣ!...
Увидишь ты — великія начала
Великаго—она свершитъ и кончитъ,
И на широкомъ, твердомъ основаньи,
Заложенномъ его рукой могучей,
Воздвигнетъ зданье чудное она.
Ему во славу, на показъ Европѣ,
Вѣкамъ на удивленье, въ память міру.
Его порфира въ пору ей придется,
Подъ тяжестью гигантскаго вѣнца
Ея глава, я вѣрю, не согнется,
Россіи Мать пойметъ ея Отца!...
Въ одно благословенье съ нимъ сольется
Передъ судомъ потомства и Творца!...
Иванъ! Иванъ! — что-бъ ни было, мы оба—
Ея душей и тѣломъ—и до гроба!...

(сжимаютъ другъ другу руки).

ВЛАДИМІРЪ ЗОТОВЪ.

КАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

ЛАВРОВА-ВАСИЛЬЕВА.

Катерина Николаевна Лаврова (по мужѣ Васильева), дочь превосходнаго пѣвца Московской сцены, родилась въ Москвѣ 14 Августа, 1829 года.

Девяти лѣтъ она была отдана въ пансіонъ Г-жѣ Дебошъ; разумѣется, цѣль воспитанія была образовать женщину, не артистку. Въ 1840 году, по смерти отца, она должна была оставить пансіонъ и съ годъ почти жила дома съ матерью и братомъ. По прошествіи этого времени, брата ея помѣстили въ Петербургскую театральную школу, а сестру его — въ пансіонъ къ Г-жѣ Эттеръ для окончанія полнаго курса воспитанія. Такъ прошло два года, и она опять возвратилась къ матери въ Москву. Умственное воспитаніе женщины кончилось; въ Лавровой стали пробуждаться врожденныя наклонности къ театру: началось воспитаніе артистки. Она появилась въ такъ называемыхъ испытательныхъ спектакляхъ, даваемыхъ обыкновенно постомъ на Маломъ театрѣ. Сцены изъ *Параши Сибирячки*, роль Кетли, прославленная игрой П. В. Рѣпиной, роль Габріели въ «*Дѣвицѣ Отшельницѣ*» были первыми опытами Лавровой въ сценическомъ искусствѣ. Среди этой новой жизни, едва зарождавшейся для молодой артистки, умерла у нее мать, единственная ея подпора. Недостаточность средствъ къ существованію открылась передъ Лавровой и она принята была на житье въ Московскую театральную школу. Здѣсь, 10 Мая, 1845 г. играла она въ первый разъ роль Габріели въ водевилѣ «*Дѣвица Отшельница*». Вслѣдъ за этимъ она появилась въ роли Эстеллы въ пьесѣ «*Отецъ и Дочь*», играла Любоньку въ «*Мачихѣ и Падчерицѣ*», *Мальвину*, *Мирандолину*, и Луизу въ «*Коварство и Любовь*». Это продолжалось цѣлый годъ, продолжалось бы и долѣе, если-бъ не помѣшало тому слабое здоровье артистки. Почти послѣ каждаго спектакля чув-

Ивановъ.

17

ствовала она сильное утомленіе и едва могла говорить отъ усталости. Думали, что это признаки начинающейся чахотки, которую могла остановить только перемѣна климата. Переселеніе въ Петербургъ было благодѣтельно для Лавровой, Петербургскій климатъ, иногда вредный для другихъ, былъ спасителенъ для ея здоровья, такъ что самое леченіе становилось ненужнымъ. Постоянно участвуя въ школьныхъ спектакляхъ, она перестала жаловаться на прежнюю усталость, голосъ и грудь ея окрѣпли. Въ 1846 году, Октября 27, Г-жа Лаврова впервые выступила на судъ общественный. Первый дебютъ ея происходилъ въ Александрынскомъ театрѣ, въ комедіи *Мирандолина* — молодая артистка была замѣчена публикой. На другой же день играла она въ пьесѣ «*Русскіе въ Баденѣ*»,— за тѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ водевиляхъ, но вообще очень мало, и роли не отличавшіяся особеннымъ значеніемъ; 16-го Марта 1847 года, положено ей жалованья 300 р. сер.

Ровно черезъ годъ явилась она на Московской сценѣ, и первый разъ въ пьесѣ «*Андрей Степанычь Бука*». Послѣдующая дѣятельность Лавровой принадлежитъ уже настоящему времени, и объ ней-то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Г-жа Лаврова играетъ довольно часто; преобладающими, чтобъ не сказать исключительными ея ролями, остаются до сихъ поръ разные характеры въ небольшихъ комедіяхъ и водевиляхъ, на-скоро переведенныхъ, на-скоро поставленныхъ на сцену; подобныя роли, по крайней своей безцвѣтности, не могутъ дать возможность выказаться вполнѣ развивающемуся дарованію. По временамъ Г-жа Лаврова является въ роляхъ драматическихъ, которыя она выполняетъ съ добросовѣстностію и не безъ таланта. Ее упрекали въ *излишней искусственности*. Подъ искусственностью разумѣемъ мы аффектацію, перевѣсъ формы надъ идеей, эту блестящую, но чисто-внѣшнюю сторону таланта. Въ отношеніи къ Лавровой этотъ упрекъ врядъ ли основателенъ. Можно назвать нѣсколько ролей, которыя доказали вовсе противное. Чего не давала идея пьесы, того и не старалась она досказывать своей игрой и, оставаясь въ должныхъ границахъ, нисколько не подымалась на ходули. Впрочемъ трудно произнести окончательный приговоръ надъ артисткой, которая только что начинаетъ свое поприще, хотя никто не сомнѣвается въ ея талантѣ.

Н. Ш—въ.

Ноябрь 7, 1850 г.

Г-жа Ирка Матіасъ.

«Les Fleurs que tu te trouves sur ton passage, c'est moi qui vais les derober pour toi à nos campagnes enchantées».

Москва преимущественно любитъ хореграфическое искусство и можетъ хвалиться артистками, которыя, смѣняясь одна другою, издавна украшаютъ ея балетную труппу. Г-жа Ирка Матіасъ значится нынѣ въ числѣ талантливыхъ и любимыхъ танцовщицъ этой труппы; она столько доставляла прекрасныхъ минутъ публикѣ прелестнымъ исполненіемъ своихъ ролей и граціозными танцами, что конечно будетъ интересенъ ея біографическій очеркъ.

Г-жа Ирка Матіасъ родилась въ Ліонѣ 4 Декабря, 1829 года; будучи 12 лѣтъ, она отвезена была въ Парижъ, гдѣ съ врожденнымъ призваніемъ училась танцовать у Мазилье, перваго балетмейстера Королевской Музыкальной Академіи. Искусство пріобрѣтается постояннымъ въ немъ упражненіемъ, но грація есть даръ природы. Г-жа Матіасъ дебютировала въ Руанѣ, поступивъ на тамошній театръ. Дирекція Королевскаго театра въ Гагѣ сдѣлала ей лестное предложеніе; въ Гагѣ она танцовала два года и потомъ пріѣхала въ Россію. Въ Москвѣ Г-жа Матіасъ дебютировала 17 Сентября, 1847 года: танцовала pas de deux и Гишпанскій танецъ Рондейя (первая исполнила его на Московской сценѣ); послѣ этого была замѣчательна во многихъ роляхъ извѣстныхъ балетовъ: *Сильфида*, *Хитана*, она занимала роль *Жизели*, являлась оживленною и художественною танцовщицею въ *Воспитанницѣ любви*, *въ Пери*, *Пахитѣ*, *Сатаниллѣ*, въ *Возстаніи въ Сералѣ*, въ *Хромомъ бѣсѣ*, и, до появленія знаменитой Фанни Эльслеръ на сценѣ Московскаго театра, представляла роль Катарины, наконецъ вмѣстѣ съ нею танцовала большое pas de deux *въ Баядеркѣ*. Самая блестящая роль Г-жи Матіасъ есть Хитана, ее она исполняетъ съ особенною граціею и увлеченіемъ; неоднократно восторженный партеръ осыпалъ ее цвѣтами въ этой ролѣ и одинъ изъ зрителей посвятилъ ей слѣдующій экспромтъ съ букетомъ:

Когда въ Хитанѣ ты,
Какъ общій идеалъ мечты,
Какъ пальма стройная, незыблемо стояла,
И гордо взглядомъ ожидала
Хвалы себѣ,—
Съ восторгомъ, въ этотъ мигъ, тебѣ
Волшебницѣ прелестной, горделивой,
Любимицѣ Олимпа и боговъ
Бросали мы цвѣты изъ *Кунцовскихъ* садовъ
Букетъ завидный и счастливый...

Храни же, бережно, Хитана сей привѣтъ;
И если встрѣтишь ты когда нибудь печали,
То люди чтобъ совсѣмъ тоски твоей не знали,
Прижми ты къ сердцу нашъ букетъ;
И радостью оно мгновенно оживится;
Уста улыбка освѣтитъ
И горе тотчасъ усладится,
И безвозвратно улетитъ.

N.

18

Уреа Walkiria.

Хиппаля Дайсы. 17.

ЖИЗНЬ ХОЛОСТАГО,

или

КВАРТИРА ВЪ МОСКОВСКОЙ ГОСТИННИЦѢ.

КОМЕДІЯ СЪ КУПЛЕТАМИ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ ИЗЪ СОЧ. СКРИБА,

П. Н. Араповымъ.

Пьеса играванная на публичномъ и домашнихъ театрахъ, напечатанная съ нѣкоторыми перемѣнами.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЬ ЗАДОЛЬСКОЙ.

МАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА ЗАДОЛЬСКАЯ, жена его подъ именемъ ЯЛЬСКОЙ.

ЛЮБУШКА, ея племянница.

ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЬ МЕТАФОРИНЪ, студентъ, кончившій курсъ.

ФУРБЬЕ, французъ, портной.

ТАГЕДИБЪ, нѣмецъ, сапожникъ.

ЕГОРЪ, прикащикъ въ гостинницѣ.

Погребщикъ.

Посланный изъ лавки.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Комната въ Гостинницѣ, съ двумя окошками, съ правой стороны отъ зрителей дверь, съ лѣвой—каминъ, на немъ разная посуда, свѣча и проч., на сценѣ письменный столъ съ принадлежностью, конторка, на другой сторонѣ—ширмы, въ срединѣ дверь.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЕГОРЪ (одинъ).

Ну, нечего сказать, выдался денёкъ! безпрестанно пріѣзжіе! туда бѣги, тамъ услуживай; я на худой конецъ разъ двадцать обмѣрилъ эту проклятую лѣстницу, ногъ подъ собой не чувствую; слава Богу, теперь всѣ номера заняты, стало быть можно и отдохнуть. (*садится*). Не знаю, что мнѣ дѣлать съ здѣшнимъ жильцомъ; хозяинъ велѣлъ мнѣ съ нимъ разчесться и отдавать эту комнату въ наймы; разчесться! оно легко сказать, этого постояльца и видѣть-то трудно.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ у насъ,
Назадъ ужъ мѣсяца четыре,
Всего-то кажется пять разъ
Онъ ночевалъ здѣсь на квартирѣ;
Къ нему толпа мастеровыхъ
Пристанетъ: «баринъ долгъ отдайте»!
Онъ спроситъ о здоровьѣ ихъ,
И скажетъ: «Завтра побывайте».

Его кредиторы мнѣ надоѣли, особливо портной и сапожникъ. Они только что здѣсь не ночуютъ, однокожъ надобно когда нибудь взяться за умъ; г. Метафоринъ заперъ дверь и унесъ ключь съ собою, я сдѣлалъ сюда другой ходъ изъ ближняго номера, какъ скоро онъ придетъ, я ему скажу: милостивый государь, вчера кончился мѣсяцъ, пожалуйте деньги, а не то извольте выѣзжать — что съ нимъ за церемонія; между тѣмъ велю очистить комнату. (*хочетъ идти*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЕГОРЪ и ЗАДОЛЬСКОЙ (выходитъ изъ боковой двери) *.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Не можешь ли ты мнѣ сказать, въ которомъ номерѣ квартируетъ г-жа Яльская?

ЕГОРЪ.

Да не съ дочерью ли она пріѣхала?

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Съ ней молодая дѣвушка, племянница, онѣ нынче пріѣхали изъ Рязани.

ЕГОРЪ.

Здѣсь, сударь, въ 12-мъ номерѣ, пожалуйте сюда, черезъ корридоръ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Постой, скажи мнѣ напередъ, много ли покоевъ она занимаетъ?

ЕГОРЪ.

У нее двѣ комнаты, а этотъ номеръ порожній, онъ къ вашимъ услугамъ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Спасибо; у меня есть свой квартира, мнѣ надобно знать, хорошо ли помѣщена у васъ г-жа Яльская?

ЕГОРЪ.

Какъ не льзя лучше; наша гостинница считается отличною въ Москвѣ, у насъ всѣ лучшіе господа останавливаются.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

А что стоитъ номеръ въ сутки?

ЕГОРЪ.

Какой изволите занять? если вотъ эту комнату и еще къ ней другую, то три рубля серебромъ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Это не дешево; я бы оставилъ ихъ за собою охотно, не для того, чтобы здѣсь жить, а такъ, можетъ быть случится пріѣхать.... Ты уступишь мнѣ это помѣщеніе рублей за двѣсти въ мѣсяцъ т. е. ассигнаціями?

ЕГОРЪ.

Не льзя взять менѣе трехъ сотъ,
Не запросилъ я съ васъ ни крошки,
Сюда совсѣмъ особый ходъ,
И всѣ на улицу окошки.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Нѣтъ, это много; номеръ твой
Вѣдь также простоитъ.

ЕГОРЪ.

Ну чтоже?
Чѣмъ дольше будетъ онъ пустой,
Такъ тѣмъ наймутъ его дороже!

---

* До появленія Метафорина, всѣ лица выходятъ изъ смежной комнаты.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Странный разсчетъ! но я готовъ заплатить и триста рублей и аккуратно внесу деньги впередъ, съ тѣмъ, что ты отъ меня примешь и другіе триста.

ЕГОРЪ.

Это за что?

ЗАДОЛЬСКОЙ.

За квартиру Марьи Алексѣевны Яльской.

ЕГОРЪ.

Какъ! за нее вы же платите? — По этому вы должны быть....

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Я ея повѣренный.

ЕГОРЪ.

Понимаю, вы ея тайная кладовая.

ЗАДОЛЬСКОЙ *(въ сторону)*.

Что это значитъ? ужъ не узналъ ли онъ меня? *(вслухъ)* Скажи, пожалуста, всѣ эти мебели принадлежатъ къ этой комнатѣ?

ЕГОРЪ.

Все, что вы видите; если чего не достанетъ, извольте спросить, приказывайте, все будетъ исполнено.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Хорошо, теперь ты можешь идти вонъ.

ЕГОРЪ *(уходитъ считая деньги)*.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЗАДОЛЬСКОЙ (одинъ).

Прекрасную долженъ я играть ролю! что можетъ быть глупѣе моего положенія? добровольно осудить себя на дурачество. Я мужъ по секрету, — эдакаго въ Москвѣ другаго не сыщешь; а что всего досаднѣе, жена моя хочетъ, чтобъ я обходился съ нею какъ съ постороннею; ну похоже ли это на дѣло! И для чего же? чтобъ угодить приличіямъ свѣта; ну кто кромѣ женщины придумаетъ эдакую хитрость.

Я былъ женатъ сперва по страсти,
Пять лѣтъ покойница моя
Въ своихъ друзьяхъ брала участье
И назывался мужемъ я.
Вторую взялъ жену не хуже,
Но вкусъ опять совсѣмъ другой,
Не знаю можно ли?—при мужѣ
Ей страхъ быть хочется вдовой.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЗАДОЛЬСКОЙ и ЗАДОЛЬСКАЯ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Ахъ какъ я радъ, что наконецъ тебя вижу!

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Пожалуста радуйтесь тише, мы ужъ больше часу пріѣхали, намъ попались прекрасныя лошади.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Вамъ нигдѣ не было остановки?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Нигдѣ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Ну слава Богу! ты не повѣришь, въ какомъ я былъ сокрушеніи, я ужъ было собрался ѣхать къ тебѣ на встрѣчу. (*хочетъ поцѣловать у ней руку*).

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Тише, Ѳедоръ Петровичъ, тише, вы совсѣмъ забылись, что племянница моя подлѣ и благопристойность требуетъ....

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Благопристойность ваша никуда не годится; ты была вдова, знаю, дала слово своимъ роднымъ не выходить болѣе за мужъ, и это знаю; однакожъ по прошествіи года, мнѣ кажется можно....

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Послѣ, тринадцати мѣсяцевъ, Ѳедоръ Петровичъ; вчера они минули.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Тѣмъ лучше, послѣ тринадцати мѣсяцевъ обстоятельства могли перемѣниться; съ одной стороны желаніе себя пристроить, а съ другой, если смѣю сказать, наклонность заставила тебя соединить свою судьбу съ моею, сдѣлаться моею женою.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Опять жена!—какъ вы не осторожны, я ужъ вамъ одинъ разъ навсегда сказала не произносить этого слова; ну что подумаетъ обо мнѣ племянница? что скажутъ знакомые? они знаютъ мою твердость; общество обыкновенно смѣется надъ вдовами, которыя спѣшатъ выдти за мужъ!.. дайте по крайней мѣрѣ пройти еще нѣсколькимъ мѣсяцамъ, и тогда....

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Нѣсколько мѣсяцевъ!... а въ ожиданіи ихъ, я долженъ изсохнуть отъ ревности; не правда ли? прекрасное утѣшеніе для мужа! Марья Алексѣевна! душа надобна и состраданіе: съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ несчастіе въ васъ влюбиться, я ни дня, ни ночи не имѣю покоя.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Да кто васъ проситъ безпокоиться и ревновать? на меня грѣхъ вамъ жаловаться, я стараюсь во всемъ вамъ угождать: вы поѣхали по дѣламъ въ Москву, я оставила домъ и родныхъ, взяла съ собою племянницу и прискакала сюда, назвавъ себя прежней фамиліей, для того, чтобы быть съ вами.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Такъ, Марья Алексѣевна, вы пріѣхали для меня, но на что вы привезли сюда племянницу? она отъ васъ не отходитъ, надобно непремѣнно найти случай удалить ее, или по крайней мѣрѣ такъ устроить, чтобъ Любовь Александровну не удивляли мои визиты.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

За послѣднее я берусь; сами вы разсудите, какъ мнѣ было ее оставить, Любушка воспитана у меня въ домѣ, кому мнѣ ее препоручить? и можно ли ребенку повѣрить секретъ,—съ одной стороны я рада, что увезла ее изъ Рязани.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

А что? разнѣ какой нибудь обожатель за нею ухаживалъ?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Вы отгадали.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Почему бы не выдать ее за мужъ, особенно если сыщется порядочный человѣкъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Да, порядочный это такъ, а Рязанской женихъ вовсе ей не партія.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Такъ за другаго; въ Москвѣ женниховъ много.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Не льзя сказать, невѣстъ больше.

ЗАДОЛЬСКОЙ *(взглянувъ на часы)*.

Однакожъ, пора мнѣ въ Палату, мой повѣренный давно меня тамъ ждетъ, оттуда надо будетъ заѣхать къ одному дѣльцу, онъ живетъ ужасно далеко, у Серпуховскихъ воротъ, это край города, я постараюсь поскорѣй отдѣлаться. *(хочетъ идти и опять возвращается)*; къ статъ, совсѣмъ было изъ ума вонъ, тебѣ вѣрно понадобятся деньги?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Конечно, мнѣ надо будетъ отдать полторы тысячи рублей бриллiантщику за серьги, да еще за фермуаръ, который я отдала ему передѣлать.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Стало быть двухъ тысячъ довольно, вотъ шесть сотъ рублей серебромъ, я положу ихъ сюда, помните же. *(выдвигаетъ ящикъ въ конторкѣ, и находитъ въ немъ разныя бумаги)*. Это что такое? *(читаетъ)* « общій реестръ долговъ. — Пріятельскіе завтраки у Шевалье.—Прейсъ-курантъ иностранныхъ винъ.—Сдѣлать пальто на ватѣ, три жилета и еще кой что: 90 рублей серебромъ, по старому счету осталось—слѣдуетъ получить въ уплату....

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Счеты! что это значитъ? ужъ не живетъ ли кто здѣсь?

ЗАДОЛЬСКОЙ.

То есть прежде жилъ кто нибудь, а теперь эта комната и другая рядомъ мои, я за нихъ деньги заплатилъ. (*разбираетъ бумаги въ другомъ ящикѣ*). Еще какая-то тетрадь? «Цицеронъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ». О, да здѣсь квартировалъ авторъ, эти бумаги должны быть его, пусть же г. Цицеронъ бережетъ мои денежки.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Вотъ далъ Богъ наслѣдство на наемной квартирѣ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Говоря о наслѣдствѣ, можно сдѣлать примѣненіе:

Ты знаешь, я вѣдь не таковъ,
Чтобъ оскорблять кого сатирой,
Но право можно сердце вдовъ
Сравнить съ наемною квартирой.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

А въ васъ мущинахъ нѣтъ стыда,
Сравненья глупы и обидны...

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Ужъ какъ ты хочешь, а всегда
Слѣды въ немъ постояльцевъ видны.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Пожалуста, оставьте ваши насмѣшки, или я выйду изъ терпѣнія.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Чтожъ тогда будетъ?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Выдержу характеръ, и на зло вамъ, еще годъ останусь вдовою.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Полноте, что за шутки.

Да эдакъ я умру съ печали,
Весь вѣкъ въ молчаніи любя,
Нѣтъ, я хочу, чтобъ люди знали,
Что я женатъ не для себя.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Напрасно, милый! добровольно
Идешь ты въ этотъ классъ мужей,
И безъ того у насъ ей, ей,
Ихъ развелось теперь довольно.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Мы объ этомъ послѣ поговоримъ, пора мнѣ ѣхать; не завернуть ли мнѣ на кузнецкой мостъ?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

За чѣмъ?

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Тамъ поселился какой-то славный пирожникъ изъ Парижа.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Ахъ пожалуста возьми у него пирогъ съ трюфлями.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Хорошо. Прощай же, прощай (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЗАДОЛЬСКАЯ (одна).

Онъ правъ, Любушка меня совершенно связала, однако надобно, чтобъ она, наконецъ, узнала что я за мужемъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЗАДОЛЬСКАЯ и ЛЮБУШКА.

ЛЮБУШКА (*входя*).

Какъ вы Бога не боитесь, тетушка, оставили меня одну, мнѣ и безъ того здѣсь очень скучно.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Чтожъ дѣлать, Любовь Александровна, что вамъ скучно, не воротиться же мнѣ для васъ опять въ Рязань, гдѣ вы веселились; не думайте скрыть отъ меня, я все знаю.

ЛЮБУШКА.

Что вы знаете?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Я знаю, что офицеръ Блесткинъ вамъ нравился.

ЛЮБУШКА.

Мнѣ нравился Блесткинъ? (*смѣется*) Помилуйте, тетушка, за что вы такъ мало думаете о моемъ вкусѣ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Полно, полно племянница, еслибъ онъ сдѣлалъ предложеніе, ты бы не отказала.

ЛЮБУШКА.

Конечно бы отказала.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Я тебѣ здѣсь найду жениха, мнѣ очень хвалили одного молодаго человѣка; дай срокъ, лишь бы мнѣ привести дѣла въ порядокъ, тебѣ не будетъ скучно.

ЛЮБУШКА.

Мы здѣсь долго пробудемъ?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

А гдѣ бы ты хотѣла жить?

ЛЮБУШКА.

Мнѣ все равно. Вы никого не намѣрены принимать?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Никого кромѣ одного человѣка, который у насъ часто будетъ.

ЛЮБУШКА *(радостно.)*.

Кромѣ одного — вѣрно молодаго?...

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Не стараго; онъ хлопочетъ здѣсь по моему дѣлу и потому всякой день будетъ приходить ко мнѣ съ отчетомъ.

ЛЮБУШКА.

Это вашъ повѣренный? хорошъ гость! *(вслухъ)*. Пусть ужъ хоть онъ ходитъ, а то здѣсь съ тоски умрешь.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Каковъ бы онъ ни былъ, прошу его полюбить, помни, что онъ дѣлаетъ большое одолженіе для твоей тетки.

ЛЮБУШКА.

Слушаю, тетушка.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Хоть безъ меня онъ не вначай
Придетъ, прими его.

ЛЮБУШКА.

Я знаю-съ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

И хорошенько обласкай.

ЛЮБУШКА.

Я постараюсь.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Мой стряпчій человѣкъ съ умомъ,
За это я тебѣ ручаюсь,
Вы не соскучитесь въ-двоемъ.

ЛЮБУШКА.

Я постараюсь.

(Обѣ уходятъ въ комнату съ правой стороны).

ЯВЛЕНІЕ 7.

(Слышно движеніе ключа въ средней двери).

МЕТАФОРИНЪ (одинъ, сапоги въ пыли, шляпа на головѣ, въ рукахъ узелокъ и палочка).

Ну какъ не взбѣситься; этого разбойника Егора никогда нѣтъ дома; когда дѣло идетъ о деньгахъ, такъ тутъ онъ первый; правда, я денегъ никому не платилъ,

за то занималъ у многихъ—это вѣдь одно и то же; ахъ какъ я усталъ, легко ли нынче я верстъ двадцать промололъ пѣшкомъ, (*садится*) послѣ двухъ недѣль отсутствія, не грѣхъ завернуть и на квартиру; нечего сказать, люблю свою комнату.

Здѣсь право есть гдѣ помѣститься,
Гостей къ себѣ я не зову,
На что мнѣ домомъ заводиться,
Когда я дома не живу?—
Весь день уступленъ мой веселью:
Поутру дружба напоитъ,
Тутъ съѣзжу къ тетушкамъ съ похмѣлья,
Потомъ обѣдаю въ кредитъ.

Нѣтъ трехъ рублевыхъ часто въ книжкѣ,
А вечеръ въ клубѣ провожу,
Смотрю спектакль тамъ—по афишкѣ,
И даромъ въ публикѣ сижу.
Поздно гдѣ нибудь у Хлои
Пью искрометное *Аи*,
Вдвоемъ и радости всѣ вдвое—
Вотъ всѣ занятія мои.

(*Снимаетъ шляпу и развязываетъ галстухъ*). Жизнь холостаго человѣка прекрасная, въ ней мнѣ особенно то нравится, что нѣтъ никакого жена; вздумалось побывать за городомъ, на примѣръ въ подмосковной, положилъ рубашку въ карманъ, дверь на замокъ и отправился себѣ; какъ одинъ-то живешь на квартирѣ, такъ ни кто не узнаетъ, что съѣздилъ пѣшкомъ, верстъ за двадцать. А что ни говори, батюшка мой человѣкъ умный; онъ хотѣлъ, чтобъ изъ меня что нибудь вышло, сначала воспитывалъ меня дома, никакая наука мнѣ не давалась, а учители терпѣли; одного изъ нихъ, я помнится, пришилъ къ кресламъ за то, что онъ вздумалъ преподавать мнѣ эстетику долѣе обыкновеннаго; пристроили меня въ университетъ, съ обѣщаніемъ, какъ скоро пройду курсъ, тотчасъ опредѣлить въ службу, моему отцу страхъ хотѣлось сдѣлать меня дипломатомъ; желаніе быть скорѣе на волѣ зажгло мое самолюбіе, въ четыре года я кончилъ курсъ, профессора остались мной довольными, а я ими, потому что съ тѣхъ поръ ихъ не вижу; занимаясь политическими науками, я пристрастился къ поэзіи и въ особенности къ драматической, сказалъ: я буду авторомъ, только не водевильнымъ, избави Боже! Кто ужъ нынче ихъ не кропаетъ. У насъ безграмотность, охотѣ писать не помѣха, пріятели пожалуй припишутъ и даровитость въ газетахъ, стоитъ съ ними покутить лишній разокъ у Печкина; нѣтъ, Богъ съ ними, съ пошлыми водевилями, я возьмусь за серьёзное, стану сочинять трагедіи: одна у меня ужъ и готова.

Въ союзъ я съ музами вступилъ,
Они сперва мнѣ были чужды,
И всѣ права переучилъ
Въ запасъ, на случай всякой нужды;
Предвидѣть должно все впередъ,
Когда мой геній изнеможетъ,
Такъ ужъ на службѣ въ свой чередъ,
Мнѣ право римское поможетъ.

Оно дурно, я сдѣлалъ долги, этому батюшка не обрадуется,—впрочемъ чтожъ такое! онъ утѣшится тѣмъ, что всякой долгъ есть пріобрѣтеніе кредита, который также чего нибудь стоитъ! къ статѣ о долгахъ, я не подумалъ о самомъ интересномъ, не заплатилъ еще долгъ природѣ, а сходить въ Всѣсвятское, въ оба конца пѣшкомъ, не бездѣлица. По неволѣ есть захочешь, и то сказать, какъ нѣтъ лишней-та поклажи (*разсматриваетъ пустую портфель*), не стоитъ и экипажъ нанимать. (*слышно, что отпираютъ среднюю дверь*). Кого Богъ даетъ! экая досада, я забылъ запереться, вѣрно кто нибудь изъ моихъ ревностныхъ посѣтителей со счетомъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

МЕТАФОРИНЪ и ПОСЛАННЫЙ (у него въ рукахъ узелъ и двѣ бутылки).

МЕТАФОРИНЪ, (*въ сторону*).

Возможно ли! не сонъ ли я вижу! онъ что-то принесъ.

ПОСЛАННЫЙ.

Вотъ вамъ, сударь, пирогъ и двѣ бутылки: лафитъ и шампанское.

МЕТАФОРИНЪ.

Какъ! это мнѣ?

ПОСЛАННЫЙ.

Да, вамъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Не ошибся ли ты?

ПОСЛАННЫЙ.

Нисколько, мнѣ приказано доставить въ охотномъ ряду, въ гостинницѣ Лондонъ, въ 11-мъ номерѣ.

МЕТАФОРИНЪ.

Да отъ кого? это сюда, ко мнѣ! Не понимаю, кто бы могъ прислать.

ПОСЛАННЫЙ.

Полноте, сударь, шутить, вѣдь вы сами приказывали купить пирогъ съ трюфлями, лучше этого врядъ ли гдѣ сыщете.

МЕТАФОРИНЪ.

Богъ убей меня, если я хоть что нибудь понимаю.

ПОСЛАННЫЙ.

Я свое дѣло сдѣлалъ, доставилъ, а за труды мнѣ брать не велѣно.

МЕТАФОРИНЪ.

О, на этотъ счетъ будь покоенъ.

ПОСЛАННЫЙ.

Все таки оно бы не мѣшало....

МЕТАФОРИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не проси (*въ сторону*), я ничего не дамъ, (*вслухъ*) надобно всегда въ точности исполнять порученія.

Ты согласись, любезный, самъ,
Менябъ рубль, два, не разорили,
Но для чего я деньги дамъ?...
Чтобы за нихъ тебя бранили.

ПОСЛАННЫЙ.

Ужъ это не ваша бѣда, сударь.

МЕТАФОРИНЪ.

Нѣтъ, какъ ты хочешь, не могу,
Я человѣкъ такого рода....
Къ томужъ услалъ сей часъ слугу, —
Унесъ и ключь онъ отъ комода.

ПОСЛАННЫЙ.

Стало быть и ждать нечего, прощайте, коли такъ.

МЕТАФОРИНЪ (*провожая его*).

Благодари какъ можно больше. (*Запираетъ за нимъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

МЕТАФОРИНЪ (одинъ).

Ужъ какъ кстатѣ этотъ пирогъ, да какой большой! кто бы это прислалъ? неужто та молодая актриса для бенефиса, которой я перевелъ мелодрамму? — больше некому быть; надобно правду сказать, пьэса этого пирога не стоила; чтобъ сдѣлать угодное его хозяйкѣ, я не поѣду нынче никуда, зачѣмъ искать обѣда, когда можно быть дома сыту, а между тѣмъ и время выиграно, можно будетъ заняться Демосфеномъ. За чѣмъ дѣло стало—примемся. (*ставитъ пирогъ и бутылки на столъ, приноситъ соль, приборъ, солфетку, и беретъ стаканы съ камина*).

О даръ питательный небесъ!
(*разрѣзываетъ пирогъ.*).
Онъ съ трюфлями мой благодѣтель!
Твоихъ поэзія чудесъ
Безмолвный нынѣ я свидѣтель.
Не тотько мысли для письма,
Обѣдъ мнѣ музы доставляютъ,
Когда по милости ихъ тьма
Другихъ поэтовъ голодаютъ!
(*Стучатся.*).

МЕТАФОРИНЪ.

Кто тамъ такой? Не еще ли пирогъ (*отпирастъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

МЕТАФОРИНЪ, ФУРЬЕ, ПОГРЕБЩИКЪ и ТАГЕДИБЪ.

МЕТАФОРИНЪ (*съ сторону*).

Ну такъ, я чувствовалъ, что эти злодѣи придутъ.

ФУРЬЕ.

Онъ дома, кафарнь я вамъ,

ТАГЕДИБЪ.

Отнакъ не кошетъ намъ платисся.

МЕТАФОРИНЪ.

Добро пожаловать; гостямъ
Я очень радъ, прошу садиться.

ФУРЬЕ.

Мы шасто прикадиль сюда,
Штопы отъ васъ о деньга сфедать.

МЕТАФОРИНЪ.

Объ этомъ послѣ, господа,
Прошу вина со мной отвѣдать. (*наливаетъ стаканъ*).

Заграничной разливки; что за букетъ, удивленье! (*погребщику*) эдакаго, братъ, нѣтъ у васъ въ погребѣ.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Есть у насъ, сударь, изъ красныхъ хорошія вины.

МЕТАФОРИНЪ (*наливаетъ стаканъ Тагедибу*).

Да не такое, не прикажешь ли, Мусьё?

ТАГЕДИБЪ.

Благодарствуй; мой ни за тѣмъ пришоль, мейнъ херъ, пять расъ на недель мой кади сюта изъ Прешистишка, штобъ полушить въ уплата толькъ на расписка, котора мейнъ херъ мнѣ дафаль.

МЕТАФОРИНЪ.

И полно, какъ тебѣ не стыдно, мусьё, скажитка мнѣ, здорова ли твоя супруга?

ТАГЕДИБЪ (*въ сторону*).

Деръ тейфель! больша ему нушда до мой шонъ! (*вслухъ*). Мой надѣйсъ, што полуши наконесъ отъ васъ деньга.

МЕТАФОРИНЪ.

Долгъ братъ не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, какъ будутъ деньги, всѣ вдругъ отдамъ; а много ли у тебя дѣтокъ?

ТАГЕДИБЪ (*съ сердцемъ*).

Пошалоста покидайте ваша шутка, мнѣ во всѣ забавляйся не время; деньга мнѣ укодна.

МЕТАФОРИНЪ.

Экой ты какой! вѣдь я ужъ тебѣ сказалъ, что получишь; какъ быть, возьми терпѣнье.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Чтожъ, батюшка, когда намъ заплатите недопмочку, хозяинъ велѣлъ принять 200 рублей съ вашей милости.

МЕТАФОРИНЪ.

Ну подождетъ, впередъ не будетъ отпускать кислаго вина.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Вотъ, сударь, какъ изволили брать, такъ хвалили, а теперь мы же стали виноваты.

МЕТАФОРИНЪ.

Скажи своему хозяину, что бутылки я ему назадъ пришлю.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Порожнихъ-то у насъ своихъ много.

МЕТАФОРИНЪ.

А на счотъ денегъ, чтобъ не прогнѣвался (*къ Фурбье*). Ты что, мусьё?

ФУРБЬЕ.

Я ошидантъ полушить отъ васъ сумма, котора по старомъ сшотъ осталься.

МЕТАФОРИНЪ.

Хорошъ братъ ты пріятель, на чорномъ реденготѣ поставилъ совсѣмъ гнилое сукно.

ФУРБЬЕ.

Не можна быть, сударь, я выбираль лучша аглинска сукна, у меня нѣтъ эта обыкновень, какъ въ другихъ портной, дѣлять изъ перекраска и брать больша барышь. C'est insuportable!

МЕТАФОРИНЪ.

Ну, ну не гнѣвайся! всѣ вы народъ честный! А сколько заплатилъ за домъ, Фурбье?

ФУРБЬЕ.

Извинитъ меня мосье, што я не катофъ входитъ въ дальна расговоръ. ... (*въ сторону*). Mais il a l'air de plaisanter!.. (*ему*) время мнѣ торокъ и всѣ шасы мои сошшитана.

МЕТАФОРИНЪ.

Да деньги-то твои не сочтены.

ФУРБЬЕ.

Эта ни нашто ни пакоша, другой кодъ я дошидайся; вы скашите мнѣ сутарь, когда вамъ платить не укодна, я подамъ ко взысканій. Mais ça n'a pas de fin. Я ошень знантъ, што у васъ есть деньга.

ТАГЕДИВЪ.

По крайней мѣръ, естъ мебель, мы што нибудъ полюшимъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Пожалуй хоть всю возьмите, мнѣ какое дѣло, въ гостинницѣ безъ мебели я не буду, впрочемъ чтобъ васъ совершенно успокоить, я жертвую тѣмъ, что для меня всего дороже, предаю вамъ моего Цицерона, ну довольны ли вы? Повѣрьте Богу, что дѣлаю это, скрѣпя сердце.

ФУРЬЕ.

На што мнѣ вашъ Сисеро, я шелаитъ полушить деньга.

ТАГЕДИБЪ.

Есъ нетъ абшейлихъ! мой плати работникъ, нанимай квартира, шиль вамъ сапаки, а мнѣ давайтъ книшка, деньга моя кошетъ и больше нишево.

МЕТАФОРИНЪ.

Что за безтолковые люди! продайте Цицерона.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Да что за него дадутъ?

ТАГЕДИБЪ (*товарищамъ*).

Мой знаитъ кдѣ золота прибуль водисъ, пошалайтъ сута на эта секретаръ.

МЕТАФОРИНЪ (*продолжая пить*).

Давно бы такъ; тутъ онъ и лежитъ, подлинно сказать что золото.

ТАГЕДИБЪ (*открывъ ящикъ, вынимаетъ пакетъ*).

Еге, ге, ге, вотъ она.

ФУРЬЕ (*тихо*).

Деньга! мраморна билетъ.

ПОГРЕБЩИКЪ.

А увѣряетъ, что ничего нѣтъ.

МЕТАФОРИНЪ (*продолжаетъ пить, не оборачиваясь къ нимъ*).

Не говорилъ ли я вамъ, что все заключается въ этой конторкѣ; видите ли, какъ я великодушенъ, я вамъ его уступаю, пользуйтесь безвозвратно, надѣюсь, что послѣ этого мы квитъ долгомъ.

ФУРЬЕ (*считая деньги*).

Сей шасъ, дайтъ намъ срокъ; я полуши четырестъ семдесятъ рубль, на ассигнасіонъ, вашъ мосьё Тагедибъ?...

ТАГЕДИБЪ.

Мени триста тридцать.

ФУРЬЕ.

Стала буть эта сдѣлайтъ восемьсотъ.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Моихъ двѣсти.

ФУРЬЕ.

Сдѣсь триста цѣлковой, пятнадцатъ цѣлковой я положи сдаши, исволитъ смотрѣтъ, а двѣсти восемьдесятъ пятъ мы раздѣлитъ между собой (*отдаетъ погребщику и Тагедибу деньги*). Вотъ вамъ ваша шасть; (*въ слухъ*) по этомъ мосьё, нашъ претансіонъ коншенъ, мы шестна расквитался и тамъ въ пакетъ остался еше довольна кредитна бильетъ.

ТАГЕДИВЪ.

Мой всё испрафно полуши и китансъ мейнъ херъ будитъ вамъ давайтъ, она приготовленъ. (*отдаетъ расписку*).

ПОГРЕБЩИКЪ.

Ай да мусье нѣмецъ! кабы не онъ, ничего бы мы не нашли.

ФУРЬЕ (*Метафорину*).

Расписка ваша рукъ изволтъ взятъ насадъ, я всекда каварилъ, вы сударь багатъ да скупа.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Вотъ вамъ и наша росписка.

МЕТАФОРИНЪ (*смотритъ на нихъ съ удивленіемъ*).

Какъ! что это значитъ? Вы мнѣ возвращаете росписки!... Могъ ли я ожидать, чтобы заимодавцы.... Правду сказать, это вамъ дѣлаетъ честь господа, (*сбираетъ и пересматриваетъ росписки*). Скажите пожалуста, г. Тагедибъ, вы любите литературу?

ТАГЕДИВЪ.

Што вашъ мейнъ херъ насывайтъ литературъ?

МЕТАФОРИНЪ.

Я считаю васъ человѣкомъ образованнымъ, потому что вы знаете цѣну моему произведенію.

ТАГЕДИВЪ.

О вашъ прафда, я знай карашо оцѣнка и расшотъ, особенна когда билетъ сотенна крѣпка и карошъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Бумага лучшая и чотко писано, о поэмѣ нечего и говорить, въ ней заключалась вся моя движимость, но по счастью, я не совсѣмъ истощился, у меня есть еще кой что въ запасѣ.

ФУРЬЕ.

Эта мы видилъ, мосье, тамъ осталься есшо точна така сумма въ пакетъ. Мы шестна шеловѣкъ, намъ нишево ваша не нада. Што вамъ будитъ впередъ укодна, я катофъ мосье къ вашъ услукъ.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Присылайте, сударь, за виномъ въ нашъ погребъ, диковиннаго шампанскаго отпустимъ.

ТАГЕДИВЪ.

Если вашъ мейнъ херъ исфолитъ прикасайтъ, мой станетъ цѣла годъ шить вашъ сапошка и башмашка въ кредитъ.

МЕТАФОРИНЪ (*въ удивленіи*).

Что это значитъ! истинно не понимаю! О вдохновенный Цицеронъ! воззри на сихъ новыхъ Катилинъ, порабощенныхъ силою твоего краснорѣчія!

ФУРБЬЕ.

Не можна вѣрьте, мнѣ, сравнайтъ,
Нашъ дружба съ знатна каспадами,
Ихъ нужна конесансъ искайтъ,
А кредиторы сынмутъ сами.
Быть должна барину у насъ,
Софи имѣетъ агременты,
Мы въ годъ беремъ лишь только расъ,
По тридцать маленьки просенты.

МЕТАФОРИНЪ.

И всего одинъ разъ въ годъ? Это не много (*Фурбье*). Мнѣ нуженъ будетъ мусьё новый фракъ, какой нибудь цвѣтной для гулянья, разумѣется, все къ нему принадлежащее, только смотри, уговоръ лучше денегъ, пить изъ лучшаго сукна, потомъ ты мнѣ сошьешь шлафорокъ, въ немъ я стану дома заниматься (*Тагедибу*). До тебя, мейнъ херъ, очередь дойдетъ въ свое время (*погребщику*). Ты, братецъ, ступай домой и скажи своему хозяину, чтобъ прислалъ чрезъ часъ полъ-дюжины шампанскаго; я думаю этого довольно, чтобъ угостить двухъ искреннихъ друзей; да зайди ужъ по дорогѣ къ Вертушкину и Шапкому, зови ихъ сюда ужинать.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Ладно, сударь, ладно.

ФУРБЬЕ.

Прошайтъ, мосьё.

ТАГЕДИБЪ.

До перва слушай, мейнъ херъ, мой вашъ слука останется (*Всѣ трое уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

МЕТАФОРИНЪ (одинъ).

Право, мнѣ кажется, это сонъ! вотъ что значитъ занимать и самому заниматься! Я нынче троихъ успокоилъ, еще бы тысячъ пять, шесть и со всѣми бы расквитался. Теперь я вижу, что всего прибыльнѣе выводить великихъ людей на сцену.

Ты въ Римѣ, Цицеронъ, привыкъ
Всѣхъ гражданъ управлять умами,
Ктобъ думать могъ, чтобъ твой языкъ
Имѣлъ тужъ силу надъ жидами!
Успѣхъ ораторовъ большихъ,
Писать кого такъ прихотитъ,
Окончу Демосфена вмигъ,
Авось онъ весь мой долгъ заплатитъ.

(*Садится и пишетъ*).

П. Баркова. М. Пакова 2.

19

ЯВЛЕНІЕ 12.

МЕТАФОРИНЪ и ЕГОРЪ.

ЕГОРЪ *(входя)*.

Что я вижу?

МЕТАФОРИНЪ, *(пишетъ)*.

Что ты видишь?—меня.

ЕГОРЪ.

Знаю, сударь, но какъ это вы такъ подкрались, что я васъ не замѣтилъ?

МЕТАФОРИНЪ.

Не мудрено, братецъ; Богъ тебя знаетъ, гдѣ ты шатаешься, я усталъ, тебя искавши.

ЕГОРЪ, *(въ замышательствѣ)*.

Вы меня искали?... Я полагалъ.... хозяинъ мой.... *(въ сторону)* Что я надѣлалъ! Какъ ему сказать. *(вслухъ)* Вчерашній день вышелъ срокъ вашей квартиръ.

МЕТАФОРИНЪ.

Чтожъ такое? Я вѣдь тебѣ отдалъ за мѣсяцъ впередъ.

ЕГОРЪ.

Помню, сударь, помню; пожалуйте говорите тише, сосѣди ваши.... я право боюсь.... изволите видѣть, полагая, что вы послѣ срока отъ насъ переѣдете *(въ сторону)*. Ну, заварилъ я кашу.

МЕТАФОРИНЪ.

Кто это тебѣ сказалъ; квартира мнѣ нравится и я не вижу причины ее оставить.

ЕГОРЪ.

Позвольте-жъ вамъ доложить.

За мѣсяцъ деньги съ васъ впередъ
Я получилъ, сударь, исправно,
Но вотъ въ чемъ состоитъ мой счотъ—
Еще три кончились недавно.

МЕТАФОРИНЪ.

Много ждалъ, подожди еще недѣлю.

ЕГОРЪ.

Съ Апрѣля перваго я жду—
Ужъ не одна прошла недѣля,
И сколько дней ни есть въ году,
У васъ все первое Апрѣля.

МЕТАФОРИНЪ.

Впрочемъ, я пожалуй переѣду, мнѣ всюду рады, только не сего дня, потому что у меня кой кто будетъ ужинать.

ЕГОРЪ (*въ сторону*).

Онъ гостей къ себѣ назвалъ, вотъ тебѣ разъ! (*вслухъ*). Стало быть съ завтрашняго дня.

МЕТАФОРИНЪ.

Вѣдь сказалъ, что выѣду, какой ты неотвязный. (*смѣется*). Да что съ тобой сдѣлалось? Я примѣчаю въ тебѣ большую перемѣну; что за измятая рожа! ужъ не поколотилъ ли тебя кто?

ЕГОРЪ.

Нѣтъ, сударь, а со мной встрѣтилось странное обстоятельство, лишь вы ушли, сюда явилась та знакомая дама вашего батюшки, которой вы нѣсколько разъ отказывали.

МЕТАФОРИНЪ.

Какъ! она все еще здѣсь? Я считалъ, что ужъ она давно уѣхала, экая у батюшки привычка, всѣхъ возможныхъ Пошехонскихъ барынь адресуетъ ко мнѣ, какъ будто я обязанъ обдѣлывать ихъ дѣла, что я за стряпчій! сказалъ ли ты ей, что я въ деревнѣ?

ЕГОРЪ.

Говорилъ, сударь, но видно она отъ кого нибудь слышала, что вы нынче будете назадъ и поселилась здѣсь подлѣ съ своей племянницей, она непремѣнно хочетъ васъ дождаться.

МЕТАФОРИНЪ.

Долго же ей меня ждать; у этой видно кровная до меня нужда, ай да батюшка! Уйти поскорѣе. (*завязываетъ галстухъ*). Пожалуста, Егоръ, попроворь насчетъ ужина, такъ что нибудь, на три персоны, и полно; надобно же тебѣ въ послѣдній разъ меня потѣшить, самъ отслужу.

ЕГОРЪ.

Еслижъ, сударь, хозяинъ спроситъ деньги.

МЕТАФОРИНЪ.

Помилуй, братецъ! не ужели я не заплачу?

ЕГОРЪ.

Хорошо-съ (*въ сторону*), куда этотъ ужинъ мнѣ тяжелъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Дай-ка сюда шляпу, боюсь я, чтобъ эта барыня меня не застала (*хочетъ идти*).

ЕГОРЪ, (*въ сторону*).

А я вдвое того.

ЯВЛЕНІЕ 13.

ПРЕЖНІЕ и ЛЮБУШКА.

ЛЮБУШКА (*затворяетъ за собою дверь*)

Слушаю, тетушка, я ей часъ приду.

МЕТАФОРИНЪ (*на сторонѣ, манитъ къ себѣ Егора*).

Это что еще?... Егоръ, Егоръ, глухой, тебѣ говорятъ, поди сюда.

ЕГОРЪ (*въ сторону*).

Опять остался.

МЕТАФОРИНЪ (*подходитъ къ Любушкѣ*).

Позвольте васъ спросить, сударыня, не вы ли живете здѣсь подлѣ съ тетушкою.

ЛЮБУШКА.

Мы, сударь, (*въ сторону*) ахъ Боже мой! я бы ни какъ не воображала, чтобъ онъ.... (*вслухъ*) Какъ сударь! это васъ тетушка ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, я сей часъ ей скажу.

МЕТАФОРИНЪ.

Подождите, сударыня, я прошу васъ, одно слово....

ЕГОРЪ (*въ сторону*).

Неужто они прежде были знакомы; стало быть, я не ошибся, что свелъ ихъ вмѣстѣ.

МЕТАФОРИНЪ.

Егоръ, поди вонъ.

ЕГОРЪ.

Вы приказываете?...

МЕТАФОРИНЪ.

Ступай, когда тебѣ говорятъ.

ЕГОРЪ, (*отходя въ сторону*).

Ничего не понимаю.... Да мнѣ и дѣла нѣтъ, пусть они разсчитываются, какъ хотятъ.

ЯВЛЕНІЕ 14.

МЕТАФОРИНЪ и ЛЮБУШКА.

МЕТАФОРИНЪ.

Могъ ли я когда нибудь ожидать такого счастія!

ЛЮБУШКА.

Признаюсь вамъ, сударь, я и сама не полагала, чтобъ дѣла тетушкины были вамъ поручены.

МЕТАФОРИНЪ (*кладетъ шляпу*).

Мой долгъ будетъ, заслуживать ея довѣренность.

ЛЮБУШКА.

Вы ужъ ее заслужили; еслибъ вы знали, какихъ она объ васъ мыслей, тетушка васъ душевно почитаетъ; знаете ли, она безъ особеннаго удовольствія говорить не можетъ объ вашихъ рѣдкихъ способностяхъ?

МЕТАФОРИНЪ (*въ сторону*).

Это ужъ чрезъ чуръ! За что вдругъ такая похвала? (*вслухъ*) Могу ли я надѣяться, что вы, сударыня, въ нѣкоторомъ отношеніи, согласны съ вашею тетушкою.

ЛЮБУШКА.

Я должна быть согласна.

МЕТАФОРИНЪ.

Почему же?

ЛЮБУШКА.

Потому что тетушка приказала мнѣ обходиться съ вами какъ съ короткимъ ея знакомымъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ! какъ это мило съ ея стороны.

Столь не ожиданный приказъ
Достоинъ точно удивленья,
Желалъ бы я узнать отъ васъ,
Какого вы объ этомъ мнѣнья?

ЛЮБУШКА.

Я право не причиной въ томъ,
И вамъ должна, сударь, признаться,
Что тетушкѣ моей во всемъ
Принуждена повиноваться.

Она же всѣмъ твердитъ одно:
«Я друга въ немъ себѣ сыскала»!
И строго мнѣ подтверждено,
Чтобъ я во всемъ вамъ угождала.

МЕТАФОРИНЪ.

Могу ли послѣ сихъ рѣчей
Хоть вашей дружбою ласкаться?
(*цѣлуетъ у ней руку*).

ЛЮБУШКА.

Конечно, тетушкѣ моей
Мнѣ долгъ велитъ повиноваться.

МЕТАФОРИНЪ.

Стало быть, вы мнѣ позволите любить васъ, признаться вамъ въ моей страсти.

ЛЮБУШКА.

Почемуже-съ, если тетушка приказываетъ; но вы позабыли, что она васъ дожидается.

МЕТАФОРИНЪ.

Ахъ! дайте мнѣ продлить эту блаженную минуту, вспомните, сударыня, что когда я займусь дѣломъ съ вашею тетушкою.... скажите пожалуста, гдѣ она думаетъ провести вечеръ?

ЛЮБУШКА.

Я полагаю, что у себя; она ужинаетъ дома.

МЕТАФОРИНЪ.

И можетъ быть, расположится ужинать въ этой комнатѣ.

ЛЮБУШКА.

Можетъ быть.

МЕТАФОРИНЪ.

Куда бы хорошо; знаете ли, я этому очень радъ (*въ сторону*). Тѣмъ больше нынче, когда хозяинъ кормитъ меня въ долгъ (*ударивъ себя въ голову*). Ахъ Боже мой! Я совсѣмъ забылъ объ двухъ повѣсахъ, которыхъ я велѣлъ пригласить къ ужину, надобно имъ отказать. (*Любушкѣ*) Могу васъ увѣрить, сударыня, что радость.... восхищеніе.... однимъ словомъ: я счастливѣйшій изъ смертныхъ; Бога ради извините меня предъ вашей тетушкою, что я такъ невѣжливъ, чрезъ двѣ минуты я назадъ явлюсь, представлюсь ей, и такъ до свиданія! (*беретъ шляпу и поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

ЛЮБУШКА, потомъ ЗАДОЛЬСКАЯ.

ЛЮБУШКА.

Что съ нимъ сдѣлалось?... Куда онъ побѣжалъ? (*кличитъ въ дверь къ Задольской*) Тетушка! тетушка! вы ничего не знаете; пожалуйте сюда.

ЗАДОЛЬСКАЯ (*выходитъ*).

Ну, что такое?

ЛЮБУШКА.

Вашъ знакомый сей часъ былъ здѣсь.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Какъ! неужто онъ обо мнѣ не спросилъ?

ЛЮБУШКА.

Спрашивалъ, но мнѣ кажется, онъ немножко.... жаль право.... голова его.... какъ бы вамъ сказать....

ЗАДОЛЬСКАЯ (*съ досадою*).

Что это значитъ, сударыня! что вы мнѣ хотите говорить объ его головѣ?

ЛЮБУШКА.

А вотъ что-съ, онъ говорилъ все, какъ слѣдуетъ, и когда я ему сказала, что вы будете ужинать въ этой комнатѣ, онъ схватилъ свою шляпу и бросился вонъ какъ сумасшедшій, обѣщалъ однакожъ со мною увидѣться.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Вѣрно онъ что нибудь забылъ, ну признайся, Любушка, какъ ты его нашла?

ЛЮБУШКА.

Ахъ, тетушка!... Я не смѣю вамъ открыться, я нашла его нынче гораздо милѣе и любезнѣе, чѣмъ когда нибудь.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Какъ это! стало быть ты прежде имѣла опыты его любезности.

ЛЮБУШКА.

Разумѣется-съ, я боюсь, чтобъ вы на меня не разсердились, если я вамъ скажу всю правду.

ЗАДОЛЬСКАЯ (*въ сторону*).

Я очень любопытна знать. (*вслухъ*) За что мнѣ сердиться; говори, милая, говори.

ЛЮБУШКА.

Не полагайте, тетушка, чтобъ съ моей стороны была къ нему страсть напрасная, онъ самъ сказалъ, что я мила и что онъ меня любитъ.

Въ моемъ короткомъ объясненьѣ
Сегодня, при свиданьи съ нимъ,
Знакомый вашъ привелъ въ смущенье
Меня вопросомъ пресмѣшнымъ:
«Во всемъ ли я на васъ похожа?
«Не равнодушна ли къ нему?...
«Васъ любитъ тетушка, я то же».
Вотъ все что сказано ему.
Что-жъ? онъ довольнымъ не остался
И отъ признанья моего,
И очень долго дожидался
Еще въ награду кой чего.
Стыда въ немъ право нѣтъ нисколько.
Не вѣритъ другъ вашъ ничему,
Я руку цѣловать,—вотъ только
Все, что позволила ему.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Онъ открывался тебѣ въ любви, цѣловалъ у тебя руку... (*въ сторону*) ай да муженёкъ! (*вслухъ*) Но съ чѣмъ это сообразно, что ты, которую онъ едва знаетъ ...

ЛЮБУШКА.

Что-жъ, тетушка, онъ меня знаетъ не меньше васъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Какъ это?

ЛЮБУШКА.

Также-съ, вы, я думаю, помните, я вамъ объ немъ говорила; это дѣло давно началось

ЗАДОЛЬСКАЯ (*въ сторону*).

Онъ ее прежде зналъ, прекрасно, Ѳедоръ Петровичъ! прекрасно; (*вслухъ*) по этому онъ видѣлъ тебя у меня въ домѣ?

ЛЮБУШКА.

Быть можетъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Прошу меня оставить, сударыня.

ЛЮБУШКА.

Ну вотъ и разсердились.

ЗАДОЛЬСКАЯ (*повелительно*).

Оставьте меня, говорю вамъ, Любовь Александровна, ступайте въ ту комнату.

ЛЮБУШКА.

Иду, тетушка, иду; да онъ придетъ къ вамъ, какъ вы думаете? Не понимаю, за что вы сердитесь.

ЯВЛЕНІЕ 16.

ЗАДОЛЬСКАЯ (одна).

Прошу покорно! послѣ этого, есть ли человѣкъ въ свѣтѣ, на котораго можно было положиться? Кто бы могъ подумать, чтобъ мужъ мой, котораго я считала человѣкомъ солиднымъ, могъ отважиться.... Но я право плохо этому вѣрю.

ЯВЛЕНІЕ 17.

ЗАДОЛЬСКАЯ, ЕГОРЪ и ДВОЕ СЛУГЪ приносятъ корзину съ приборами и свѣчу.

ЕГОРЪ.

А, вы здѣсь, сударыня. (*въ сторону*) Ну такъ и есть, они давно знакомы, а можетъ быть еще и родня. (*вслухъ*) Позвольте васъ спросить, въ отсутствіи хозяина вы занимаете его мѣсто?

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Натурально, что тебѣ надобно?

ЕГОРЪ.

Мы хотимъ накрывать столъ, я думаю, баринъ скоро воротится.

ЗАДОДЬСКАЯ.

Какъ! развѣ онъ приказывалъ ужинъ?

ЕГОРЪ.

Приказалъ-съ для двухъ пріятелей, я полагаю, что вы будете ихъ угощать.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Два пріятеля? въ этотъ часъ! это ни на что не похоже; онъ съ ума сошелъ; не ошибся ли ты?

ЕГОРЪ.

Нисколько не ошибаюсь, Павелъ Дмитріевичъ Метафоринъ мнѣ самъ приказывалъ. (*слуги накрывъ на столъ уходятъ*).

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Что за Метафоринъ? что за Павелъ Дмитричъ? Развѣ Задольской Ѳедоръ Петровичъ.

ЕГОРЪ.

Задольской что ли онъ, я право не знаю, мѣсяцъ назадъ онъ назывался Метафоринымъ, такъ у насъ и въ книгѣ записано, но это все равно, пусть его будетъ, чѣмъ ему угодно.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Это для меня загадка! (*въ сторону*) такъ-то вы батюшка Ѳедоръ Петровичъ куралесите, развѣ онъ прежде жилъ здѣсь подъ чужимъ именемъ?

ЕГОРЪ.

Жилъ, сударыня, что-жъ это васъ такъ удивляетъ, онъ ужъ пятый мѣсяцъ у насъ живетъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Скажи пожалуста.... (*въ сторону*) нѣтъ, лучше скрою свою досаду и уличу притворщика. (*вслухъ*) Часто у него бываютъ гости?

ЕГОРЪ.

Случается, друзья не оставляютъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Даетъ онъ праздники друзьямъ?

ЕГОРЪ.

Однихъ короткихъ угощаетъ.
А если молвить правду вамъ,
Самъ чаще у друзей бываетъ.
Да не возможно иногда,
Ему вѣдь вся Москва знакома,
Для кредиторовъ никогда,
Ужъ просто не бываетъ дома.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Для какихъ кредиторовъ? Развѣ онъ кому нибудь долженъ?

ЕГОРЪ.

Есть тотъ грѣхъ, и деньгами иногда занимаетъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Онъ нуждается въ деньгахъ?

ЕГОРЪ.

И частенько, сударыня, по кажется, что теперь хочетъ остепениться, да я и не дивлось; прекрасная племянница ваша, съ которой онъ цѣлый часъ разговаривалъ, хоть кого разуму научитъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Хорошо, ступай (*Егоръ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18.

ЗАДОЛЬСКАЯ (одна).

Я вижу его постоянство! о теперь нѣтъ никакого сомнѣнія.

Какъ въ людяхъ обмануться можно!
Въ супружествѣ страшася бѣдъ,
Я вышла за мужъ осторожно,
За человѣка среднихъ лѣтъ;
Зло всякаго бываетъ рода;
Но мужъ есть самый злой удѣлъ,
Который въ пятьдесятъ два года
Перебѣситься не успѣлъ.

Нечего дѣлать, придется во всемъ открыться племянницѣ, надобно ее вразумить, что этотъ наглый, скрытный человѣкъ, который хотѣлъ ее обольстить, былъ мой мужъ; о, я не пощажу его, выведу его на свѣжую воду, отплачу ему за всѣ проказы! (*беретъ со стола свѣчу и уходитъ въ боковую комнату; на сценѣ совсѣмъ темно*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

МЕТАФОРИНЪ ведетъ ЗАДОЛЬСКАГО за руку.

ЗАДОЛЬСКОЙ (*за кулисами*).

Какъ это они здѣсь фонаря не зажгутъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Берегитесь, порогъ, порогъ! Ну теперь ступайте смѣло, есть тотъ грѣхъ, что темно, но я и въ темнотѣ умѣю ходить по этой лѣстницѣ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Очень вамъ благодаренъ, сударь, а я съ непривычки совсѣмъ было заплутался въ корридорѣ и одинъ бы никакъ не попалъ на свою квартиру.

МЕТАФОРИНЪ *(съ сторону).*

Это забавно; онъ думаетъ, что онъ у себя. *(вслухъ)* Я вамъ сказалъ, что вторая дверь на право мой нумеръ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Пожалуйте, вторая дверь на право отъ подъѣзда, да это моя квартира.

МЕТАФОРИНЪ.

То-то и есть, сударь, что не ваша, извините меня, что я васъ принимаю въ потьмахъ, я сей часъ зажгу огонь.

ЗАДОЛЬСКОЙ *(въ сторону).*

Неужто я не дома? Кой чортъ! да гдѣ жъ мой-то квартира?

МЕТАФОРИНЪ.

Куда дѣвался ящикъ съ зажигательными спичками?

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Не безпокойтесь, сударь, я найду себѣ стулъ. *(подвигаясь впередъ, встрѣчаетъ столъ).* Что за пропасть! да здѣсь столъ накрытъ.

МЕТАФОРИНЪ *(въ сторону).*

Скоро же они повернулись. *(вслухъ).* Я надѣюсь, что вы не откажетесь.... а, на силу-та нашлась пропажа. *(отбросивъ нѣсколько спичекъ, добываетъ огонь)* Я васъ буду угощать по холостому, чѣмъ Богъ послалъ, я вамъ забылъ сказать, у меня ужинаютъ двѣ дамы, они живутъ здѣсь стѣна объ стѣну.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Чего же лучше *(въ сторону)*; что-то дѣлаютъ теперь мои дамы?

МЕТАФОРИНЪ *(зажигаетъ свѣчу.*

Ну, милости прошу садиться.

ЗАДОЛЬСКОЙ *(взглянувъ вокругъ себя).*

Ахъ Боже мой!

МЕТАФОРИНЪ.

Что вы? Что съ вами сдѣлалось?

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Ничего, сударь, ничего, мнѣ показалось.... отраженіе отъ свѣта ... *(въ сторону)* Неужто я и теперь ошибаюсь?

МЕТАФОРИНЪ.

Чтожъ вы не садитесь; перестаньте со мною чиниться, будьте какъ дома. (*снимаетъ шляпу и сюртукъ, и надѣваетъ халатъ*).

ЗАДОЛЬСКОЙ (*въ сторону*).

Да кто изъ насъ дома? ей, ей, не понимаю, что это значитъ?... (*ему*) Такъ это ваша, сударь, квартира?

МЕТАФОРИНЪ.

Какъ вы видите.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Стало быть вы здѣсь и почуете.

МЕТАФОРИНЪ.

Разумѣется; что за вопросъ! Не посереди же улицы мнѣ расположиться, это прилично однѣмъ душамъ чувствительнымъ, а моя холоднаго свойства; однако жъ знаете ли, я примѣчаю въ васъ большую перемѣну.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Признаюсь вамъ, что неожиданность.... удивленіе. (*въ сторону*) Чего же? я не слѣпъ, квартира моя, есть тутъ штуки.

МЕТАФОРИНЪ.

Добро, мы это поправимъ за ужиномъ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Но развѣ эти дамы не будутъ, о которыхъ вы мнѣ говорили?

МЕТАФОРИНЪ.

Ага, сударь, они васъ интересуютъ, имѣйте терпѣніе, сей часъ явятся.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Я не думалъ быть ревнивымъ, но чортъ возьми; (*вслухъ*) скажите пожалуйста, эти дамы хорошо съ вами знакомы?

МЕТАФОРИНЪ.

Вы слишкомъ любопытны, но скромность въ сторону; вамъ довѣриться можно, вы, я, вижу человѣкъ съ правилами, я не могу жаловаться на ихъ жестокость; если же вы хотите увѣриться, въ какомъ отношеніи онѣ со мною, вы можете подслушать нашъ разговоръ, гдѣ бы вамъ спрятаться? у меня на ту пору нѣтъ ни гостиной, ни передней.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Да чего же лучше;—за ширмы, если вы позволите.

МЕТАФОРИНЪ.

И то дѣло, ступайте же за ширмы, кто-то идетъ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Это врядъ ли съ кѣмъ случалось, чтобы дома прятаться отъ жены! (*прячется*).

ЯВЛЕНІЕ 20.

МЕТАФОРИНЪ, ЛЮБУШКА И ЗАДОЛЬСКОЙ (за ширмами).

МЕТАФОРИНЪ.

Ну что, сударыня, извинила ли меня ваша тетушка?

ЛЮБУШКА (*съ сердцемъ*).

Она сама хочетъ съ вами объясниться.

МЕТАФОРИНЪ.

За что вдругъ такой гнѣвъ? Что за тонъ! скажите ради Бога.

ЛЮБУШКА.

Тонъ для всѣхъ у меня одинъ, тетушка поручила мнѣ вамъ сказать, что она не очень здорова и располагается ужинать у себя въ комнатѣ.

ЗАДОЛЬСКОЙ (*кашляетъ*).

Гмъ, гмъ!

МЕТАФОРИНЪ.

Какъ ей будетъ угодно; но объясните мнѣ пожалуйста, что значитъ эта перемѣна вашего со мною обращенія? Я, который воображалъ провести съ вами счастливые полъ-часа за столомъ и даже хотѣлъ просить у васъ позволеніе пригласить одного изъ моихъ знакомыхъ.

ЛЮБУШКА.

Тетушка не расположена никого принимать, кромѣ васъ.

ЗАДОЛЬСКОЙ (*выглядываетъ*).

Ай да тетушка!

МЕТАФОРИНЪ.

Какъ съ этимъ быть теперь!

ЛЮБУШКА.

Она васъ проситъ, чтобы вы отказали двумъ пріятелямъ, которыхъ вы пригласили къ ужину.

МЕТАФОРИНЪ.

Ахъ Боже мой! ужъ не за это ли вы сердитесь?

ЛЮБУШКА.

Я все, сударь, знаю, тетушка мнѣ все сказала, даже знаю и то, что вы въ весьма близкомъ сношеніи съ нею.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Негодница!

МЕТАФОРИНЪ.

Мои сношенія съ нею!... Они весьма натуральны, вы меня вынуждаете, сударыня, дѣлать болѣе, чѣмъ бы я хотѣлъ, я сей часъ объяснюсь съ вашею тетушкою.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Нѣтъ это ужъ черезъ чуръ. (*роняетъ ширмы*) Вы забыли, милостивый государь, что вы меня спрятали.

ЛЮБУШКА (*убѣгаетъ въ боковую комнату*).

Ахъ!

МЕТАФОРИНЪ.

Вы право мнѣ, сударь, смѣшны;

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Нѣтъ не смѣшно, мнѣ это больно.
Итакъ по милости жены
Я нынче вытерпѣлъ довольно.

ЯВЛЕНІЕ 21.

Прежніе, ЗАДОЛЬСКАЯ, ЛЮБУШКА и ЕГОРЪ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Что здѣсь за шумъ такой? Мой мужъ!

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Дивиться много тутъ чему жъ?

ЕГОРЪ. Какъ мужъ ся?... вообразите!
ЛЮБУШКА. И этотъ мужъ! вообразите!

ЛЮБУШКА.

Да сколько ихъ у васъ? скажите.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Вы, сударь, заставили меня дивиться вашему безстыдству; съ чѣмъ это сообразно, чтобы человѣкъ женатый, въ ваши лѣта, волочился за молодой дѣвушкою? вы думаете, что я не знаю вашихъ проказъ, я все, сударь, слышала, знаю и то, что вы назвали друзей къ ужину; (*Метафорину*) не прогнѣвайтесь, милостивый государь!

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Что ты, матушка, въ своемъ ли ты умѣ, помилосердуй! Я никого не звалъ, воротился домой одинъ и сижу, какъ ты видишь, дома.

МЕТАФОРИНЪ.

Нѣтъ, сударь, вы не дома, а у меня въ гостяхъ.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Помилуйте! съ чѣмъ это схоже?
Квартиру съ нынѣшняго дня
Я эту нанялъ, и чегоже?
Онъ деньги получилъ съ меня.

МЕТАФОРИНЪ.

Такъ взялъ онъ за квартиру въ-двое.
Ужъ видно по глазамъ, что плутъ!
(*Егору*).
Да развѣ гдѣ въ одномъ покоѣ
Два постояльца вдругъ живутъ?

ЕГОРЪ.

Оно конечно тѣсновато.

ЗАДОЛЬСКОЙ и МЕТАФОРИНЪ. (*держатъ Егора за воротникъ*).

Нѣтъ! ты намъ прежде отвѣчай!

ЕГОРЪ.

Сама судьба въ томъ виновата,
Случилось это не взначай.
О полѣ мы жильцовъ радѣемъ,
Я васъ обоихъ полюбя,
Отвелъ вамъ комнату обоимъ,
И вы здѣсь оба у себя.

МЕТАФОРИНЪ.

За то люблю, что онъ же и правъ; извините меня, сударь, въ моей невѣжливости, а чтобъ увѣрить васъ, что я не имѣлъ никогда намѣренія разстроить вашу семейную связь, а напротивъ хочу ее поддержать, я прошу васъ, и васъ, сударыня, соединить меня съ вашей прекрасной племянницей; сколько я могъ замѣтить, я ей не противенъ, себя хвалить стыдно; но все таки не мѣшаетъ, если я вамъ скажу изъ своей родословной, что я Павелъ Дмитричь Метафоринъ сынъ богатаго отца, хорошей фамиліи, въ предметѣ у меня многое и на счету у многихъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Какъ вы скоры! эти дѣла такъ не дѣлаются, надобно сперва узнать, освѣдомиться.... Какъ ты думаешь, Любушка?

ЛЮБУШКА.

Я что думала, тетушка, все вамъ сказала.

ЯВЛЕНІЕ 22 и послѣднее.

ПРЕЖНІЕ и ПОГРЕБЩИКЪ (съ корзинкою).

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Это что такое?

МЕТАФОРИНЪ.

Шампанское.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Для чего?

МЕТАФОРИНЪ.

Пить здоровье невѣсты, если состоится моя помолвка. (*Задольскому, который смѣется*) Что вы смѣетесь? вѣдь надо же приготовить.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Позвольте, Павелъ Дмитричь....

МЕТАФОРИНЪ.

Извольте. (*погребщику*) Ну что вытаращилъ глаза?—поставь.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Дѣло теперь объяснилось; (*Егору*) вѣдь ты мнѣ давича говорилъ о долгахъ и кредиторахъ Павла Дмитрича Метафорина?

ЕГОРЪ (*стушевъ*).

Я, сударыня?... Мнѣ помнится.... я ничего не говорилъ.

МЕТАФОРИНЪ.

Вотъ какъ добродѣтель всегда бываетъ оклеветана, посмотрите сами, (*показываетъ ей росписки*) всѣ возвращены съ надписью.

ПОГРЕБЩИКЪ.

Тутъ одна и наша есть.

МЕТАФОРИНЪ.

Ну что жъ такое. Вѣдь всѣ заплачены?

ПОГРЕБЩИКЪ.

Какъ же, сударь, давича при васъ мусье нѣмецъ вынулъ и роздалъ триста цѣлковыхъ изъ комода.

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Да это мои деньги! я положилъ въ конторку въ первый ящикъ 600 руб. кредитными билетами.

МЕТАФОРИНЪ (*радостно*).

Стало быть мой Цицеронъ дома! радуюсь. (*Задольскому*) Для меня весьма пріятно быть вамъ должнымъ.

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Извините, эти деньги мои, я ихъ подарила Любушкѣ на серги.

ЛЮБУШКА.

Ахъ, тетушка! Какъ я вамъ благодарна.

МЕТАФОРИНЪ.

Какъ, сударыня! это все таки вы мнѣ покровительствуете, выдаете за меня свою племянницу и даете ей на свадьбу! (*Егору и погребщику*) видите ли, я и приданымъ акуратно расплачиваю долги, (*Г-ну и Г-жѣ Задольскимъ*) надѣюсь, что такое благоразумное распоряженіе можетъ вамъ ручаться за будущее.

Водевиль.

ЕГОРЪ.

Чтобы избавиться бѣды,
По моему, лгать надо смѣло,
Сухой я вышелъ изъ воды,
Какъ будто не мое и дѣло.
Да и женецъ нашъ прелихой,
Какъ смастерилъ онъ это тайно,
Пусть попытается другой
Жениться съ долгомъ такъ случайно!...

ЗАДОЛЬСКАЯ.

Вѣдеркинъ ближній нашъ сосѣдъ,
Былъ человѣкъ весьма ничтожный,
Сиялъ откупъ и трудясь,—въ семь лѣтъ
Разбогатѣлъ, какъ только можно;
И вышелъ въ люди, сталъ рѣчистъ,
Хоть глупъ, но важенъ чрезвычайно,
Играетъ съ знатными все въ вистъ;
Вотъ какъ приходитъ честь случайно!

ЗАДОЛЬСКОЙ.

Съ ума сходилъ Клеонинъ о томъ,
Что не цѣнятъ его заслугу,
Но такъ какъ случай есть во всемъ,
Онъ взялъ красавицу супругу;
Изъ состраданья къ ней, помочь
Друзья ему спѣшили тайно

И въ годъ онъ мѣсто, чинъ и дочь
Все пріобрѣлъ себѣ случайно.

МЕТАФОРИНЪ.

За чѣмъ мнѣ тратить много словъ?
Тотъ вѣкъ не встрѣтится со скукой,
Кому и музы и любовь
За счастье могутъ быть порукой.
(Любушкѣ).
На жертву все вамъ г чу.

ЛЮБУШКА.

Любить васъ буду чрезвычайно.

МЕТАФОРИНЪ.

Ахъ, ради Бога! васъ прошу,
Чтобъ это не было случайно.

ЛЮБУШКА.

Всѣмъ очень трудно угодить,
Я знаю, критикъ равнодушный
Піэсу будетъ находить
И продолжительной и скучной;
Одно извѣстно только намъ,
Желаетъ авторъ чрезвычайно,
Чтобъ хоть понравилася вамъ
Жизнь Павла Дмитрича случайно.

СПИСОКЪ

АРТИСТОВЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ, ОПЕРНОЙ и БАЛЕТНОЙ ТРУППЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

I. Трагедія, драма, комедія и водевиль.

1. Михаилъ Семеновичь Щепкинъ	*Характерныя роли въ драмахъ и комедіяхъ, преимущественно въ Мольеровыхъ.*
2. Леонидъ Львовичь Леонидовъ	*Первыя роли въ трагедіи и драмѣ.*
3. Корнелій Николаевичь Полтавцевъ . . .	
4. Иванъ Васильевичь Самаринъ	*Роли драматическихъ любовниковъ.*
5. Дмитрій Тимоѳеевичь Лепскій	*Роли свѣтскихъ людей и другія характерныя.*
6. Василій Игнатьевичь Живокини	*Первыя комическія роли.*
7. Провъ Михайловичь Садовскій.	*Послѣдній преимущественно замѣчателенъ въ типахъ Русскихъ купцовъ.*
8. Петръ Гавриловичь Степановъ	*Роли Гримовъ и другія.*
9. Сергѣй Николаевичь Шумскій	*Молодыхъ повѣсъ и роли переодѣванья.*
10. Сергѣй Васильевичь Васильевъ	*Комическія роли, слугъ, простаковъ и т. д.*
11. Иванъ Ивановичь Нѣмчиновъ	*Драматическія роли, благородныхъ отцовъ, коварные характеры и другіе.*
12. Ѳедоръ Никифоровичь Усачовъ.	
13. Владиміръ Александровичь Дмитревскій.	

14. Михайло Петровичъ Соколовъ.	*Комическихъ отцовъ и полухарактерныя роли.*
15. Николай Матвѣевичъ Никифоровъ . . .	*Педантовъ, приказныхъ, деревенскихъ простаковъ и пр.*
16. Ѳедоръ Кондратьевичъ Сахаровъ. . . .	*Роли драматическія: злодѣевъ, сообщниковъ и друзей.*
17. Василій Ѳедотовичъ Соколовъ 2-й. . .	*Роли резонёровъ, благородныхъ отцовъ.*
18. Григорій Степановичъ Ольгинъ 2-й . .	*Драматическія роли и солдатъ.*
19. Николай Іоновичъ Черкасовъ	*Вторыя роли драматическихъ любовниковъ.*
20. Константинъ Петровичъ Колосовъ . . .	*Вторыя роли свѣтскихъ людей.*
21. Иванъ Егоровичъ Турчаниновъ	*Вторыя комическія роли.*
22. Николай Іоновичъ Зеленинъ.	*Различныя роли въ амплуа необходимостей.*
23. Петръ Игнатьевичъ Живокини.	
24. Сергѣй Осиповичъ Калининъ	
25. Михайло Васильевичъ Самаринъ	*Нѣкоторыя роли молодыхъ повѣсъ, любовниковъ и фатовъ.*
26. Константинъ Александровичъ Сабуровъ .	
27. Дмитрій Васильевичъ Живокини. . . .	
28. Гг. Акимовъ и Соловьевъ.	*Изъ нихъ первый режиссёръ драматической труппы, а второй, по постановкѣ водевилей.*
29.	
30. Помощникъ режиссёровъ А Пономаревъ.	

---

1. Марья Дмитріевна Львова-Синецкая . .	*Первыя роли въ трагедіи, драмѣ и комедіи.*
2. Аграфена Тимофеевна Сабурова. . . .	*Роли благородныхъ матерей и пожилыхъ женщинъ.*
3. Любовь Павловна Косицкая	*Первыя драматическія роли.*
4. Надежда Васильевна Рыкалова.	*Роли драматическія и преимущественно свѣтскихъ дамъ въ комедіи.*
5. Катерина Николаевна Васильева. . . .	*Въ томъ же амплуа, большою частью въ комедіи, и водевилѣ молодыхъ дѣвицъ и роли переодѣванья.*
6. Елена Матвѣевна Кавалерова.	*Деревенскихъ барынь, старухъ комическаго амплуа.*
7. Софья Павловна Акимова 1-я.	*Роли старухъ, прислужницъ, и особенно изъ средняго класса.*

8. Катерина Александровна Сабурова. . .	*Роли свѣтскихъ дамъ и дѣвицъ въ драмѣ комедіи и водевилѣ.*
9. Надежда Михайловна Медвѣдева. . . .	*Не сильныя, но драматическія роли молодыхъ дѣвицъ въ драмѣ и комедіи.*
10. Варвара Васильевна Бороздина 1-я. . .	*Роли наивныя, молодыхъ дѣвицъ, благороднаго тона, въ водевилѣ.*
11. Евгенія Васильевна Бороздина 2-я.	*Такія же роли и дѣвицъ средняго класса и роли переодѣванья.*
12. Марья Григорьевна Соболева 2-я.	*Тоже роли молодыхъ дѣвушекъ и амплуа переодѣванья.*
13. Надежда Николаевна Никифорова.	*Роли простодушныхъ дѣвушекъ, горничныхъ, и дочерей чиновниковъ въ водевилѣ.*
14. Серафима Ивановна Наумова 1-я. . . .	*Роли служанокъ и дѣвицъ средняго состоянія.*
15. Катерина Григорьевна Соболева 1-я. .	*Роли служанокъ и другія, не большія.*
16. Авдотья Дмитріева Нѣмчинова. .	*Роли замужнихъ женщинъ, вдовъ и другія.*
17. Татьяна Васильевна Кашина.	
18. Анна Ефимовна Божановская.	*Полухарактерныя и комическія роли.*
19. Анна Андреевна Степанова.	*Роли служанокъ, купеческихъ дочерей и пр.*
20. Ольга Васильевна Ольгина.	*Вторыя полухарактерныя роли.*
21. Дарья Николаевна Яковлева.	
22. Катерина Яковлевна Рябова.	*Не большія роли молодыхъ дѣвицъ въ драмѣ и комедіи.*

II. Опера.

1. Александръ Олимпіевичъ Бантышевъ.	*Теноръ занимаетъ первыя роли.*
2. Катерина Алексѣевна Семенова.	*(Soprano) первыя роли.*
3. Димитрій Васильевичъ Куровъ.	*Первыя басовыя партіи.*
4. Анфиса Николаевна Петрова.	*(Contre alto).*
5. Анна Сергѣевна Михайлова. . . .	
6. Павелъ Ивановичъ Бобовскій.	*2-й Басъ.*
7. Іосифъ Лазаревичъ Лазаревъ.	*Баритонъ.*
8. Степанъ Алексѣевичъ Сахаровъ.	*2-й Теноръ.*

9. Авдотья Семеновна Горбунова.	*(Mezzo soprano).*
10. Надежда Пантелѣевна Савицкая. . . .	*(Soprano).*
11. Г. Климовскій (Оглоблинъ).	*Теноры изъ класса Г. Тамброни*
12. Г. Пётровъ.	
13. Павелъ Мардарьевичъ Щепинъ.	*Режиссёръ оперной труппы.*
14. Н. Савицкій	*Помощникъ режиссёра.*

III. Балетъ.

1. Іосифъ Яковлевичъ Ришардъ	*Балетмейстеръ и старшій режиссёръ.*
2. Фредерикъ Монтасю.	*Первый танцовщикъ, солистъ.*
3. Никита Андреевичъ Пѣшковъ.	*Занимаетъ пантомимныя роли и вмѣстѣ второй режиссёръ.*
4. Сергѣй Іосифовичъ Калининъ.	*Вторыя роли пантомимнаго амплуа.*
5. Адольфъ Раттеберъ	*Комическія роли.*
6. Александръ Панфиловичъ Карасевъ. . .	*Танцовщики, солисты.*
7. Ѳедоръ Николаевичъ Манохинъ.	
8. Дмитрій Николаевичъ Кузнецовъ. . . .	
9. Ѳедоръ Андреевичъ Рейнсгаузенъ . . .	
10. Сергѣй Сергѣевичъ Здобновъ.	*Характерные танцы, казацкія и цыганскія пляски.*
11. Александръ Павловичъ Титовъ.	
12. Викторъ Андреевичъ Самаринъ.	
13. Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ 2-й. . .	
14. Александръ Ѳедоровичъ Смирновъ. . .	*Помощники режиссёра.*
15. Михайло Александровичъ Щегловъ. . . .	

Сверхъ того корифеевъ и фигурантовъ. . . . . 58.

---

1. Катерина Александровна Санковская 1-я.	*Первыя танцовщицы, солистки.*
2. Г-жа Ирка Матіасъ.	
3. Глафира Никифоровна Воронина. . . .	*Вторыя танцовщицы.*
4. Александра Александровна Санковская 2-я.	
5. Антонина Николаевна Манохина	
6. Александра Ѳедоровна Мазанова.	

7. Евгенія Васильевна Милова 2-я.	*Корифеи въ танцахъ.*
8. Марья Өедоровна Лавагина.	
9. Анна Матвѣевна Лузина.	
10. Прасковья Ивановна Баркова.	
11. Марья Ивановна Наумова 2-я.	
12. Анна Яковлевна Иванова 2-я.	
13. Марья Николаевна Панова 2-я.	
14. Наталья Алексѣевна Гусева	
15. Ирина Акимовна Цѣлибѣева.	*Танцуютъ въ дивертисментахъ русскія и другія пляски.*
16. Ольга Александровна Татаринова. . . .	
17. Маргарита Адамовна Гольтерманъ. . .	
18. Авдотья Логиновна Логинова.	
19. Корелія Николаевна Морозова.	
20. Аграфена Ивановна Шебекъ 2-я. . . .	
21. Настасья Михаиловна Богданова. . . .	
22. Аполинарія Николаевна Лаврова. . . .	

Кромѣ танцовщицъ, всѣхъ корифеевъ и фигуристокъ. . . . . 60.

Инспекторъ музыки и главный капельмейстеръ.	Иванъ Ивановичъ Іоганнсъ.
Его помощникъ и учитель хоровъ	Сергѣй Ивановичъ Штудманъ.
Дирижоры балетовъ.	Дмитрій Панфиловичъ Карасевъ. Павелъ Николаевичъ Лузинъ.
Дирижоръ водевилей.	Алексѣй Феклистовичъ Колосовъ.

Воспитанницъ въ школѣ. . . . . 25.

Экстерновъ:

Дѣвицъ. . . . . 101.

Мальчиковъ. 75.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1. Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи, *П. Н. Арапова* I
2. Снимки (Facsimile) съ отмѣтокъ Императрицы Екатерины II и куплеты, (приложеніе). . . . XCIV
3. Оригинальная комедія: ВѢСТИ ИЛИ УБИТЫЙ ЖИВОЙ, соч. Графа *Ѳ. В. Растопчина.* 1
4. Біографія Артистки *М. Д. Львовой-Семецкой* 47
5. Отрывки изъ ком. въ стихахъ НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ, *И. В. Сушкова* 53
6. Біографія Автора-Артиста *Д. Т. Ленскаго* 79
7. Анекдотъ Водевиль: ЖИВОПИСЕЦЪ ТЕНЬЕРЪ, *Н. В. Сушкова и П. А. Карсакова* . . 83
8. Біографія Артиста *П. М. Садовскаго* 122
9. — — Артистки *Н. В. Рыкаловой* 126
10. О Драматическомъ искусствѣ въ Россіи и средствахъ къ образованію Артистовъ, *Раф. Мих. Зотова* 127
11. Біографія артиста *Н. В. Самарина* 149
12. Комедія въ стихахъ: МАЛЬТІЙСКІЙ КАВАЛЕРЪ, *М. А. Офросимова* 153
13. Біографія артистки *Л. П. Косицкой* 211
14. Отрывокъ изъ драм. въ Стихахъ: СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА, Гр. *А. П. Растопчиной* 214
15. Біографія артистки *П. И. Орловой* 222
16. Сцена изъ драматич. фантазіи въ стихахъ: ЕКАТЕРИНА II, *Влад. Раф. Зотова* 225
17. Біографія артистки *Лавровой-Васильевой* 230
18. Біографія артистки танцовщицы: *Ирки Матіасъ* 232
19. Комедія съ куплетами: КВАРТИРА ВЪ МОСКОВСКОЙ ГОСТИННИЦѢ, перед. *П. Н. Арановымъ* 233
20. Списокъ артистовъ Московскихъ драматической, оперной и балетной труппы 268

ПОРТРЕТЫ:

1. Ѳ. Г. Волкова, 2. Якова Шумскаго, 3. И. А. Дмитревскаго, 4. С. Н. Сандунова, 5. М. С. Щепкина, 6. М. Д. Львовой-Синецкой, 7. А. Т. Сабуровой, 8. В. И. Живокини, 9. Д. Т. Ленскаго, 10. П. Н. Орловой, 11. П. М. Садовскаго, 12. Н. В. Самарина, 13. Н. В. Рыкаловой, 14. Л. П. Косицкой, 15. К. Н. Лавровой-Васильевой, 16. Артистки-танцовщицы Ирки-Матіасъ, 17. А. Н. Глушковскаго; двѣ группы возникающихъ талантовъ: 18. 19. Бороздины 1-я и 2-я, 20 и 21. корифеи въ танцахъ: Г-жи Баркова и Панова.

Снимки съ рукописей: Кн. А. А. Шаховскаго, актеровъ Яковлева и Мочалова и три печатныя афиши 1786, 1788 и 1807 годовъ.

Многоуважаемый мой государь

Степан Петрович!

Мне очень нужда
с Вами поговорить. Но теперь
ожидая Вас сего часа дело =
тяжкое быть в нашем немощи.
— Пожалуйте уделить
мне, в котором часу
после обеда я могу
побывать у Вас
Ваш
Покорный слуга
А. Яковлев

24 Июля
1814 г.

Отличному Катеринину

от Жадаресу

Ты, друг бывший мой сосед,
Молодой, но уже старый,
На меланхолии обед
Направить свой ум хотел;
Чтобы бы сотворить подарок
И бы, Катерину потрафить,
И дабы тебя ум бодрый
Мог на все бы годен быть,
Работами бы занимал,
И на Парнасе учинил
Волшебницу [illegible]
Не в лес: дружество твое
Обетованный [illegible].

Г. Катерину Отцу, а въ роль доге-
ри ему Дуньку, въ первый разъ въ-
-веду на сцену молодой Катерину.
Начала я свои дѣйствія въ 1817. году.
Сентября 4. дня. въ роль Покинаки,
на Эдипа въ то время сцена играла
извѣстный актеръ Петръ Родіоновичъ Ко-
-ваковъ, товарищъ моего отца. —

Списано рукою покойнаго М. С. Щепкина.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ *ПЕТРОВСКАГО* ТЕАТРА.

СПЕКТАКЛЬ № 41.

Сего 1786 года, Апрѣля 27 дня, то есть въ Понедѣльникъ, представлена будетъ новая Драмма которая на здѣшнемъ Театрѣ, никогда еще не была играна называемая: *ТИТОВО МИЛОСЕРДІЕ*, въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами пѣвчихъ, съ новою дикораціею и новымъ платьемъ.

Дѣйствующія лица:

ТИТЪ, Императоръ Римскій, г. *Лапинъ*.
СЕКСТЪ, другъ ево, Консулъ Римскій, г. *Сахаровъ*.
ВИТЕЛЛІЯ, дочь Императора, тогожъ имени, любовница Секстова, гжа *М. Синяпская*.
СЕРВИЛІЯ, Секстова сестра, любовница Анніева, гжа. *У. Синяпская*.
АННІЙ, г. *Украсовъ*, } Сенаторы Римскія.
ПУБЛІЙ, г. *Померанцевъ*, } Сенаторы Римскія.
ЛЕНТУЛЪ, Римлянинъ, г. *Синяпинъ*.
Сенаторы.
Ликторы.
Преторы.
Народъ.

По окончаніи перваго дѣйствія представленъ будетъ новой Балетъ, также и по окончаніи всей Драммы, другой новой Балетъ.

Начало будетъ въ 6 часовъ по полудни.
За входъ въ партеры по 1 рублю.
Въ первою галлерѣю по 50 копѣекъ.
Во вторую по 25 копѣекъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ *ПЕТРОВСКАГО* ТЕАТРА.

СПЕКТАКЛЬ № 36.

Сего 1788 года, Февраля 24 дня, то есть въ Четвертокъ, представлена будетъ большая Комедія, называемая: *ХВАСТУНЪ*, въ 5 дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

ВЕРХОЛЕТЪ, Хвастунъ, г. *Лалинъ*.
ПОЛИСТЪ, слуга его, г. *Волковъ*.
ПРОСТОДУМЪ, сельской Дворянинъ, пріѣхавшей изъ деревни, г. *Померанцевъ*.
ЧВАНКИНА, новопріѣжая изъ деревни, богатая Дворянка, гжа *А. Синявская*.
МИЛЕНА, дочь ея, гжа. *У. Синявская*.
МАРИНА, служанка Чванкина, гжа *Померанцева*
ЧЕСТОНЪ, Совѣтникъ изъ намѣстничества, г. *Залышкинъ*.
ЗАМИРЪ, сынъ его, влюбленной въ Милену, г. *Украсовъ*.
ПОРТНОЙ, г. *Ожогинъ*.
ПРИКАЩИКЪ купца Вифантьича, г. *Вишневской*
БЛАГОЧИННОЙ, г. *Угрюмовъ*.

А послѣ оной представлена будетъ малая Опера: ***ЧЕРЕВИКИ***.

Дѣйствующія лица:

ФИЛАТЪ, г. *Ожогинъ*.
МАТРОНА, гжа. *Померанцева*.
АНЮТА, гжа. *Дебрильюнова*.
ИВАНЪ, г. *Волковъ*.

Начало будетъ въ 6 часовъ по полудни.
За входъ въ партеры по 1 рублю
Въ первую галлерѣю по 50 копѣекъ
Во вторую по 25 копѣекъ.

1807 года.

Въ Четвертокъ, Генваря 3го дня, ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами представлена будетъ въ первой разъ:

КОЗАЧІЙ ОФИЦЕРЪ.

Новая Комедія въ одномъ дѣйствіи; взятая изъ анекдота случившагося въ царствованіе ПЕТРА ВЕЛИКАГО при взятьѣ Полтавы, переведена съ французскаго, Г. Ивановымъ.

Дѣйствующіе:

Федоръ козачій Офицеръ 20 ти лѣтъ, г. *Украсовъ*. Резиковъ, Генералъ-Маіоръ 60 лѣтъ, г. *Колпаковъ*. Михайлычь, старой Урядникъ 70 лѣтъ, г. *Коняевъ*. Надежа, воспитанница Резикова, 18 лѣтъ, дѣв. *О. Лобанова*. Императорскій Генералъ-Адьютантъ, г. *Мочаловъ*. Сержантъ гвардіи, г. *Романовъ*. Штабъ-и Оберъ-Офицеры разныхъ корпусовъ. Отрядъ пѣхоты.

Дѣйствіе происходитъ въ 75 верстахъ отъ Полтавы, въ крѣпости, въ домѣ Коменданта Резикова.

За оною послѣдуетъ въ первый разъ.

МОДНИКЪ.

Новая оригинальная комедія въ 5 ти дѣйствіяхъ; соч. Г. Сумарокова.

Дѣйствующіе:

Евменій, Московской Господинъ, г. *Плавильщиковъ*. Калистъ, сынъ его, г. *Украсовъ*. Иванъ или Лафлёръ, камердинеръ Калиста, г. *Сандуновъ*. Валерій, молодой модникъ, Московской, г. *Орловъ*. Эрастъ, деревенской Господинъ, г. *Колпаковъ*. Олимпіада, дочь Эраста, гжа *Борисова*. Марина, служанка ея, гжа *Кураева*. Модестъ, служащій Полковникъ и прежній женихъ Олимпіады, г. *Мочаловъ*. Глафира, сестра Модеста, кузина Калиста, гжа *Воробьева*. Копѣйкинъ, Петербургской купецъ, г. *Коняевъ*. Первой, купецъ Московской, г. *Фрыгинъ*. Второй купецъ Московской, г. *Муромцевъ*. Полицейской Офицеръ, г. *Медвѣдевъ*.

Сей спектакль въ пользу актера Гна Украсова; которой ласкаетъ себя надеждою, что почтеннейшая Публика удостоитъ оный благосклоннымъ своимъ присудствіемъ.

Начало въ 6 часовъ по полудни.

Цѣна за входъ:

Въ 1мъ этажѣ ложа	10 руб.	Въ партеръ	1 руб.
Подъ первымъ этажемъ	10 руб.	Въ среднюю галлерею	75 коп.
Во 2мъ этажѣ —	8 руб.	Въ боковыя —	50 коп.
Въ креслы —	2 руб.		

Билеты на ложи и креслы могутъ получать въ Театральной Конторѣ.